P. o. russ.
21
e-8

P. o. russ. Grigorovič
21^e
(8

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

сочиненій

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

въ 12 томахъ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

VIII.

48 драг. Украинскій полкъ
№ 101
24. ЯНВ. 1908
БИБЛІОТЕКА.

…здражи-
…само-

СКУЧНЫЕ ЛЮДИ.

(ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

I.

Вступленіе.

Что̀ такое скучный человѣкъ?.. Нѣтъ вопроса, повидимому, на который такъ легко было бы отвѣтить, не правда ли? Я самъ прежде такъ думалъ, теперь думаю иначе.

Вѣрное, точное опредѣленіе того, что̀ вообще называютъ „скучный человѣкъ", встрѣчаетъ безчисленное множество затрудненій; рѣшеніе такого вопроса считаю я трудностію невѣроятною! мало того: считаю почти невозможнымъ! Безъ всякаго сомнѣнія, многіе съ этимъ не согласятся. „Вотъ хорошо! воскликнутъ они (и по бо̀льшей части, повѣрьте, и я докажу это впослѣдствіи, то будутъ люди страшно легкомысленные!)—вотъ хорошо! Помилуйте, мы тотчасъ же готовы насчитать вамъ, изъ числа нашихъ знакомыхъ, дюжину такихъ, которые представляютъ не только образчикъ, но идеалъ, типъ—совершеннѣйшій типъ скучныхъ людей!.." Превосходно. Не спорю. Съ своей стороны, я также готовъ выставить на ваше вниманіе дюжину, и даже болѣе, моихъ знакомыхъ, которые, ручаюсь головою, ничѣмъ не уступятъ вашимъ. Но дѣйствуя такимъ образомъ, мы все-таки, смѣю сказать, ровно ничего не докажемъ. Именно такъ. Почемъ знать: люди, которыхъ называете вы „скучными", покажутся мнѣ, можетъ-быть, вовсе не такими. И наоборотъ: мои знакомые займутъ въ вашемъ мнѣніи мѣсто самыхъ милыхъ, любезныхъ и занимательныхъ особъ...

, что̀ въ одномъ возбуждаетъ скуку, доходящую до нервнаго раздраженія, другому доставляетъ веселость, располагаетъ ко вниманію его нервы, служитъ источникомъ сладчайшихъ радостей и высочайшихъ наслажденій.

Положимъ, вы спеціалистъ по какой-нибудь части (я ничего не знаю, я только предполагаю); вы избрали предметомъ исторію давно перемѣшавшихся и исчезнувшихъ племенъ; вы занимаетесь агрономіею, астрономіею, пчеловодствомъ и проч., и проч. Положимъ, вашъ покорнѣйшій слуга ровнехонько ничего не смыслитъ въ этихъ предметахъ, онъ круглый невѣжда въ дѣлѣ исторіи, агрономіи, астрономіи и проч.; но любитъ онъ, напримѣръ, картины и посвящаетъ время свое на изученіе изящныхъ искусствъ. Что жъ мудренаго, если оба мы не найдемъ большого наслажденія, бесѣдуя другъ съ другомъ? Я буду скучнѣйшимъ человѣкомъ въ глазахъ вашихъ; но, съ другой стороны, прошу я васъ также не брать за чистую монету моихъ улыбокъ и вниманія: то и другое можетъ служить прикрытіемъ жесточайшей скуки, которую испытываю я, выслушивая повѣствованія объ исчезнувшихъ племенахъ, небесныхъ свѣтилахъ и новѣйшихъ способахъ разведенія кормового гороха. Является между нами третье лицо; въ глазахъ его оба мы дѣлаемся людьми очень занимательными, каждый въ своемъ родѣ, разумѣется.

Теперь другое предположеніе: вы человѣкъ положительный, спокойный, установившійся. Внѣ тихаго семейнаго круга нигдѣ не находите вы удовольствій. Вы встрѣчаетесь съ человѣкомъ молодымъ, не успѣвшимъ еще остепениться, или такимъ, который уже по природѣ своей не слишкомъ расположенъ къ семейному очагу. Легко можетъ статься, что каждый изъ васъ, поговоривъ другъ съ другомъ, обратится къ третьему лицу и, пожимая плечами, шепнетъ ему на ухо: „Фу, Боже мой, что̀ это за скучный человѣкъ!“ А между тѣмъ, оба вы, по приговору общаго мнѣнія, вовсе не заслуживаете такого названія.

Ясно слѣдуетъ изъ этого, какъ дважды два — четыре ясно, что въ вопросѣ о скучныхъ людяхъ необходимо принимать въ соображеніе не только способности, познанія и вообще бо̀льшую или меньшую степень умственной занимательности, но также характеръ, наклонности, стремленія, вкусы,—словомъ, нравственную природу человѣка.

Возьмемъ примѣръ, Г*** обогатилъ свой умъ драгоцѣнными познаніями; Г*** чудо, фениксъ учености. Но развѣ

Г*** не можетъ быть въ то же время крайне раздражительнымъ, желчнымъ, завистливымъ, обидчивымъ, самолюбивымъ? Вы не просидите съ нимъ десяти минутъ, несмотря на всю его ученость; онъ надоѣстъ вамъ хуже горькой рѣдьки, какъ говорится. И наоборотъ: не только не чувствуете вы скуки и тягости, но охотно даже предлагаете комнату въ вашей квартирѣ, или мѣсто въ вашемъ экипажѣ на поѣздку въ чужіе края, круглому невѣждѣ, но веселому, безъ претензій, уживчивому, исполненному скромности и терпимости.

Изъ всего сказаннаго нами истекаетъ сама собою слѣдующая аксіома:

Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть весьма скучнымъ для одного и въ то же время очень занимательнымъ для другого. Примѣръ:

Я зналъ господина, одинъ видъ котораго производилъ на всѣхъ усыпляющее дѣйствіе. При появленіи его въ гостиную (такъ всѣ говорили, и я ручаюсь за достовѣрность факта), свѣчи и лампы начинали тухнуть; дѣти принимались тереть глаза и склоняли голову на плечи нянекъ и родителей; взрослые вытягивали ноги, скрещивали руки на груди, стараясь приладиться въ мягкіе углы дивановъ; уныніе, изображавшееся на лицахъ присутствующихъ, было поистинѣ комично; словомъ, все засыпало; засыпала, казалось, неугомонная левретка на колѣняхъ хозяйки дома. И что жъ бы вы думали? Въ другомъ домѣ, находившемся даже недалеко отъ перваго, этотъ опіумный господинъ (такъ звали его въ первой гостиной) производилъ совершенно противоположное дѣйствіе; лысина его имѣла свойство проливать самый яркій свѣтъ; при появленіи его, одинъ видъ лысины пробуждалъ уже въ сердцахъ присутствующихъ сладчайшее трепетаніе; самое молчаніе его находило восторженныхъ истолкователей. Какъ теперь помню, онъ является, садится въ кресло и, по обыкновенію своему, погружается въ молчаніе. Взоры присутствующихъ умиленно останавливаются на лысинѣ; лица выражаютъ благоговѣйное ожиданіе. Молчаніе продолжается довольно долго; никто не смѣетъ прервать его. Внезапно какой-то молодой человѣкъ вскакиваетъ съ мѣста, обращается къ присутствующимъ и, указывая на опіумнаго господина, восклицаетъ съ восторгомъ: „Взгляните! взгляните... или вы не замѣчаете?.. Взгляните, какое цицероновское молчаніе!..“ И такъ, въ одномъ домѣ

опіумный господинъ погружаетъ всѣхъ въ сонъ; въ другомъ—самое молчаніе его вызываетъ восторженныя рукоплесканія. Откроетъ ли онъ ротъ, хоть бы даже для того, чтобы чихнуть или кашлянуть, присутствующіе нетерпѣливо моргаютъ глазами, толкаютъ другъ друга локтемъ, и со всѣхъ сторонъ слышится уже шопотъ: „Сейчасъ заговоритъ!.. сейчасъ говорить будетъ!..“ Когда заговоритъ онъ (и это совершенно все равно: скажетъ ли самую обыкновенную вещь, или даже попросту ляпнетъ),—всѣ переполняются неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, поднимаются съ мѣстъ и со слезами на глазахъ кидаются жать ему руку.

Примѣръ этотъ приведенъ здѣсь отчасти въ доказательство, что на всемъ свѣтѣ не сыскать существа, которое было бы такъ „безусловно относительно“, какъ скучный человѣкъ. Не угодно ли послѣ того дѣлать на его счетъ какіе бы то ни было выводы и опредѣленія; не угодно ли пріискать ему существенную положительную форму? По моему мнѣнію Б*—орелъ; по вашему, тотъ же Б*—индюкъ; вы стоите за свои убѣжденія, я за свои; кто изъ насъ правъ, кто виноватъ? Намъ могутъ вѣрить и не вѣрить. Вопросъ остается нерѣшеннымъ.

Напрасно станете вы приводить въ подтвержденіе словъ вашихъ наружные признаки, отличающіе человѣка, которому дѣлаете репутацію скучнаго. Начать съ того, что скучные люди не отличаются никакими внѣшними знаками отъ другихъ людей; одно изъ главныхъ преимуществъ скучныхъ людей заключается въ томъ именно, что они такъ же разительно похожи другъ на друга, какъ и на остальныхъ смертныхъ. Наконецъ, вытянутая физіономія, унылый взглядъ, вялая, сонливая рѣчь, тоскливое выраженіе лица, опять-таки ровно ничего не доказываютъ: у самаго веселаго, милаго, занимательнаго человѣка встрѣчаются минуты тоски и грусти; онъ дѣлается тогда самъ на себя не похожимъ. Онъ, слѣдовательно, не скученъ, а только скучаетъ — это разница. Встрѣчаются люди характера до такой степени впечатлительнаго, подвижного, перемѣнчиваго, что сегодня, напримѣръ, они хорошо настроены: они веселы, любезны, занимательны, блестящи даже; завтра они, ни съ того, ни съ сего, хмурятъ лицо, смотрятъ на все и на всѣхъ потухшими глазами; слова отъ нихъ не добьешься! Несправедливо было бы дѣлать заключеніе о такомъ человѣкѣ, не зная его основательно. Вамъ посчастливилось встрѣтить его въ первый день, мнѣ

во второй; каждый изъ насъ выводитъ о немъ свое мнѣніе, и каждый ошибается, по мнѣнію другъ друга.

Необходимо также взять въ соображеніе такіе оттѣнки: Очень часто, не тотъ скученъ, *кто кажется скучнымъ*, но тотъ, *кому такъ кажется*. Называя человѣка скучнымъ, сами мы можемъ носить въ себѣ скуку, въ которой обвиняемъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, не часто ли также поступаемъ мы противъ собственныхъ убѣжденій и даже совѣсти? Вы сдѣлали дурной поступокъ (опять предложеніе, разумѣется); при этомъ былъ свидѣтель. Виноватъ ли онъ, скажите на милость, если въ его обществѣ будете вы чувствовать невыносимую скуку? Человѣкъ сдѣлалъ вамъ одолженіе: далъ вамъ взаймы денегъ, сшилъ вамъ въ долгъ пальто, панталоны и проч.; виноватъ ли онъ въ томъ, что наводитъ на васъ скуку не только во время бесѣды, но даже при встрѣчахъ на улицѣ?—Ничуть не бывало! вы виноваты, вовсе не онъ.

Всѣ эти размышленія приводятъ насъ къ первымъ строкамъ, которыми начали мы наше изслѣдованіе. Легко, кажется, убѣдиться теперь, какъ трудно сдѣлать вѣрное, точное опредѣленіе скучному человѣку.

Существуютъ, конечно, счастливыя личности, которыя рельефно выдаются изъ общаго неопредѣленнаго тона, которыхъ всѣ, въ одинъ голосъ, цѣлымъ обществомъ, признаютъ за скучныхъ: „Фу! Боже мой, что̀ это за скучный человѣкъ!“—„Боже мой, что̀ это за скучная дама!“ скажетъ кто-нибудь, и всѣ тотчасъ же единодушно соглашаются. Но опять-таки, даже и въ этомъ случаѣ, нѣтъ возможности уяснить типа! Господинъ, котораго всѣ называютъ скучнымъ, можетъ быть женатымъ; его жена и множество родственниковъ рѣшительно собьютъ васъ съ толку: въ глазахъ ихъ, онъ образецъ любезности и занимательности. Общее мнѣніе встрѣчаетъ сильное опроверженіе и слѣдовательно перестаетъ быть общимъ; скучный человѣкъ остается, попрежнему, существомъ относительнымъ и дьявольски-неуловимымъ. Одинъ скученъ по прошествіи часа, третій—только на вторыя сутки и т. д. Тотъ скученъ оттого, что много говоритъ и черезчуръ веселъ; другой—потому, что слова отъ него не добьешься, и проч. и проч.

Какъ видите, все дѣло здѣсь въ оттѣнкахъ, тонкихъ отношеніяхъ и почти неуловимыхъ подробностяхъ. Вообще говоря, скучныхъ людей (безъ различія половъ) можно

раздѣлить на двѣ главныя категоріи: на *веселыхъ* и *унылыхъ*.

Начнемъ съ первыхъ.

II.

Весельчаки.

Веселость, конечно, отличное свойство, никто въ этомъ не сомнѣвается. При всемъ томъ, можно ручаться чѣмъ угодно, что поговорка: „Хорошаго понемножку" вырвалась въ первый разъ (вырвалась даже съ сердцемъ, я увѣренъ) у человѣка, которому случилось провести цѣлый день съ весельчакомъ. Дѣло въ томъ, что весельчаки, съ которыми не скучно, почти такъ же рѣдки, какъ бѣлыя вороны, черные тюльпаны, настоящіе альбиносы и прочія исключительныя явленія природы.

Веселость, всегда готовая поддержать себя, постоянно забавная, разнообразная и занимательная, занимательная въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ,—разумѣется, такая веселость заставляетъ предполагать въ человѣкѣ умъ, наблюдательность, изобрѣтательность; все это представляетъ уже нѣкоторымъ образомъ соединеніе природныхъ дарованій, и можетъ только принадлежать человѣку далеко не дюжинному; такіе люди не попадаются сплошь и рядомъ.

Но даже и при такихъ счастливыхъ условіяхъ, роль весельчака очень трудная роль. Что сказать, напримѣръ, о господинѣ, который постоянно смѣется и никогда не останавливается? Начать съ того, что такой господинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершенно умнымъ; не можетъ онъ также имѣть тѣхъ добрыхъ качествъ, душевныхъ качествъ, которыя извиняютъ недостатокъ умственныхъ способностей; это ясно: чтобы постоянно сохранять веселость, нужно, прежде всего, быть довольнымъ собою и своимъ положеніемъ (что показываетъ уже нѣкоторую ограниченность природы); но что всего важнѣе— необходимо чувствовать глубокое равнодушіе къ положенію ближнихъ: всѣ весельчаки страшные эгоисты, это фактъ. Иначе даже быть не можетъ. Эгоизмъ безъ приправы ума и тонкаго такта тотчасъ же бросается всѣмъ въ глаза и дѣйствуетъ на всѣхъ какъ-то оскорбительно; потому-то, вѣроятно, не было еще примѣра, чтобы весельчакъ пробуждалъ въ комъ-нибудь серьезное чувство, сердечное теплое сочувствіе, и внушалъ къ себѣ уваженіе. Вообще говоря, роль весельчака—незавидная роль.

Веселость принимаетъ самые разнообразные характеры и является въ безчисленномъ множествѣ видовъ; нѣтъ возможности указать прямого ея источника. Особенный складъ ума и самое отчаянное тупоуміе порождаютъ ее въ равной степени; бываетъ она также *врожденная* и *прививная*, то-есть *естественная* и *натянутая*. Послѣдній видъ веселости чуть ли не самый скучный.

Г* смутно сознаетъ свое ничтожество и жестоко имъ терзается: другой на его мѣстѣ, при той же ограниченности ума, постарался бы примириться съ своимъ положеніемъ; но Г* гложетъ червь самолюбія! онъ хочетъ блистать, хочетъ, во что бы ни стало, быть замѣтнымъ. Преслѣдуя свою мысль, Г* прикидывается весельчакомъ; онъ напрягаетъ послѣднія силы своихъ способностей, чтобы превращать все въ смѣхъ и смѣшное, разсказываетъ анекдоты, остритъ, каламбуритъ; все это, конечно, выходитъ изъ рукъ вонъ плохо, потому что хорошо только то, что натурально. Но Г* постепенно втягивается въ свою роль и дѣйствительно дѣлается замѣтнымъ: всѣ знаютъ его за скучнѣйшаго человѣка, который когда-либо являлся на свѣтѣ.

Между весельчаками, самые лучшіе все-таки тѣ, которые естественны; мнѣніе это простирается даже на тѣхъ, у которыхъ веселость проистекаетъ чисто отъ глупости. Къ такому разряду принадлежатъ смертные, которые веселы безъ причины и смѣются безъ всякаго повода. Если хотите, это также веселость самодовольная, но зато преисполненная добродушія, вся сіяющая отъ головы до ногъ, и, главное, тоже безвредная. Мичманъ Пѣтуховъ, о которомъ говоритъ лейтенантъ Жевакинъ въ „Женитьбѣ“ Гоголя: „...былъ у насъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Иванычъ; тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ палецъ, вдругъ засмѣется, ей-Богу! и до самаго вечера все смѣется!...“—мичманъ Пѣтуховъ служитъ образцомъ въ этомъ случаѣ. Такихъ весельчаковъ принято называть *блаженными*.

Вы идете по улицѣ; внезапно слухъ вашъ поражается хохотомъ, и васъ называютъ по имени. Вы оборачиваетесь и видите радостно блистающую физіономію господина, который заливается во всю мочь, машетъ вамъ руками и прибавляетъ шагу. Вы останавливаетесь, думая, что спѣшитъ онъ сообщить интересную новость. Подбѣжавъ къ вамъ, сіяющій господинъ надрывается сильнѣе прежняго;

вы ждете, и наконецъ спрашиваете: „Что съ тобою?“— Ахъ, дайте духъ перевести! Ха, ха, ха!... Ахъ, Боже мой! Ха, ха!...—„Но что же случилось?“ спрашиваете вы, теряя терпѣніе.—Ничего не случилось... Ха, ха, ха... уфъ! насилу догналъ тебя... Ха, ха... Летитъ-себѣ какъ птица, какъ птица... (Тутъ схватываетъ онъ себя за бока и прислоняется къ фонарю, чтобы не упасть наземь.) Ты куда идешь?—заключаетъ онъ наконецъ, блуждая глазами, налившимися кровію отъ натуги.

Послѣдній вопросъ мгновенно объясняетъ дѣло: ни вы ему не нужны, ни онъ вамъ; вы просто встрѣтили *блаженнаго*. Чтобы избавиться такихъ встрѣчъ, не совѣтую бросаться въ магазинъ или въ ближайшій переулокъ; если весельчакъ изъ числа самолюбивыхъ, онъ никогда не проститъ вамъ такой продѣлки; вы нажили тогда врага, который постарается насолить вамъ. Что-жъ касается до блаженнаго, продѣлка ваша безполезна: онъ ворвется въ магазинъ и отыщетъ васъ въ переулкѣ.

Вы спокойно сидите дома, бесѣдуя съ пріятелями, или, просто, сидите потому, что гулять не хочется. Внезапно въ кабинетъ врывается N*: „Что ты здѣсь дѣлаешь?“ кричитъ онъ, смѣясь въ то же время лошадинымъ какимъ-то смѣхомъ:—„ну, не грѣшно ли сидѣть дома въ такую погоду, а? не грѣшно ли, спрашиваю я?... Это выходитъ, просто, нелѣпость, именно нелѣпость! Ха! ха! ха! Я нарочно пришелъ за тобою; одѣвайся!“—Я не хочу!... говорите вы.—„Какъ не хочешь? что за вздоръ! Ну, одѣвайся же; полно врать; одѣвайся!...“—Ей-Богу, не хочу итти...—„Ну, вотъ поди-жъ ты! толкуй съ нимъ послѣ этого! Все это одна лѣность; и наконецъ у тебя геморрой, это всѣмъ извѣстно, тебѣ даже вредно сидѣть... Эй, Иванъ! Петръ! Сидоръ! давайте барину пальто, шляпу, перчатки!...“—Повторяю тебѣ, я не хочу гулять.—„Ты не шутишь?“—Нисколько!—„Господа! восклицаетъ весельчакъ, обводя моргающими глазами присутствующихъ,—что его слушать! тащите его съ дивана! Хватайте его... вотъ такъ! за ноги, за руки... нахлобучивайте ему шляпу!...“ Васъ начинаютъ мять, тормошить, тискать; вы отбиваетесь изо всѣхъ силъ, наконецъ сердитесь. Весельчакъ также горячится; онъ оретъ во все горло, стучитъ по столу, называетъ васъ рохлей, фетюкомъ, лежебокомъ, устрицей, и тогда только успокоивается, когда видитъ, что дѣло не шутя можетъ принять серьезный характеръ.

Впрочемъ, когда блаженный достигаетъ такой смѣлости, онъ переходитъ уже въ другой разрядъ; его называютъ тогда „веселымъ наглецомъ, малымъ съ надежной внутренней опорой или малымъ безъ застѣнчивости“. Ноздревъ былъ именно такимъ малымъ; всякому извѣстно, что Ноздревъ былъ господинъ также веселаго нрава.

Узнавъ васъ на улицѣ, или, все равно, гдѣ бы то ни было, весельчакъ-наглецъ считаетъ самою обыкновенною вещью подобраться къ вамъ сзади, зажмурить вамъ глаза обѣими ладонями и потребовать, чтобы вы непремѣнно догадались, кто стоитъ за вашей спиною. Все ради той же шутки, онъ нахлобучиваетъ вамъ шляпу на глаза, ни съ того, ни съ сего хлопаетъ васъ по животу, ставитъ вамъ подножки, отдергиваетъ стулъ, на который вы готовитесь сѣсть, и т. д. Самые невинные изъ нихъ тѣ, которые говорятъ вамъ „ты“ послѣ перваго знакомства и величаютъ васъ „генераломъ, полковникомъ и капитаномъ“, когда не думали вы даже служить въ военной службѣ.

Вы воспитывались въ публичномъ заведенiи; у васъ было тогда множество товарищей; но этому прошло безъ малаго двадцать лѣтъ, и вы перезабыли бо̀льшую часть изъ нихъ. Неожиданно, подъ самымъ вашимъ носомъ, раздается дребезжащій хохотъ, тяжелая ладонь шлепаетъ васъ по спинѣ, и совсѣмъ незнакомый человѣкъ вскрикиваетъ: „Ахъ ты, чортъ тебя возьми! совсѣмъ было не узналъ!.. Ха! ха! ха!.. Экъ какимъ чортомъ разнесло его!“ — Милостивый государь... бормочете вы въ недоумѣніи. — „Какъ, развѣ ты не знаешь меня?.. Неужто? Врешь?.. Я Желваковъ-то! Желваковъ! Петя Желваковъ. Ха, ха, ха!.. Неужто не помнишь?..“ Вы вспоминаете, что дѣйствительно былъ съ вами въ школѣ какой-то Желваковъ, но и тогда еще, помнится, не существовало между вами особенной дружбы. Вы тонко стараетесь внушить ему эту мысль; но Желваковъ ничего не слушаетъ; онъ бьетъ васъ по плечу, вертитъ во всѣ стороны, осыпаетъ глупѣйшими вопросами, припоминаетъ учителей, сторожа, носъ начальника,—словомъ, такія вещи, которыя тогда еще наводили на васъ нестерпимую скуку.

Къ той же категоріи причисляются всѣ роды „фарсёровъ“, людей, которые внезапно останавливаютъ васъ и говорятъ:

— Что съ тобою?

— Ничего...

— Быть не можетъ!..

— А что?..

— Помилуй, ты блѣденъ, какъ полотно!.. Ты самъ на себя не похожъ!

Вами овладѣваетъ безпокойство; но фарсёръ сохраняетъ всю свою серьезность и продолжаетъ увѣрять, что вы больны, что лицо ваше обращаетъ на себя всеобщее вниманіе... Онъ доволенъ тогда только, когда лицо ваше дѣйствительно блѣднѣетъ отъ смущенія и внутренней тревоги. Фарсёръ умышленно толкаетъ васъ на улицѣ, и говоритъ, прикидываясь раздраженнымъ:

— Милостивый государь, нельзя ли быть осторожнѣе? Что это какъ вы толкаетесь!..

Или подходитъ къ вамъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Вы не знаете новость?.. очень печальная новость...

— Что такое?

— Вы, кажется, хорошо знакомы съ Б***?

— Да... А что, развѣ что случилось?

— Да: жена его умираетъ...

Вы бѣжите къ Б***, спрашиваете; на васъ смотрятъ, какъ на помѣшаннаго, и не понимаютъ, что̀ вы хотите сказать. Жена Б*** не думаетъ даже быть больною. И т. д.

Къ разряду наглецовъ принадлежатъ также лица, которыя, не бывъ съ вами знакомы, стараются заговаривать на гуляньяхъ, въ театрѣ, въ публичной каретѣ. Типъ фразы, съ какой обыкновенно подступаютъ они, слѣдующій:

— Извините, милостивый государь, но, кажется, я уже имѣлъ удовольствіе *гдѣ-то* васъ видѣть?..

Затѣмъ, безостановочно слѣдуютъ самые безцеремонные разспросы о вашей службѣ, лѣтахъ, состояніи и проч. Вы ѣдете въ вагонѣ желѣзной дороги; сосѣдъ спрашиваетъ у васъ огня; вы извиняетесь, говорите, что не взяли съ собою спичекъ. При этомъ, въ сторонѣ раздается хриплый смѣхъ, высовывается лицо съ нагло-мигающими глазами, и самодовольный голосъ произноситъ: „Какъ же вы такой молодой человѣкъ, и у васъ нѣтъ огня!..“ Смѣло бейтесь объ закладъ, что это наглецъ перваго разбора!

Несправедливо было бы, однакожъ, называть такимъ именемъ всѣхъ незнакомыхъ лицъ, которыя пристаютъ и заговариваютъ. Возьмите въ соображеніе, что душа не-

вольно иногда настраивается къ сообщительности; въ такомъ расположенiи самое робкое, скромное существо не утерпитъ, чтобы не взглянуть искоса на сосѣда и не сказать ему: „Ужасъ какъ холодно... какой рѣзкiй вѣтеръ!..“ Такой господинъ можетъ оказаться иногда очень прiятнымъ собесѣдникомъ.

Совсѣмъ иное дѣло лица, у которыхъ сообщительность является главною, постоянною потребностью, которыми, при видѣ незнакомаго человѣка, тотчасъ же овладѣваетъ безпокойство и мучительное, неодолимое желанiе вступить въ объясненiе, войти въ дружбу и раскрыть свои мысли и чувства. Сообщительность, достигающая степени зуда и чесотки, принимаетъ обыкновенно самую мягкую, нѣжную, любезную форму; особы, одержимыя этимъ зудомъ, становятся тѣмъ скучнѣе и несноснѣе, чѣмъ больше выказываютъ любезности въ обращенiи съ вами. Въ семействѣ скучныхъ людей они извѣстны подъ именемъ „любезниковъ“.

Хуже всего то въ любезникѣ, что вы рѣшительно противъ него обезоружены. Вы терпите въ его обществѣ невыносимую пытку, чувствуете, что ставитъ онъ васъ поминутно въ глупое, фальшивое положенiе, и, при всемъ томъ, никакъ не можете отвязаться! Есть ли возможность грубо обойтись съ человѣкомъ, который такъ привѣтливъ, внимателенъ, предупредителенъ и любезенъ?..

Начинается съ того обыкновенно, что куда бы вы ни обернулись, вы видите передъ собою пару глазъ, которые всюду слѣдятъ за вами и мягко, нѣжно на васъ устремляются; потомъ, глаза на мгновенiе переходятъ къ вашему сосѣду, и господинъ (обладатель глазъ) проситъ съ утонченнѣйшею деликатностiю вашего сосѣда уступить ему свое мѣсто. Вы хотите поправить подушку, поднять раму— незнакомецъ предупреждаетъ малѣйшее ваше желанiе; послѣ того, онъ начинаетъ ласково мигать, вертится на мѣстѣ, и вдругъ, съ неописанною нѣжностiю во взорѣ, къ вамъ обращается:

— Извините меня, милостивый государь, говоритъ онъ, тая отъ умиленiя,—но вы, кажется, знакомы съ Л*?..

— Да, знакомъ...

— Какiе это милые люди... особенно она... не правда ли?.. впрочемъ, и онъ также!.. Очень, очень милые люди! (Незнакомецъ при этомъ весь какъ-то изгибается.) И давно вы съ ними знакомы?

— Да...

— Я также... удивительно, какъ мы съ вами до сихъ поръ тамъ не встрѣтились!.. Мы часто, очень, очень часто говоримъ объ васъ... мнѣ всегда хотѣлось съ вами встрѣтиться... я давно искалъ случая... давно! давно! (Тутъ голосъ незнакомца умягчается и услащается до степени меда.) Я такъ много уже слышалъ о васъ... Позвольте мнѣ имѣть честь вамъ представиться...

Незнакомецъ окончательно расплывается отъ восхищенія; онъ жадно, хотя нѣжно, схватываетъ вашу руку и приступаетъ къ выгрузкѣ своихъ чувствъ и мыслей.

Другой варіантъ. Послѣ предварительнаго приступа, описаннаго выше, любезникъ начинаетъ такимъ образомъ:

— Превосходнѣйшее время!.. Очень, очень хорошее время!.. Какъ пріятно ѣхать въ такую погоду... Намъ, кажется, по дорогѣ?..

— Я на Крестовскій...

— А я въ Новую Деревню... Такъ, вѣрно, на дачу?

— Да.

— Я также... Нельзя, знаете: въ городѣ душно, пыльно... къ тому же, семейство!.. больше, знаете, для дѣтей... вы также, вѣрно, женаты?

— Нѣтъ.

— А я такъ вотъ скоро ужъ десять лѣтъ женатъ; имѣю даже трехъ малютокъ: сынъ и двѣ дочери... Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь?..

Вы называете фамилію, которая вовсе неизвѣстна; но любезнику она какъ будто знакома; онъ зналъ того-то, зналъ такую-то, носившихъ такое-то имя. Онъ выказываетъ душевное сожалѣніе, что судьба, такъ сказать, лишаетъ его счастія продолжать путь съ такимъ милымъ, любезнымъ, пріятнымъ сосѣдомъ; но онъ надѣется... надѣется, что, гм! гм!.. и проситъ убѣдительно о продолженіи знакомства.

И точно: послѣ этой поѣздки, между нимъ и вами заключается какая-то неразрывная связь; гдѣ бы вы ни встрѣтились,—онъ посылаетъ вамъ привѣтливый поклонъ, освѣдомляется о вашемъ здоровьи; и это продолжается цѣлые годы, иногда всю вашу жизнь,—развѣ вы перестанете кланяться; но на это вы не рѣшитесь, потому что, за что же, наконецъ, отвѣчать грубостію на его учтивость и любезность?

Вотъ уже скоро десять лѣтъ, какъ одинъ изъ нашихъ

литераторовъ раскланивается и жметъ руку господину, котораго не знаетъ по фамиліи, не знаетъ даже, кто онъ и откуда. Ѣхалъ онъ разъ въ омнибусѣ на дачу; на колѣняхъ его лежалъ свертокъ бумагъ... Рядомъ съ нимъ помѣщается господинъ, который попадался ему раза два на улицѣ, но о которомъ не имѣлъ онъ ни малѣйшаго понятія. Едва тронулся омнибусъ, незнакомецъ умильно прищурилъ глаза, ласково провелъ ладонью по свертку, находившемуся на колѣняхъ литератора, — и произнесъ вопросительно-заискивающимъ голосомъ: — „литературное что-нибудь?..“ Литераторъ сказалъ, что это чистая бумага,—думалъ отдѣлаться; но незнакомецъ этимъ не удовольствовался; онъ наговорилъ литератору тысячу самыхъ незаслуженныхъ комплиментовъ, распространился во всеуслышаніе о трудахъ его, и съ тѣхъ поръ всюду его преслѣдуетъ; освѣдомляется о томъ, что онъ пишетъ и скоро ли думаетъ „подарить“ читателей (страстныхъ поклонниковъ его таланта!) новымъ произведеніемъ... Это собственныя слова незнакомца.

Скучные любезники особенно часто встрѣчаются между дилетантами и любителями художествъ. На сто изъ нихъ врядъ ли найдутся трое, которые въ самомъ дѣлѣ любятъ искусство безкорыстно; остальные любятъ только вертѣться въ тѣни, бросаемой жрецами искусства. Едва выступитъ какое-нибудь имя—они летятъ къ нему, какъ ночныя бабочки къ огню. Артисты, бо̀льшею частію, народъ капризный и взыскательный; чтобы держаться въ ихъ обществѣ, надо по крайней мѣрѣ быть любезнымъ; и вотъ, носясь за художникомъ, какъ мелкорыбица за акулой, дилетантъ вертитъ хвостикомъ во всѣ стороны, устилаетъ его путь блѣдными цвѣтами жиденькаго своего краснорѣчія, воскуриваетъ ѳиміамъ, расточаетъ похвалы, превозноситъ до небесъ каждое его слово, изумляется и приходитъ въ восхищеніе отъ каждой мысли.

Нѣкоторые артисты не находятъ такихъ людей скучными (я уже говорилъ вамъ, что скучный человѣкъ—существо относительное); другіе избѣгаютъ любезника, какъ заразу.

Коснувшись дилетантовъ-любезниковъ, несправедливо, даже неделикатно было бы оставить безъ вниманія особъ прекраснаго пола. Дамы такъ любезны! По положенію своему, дамы не могутъ преслѣдовать артистовъ съ тою настойчивостію, какъ мужчины (бываютъ случаи, но это

исключеніе). Вообще говоря, дамскій полъ чувствуетъ сильное инстинктивное влеченіе къ художеству вообще и знаменитостямъ всякаго рода въ особенности. (Боже мой! одинъ Маріо сколько выслушалъ любезностей! до сихъ поръ, я думаю, онъ очнуться еще не можетъ.) Но здѣсь собственно идетъ рѣчь о дамахъ, которыхъ не столько увлекаетъ любовь къ художеству, не столько плѣняетъ личность самого артиста, сколько томитъ желаніе посидѣть tête-à-tête съ знаменитостію и побесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ.

Васъ неоднократно звали въ домъ; хозяйка дома, черезъ своихъ друзей и знакомыхъ, давно изъявляла желаніе видѣть васъ въ своей гостиной. Вы являетесь. Хозяйка дома по бо̀льшей части дама среднихъ лѣтъ. Она предлагаетъ вамъ стулъ подлѣ себя; вы садитесь. Послѣ обычныхъ общеупотребительныхъ фразъ, начинается разговоръ объ искусствѣ; вы артистъ—нельзя же иначе!

— Вы, вѣроятно, больше всего любите литературу... не правда ли?.. говоритъ дама, обворожительно улыбаясь и слегка прищуривая глазки.

— Да, сударыня, литература—мой предметъ...

— Да, литература! да! это такое благородное искусство! C'est si agréable! ça élève l'âme!.. Пушкинъ, Беранже... Ломоносовъ... не правда ли? А впрочемъ, знаете, музыка... вѣдь это также! c'est si beau... ça élève l'âme... Донизетти... Бетховенъ... Варламовъ... У меня племянникъ, который... Да, музыка... Вы, конечно, любите музыку?..

— Очень!

— Не правда ли?.. Ну... ну, а живопись? c'est si agréable la peinture! n'est ce pas? Рафаэль... Айвазовскій... c'est si beau!..

— О, конечно!

— Да, не правда ли?... Но вѣдь и скульптура также... Это искусство, которое... n'est ce pas?.. Микель-Анжело... Пименовъ...

И такъ далѣе.

Перейдемъ теперь къ „восторженнымъ“.

— Вы спрашиваете: „Кто эта дама?“ — „Очень милая женщина“, отвѣчаютъ вамъ, — „но только ужасно какъ exaltée, — черезчуръ ужъ восторженна!“ Часто вотъ это что̀ значитъ: у дамы огня или восторженности на пятнадцать копеекъ; но она хочетъ убѣдить васъ, что у нея того и другого на сто рублей. Такая дама неоспоримо

принадлежитъ къ категоріи скучныхъ. Вы говорите самую обыкновенную вещь; говорите, напримѣръ, что угнетеніе возмутительно: дама дѣлаетъ прыжокъ, судорожно схватываетъ вашу руку и восклицаетъ: „благодарю васъ! о, благодарю!.. Я въ васъ не ошиблась!.. я знала, что вы благородно думаете! всегда знала!.. увѣрена была въ этомъ!.. Да, угнетеніе, — это ужасно! это возмутительно, чудовищно! омерзительно!..“ Затѣмъ слѣдуетъ новый прыжокъ и новое пожатіе руки.

Иногда, впрочемъ, искренняя, неподдѣльная восторженность такъ же скучна и утомительна, какъ и искусственная. Говорите вы о „Королѣ Лирѣ“—дама или барышня мечется, какъ Пиѳія на треножникѣ; читаете имъ стишки Мерзлякова: „ахъ, какъ мило! Charmant! Прелесть!..“ Показываете картину знаменитаго мастера: „превосходно! обворожительно! удивительно!“ Развертываете литографію съ изображеніемъ собачки: „мило! délicieux! прелесть!“ Впрочемъ, съ дамами и барышнями—особенно хорошенькими—рѣдко бываетъ скучно; приходя въ восторгъ (искусственно или естественно), онѣ оживляются и кажутся тогда еще милѣе; вы любуетесь ими, и это служитъ вамъ развлеченіемъ отъ скуки.

Но скажите на милость, что̀ дѣлать съ какимъ-нибудь толстымъ господиномъ или чахоточнымъ юношей, который тормошитъ васъ, дергаетъ и вертитъ во всѣ стороны, стараясь обратить вниманіе ваше на закатъ солнца или блескъ мѣсяца въ водѣ? Куда дѣваться отъ тѣхъ господъ, которые, въ клубѣ, въ театрѣ и на гуляньяхъ, кидаются вамъ на шею, осыпаютъ васъ звонкими поцѣлуями и съ какою-то напыщенною торжественностію благодарятъ судьбу, доставившую имъ счастіе встрѣтиться съ вами?

Въ отношеніи къ восторженному, можно всегда руководствоваться такимъ соображеніемъ: чѣмъ больше выказываетъ онъ расположенія къ эффекту, тѣмъ меньше въ немъ искренности, и, слѣдовательно, тѣмъ больше шансовъ для скуки въ его обществѣ. Восторженный всегда подверженъ крайностямъ; у него никогда нѣтъ ни въ чемъ середины: или все превосходно, изумительно, невѣроятно, непостижимо, божественно, очаровательно,—или все скверно, омерзительно и чудовищно гадко! Положиться въ чемъ-нибудь на восторженнаго или вѣрить ему—нѣтъ возможности. Онъ подружился съ вами—вы дѣлаетесь образцомъ человѣка; завтра вы ему не понравились,—вы преврати-

лись мгновенно въ послѣдняго изъ смертныхъ! Благословенны стократъ люди, восторженность которыхъ умѣряется врожденною робостью. Тутъ, по крайней мѣрѣ, дѣло ограничивается тѣмъ, что на васъ пучатъ сверкающіе зрачки и тайкомъ, украдкою, жмутъ вамъ руку, какъ бы желая сказать: „я васъ понялъ, понялъ!.. и вполнѣ оцѣняю!..“

Самые опасные изъ нихъ опять-таки любители искусствъ. Боже избави встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ въ концертѣ, передъ изящнымъ зданіемъ или въ картинной галлереѣ! Подхвативъ васъ за руку, мечется онъ отъ картины къ статуѣ, отъ статуи къ какой-нибудь вазѣ, все щупаетъ, ко всему прикасается, перебѣгаетъ изъ залы въ другую и, наконецъ, утомивъ до-нельзя и васъ, и себя, накричавшись, намахавшись руками и обративъ на себя всеобщее вниманіе, падаетъ онъ въ кресло. Вы думаете, что все кончено: ничуть не бывало; наблюдая вашего собесѣдника, вы невольно начнете себя спрашивать: зачѣмъ, напримѣръ, упавъ въ кресло, выбралъ онъ именно такое мѣсто, которое больше всего на виду? Почему, когда убѣждаете вы его уйти, говоря, что надо, наконецъ, дать отдохнуть нервамъ, почему оттолкнетъ онъ васъ рукою и разслабленно-трогательнымъ голосомъ повторяетъ: „Нѣтъ, нѣтъ... не уводите меня!.. дайте мнѣ, дайте насмотрѣться на эту мадонну!.. О, Рафаэль! О, дивный урбинскій юноша!.. О, божественный Санціо! — сынъ добродѣтельнаго старца Санти и ученикъ Пьетро-Вануччи,—иначе: вдохновеннаго Перуджино!..“ Зачѣмъ всѣ эти фразы, и зачѣмъ, когда произноситъ онъ ихъ, глаза его перебѣгаютъ отъ мадонны къ толпѣ, отъ толпы къ мадоннѣ, и вся фигура его силится принять что-то меланхолическое, взволнованное и глубоко потрясенное?.. Не скучно ли все это?..

Но скучные люди изъ категоріи весельчаковъ, всѣ рѣшительно, должны блѣднѣть и меркнуть передъ „болтунами“. Болтуны стоятъ на первомъ планѣ, и никто никогда не собьетъ ихъ съ почетнаго мѣста. Постараемся уловить главные оттѣнки этого семейства, — столько же многочисленнаго, сколько разнообразнаго.

„Просто болтуны“—люди, болтливость которыхъ, ограничиваясь однимъ предметомъ, одною темою, разматывается постепенно, какъ клубокъ нитокъ; эти не такъ еще скучны; но вотъ другой разрядъ: это такъ называемыя

„стрекозы". Болтливость послѣднихъ не останавливается на одной мысли, но идетъ прыжками, скачетъ, какъ стрекоза, или разсыпается какъ быстрая игра на разстроенномъ фортепіано. Примѣръ: „были вы вчера въ театрѣ? видѣли Фанни Эльслеръ?.. Отлично! не правда ли, а?.. Удивительно! Но надо, однакожъ, быть справедливымъ: хорошо, конечно; удивительно, хорошо,—но все не то, что Тальони!.. Нѣтъ!.. Тальони—геній, геній перваго разбора! Одна есть, была и будетъ! Помните ли, какъ мы тогда бѣсновались? Помните ли, что̀ было за время? Впрочемъ, и то надо сказать: были мы тогда молоды! адски молоды!.. О, молодость? „О, моя юность! о, моя свѣжесть!" какъ говоритъ Гоголь!.. Кстати: сейчасъ заходилъ къ Базунову; видѣлъ послѣднее изданіе Гоголя: не скажу, чтобы понравилось; вообще, что касается до изданій, у насъ пока еще... Вотъ и Г. говоритъ то же; я съ нимъ вчера встрѣтился... Каковъ, однакожъ—ужъ полковникъ! а?.. Счастливо служитъ! необыкновенно счастливо! Братъ его, Пьеръ, служившій по штатской службѣ, до сихъ поръ только коллежскій асессоръ!.. Впрочемъ, самъ виноватъ! Предлагали ему тогда отправиться съ миссіонерами—отказался! Къ чему? Зачѣмъ? Онъ много проигралъ черезъ это... очень много!.. И, наконецъ, Китай уже самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ... Теперь эта война и потомъ этотъ вопросъ о чайной свободной торговлѣ... Слышали вы что-нибудь объ этомъ вопросѣ? Любопытно знать, чѣмъ все это кончится... Но мы вспоминали молодость, Тальони! Гдѣ-то теперь Тальони? Говорятъ, купила дворецъ въ Венеціи... Счастливая! О, Италія! Италія!.. Вы не думаете ѣхать? Всѣ ѣдутъ! и мнѣ хочется; не знаю, что̀ удерживаетъ, рѣшительно не знаю! Думаю, всему виною та неподвижность, которой всѣ мы, русскіе, такъ подвержены... Тяжело какъ-то разставаться съ своими привычками, мѣстами, гдѣ родился и выросъ... Когда я жилъ въ деревнѣ... у меня деревня въ Тамбовской губерніи,—тогда, повѣрите ли..." и т. д.

Пріемы болтуновъ такъ же разнообразны, какъ они сами. У каждаго болтуна своя метода, свой способъ приступать къ дѣлу. Самая обманчивая метода у „болтуновъ съ церемоніями". Такой болтунъ, ворвавшись къ вамъ въ кабинетъ смѣло и рѣшительно, скорчиваетъ вдругъ испуганную физіономію, становится на цыпочки и бросается назадъ къ двери, со слезами:

— Ахъ, Боже мой! я помѣшалъ вамъ!.. Никогда не прощу себѣ этого!.. Впрочемъ, я на секунду... на одну секунду... вы заняты?..

— Да, немножко...

— Ну, такъ и есть, я это зналъ... я только мимоходомъ... я вамъ не помѣшаю...

До сихъ поръ ничего; есть еще надежда освободиться отъ посѣтителя; но этимъ обыкновенно не кончается; вошедшій господинъ проситъ позволенія выкурить папироску—„одну, единственную папироску“. Вы позволяете,— и съ той минуты вы пропали! Изъявивъ согласіе на куренье папиросы, вы задѣли слабую пружину, державшую языкъ болтуна на привязи; клапанъ раскрылся, колесо завертѣлось, и остановится тогда только, когда истребится весь запасъ вращающей силы.

„Безцеремонный болтунъ“ гораздо лучше. Онъ подлетаетъ на всѣхъ парусахъ, неожиданно поворачивается бортомъ и разомъ выстрѣливаетъ всѣми своими орудіями. Лучше даже такъ-называемые „перебойщики и торопыги“, которые не даютъ произнести слова, перебиваютъ вашу фразу и предупреждаютъ мысль. Вы говорите:

— Я былъ вчера...

— Въ балетѣ?

— Нѣтъ...

— Въ оперѣ?

— Нѣтъ... въ Александринскомъ театрѣ, давали...

— „Горе отъ ума“?

— Да; не скажу, чтобы я остался доволенъ...

— Гриневой?

— Нѣтъ...

— Каратыгинымъ?

— Нѣтъ; общимъ расположеніемъ ролей...

Или:

— Я слышалъ, будто Кукольникъ...

— Написалъ новую драму?

— Нѣтъ...

— Ѣдетъ въ Землю Донскихъ казаковъ?

— Вовсе нѣтъ...

— Перемѣнилъ квартиру?

— Да...

— Я только что хотѣлъ сказать объ этомъ!

Рядомъ съ перебойщиками поставимъ тѣхъ, которые

спѣшатъ выразить сомнѣніе въ томъ, о чемъ вы вовсе даже и не думали.

— Знаете ли, что Бабакинъ...

— О, это неправда!

— Какъ неправда?

— Да, неправда; я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ...

— Что жъ вы знаете?

— Что онъ ѣдетъ за границу!

— Я вовсе не о томъ: Бабакинъ сломалъ себѣ ногу...

— Ба! это для меня новость!

Примкнемъ тутъ же „попугаевъ", начинающихъ болтовню свою повтореніемъ того, что̀ вы уже сказали:

— Хорошій обѣдъ отличная вещь, когда не дорого сто̀итъ.

— Да, да, конечно, когда не дорого сто̀итъ!

— Въ Петербургѣ перемѣнчивая погода...

— О, да! еще бы! ужасно перемѣнчивая погода; этимъ Петербургъ отличается; иначе, впрочемъ, и т. д.

Можете проговорить самый длинный періодъ, можете высказать и уяснить вашу мысль, „попугай" не преминетъ повторить вашъ періодъ, не преминетъ обойти кругомъ вашу мысль прежде, чѣмъ приступитъ къ изложенію собственной.

Трудно встрѣтить также что-нибудь убійственнѣе болтуна, одареннаго большою памятью, читающаго сплошь и рядомъ все, что̀ является въ печати, и помнящаго все то, что̀ говорили ему отъ колыбели до вчерашняго дня включительно. Онъ можетъ найти себѣ достойнаго товарища только между болтунами съ „загвоздкою", то-есть тѣми, которыхъ поражаетъ одинъ какой-нибудь случай, мысль, личность, новость или происшествіе. Мозгъ послѣднихъ долженъ представлять подобіе греческой губки, которая всосетъ вдругъ то, къ чему прикоснется, не оставляя уже мѣста ни для чего другого. Благодаря такимъ лицамъ, сколько прекрасныхъ мотивовъ сдѣлались скучными, сколько стиховъ пріѣлось, замѣчательныхъ случаевъ потеряли интересъ.

Болтунъ съ „загвоздкой" ничѣмъ особенно не интересуется; его поражаютъ въ одинаковой степени новое лицо, открытіе, глупый анекдотъ, важное политическое событіе, забавное происшествіе, несчастный случай. Какъ дурень съ писаной торбой, носился онъ повсюду, въ свое время, съ газомъ, пароходствомъ, электрическимъ освѣщеніемъ,

кометой и проч. Пріѣзжаетъ, наконецъ, Рашель въ Петербургъ—онъ все забылъ, чему такъ сильно наканунѣ еще поклонялся; Рашель поглотила его всего; онъ ни о чемъ больше не болтаетъ и не помышляетъ. Гдѣ бы вы его ни встрѣтили, онъ всюду разсказываетъ анекдоты о знаменитой актрисѣ, описываетъ ея парижскій отель, сообщаетъ вамъ имена ея поклонниковъ, декламируетъ стихи Расина и болтаетъ о Феликсѣ и о брильянтахъ сестры его. Послѣ представленія „Поліевкта", онъ бѣгаетъ нѣсколько дней сряду съ распростертыми руками, глазами, глупо воздѣтыми къ потолку, и повторяетъ ни къ селу, ни къ городу: „Je crois! je crois!" Говорите такому человѣку объ ужасахъ войны: „да, это ужасно!" возражаетъ онъ, „все остановилось; даже самые театры теперь закрыты!" Касаетесь ли вопроса о крестьянахъ: „Да, Г. такъ же думалъ, какъ и вы; что же вышло изъ этого? Онъ совсѣмъ разорился; теперь не на что даже взять билетъ въ театръ..."

Существуютъ еще болтуны „безмозглые" или „съ осѣчкою"; это тѣ, которые суются говорить о чемъ угодно, но никогда не досказываютъ своей мысли, даже фразы.— „Позвольте, позвольте... оно, конечно... но... Позвольте, я не могу объяснить вамъ теперь въ чемъ дѣло, не могу... но первый разъ, какъ мы встрѣтимся съ N*, я непремѣнно заведу рѣчь объ этомъ предметѣ, —и вы увидите, увидите!.." Или: „О, нѣтъ, это совсѣмъ не то; позвольте вамъ сказать: совсѣмъ не то; вы несправедливы, потому что... Ахъ, Боже мой, что же я хотѣлъ сказать?.. Позвольте... сейчасъ... Да!.. Нѣтъ, впрочемъ не то... фу, чортъ возьми, какъ это непріятно!.. Вотъ, вотъ!.. Нѣтъ, опять не то... что же такое сдѣлалось со мною?.." Или: „Послушайте! начинаетъ онъ съ горячимъ убѣжденіемъ,—послушайте: нашъ вѣкъ имѣетъ то преимущество передъ другими, что... гм! гм!.. что при существующемъ развитіи умовъ... гм!.. гм!.. (легкая осѣчка) можно надѣяться... слѣдуетъ даже непремѣнно надѣяться... (жаръ убѣжденія замѣтно охлаждается) что... если взять въ соображеніе... гм! гм!.. если взять въ примѣръ..." (молчаніе). Пружина, вращавшая колесо, лопнула, и колесо остановилось.

Пора, впрочемъ, и намъ остановиться.

III.
Унылые.

Унылый человѣкъ уже самъ по себѣ не можетъ быть веселымъ. Онъ можетъ представлять соединеніе всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, можетъ быть очень умнымъ, ученымъ и образованнымъ, но даже и въ такомъ случаѣ ему лучше сидѣть дома, одному, или въ своемъ семействѣ или тѣсномъ кругу знакомыхъ. Стòитъ только человѣку съ уныніемъ пуститься въ свѣтъ, зажить общественною жизнію—онъ, несмотря на весь свой умъ и добродѣтели, легко превращается въ „скучнаго“.

Унылые люди бываютъ „здоровые и больные“. Первые меньше скучны. Они, по большей части, занимаютъ въ обществѣ роль пассивную: придутъ, сядутъ, молчатъ, пыжатся, вперяютъ на все и на всѣхъ грустный взглядъ и вздыхаютъ болѣе или менѣе выразительно. Вторые рѣшительно невыносимы.

Встрѣчаясь съ человѣкомъ постороннимъ, какое вамъ дѣло, скажите на милость, что у него болитъ печень, разстроены нервы, колетъ подъ ложечкой, или худо варитъ желудокъ? Въ правѣ ли онъ изливать на васъ свою жёлчь, надоѣдать вамъ разсказами о своихъ недугахъ или выказывать передъ вами раздражительность? Часто, въ оправданіе такого человѣка, вамъ скажутъ: „Онъ мизантропъ, меланхоликъ или желчный...“ Но опять-таки, позвольте васъ спросить, какое мнѣ дѣло до всего этого? Сиди онъ дома, когда такъ, дома сиди или ступай въ больницу...

Нѣтъ возможности сортировать „унылыхъ“ сообразно съ состояніемъ ихъ здоровья или по степенямъ и характерамъ ихъ болѣзней; мы никогда бы не кончили. Будемъ брать цѣлыми классами и ограничимся общими чертами. Для начала возьмемъ хоть „самолюбивыхъ и раздражительныхъ“.

Изъ перваго отдѣла выставимъ впередъ любой субъектъ. Вы видите: онъ молодъ, холостъ, свѣжъ, имѣетъ состояніе и даже не дуренъ собою; чего еще надо? „Онъ долженъ быть совершенно счастливъ!“ говорите вы. Ничуть не бывало; вамъ только такъ кажется. Вступите съ нимъ въ разговоръ. Вы убѣдитесь, что это существо истинно достойное состраданія: весь онъ, съ головы до ногъ, представляетъ одну сплошную рану самолюбія; самолюбіе про-

никло даже въ мозгъ костей его и изъѣло самыя кости; съ какой стороны ни прикоснитесь, его корчитъ, ему больно, и онъ страдаетъ.

Вы не прочли послѣдняго его фельетона, послѣдней статейки или библіографическаго замѣчанія — онъ страдаетъ; прочли, но не говорите о нихъ — страдаетъ; хвалите—онъ устремляетъ на васъ подозрительно испытующій взглядъ, видитъ косвенный намекъ, иронію въ самомъ искреннемъ сужденіи—и снова страдаетъ. Вы печатаете о немъ статью, сравниваете его съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Кольцовымъ,—онъ сухо благодаритъ васъ. „Что съ нимъ?" думаете вы. Въ спискѣ великихъ именъ, съ которыми сравнивали вы его, забыли вы Грибоѣдова; онъ недоволенъ такимъ пропускомъ — и страдаетъ. Имя его помѣщается въ началѣ объявленія, это кажется ему слишкомъ уже рѣзкимъ, слишкомъ замѣтнымъ, — страдаетъ. Помѣщается имя его въ срединѣ, не довольно замѣтно,— страдаетъ. Помѣстите имя его неумышленно въ концѣ: явный знакъ пренебреженія къ личности и неуваженія къ таланту,—страдаетъ! Статуэтки его собратій рисуются на окнахъ магазиновъ; его статуэтки не имѣется,—Боже, какъ страдаетъ! Но въ этихъ корчахъ раздраженнаго самолюбія есть еще смыслъ по крайней мѣрѣ; человѣкъ этотъ хоть что-нибудь да сдѣлалъ; можетъ казаться ему, слѣдовательно, что трудъ его не оцѣненъ по достоинству, что на него мало обращено вниманія, и онъ страдаетъ, основывая все-таки на чемъ-нибудь свои страданія.

Но какъ назвать людей, которые ровно ничего не сдѣлали,—не написали даже фельетона, и между тѣмъ представляютъ точно такъ же одну сплошную рану самолюбія? Вы говорите о вашемъ сапожникѣ, имъ кажется, что вы на нихъ намекаете; ничего не говорите, не думаете даже о нихъ,—страдаютъ. Оказываете имъ важную услугу: прекрасно; они принимаютъ ее съ благодарностію; но мысль, что они одолжены именно вами, не даетъ имъ покоя,— и снова ихъ коробитъ. Вы женитесь, дѣлаетесь отцомъ семейства, получаете наслѣдство, добиваетесь мѣста, лишаетесь жены, награждены чиномъ, — все это задѣваетъ ихъ за живое, и они страдаютъ; короче сказать, не знаешь, съ какой стороны приступиться!

Но это еще ничего; встрѣчаются особы, которыя распространяютъ свое самолюбіе не только на то, когда дѣло идетъ о ихъ кожѣ или личности, но рѣшительно на все,

что хотя сколько-нибудь къ нимъ приближается, что входитъ въ кругъ ихъ жизни, быта и понятій.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ сказать, что въ этой категоріи „скучныхъ людей по преимуществу“ не послѣднюю роль занимаютъ особы прекраснаго пола—матери семействъ, владѣлицы дачъ, собственныхъ домовъ, деревень, — словомъ, имѣющія какую-нибудь собственность,—хоть бы даже собственность заключалась въ моськѣ. Положимъ, вы встрѣтились съ одною изъ такихъ дамъ. О чемъ ни заговорите, ей непремѣнно кажется, что вы подпускаете „шпильку“. Домъ ея сыръ и холоденъ,—вы говорите о теплѣ,—даже ничего не говорите, только потираете руками,—шпилька! Дама—москвичка; вы говорите съ увлеченіемъ о Петербургѣ, — шпилька, и вдобавокъ еще шпилька, подающая поводъ къ скучному и безполезному спору. Вы хвалите военную службу,—шпилька: сыновья дамы служатъ по штатской; хвалите штатскую службу,—дама раздражается: сыновей ея обошли чиномъ. У дамы куча родственниковъ; между ними находятся помѣщики, чиновники, великіе мужи и мелюзга, богатые и бѣдные, пьяницы и шуллера; обдумывайте и взвѣшивайте каждое ваше слово, говоря вообще о помѣщичьемъ сословіи, о чиновникахъ, шуллерахъ и проч. Дача дамы въ Сокольникахъ или на Крестовскомъ,—говорите о Сокольникахъ и Крестовскомъ какъ о священныхъ рощахъ. Домъ дамы на Вшивой горкѣ — съ уваженіемъ относитесь объ этомъ переулкѣ; дама переѣхала на Никольскую—Никольская дѣлается тотчасъ же первою улицею столицы.—„Неужто, думаете вы, все, что приближается къ этой дамѣ, лучше того, что̀ у другихъ людей? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, башмачникъ, у котораго заказываетъ она башмаки себѣ и дѣтямъ, лучше другихъ башмачниковъ; горничная ея красивѣе и ловче другихъ; лошади сытѣе другихъ лошадей; дѣти умнѣе и воспитаннѣе другихъ дѣтей; староста ея честнѣе и проницательнѣе другихъ старостъ; виды ея деревни краше другихъ видовъ; родственники ея благороднѣе остальныхъ смертныхъ; обои ея гостиной привлекательнѣе другихъ обоевъ? И неужели даже вчерашній ея знакомый лучше моего знакомаго, котораго знаю я десять лѣтъ?..“ Непремѣнно все это должно быть лучше! Если бъ дама могла согласиться спокойно и безъ раздраженія, что то или другое хуже у нея, чѣмъ у васъ— она не была бы тогда скучною.

Переходъ отъ „самолюбиво-щекотливыхъ къ раздраженнымъ“ такъ малъ, что почти незамѣтенъ. Симптомы у нихъ одни и тѣ же. Форма послѣднихъ нѣсколько развѣ грубѣе, и въ основаніи ихъ недуга скрывается можетъ-быть больше зависти и меньше терпимости, чѣмъ въ первыхъ.

При всемъ томъ, однакожъ, если взять самую самолюбивую личность, и противопоставить ей, напримѣръ, „раздраженнаго безъ воспитанія“, разница между ними выйдетъ неизмѣримо огромная. Такому человѣку ровно ничего не стоитъ произнести съ особенною интонаціею: „Вы врете!“ когда не нравится ему ваша мысль. Вы скромно сознаетесь, что ощущеніе изящныхъ искусствъ вамъ больше по сердцу, чѣмъ греческій языкъ; если только раздраженному нравится греческій языкъ, и онъ круглый невѣжда въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ,—онъ скажетъ не обинуясь: „Вы чушь порете! такъ могутъ говорить одни неучи!“ и проч., и проч. Вамъ нисколько не легче, когда вамъ скажутъ: „Не сердитесь на него, что „онъ такъ“... все это происходитъ, повѣрьте, отъ боли въ печени и ревматизма...“ Снова повторяю: такимъ людямъ мѣсто не въ обществѣ, а въ больницѣ.

Существуютъ еще раздраженные въ такомъ родѣ: К* (вы это навѣрное знаете) весь не стоитъ десяти копеекъ; между тѣмъ, пріятели или добрые люди хлопочутъ за него, отбиваютъ себѣ пятки въ пріемныхъ сильныхъ міра сего, и выхлопатываютъ ему мѣсто съ восемью стами рублей серебромъ жалованья. Не возмутительно ли видѣть, что К* продолжаетъ все-таки раздражаться; К* недоволенъ; страшно недоволенъ и мѣстомъ, и товарищами, которые за него хлопотали; онъ изливаетъ на все и на всѣхъ ядъ жёлчи, мечетъ огнь и пламя, осуждаетъ свѣтъ въ коварствѣ, людей въ злобѣ и черной неблагодарности. Кромѣ названія скучнаго человѣка, не заслуживаетъ ли еще К* названія грубой скотины?

Избави васъ Богъ, почтенный читатель, имѣть въ числѣ вашихъ знакомыхъ или родственниковъ одного изъ этихъ „нетерпимыхъ“. Положимъ, что таковой найдется; подвергните его испытанію, чтобы убѣдиться, что нѣтъ на землѣ существа болѣе несноснаго и менѣе позволительнаго. Положимъ, предлагаемая статья пришлась ему не по вкусу; покажите ему только видъ, что вы ее читали: онъ разбранитъ автора, разбранитъ журналъ, достанется

даже, ни за что, ни про что, всему русскому книгопечатанію; мало того, сами вы рискуете получить непріятность: онъ скажетъ, что одни ограниченные люди могутъ тратить время на чтеніе такого вздора, что вы человѣкъ безъ вкуса, безъ такта, безъ чутья, и проч. Если такой нетерпимый вашъ мужъ (о, да спасетъ васъ небо отъ этого, моя милая читательница!), — онъ, чего добраго, вырветъ даже книгу изъ рукъ вашихъ и вышвырнетъ ее за окно. Хорошо еще, если этимъ кончится.

Между раздраженными, часто, впрочемъ, попадаются субъекты, которые, относительно говоря, почти безвредны; то, по большей части, люди очень робкіе, не смѣющіе выказывать своей раздражительности, но тѣмъ не менѣе наводящіе невыносимую скуку уже однимъ своимъ присутствіемъ и унылой физіономіей, которая, замѣтьте, всегда бываетъ желтою и всегда странно какъ-то передергивается.

Другіе позволяютъ себѣ раздражаться, но не противъ васъ, а только въ вашемъ присутствіи, противъ жены, дѣтей, и чрезъ то самое ставятъ васъ въ безвыходно-фальшивое положеніе; извѣстно, что въ такомъ положеніи человѣкъ испытываетъ всегда невыносимую скуку. Васъ позвали обѣдать. Подаютъ супъ; внезапно хозяинъ дома бросаетъ ложку.

— Это чортъ знаетъ что такое! восклицаетъ онъ, обращаясь къ женѣ,—ты, душа моя, ни за чѣмъ не смотришь... Этотъ поваръ мерзавецъ!.. я ему надаю пощечинъ!.. Это, наконецъ, твое дѣло смотрѣть...

— Но, другъ мой... возражаетъ сконфуженная хозяйка.

— Но, душа моя, вскрикиваетъ мужъ,—повторяю тебѣ, это чортъ знаетъ что такое! Если ты не намѣрена заниматься хозяйствомъ, такъ ты скажи лучше... Иначе... это...

И пошла перепалка, отъ которой у васъ каждый кусокъ коломъ становится въ горлѣ.

Являюсь я однажды въ одно семейство; тамъ только что собирались ѣхать въ звѣринецъ; меня приглашаютъ ѣхать вмѣстѣ; мы отправились. При входѣ въ звѣринецъ, глава семейства беретъ на руки младшаго сына, съ тѣмъ, чтобы показать ему льва. Ребенокъ быстро отворачиваетъ голову и начинаетъ трястись всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ левъ, самодовольно говоритъ отецъ, — что жъ ты не смотришь?.. а?..

Ребенокъ продолжаетъ трястись и отворачивать голову.

— Смотри на льва! я тебѣ приказываю! Смотри на льва!.. вскрикиваетъ отецъ, стараясь повернуть сыну голову.

Ребенокъ плачетъ. Я упрашиваю отца оставить ребенка.

— Какъ! вскрикиваетъ отецъ,—нѣтъ, не будетъ этого! Смотри на льва! Онъ сынъ военнаго, самъ будетъ военнымъ и не долженъ быть трусомъ! Смотри на льва!..

Ребенокъ заливается ревомъ. Мать присоединяетъ свои просьбы къ моимъ.

— Оставь меня! яростно возражаетъ мужъ, — я знаю, что дѣлаю! Смотри на льва! я тебѣ приказываю! смотри!

Тутъ отецъ выходитъ изъ себя, дергаетъ ребенка за руку, за ногу; ребенокъ бьется изо всей мочи, мать начинаетъ плакать, остальныя дѣти также; я поставленъ посреди всего этого въ глупѣйшее положеніе и терплю неизъяснимую скуку.

Къ категоріи раздраженныхъ слѣдуетъ также отнести людей съ крайностями. Всѣ „крайніе“ люди большею частію страшно нетерпимы; отъ нетерпимости одинъ шагъ къ раздражительности. Г* изучаетъ ассирійскія древности; М* занимается преимущественно Кривичами и Радимичами. Превосходно; предположите теперь, что Г* и М* люди съ крайностями; кончено: съ ихъ точки зрѣнія, дуракъ и невѣжда тотъ, кто равнодушенъ къ любимымъ ихъ предметамъ; передъ ассирійскими древностями и Радимичами—все дичь, чушь и выѣденнаго яйца не стòитъ!

Коснувшись ученаго сословія, мы незамѣтно перешли къ новому отдѣлу унылыхъ—„унылыхъ съ претензіею на ученость“. Тутъ опять чуть ли не первое мѣсто принадлежитъ дамамъ и барышнямъ, изучающимъ греческій языкъ, политическую экономію, философію, астрономію и проч. Учиться чему-нибудь очень похвально, и почему жъ дамѣ или барышнѣ не предоставить права изучать что угодно? Но дѣло не въ наукѣ, — дѣло въ претензіи и педантизмѣ, которые наводятъ всегда на всѣхъ адскую скуку.

Развѣ не скучно съ дамой, которая ни о чемъ знать не хочетъ, ни о чемъ больше не говоритъ, какъ о Фейербахѣ, Мальтусѣ и небесныхъ свѣтилахъ?—„Ничего, говорите вы, мнѣ это нравится!“ Очень хорошо; съ вами легко согласиться, когда дама умна въ настоящемъ смыслѣ слова, знаетъ предметъ основательно, читала съ толкомъ и серьёзно. Ну, а какъ Фейербахъ понимается вкривь и

вкось и, главное, является затѣмъ только, чтобы озадачивать ближняго и пускать пыль въ глаза?..

Развѣ не скучно, когда барышня, танцуя съ вами кадриль, ввертываетъ поминутно такія фразы:—„Oui, monsieur, je dirais avec Voltaire: la vie est un songe...“ или: „Aimez vous la philosophie?..“ Развѣ барышнѣ не скучно съ господиномъ, который, танцуя съ нею мазурку, пыхтитъ, мучится и страшно потѣетъ, стараясь занять ее глубокомысленными размышленіями и философскими истинами?

Вообще говоря, къ разряду „унылыхъ съ ученостію“ принадлежатъ безъ исключенія всѣ лица, которыя, *во-первыхъ*: танцуя кадриль, гуляя съ дамами, или сидя въ обществѣ, корчатъ глубокомысленныхъ и страстно любятъ проводить такого рода мысли:—„страшно всегда какъ-то смотрѣть на черепъ; вотъ, думаешь: тутъ кипѣли нѣкогда мысли, здѣсь зарождались поэмы, — а теперь?.. теперь?..“ или: — „Душа содрогается при мысли, что стòитъ произвести два слова: трефъ и бубень, — и человѣкъ богатый вдругъ превращается въ нищаго!..“ или: — „Жизнь! Что такое жизнь?—внѣшнія удовольствія и роскошь; въ душѣ—горькія сомнѣнія и безпокойства!..“ или: — „Человѣкъ—это цѣлый міръ... это существо, которое... которое...“ Затѣмъ слѣдуетъ обыкновенно грустно-задумчивая улыбка; философъ наклоняетъ голову и какъ бы погружается въ самого себя.

Во-вторыхъ: всѣ тѣ, которые чему-нибудь учились, но постоянно терзаются мыслію, что вы сомнѣваетесь въ томъ, что они что-нибудь знаютъ; преслѣдуемые постоянно такой мыслію, они спѣшатъ скрѣплять каждое ваше слово анекдотомъ изъ древней исторіи, приводятъ часто ни къ селу, ни къ городу ученыя цитаты и совершенно злоупотребляютъ словами: Цицеронъ, анахронизмъ, Буцефалъ, Муцій-Сцевола, Абботсфордское аббатство, псевдонимъ, Горацій Коклесъ, и проч.

Въ-третьихъ: люди, дѣйствительно знающіе что-нибудь, но совершенно лишенные находчивости и памяти.— „Позвольте... позвольте...“ говорятъ они, прерывая васъ неожиданно, — и вдругъ умолкаютъ, выказывая унылое безпокойство; послѣ того спѣшатъ они домой, роются въ книгахъ, отыскиваютъ забытое мѣсто, и на другой день, въ минуту, какъ вы меньше всего ждете, выстрѣливаютъ въ васъ ученой тирадой. Къ тому же классу причисляется каждый, кто, прочитавъ дома статью, дис-

сертацію, ученое открытіе, является къ вамъ, затрогиваетъ только-что прочитанный имъ вопросъ, обнаруживаетъ глупую радость при вашемъ незнаніи и передаетъ вамъ прочитанное какъ бы въ назиданіе.

Въ-четвертыхъ: всѣ мальчики отъ двѣнадцати до восемнадцати лѣтъ включительно, одаренные какимъ-нибудь талантомъ: пишущіе стихи, сочиняющіе повѣсти, рисующіе и считающіе себя почему-то „непонятыми“. Такихъ юношей является годъ отъ году больше и больше; они распложаются какъ кролики. Дай только Богъ, чтобы скука, которую наводятъ они въ юношескихъ лѣтахъ, вознаградилась чѣмъ-нибудь въ зрѣломъ возрастѣ!

„Фразёры“. — Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ особъ двоякаго разбора: „фіоритуристы“ и „тупицы“.

„Фіоритуристы“—всѣ тѣ, которые никакъ не могутъ убѣдиться, что чѣмъ проще и яснѣе выражается человѣкъ, тѣмъ лучше. Фразёрство, о которомъ мы говоримъ, проистекаетъ по большей части изъ желанія прослыть любезнымъ, — желанія, соединеннаго съ сознаніемъ своей неспособности къ любезности, преимущественно въ женскомъ обществѣ. Вы прогуливаетесь въ лодкѣ; рулемъ правитъ барышня, и правитъ криво и косо. „Сударыня, скажетъ фіоритуристъ, вамъ опасно ввѣрять кормило правленія!..“ или: „Я не поручилъ бы вамъ Балтійскаго флота, сударыня! Лавируя такимъ образомъ, вы умчали бы насъ въ самый центръ эскадры враждебнаго флота...“ Провинція особенно богата фіоритуристами; тамъ слышалъ я между прочимъ такую фразу: „Вы ѣдете, сударыня?.. Довольно было впрочемъ вашего короткаго пребыванія въ мѣстахъ нашихъ, чтобы построить въ сердцахъ любящихъ васъ людей храмъ вѣчныхъ воспоминаній!..“ и т. д.

„Тупицы“ — лица, окончательно обиженныя природой, отчаянно глупыя, повторяющія общія мѣста и говорящія то, что всѣ уже давно знаютъ: „Сегодня пятнадцатое число, черезъ двѣ недѣли будетъ первое!“—„Петръ Великій геній!“—„Я люблю то, что хорошо!“—„Мужчины не женщины!“—„Желѣзная дорога отличное изобрѣтеніе!“—„Въ Петербургѣ можно все достать за деньги...“—„Вообще говоря: болѣзнь скверная вещь!“ — „Кто же не имѣетъ недостатковъ?“—„Зимою всегда холодно!“—„Сегодня пятница, завтра суббота“ и т. д. Тупица любитъ иногда пофилософствовать; онъ ввертываетъ тогда подобнаго рода размышленія:—„Люди какъ рыбы, большіе по-

ѣдаютъ маленькихъ...“ Иногда тупица пускается въ остроуміе и любезность. Онъ собираетъ каламбуры, остроты, анекдотцы, водевильные куплеты; водевили Александринскаго театра доставляютъ ему бо̀льшую часть его матеріала; онъ повторяетъ на каждомъ шагу выраженія:— „Какъ сказалъ одинъ д-р-р-ревній воинъ!“—„Я ѣхалъ на лодкѣ Невой... Не вой, братецъ, не вой!“ или каждое свое слово скрѣпляетъ словами:—„Ну и кончено! ну конечно!“ или задаетъ вамъ вопросъ:—„Что лучше стакана пунша?“ и самъ спѣшитъ отвѣтить: „Два стакана пунша!“

Къ тупицамъ принадлежатъ также люди, которые, проживъ съ человѣкомъ десять лѣтъ, ничего больше не въ состояніи сказать о немъ, какъ: „Да, онъ прекрасный человѣкъ!“ или: „Да, у него непріятный характеръ!“ Также тѣ, которые, находясь съ вами въ вагонѣ, поясняютъ: „Пріѣхали обѣдать“, когда пріѣхали обѣдать; „машина поѣхала“, когда поѣхала; „машина остановилась!“ когда остановилась, и т. д.

Если на похоронахъ подойдетъ къ вамъ господинъ или дама и скажетъ съ унылымъ видомъ:—„Что жъ дѣлать! всѣ мы смертны!..“ или: „какъ быть! никто не минуетъ этого!..“ или: „что жъ дѣлать! всѣ мы тамъ будемъ!..“ почти навѣрняка заключайте, что къ вамъ подходили тупицы.

Перейдемъ теперь къ „меланхоликамъ“. Меланхоликъ— который сознаетъ, что онъ скученъ и потому избѣгаетъ общества, не можетъ имѣть мѣста въ этой „статьѣ“, исключительно посвященной лицамъ, навязывающимъ себя и всякому жестоко надоѣдающимъ.

Здѣсь, слѣдовательно, идетъ рѣчь о меланхоликахъ другого разбора. Къ вамъ является господинъ, очень чисто одѣтый, очень скромнаго, тихаго вида; онъ вяло раскланивается, вяло опускается въ кресло, начинаетъ вертѣть шляпу между колѣнами и молчитъ; молчитъ часъ, другой, третій, изрѣдка развѣ, и то весьма лаконически, отвѣчая на вопросы и скрѣпляя слова свои грустной улыбкой.— „Что съ вами? спрашиваете вы: — вы нездоровы?“— „Нѣтъ-съ, ничего... я такъ!..“—и снова молчаніе. На другой день господинъ снова является, снова садится въ кресло, и снова молчитъ; на третій день то же.—„Что за чортъ! думаете вы,—чего же ему отъ меня надо?“ Ему ничего отъ васъ не надо; но вамъ его представили, вы случайно съ нимъ познакомились, и онъ считаетъ своимъ

долгомъ посѣщать васъ, посидѣть часъ-другой на вашемъ креслѣ. Быть-можетъ, кресло ему понравилось, быть-можетъ, вы сами; меланхоликъ никому не говоритъ объ этомъ. Какъ только меланхоликъ пускается въ объясненія, онъ получаетъ названіе „плаксы“. „Боже мой, что съ вами?“ восклицаете вы, пораженные глубокимъ уныніемъ, написаннымъ въ чертахъ N*.—„Ничего, возражаетъ протяжно заунывнымъ голосомъ N*;—ничего... такъ, знаете ли... грустно какъ-то!..“—„Но отчего же грустно?“—„Такъ, знаете ли... Когда посмотришь на жизнь... подумаешь обо всемъ этомъ...“ — „Ну, такъ что жъ?“—„Невольно уже тогда какъ-то грустно дѣлается...“ Другого объясненія не ждите. Замѣчательнѣе всего, что плаксы-меланхолики посѣщаютъ всевозможныя гулянья, собранія, театры; вы всегда найдете ихъ тамъ, гдѣ происходитъ веселье; какая у нихъ цѣль при этомъ — неизвѣстно. Встрѣтьте плаксу на иллюминаціи, замѣтьте ему, что лицо его кажется вамъ унылымъ, разстроеннымъ, и спросите, почему такъ?— „Чему же веселиться? возразитъ онъ.—Боже мой, неужто вы веселы? Подумайте только! сколько всѣ эти шкалики, вся эта иллюминація стòитъ денегъ! сколько труда! суеты!.. а къ чему все это?.. Къ чему?.. Для одного мига! для одного часа!..“ Въ саду на минеральныхъ водахъ плакса прогуливается, какъ бы замышляя самоубійство: „Чему бѣснуется вся эта толпа? говоритъ онъ, распуская нюни.— Взгляните, стеклась она сюда со всѣхъ концовъ Петербурга; суетится, скачетъ, прыгаетъ... Чтò могло привлечь ее сюда? Что?..“—Но сами-то вы зачѣмъ пріѣхали?“— „Такъ, знаете ли, грустно какъ-то было... взялъ да и поѣхалъ...“ Плакса не пропускаетъ ни одной аллеи публичнаго сада, ни одного закоулка; онъ останавливается передъ каждымъ балаганомъ, зрѣлищемъ, оркестромъ; но лицо его остается неизмѣнно разстроеннымъ и какъ бы всегда сказать хочетъ:—Боже, что за пустота! и это называется „у нихъ“ весельемъ!..

Говоря о скучныхъ людяхъ изъ породы плаксивыхъ, мы не ошибемся, кажется, если присоединимъ къ нимъ „мнимыхъ больныхъ“, людей, наводящихъ нестерпимую скуку жалобами о своемъ животѣ, колотьяхъ и нервическомъ разстройствѣ.

Мнимый больной тотъ же лгунъ, но только лгунъ съ убѣжденіемъ, лгунъ тѣмъ болѣе несносный, что предметъ его лжи уже самъ по себѣ не имѣетъ ничего занимательь-

наго. И, наконецъ, какое вамъ дѣло до его убѣжденій?— вы ихъ не раздѣляете; питаете даже въ душѣ вашей твердую увѣренность, что они ни на чемъ не основаны. Но жалобы мнимаго больного занимаютъ можетъ-быть послѣднюю роль въ той скукѣ, которую онъ на васъ наводитъ. Нѣтъ существа болѣе пристрастнаго, болѣе близорукаго въ отношеніи къ самому себѣ, какъ мнимый больной; ничтожнѣйшему изъ нихъ кажется непремѣнно, что вниманіе цѣлаго міра должно быть устремлено на его печень и легкія; онъ возмущается, когда не падаете вы въ кресло и не приходите въ ужасъ, слушая разсказъ о колотьѣ въ боку, или остаетесь равнодушны при извѣстіи, что онъ дурно спалъ вчерашнюю ночь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнимый больной самъ приходитъ въ ужасъ и падаетъ въ кресло, когда дѣлаете вы замѣчаніе о цвѣтѣ его лица, прыщикѣ на носу и тому подобное. Скучнѣе всего, что мнимый больной жалуется всегда почти на ту часть своего организма, которая болѣе всего здорова. Одинъ жалуется на боль и слабость въ ногахъ, говоритъ, что не можетъ иначе прогуливаться, какъ въ каретѣ; а между тѣмъ, смотришь, онъ ежедневно дѣлаетъ десять верстъ, бѣгая вокругъ бильярда. У другого ежедневно являются припадки холеры; онъ вѣчно въ какой-то тревогѣ, вѣчно разсказываетъ исторію о томъ, что желудокъ его не варитъ вотъ уже скоро пять лѣтъ; а между тѣмъ не видали вы еще человѣка, который такъ страшно пугалъ бы васъ своимъ обжорствомъ: за завтракомъ съѣдаетъ онъ двѣ котлетки, фунтъ сливочнаго масла и полную тарелку жареныхъ грибовъ! Вѣрьте имъ послѣ этого и не смѣйтесь надъ ними!

Между плаксами и меланхоликами остается еще большой пробѣлъ: мы ничего не сказали о „мнительныхъ канючкахъ, попрошайкахъ, постныхъ рожахъ“ и еще многихъ другихъ; но всего не усмотришь, не перескажешь. Перейдемъ къ „чувствительнымъ и сентиментальнымъ“.

Всѣ чувствительные и сентиментальные, по большей части, добрѣйшіе люди; они одарены прекраснѣйшимъ сердцемъ и мягкою, нѣжною душою, но чувствительность точно такъ же какъ и мечтательность, хороша и безвредна, въ смыслѣ скуки, тогда только, когда не переходитъ за предѣлъ. „Отъ прекраснаго до комическаго, или, пожалуй, до несноснаго одинъ шагъ“. Скучныхъ чувствительныхъ людей можно раздѣлить на два главные

разряда: на „счастливыхъ и несчастливыхъ“; потомъ являются еще подраздѣленія: „липкіе“ чувствительные люди и „смиренные“.

„Липкими“ принято называть смертныхъ обоего пола, которымъ свойственно внезапно полюбить встрѣчнаго и поперечнаго и прилипать къ нему сразу всѣмъ сердцемъ, всей душою и всѣми своими чувствами. Названіе „липкихъ“ основано, впрочемъ, на томъ, я полагаю, что руки особъ этого разбора сохраняютъ постоянно какое-то влажное, липкое свойство; по всѣмъ вѣроятностямъ, такое свойство дается природой нарочно съ тою цѣлію, чтобы отличить ихъ отъ другихъ людей. А впрочемъ, не знаю; извѣстно мнѣ только то, что когда „липкій“ счастливъ, влажность рукъ его несравненно меньше чувствуется: это потому, можетъ-быть, что онъ рѣже тогда жметъ вашу руку. Липкій любитъ предаваться мечтаніямъ, любитъ припоминать минуту, часъ и мельчайшія обстоятельства, при которыхъ онъ съ вами познакомился; любитъ звать васъ къ себѣ, сажаетъ васъ между женою и дѣтьми (и всегда на самомъ лучшемъ и мягкомъ мѣстѣ), и даетъ вамъ почувствовать, что считаетъ васъ не иначе, какъ членомъ своего семейства. Вы говорите, что думаете ѣхать за границу или желали бы сдѣлать кругосвѣтное путешествіе: „Да, возражаетъ онъ, — я самъ мечтаю объ этомъ! Къ несчастью, обстоятельства не позволяютъ мнѣ осуществить любезнѣйшей мечты моей; а то, какъ бы хорошо было! Мы поѣхали бы вмѣстѣ! Вмѣстѣ бродили бы всюду... вмѣстѣ бы наслаждались!.. вмѣстѣ дѣлили бы бури и опасности... Не правда ли, какъ это было бы пріятно?..“

Сентиментальный человѣкъ, который недоволенъ судьбою, хандритъ или чувствуетъ себя несчастнымъ, еще прилипчивѣе, и, слѣдовательно, еще скучнѣе. Сдѣлавшись предметомъ его дружбы или расположенія, вы превращаетесь въ жалкую жертву. Вы садитесь за столъ—онъ садится рядомъ; перешли послѣ обѣда на диванъ—онъ располагается у васъ подъ бокомъ; идете къ окну или гулять—и онъ за вами. Въ первый же часъ вашего знакомства, онъ легкими намеками объяснитъ вамъ, какъ несчастливъ онъ въ своемъ семействѣ, какъ постоянно сокрушаетъ его мысль, зачѣмъ онъ женился, и проч. Вздохи и знаки нетерпѣнія, которые выказываете вы при этомъ, объясняетъ онъ участіемъ къ себѣ; онъ думаетъ,

что нашелъ, наконецъ, сострадательную душу, нашелъ истинно доброе, благородное сердце, способное понимать горести ближняго и сильно ему сочувствующее. Вы, между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ усиливаются изліянія, вы ясно начинаете понимать, почему жена покинула его, почему друзья его проходятъ по улицѣ и стараются не узнавать его.

Приведемъ теперь образчикъ „смиреннаго-сентиментальнаго“. Вы случайно встрѣтились съ товарищемъ дѣтства или знакомымъ, котораго не видали нѣсколько лѣтъ.

— Здравствуй, братецъ, говоритъ онъ робко.

— А, здравствуй!..

— Ты не узнаешь меня?.. присовокупляетъ онъ, протягивая вамъ руку съ такимъ видомъ, какъ будто не совсѣмъ еще увѣренъ, хотите ли вы взять ее или нѣтъ,— можетъ быть, ты не хочешь узнать меня?

— Помилуй, что̀ за странная мысль!..

— Отчего жъ?.. старыхъ друзей всегда забываютъ...

— Нисколько!

— Ну, благодарю тебя... а я ужъ думалъ, что не хочешь узнать меня. Мы часто о тебѣ вспоминаемъ... Мы не забываемъ старыхъ пріятелей...

Вы приглашаете такого человѣка обѣдать, онъ отвѣчаетъ, потупляя глаза: „Благодарю тебя; нѣтъ, я себя знаю... зачѣмъ я вамъ? я слишкомъ скучный, печальный собесѣдникъ... Я только всѣмъ вамъ помѣшаю...“ Зовете его на вечеръ, гдѣ будутъ читать стихи, играть на фортепіано или пѣть,—онъ отвѣчаетъ: „Благодарю васъ;—но зачѣмъ же? къ чему? что̀ я буду тамъ дѣлать?.. я слишкомъ незамѣтный человѣкъ, чтобы принимать участіе въ такомъ блистательномъ собраніи... тамъ все бо̀льшею частію умные, извѣстные люди... но что же я такое?.. нѣтъ, я буду лишнимъ!..“ Приглашаете его на дачу или прогулку: „Нѣтъ, благодарю... искренно, душевно благодарю. Для такихъ прогулокъ... словомъ, чтобы быть въ обществѣ, нужна веселость, любезность... у меня нѣтъ этого... я буду скученъ и наведу только скуку на все общество...“ и т. д.

Въ основаніи такой скромности лежитъ, очень часто, толстый слой самолюбія... Но предоставимъ охотникамъ до анализа и психологамъ отыскивать и опредѣлять причины, приводящія въ дѣйствіе пружины человѣческой природы. Ограничиваясь одними внѣшними наблюденіями,

мы зашли и безъ того уже чуть ли не слишкомъ далеко...

Впрочемъ, изслѣдованіе наше почти кончено. Остается сказать нѣсколько словъ о людяхъ безъ чутья, которыхъ нарочно берегли мы для заключенія.

Начать съ того, что къ этой категоріи принадлежатъ безъ исключенія всѣ скучные люди. Скучный человѣкъ потому вѣдь только и скученъ, что нѣтъ у него чутья. Одного чутья, конечно, не достаточно, чтобы быть любезнымъ и занимательнымъ, но совершенно довольно, чтобы не быть скучнымъ.

Чутьемъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы его здѣсь принимаемъ, называется тонкая способность понимать и чувствовать, когда надо говорить и сколько именно; гдѣ надо замолчать, дѣйствовать и бездѣйствовать, въ какой именно мѣрѣ дѣлать то и другое. Ясно, слѣдовательно, что существо, одаренное чутьемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть скучнымъ. Чутье скажетъ ему, когда слѣдуетъ укротить порывъ веселости, чтобы не пересолить; скажетъ, гдѣ остановиться на пути сердечныхъ изліяній, чтобы не наскучить; словомъ, укажетъ ему ту, почти неуловимую границу, которая раздѣляетъ скуку отъ занимательности.

Убійственнѣе всего, что чутье это не имѣетъ ничего общаго съ умомъ, познаніями, характеромъ и даже нравственными добродѣтелями! Чутье безпристрастно какъ счастье, какъ фортуна; надо думать, ходитъ оно также съ завязанными глазами и часто попадаетъ туда, гдѣ его вовсе не ждали. Что же удивительнаго послѣ того, если иногда ограниченный человѣкъ сноснѣе умнаго, унылый пріятнѣе веселаго, ученый скучнѣе неуча, и т. д.?

Вся тайна въ присутствіи или отсутствіи чутья, которое заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, весь смыслъ, всю мораль предполагаемаго изслѣдованія. Больше, кажется, сказать нечего, кромѣ того развѣ, что въ огромной семьѣ скучныхъ людей существуютъ еще скучные писатели... Объ образчикѣ такихъ писателей, сколько замѣтно по вашимъ глазамъ, опущеннымъ на эту страницу, вы, кажется, имѣете уже нѣкоторое понятіе... Спѣшу поставить точку.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НРАВОВЪ.

(ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.)

Читателю.

Случалось ли вамъ, почтенный читатель, разсматривать когда-нибудь такъ-называемыя „записныя книжки художниковъ?"

Здѣсь, разумѣется, нѣтъ и помину о тѣхъ книгахъ, которыя разграфлены красными и черными чернилами и усыпаны рядами цифръ и расходовъ на краски, карандаши, холстъ, сигары, чай, сахаръ и тому подобныя художественныя и хозяйственныя принадлежности. Начать съ того: художники большею частію рѣдко ведутъ свои счеты; наконецъ, каждому изъ васъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ уже надоѣли собственные расходы, чтобы я позволилъ себѣ предлагать вамъ заглядывать еще и въ чужіе. Здѣсь собственно говорится о книжкахъ, листки которыхъ покрыты эскизами всѣхъ возможныхъ родовъ,— эскизами, набросанными безъ всякой системы, порядка, и притомъ самымъ бѣглымъ образомъ.

Безъ такой книжки не обходится ни одинъ художникъ, любящій искусство свое не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Сидитъ ли онъ у окна своей квартиры, гуляетъ ли по улицамъ или за городомъ, — карандашъ и записная книжка всюду его сопровождаютъ. Онъ часто набрасываетъ свои эскизы вовсе не потому, чтобы нуждался въ матеріалахъ; онъ не заботится даже знать, послужатъ ли они къ чему-нибудь и можно ли будетъ впослѣдствіи составить изъ нихъ картину. Но тѣмъ не менѣе, отдаваясь невольно чувству наблюдательности, а также пови-

нуясь врожденному стремленію выражать рисункомъ свои наблюденія,—онъ неутомимо наноситъ на бумагу все, что сколько-нибудь поражаетъ его глазъ, умъ и сердце. Въ такихъ книжкахъ вы рѣдко встрѣтите что-нибудь цѣлое, оконченное. Случается, что тотъ или другой предметъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ забавномъ или серьезномъ, сильнѣе поразилъ художника; онъ не могъ отъ него оторваться, и, возвратясь домой, принялся за обдѣлку эскиза, придалъ ему видъ рисунка, оконченнаго съ любовію и тщаніемъ. Но тогда бѣглый очеркъ перестаетъ уже быть такимъ и превращается въ художественное произведеніе: онъ вырывается изъ записной книжки и поступаетъ въ портфель самого художника, или любителя. Здѣсь собственно говорится объ эскизахъ, цѣль которыхъ уже въ совершенствѣ достигнута, когда выражена мысль или уловлена главная характеристическая черта изображаемаго предмета.

Мы привели все это къ тому, почтенный читатель, чтобы указать вамъ настоящую точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемые теперь очерки. Это не болѣе какъ эскизы.

Я поступалъ въ отношеніи къ своей записной книжкѣ точно такъ же, какъ художникъ: набрасывалъ на листки ея все, что̀ останавливало мое вниманіе, — не имѣя при этомъ никакой особенной цѣли, не стѣсняя себя заранѣе придуманной формой. Если, кромѣ чувства наблюдательности и стремленія выражать на бумагѣ свои наблюденія, руководило мною что-нибудь,—такъ это была одна только мысль: не дѣлать ничего наобумъ и захватывать въ эскизахъ своихъ какъ можно больше правды, то-есть стараться проводить каждую черту съ натуры.

Душевно сожалѣю, что эскизы эти займутъ мѣста больше, чѣмъ тѣ, которые набрасываются карандашомъ. Въ этомъ отношеніи я всегда завидовалъ рисовальщику. Онъ можетъ въ одинъ мигъ и на небольшомъ клочкѣ бумаги выразить то, на что писателю необходимо нѣсколько листовъ, много времени и еще больше труда. Легче разсмотрѣть самый замысловатый рисунокъ, чѣмъ прочесть сряду нѣсколько самыхъ незамысловатыхъ печатныхъ страницъ. Я дѣлалъ все возможное, чтобы листки изъ моей записной книжки занимали какъ можно меньше мѣста,—и, слѣдовательно, какъ можно меньше утомляли васъ. Не знаю, насколько успѣлъ я въ этомъ. Во вся-

комъ случаѣ, прошу васъ вооружиться снисхожденіемъ (оно никогда не мѣшаетъ), прошу отложить строгость до другого, болѣе удобнаго случая, когда въ самомъ дѣлѣ она потребуется, а главное — прошу не хмурить бровей, какъ это вы дѣлаете, когда приступаете къ разсматриванію цѣлой, тщательно оконченной картины, или чтенію строго задуманнаго и строго исполненнаго литературнаго произведенія.

I.
Отраженія.

(сверху внизъ.)

Утромъ, часовъ около одиннадцати... (нѣтъ надобности распространяться о томъ, въ какой улицѣ это происходило, и даже въ какомъ городѣ) маленькая, красивая карета темно-шоколаднаго цвѣта и на лежачихъ рессорахъ остановилась подлѣ тротуара. Изъ нея вышелъ господинъ лѣтъ пятидесяти, но еще статный и, вообще, очень хорошо сохранившійся. Сѣдина едва примѣтно серебрилась въ его небольшихъ бакенбардахъ, тщательно приглаженныхъ по обѣимъ сторонамъ полныхъ щекъ, дышащихъ здоровьемъ; подбородокъ его, съ ямкой по серединѣ, лоснился какъ атласъ — такъ онъ былъ гладокъ и хорошо выбритъ. Ступивъ на тротуаръ, статный господинъ направился размѣреннымъ, сдержаннымъ шагомъ, какимъ ходятъ люди, гуляющіе не столько изъ удовольствія, сколько для моціона.

Хотя держался онъ необыкновенно сановито, — въ наружности его не было ничего натянутаго или надменнаго; совсѣмъ напротивъ: глаза смотрѣли кротко и весело, выраженіе доброты, прямодушія и крайней снисходительности отражалось въ каждой чертѣ его лица, постоянно озареннаго мягкой, пріятной улыбкой. Доброта, такъ рѣзко отпечатанная, всегда дѣйствуетъ обаятельно. Одинъ видъ этого господина пробуждалъ къ нему сочувствіе въ душѣ вашей; каждый встрѣчавшійся съ нимъ невольно становился веселѣе и начиналъ чувствовать пріятную легкость на сердцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый приходилъ также въ полное убѣжденіе, готовъ даже былъ принять присягу, что господинъ этотъ — человѣкъ съ вѣсомъ и значеніемъ. Онъ, какъ уже сказали мы, не подавалъ ровно никакого повода къ такого рода заключенію, а между

тѣмъ, могу васъ увѣрить, невозможно было оторваться отъ мысли, что вы точно встрѣтили лицо, имѣющее вѣсъ и значеніе.

Не постигаю, какъ это дѣлается. Но встрѣчая француза, итальянца, англичанина или американца, особенно послѣднихъ, вы просто скажете: это англичанинъ, это американецъ и т. д. Наружность ихъ, какова бы ни была она, не дастъ вамъ никакого понятія о ихъ званіи и общественномъ положеніи; она часто даже приведетъ васъ въ заблужденіе: вы примете важную особу за куафера, мелкаго лавочника за члена парламента и т. д. Они словно совершенно довольствуются уже тѣмъ, что кажутся англичанами, американцами и т. д.

Повторяю вамъ: не постигаю, что̀ пробуждаетъ такого рода дѣйствіе, но при встрѣчѣ съ нашими соотечественниками, тотчасъ приходятъ на умъ отличія человѣка, его званіе и мѣсто, которое занимаетъ онъ въ обществѣ. Природа ли наша, которой, какъ всѣ утверждаютъ, свойственно порываться въ ширину, тому способствуетъ, но только русскій человѣкъ не довольствуется, какъ будто, казаться только русскимъ человѣкомъ; ему какъ будто мало этого: онъ хочетъ непремѣнно, чтобы знали, сверхъ того, кто онъ такой и съ кѣмъ именно имѣешь дѣло: съ помѣщикомъ ли, секретаремъ ли палаты, предводителемъ ли дворянства, лицомъ ли высокаго общественнаго положенія, дѣйствительнымъ ли статскимъ совѣтникомъ и т. д.

Стремленіе къ выраженію своего официальнаго значенія такъ сильно въ русскомъ человѣкѣ, такъ неразлучно присутствуетъ въ его душѣ и мысляхъ, такъ часто приводится въ дѣйствіе, что способъ выраженія входитъ уже наконецъ въ привычку и впослѣдствіи высказывается самъ собою, безъ малѣйшаго напряженія со стороны самого лица. Вы можете забыть иногда, что вы богатый помѣщикъ, владѣлецъ несчетныхъ душъ, что вы предсѣдатель палаты или статскій совѣтникъ, но самая уже ваша фигура получила, такъ сказать, форму вашего официальнаго положенія, и сто̀итъ взглянуть на нее, чтобы тотчасъ же догадаться, кто вы такой и съ кѣмъ имѣешь дѣло.

То же самое было и съ господиномъ, вышедшимъ изъ кареты темно-шоколаднаго цвѣта. Онъ *дѣйствительно* имѣлъ вѣсъ и значеніе. (Мы подчеркиваемъ это слово потому собственно, что множество лицъ, находясь въ пол-

номъ заблужденіи касательно своего значенія и увлекаясь тщеславіемъ вѣка, принимаютъ наружную форму лицъ несравненно болѣе значительныхъ и вводятъ такимъ образомъ въ заблужденіе публику; такъ, напримѣръ, уѣздный чиновникъ можетъ показаться иногда губернскимъ, секретарь палаты предсѣдателемъ и проч., и проч.)

Не имѣй тотъ человѣкъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, не имѣй онъ въ самомъ дѣлѣ значенія, ему не стали бы съ утра и до вечера докучать просьбами. Входилъ ли онъ въ пріемную комнату,—десятки лицъ порывались къ нему съ прошеніями; онъ спускался на лѣстницу, — просители преслѣдовали его до кареты; въ обществѣ, — дамы мило улыбались ему и приступали съ просьбами объ опредѣленіи сына бѣдной вдовствующей старушки или о помѣщеніи семилѣтней дѣвочки, дочери подпоручицы, обремененной дюжиною другихъ малолѣтнихъ дѣвочекъ. Къ нему прибѣгали за обѣдомъ и даже не оставляли въ покоѣ во время десерта. По возвращеніи домой, онъ находилъ на письменномъ столѣ своемъ кипы писемъ, которыя необходимо требовали прочтенія и отвѣта; частныя аудіенціи поглощали остальное его время. Какъ, спросите вы, доставало его на все это? Онъ, разумѣется, слушалъ часто разсѣянно и ничего не принималъ къ сердцу, — въ противномъ случаѣ, могъ ли онъ казаться такимъ веселымъ и могъ ли такъ хорошо сохранить себя? Конечно, не могъ бы.

Но значительный человѣкъ не имѣетъ лишняго времени для прогулки. Пройдя съ четверть версты, онъ снова садится въ маленькую карету темно-шоколаднаго цвѣта, и ѣдетъ куда призываютъ его многосложныя занятія. Карета останавливается передъ подъѣздомъ большого дома. Едва кучеръ успѣлъ осадить лошадей, на подъѣздѣ показывается инвалидъ, съ лицомъ, исполненнымъ суеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнаго благоговѣнія. Онъ отворяетъ дверцы кареты и высаживаетъ ея владѣльца, соблюдая при этомъ такую осторожность, какъ будто поддерживаетъ хрупкую вѣтку, покрытую инеемъ, который отъ перваго прикосновенія сейчасъ же долженъ осыпаться.

— Здравствуй, Тарасенко! говоритъ значительное лицо, очевидно, забавляясь суетливою озабоченностью инвалида.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!

Тарасенко выпрямляется, комически встряхиваетъ головою и стремглавъ пускается отворять дверь подъѣзда.

При входѣ начальника въ прихожую, Тарасенко снимаетъ съ него пальто, быстро вооружается щеткой и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать движеніе, приступаетъ къ чищенью его вицъ-мундира; чистить рѣшительно нечего: спина вицъ-мундира отливаетъ какъ новый бархатъ, но добраго начальника забавляетъ, повидимому, усердіе инвалида, — усердіе, отъ котораго глаза Тарасенка выскакиваютъ изъ головы и потъ проступаетъ даже на кончикѣ его носа.

— Спасибо, Тарасенко!..

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

И, какъ бы поощренный ласковымъ обращеніемъ, инвалидъ такъ задвигалъ щеткой, что раза два неосторожно коснулся спинной лопатки. При этомъ начальникъ только усмѣхнулся.

— Виноватъ, ваше превосходительство!..

— Ничего, братецъ, ничего: спасибо!

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

Добродушная улыбка не сходила съ лица начальника во все время, какъ поднимался онъ по лѣстницѣ; она не оставляла его, напротивъ, обозначилась еще явственнѣе, когда вступилъ онъ въ большую комнату, гдѣ ожидало его нѣсколько человѣкъ въ форменныхъ мундирахъ.

— Здравствуйте, господа!.. сказалъ начальникъ, посылая привѣтливые поклоны, между тѣмъ, какъ лица, къ которымъ они обращались, сохраняли серьезную и почтительную позу, или стояли въ наклоненномъ положеніи, какъ вѣтви плакучей березы, и, повидимому, слабли и расплывались отъ восхищенія. — Здравствуйте, господа! повторилъ онъ.

Но улыбка, появившаяся на губахъ его въ прихожей, распространилась еще болѣе; онъ вдругъ засмѣялся своимъ добрымъ, милымъ смѣхомъ, и долженъ былъ остановиться.

— Ха-ха-ха...

— Ха-ха-ха... поспѣшили отозваться, но не слишкомъ громко, нѣкоторые изъ присутствующихъ; другіе выпрямились и представили рядъ весело улыбающихся физіономій.

— Меня сейчасъ ужасно насмѣшилъ нашъ швейцаръ Тарасенко, сказалъ начальникъ.—Онъ, впрочемъ, каждое утро доставляетъ мнѣ такое удовольствіе: не успѣю снять пальто, онъ кидается на меня со всѣхъ ногъ и начинаетъ чистить мнѣ вицъ-мундиръ... Но сегодня онъ находится

въ особенномъ припадкѣ усердія; онъ, бѣдняга, такъ усердствовалъ, что раза два хватилъ меня деревяжкою щетки по лопаткѣ... Надо было видѣть въ эту минуту его физіономію... Ужасно насмѣшилъ... Ха-ха-ха...

— Хе-хе-хе... отозвались на этотъ разъ громкимъ, единодушнымъ хоромъ присутствующіе, никогда еще, во всю свою жизнь (они готовы были поклясться въ этомъ) не встрѣчавшіе такого побудительнаго повода къ смѣху.

Но такимъ необычайнымъ умѣньемъ владѣть собою обладали эти лица, что секунду спустя всѣ были опять серьезны и хранили благоговѣйное молчаніе.

— Я, господа, пріѣхалъ къ вамъ только на минуту, сказалъ начальникъ.—Новаго у васъ ничего нѣтъ. Иванъ Матвѣевичъ, вы, кажется, имѣете что-то сказать мнѣ?.. Господа, можете идти... добавилъ онъ, обратившись къ остальнымъ, которые снова приняли видъ вѣтвей плакучей березы и тотчасъ же удалились.

Въ числѣ этихъ господъ находился, между прочимъ, одинъ, весьма коротенькій, но толстый, съ шитымъ стоячимъ воротникомъ и румянымъ круглымъ лицомъ, принимавшимъ издали видъ колоссальнаго апортоваго яблока, поставленнаго на золотое блюдо. Съ перваго взгляда можно было узнать въ немъ человѣка веселаго нрава, балагура, словомъ, душу общества тѣхъ людей, которые пользовались съ нимъ одинаковою степенью кредита и состояли съ нимъ въ одинаковомъ званіи. Онъ, впрочемъ, не прочь былъ войти въ объясненія и даже посмѣяться съ тѣми, которые стояли ниже его на ступеняхъ служебнаго поприща: такъ, напримѣръ, выйдя изъ кабинета директора, обратился онъ съ ласковой улыбкой къ какому-то секретарю, который, казалось, караулилъ его у двери.

— Что, какъ нонче его превосходительство? спросилъ секретарь, представлявшій изъ себя миніатюрнаго бѣлокураго человѣка съ длиннымъ, острымъ носомъ, выражавшимъ подозрительность, и лѣвою бровью, которая какъ-то робко и безпокойно двигалась.

Это былъ тотъ самый секретарь, съ которымъ произошелъ слѣдующій анекдотъ, долго ходившій по департаменту: директоръ написалъ карандашомъ черновую бумагу и второпяхъ забылъ поставить въ одномъ мѣстѣ запятую. Чиновникъ, переписывавшій бумагу набѣло, не посмѣлъ исправить ошибки, и, отправляясь къ начальнику съ переписанной бумагой, обратился къ маленькому секретарю,

прося у него совѣта, какъ поступить,—выставить ли запятую, или такъ оставить, какъ было въ черновой?.. Секретарь былъ еще тогда коллежскимъ совѣтникомъ: уже прямое назначеніе чина его состояло, такъ сказать, въ томъ, чтобы давать совѣты; съ другой стороны, его остановило такого рода размышленіе: „А ну, какъ его превосходительство спроситъ, зачѣмъ здѣсь запятая?.. Развѣ въ черновой бумагѣ есть запятая?.. и вдругъ оробѣвшій чиновникъ скажетъ: секретарь приказалъ“... Подъ вліяніемъ такого колебанія, секретарь нагнулся къ уху чиновника и шепнулъ ему скороговоркою: „Поставьте маленькую! нужна она—хорошо, не нужна—пройдетъ незамѣченною“...

— Ну, такъ ка̀къ сегодня его превосходительство? повторилъ секретарь.

— Ничего... возразилъ весельчакъ,—разсказывалъ очень забавную исторію: нашъ сторожъ, Тарасенко, бросился чистить ему вицъ-мундиръ и, чортъ его знаетъ, отъ излишняго ли усердія, отъ слѣпоты ли, но хватилъ его нѣсколько разъ щеткой по лопаткѣ...

— Можетъ ли быть!..

— Да; его превосходительство очень смѣялся, сказалъ весельчакъ, поворачиваясь на каблукѣ.

Присутствуй секретарь въ кабинетѣ въ то время, когда начальникъ разсказывалъ свою исторію, онъ, вѣроятно, смѣялся бы такъ же громко, какъ и другіе, быть-можетъ, даже громче, — но теперь не нашелъ онъ ровно ничего забавнаго въ томъ, что̀ сообщилъ весельчакъ. Не переставая двигать лѣвою бровью и какъ-то озабоченно пожимая губами, прошелъ онъ черезъ двѣ комнаты и, приблизившись къ одному изъ столоначальниковъ, сказалъ, понижая голосъ:

— Ужасная случилась непріятность...

— Что такое?

— Его превосходительство...

— Что?.. произнесъ начальникъ оживляясь.

— Представьте, нашъ сторожъ Тарасенко... вотъ, что внизу стоитъ на лѣстницѣ...

— Ну, ну, ну... нетерпѣливо перебилъ столоначальникъ.

— Не знаю, пьянъ ли онъ былъ, или другое что, но только, представьте, два раза ударилъ директора щеткой по лопаткѣ...

Ракета, къ которой приставляютъ палительную свѣчку,

не взвивается такъ быстро на воздухъ, какъ быстро поднялся съ мѣста столоначальникъ при окончаніи этого разсказа.

— Гдѣ экзекуторъ?.. Не видали ли вы экзекутора?.. Гдѣ экзекуторъ?.. повторялъ онъ торопливо, переходя изъ комнаты въ комнату.

Экзекуторъ не замедлилъ отыскаться. То былъ сухопарый, желтоватый человѣкъ, съ огромными черными бакенами, имѣвшими видъ котлетки; волосы его и густыя дугообразныя брови были черны какъ смоль; все это согласовалось, какъ нельзя болѣе, съ его синимъ подбородкомъ.

— А, Петръ Петровичъ!.. воскликнулъ столоначальникъ, увидя экзекутора и ускоряя шагъ.—Ну, что, не говорилъ ли я вамъ, а?.. Что, дождались, наконецъ? дождались!.. Этого только недоставало!..

— Что такое?.. что такое?..

— Нѣтъ, спросите лучше тамъ, что такое, да, тамъ!.. проговорилъ столоначальникъ, дѣлая сильное удареніе на послѣднее слово и выразительно указывая рукою на отдаленную дверь директорскаго кабинета.

При этомъ поблѣднѣли, казалось, самые бакены экзекутора.

— Что такое?.. Ахъ, Боже мой! Что случилось?.. проговорилъ онъ, подергивая губами.

— Я, впрочемъ, предупреждалъ васъ, что это случится рано или поздно; вы до такой степени слабы, Петръ Петровичъ, до такой степени распустили вашихъ подчиненныхъ, что это ни на что не похоже!..

— Но что же такое? Что? Бога ради!..

— А то же, что вы, или тотъ чиновникъ, которому поручили вы надзоръ надъ служителями,—но это въ сущности все равно, ибо вы начальникъ и, слѣдовательно, отвѣчаете за дѣйствія ввѣренныхъ вамъ подчиненныхъ,— вы, повторяю вамъ, до такой степени распустили...

— Но, ради Создателя, что̀ случилось?..

— Случилось, что инвалидъ, сторожъ, котораго поставили вы на лѣстницѣ для сниманія шинелей,—чортъ его знаетъ, пьянъ ли онъ былъ,—но только такъ хорошо чистилъ щеткою вицъ-мундиръ директора, что ушибъ ему спину...

Экзекуторъ схватилъ себя за волосы и опрометью устремился въ дальнія комнаты, крича надорваннымъ басомъ:

— Прохоровъ!.. Гдѣ Прохоровъ?.. Подайте мнѣ сюда Прохорова, Прохорова подайте!..

Прохоровъ, коренастый человѣкъ, съ лицомъ рябымъ, какъ вафля,—точно изъ земли выросъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь, а?.. Что вы здѣсь дѣлаете, спрашиваю я васъ?.. воскликнулъ экзекуторъ, яростно потрясая головою. — Я вамъ найду мѣсто, милостивый государь! найду мѣсто, если вамъ не угодно исполнять вашихъ обязанностей...

— Я всегда радъ...

— А, вы рады!..

— Но что такое-съ?..

— Нѣтъ, спросите-ка лучше тамъ, что такое! подхватилъ экзекуторъ, протягивая дрожащую руку по направленію къ директорскому кабинету!—да, спросите *тамъ*, что происходитъ! Знаете ли, милостивый государь мой, чѣмъ вы рискуете, а? а?..

— Что такое? Что случилось?.. спросили въ одинъ голосъ молодые и старые люди, находившіеся частію въ комнатѣ, частію привлеченные голосомъ экзекутора.

— А то случилось, что сторожъ Тарасенко, благодаря строгому наблюденію господина Прохорова, напился сегодня пьянъ, какъ стелька... и... и... не смѣю даже выговорить... при входѣ директора, разбѣжался со всѣхъ ногъ и... и... и ударилъ его щеткою въ спину... Больше ничего не случилось!.. Ахъ, Боже мой! Боже мой!..

Но Прохоровъ уже не слушалъ экзекутора. Съ лицомъ пылающимъ какъ жаровня, со стиснутыми кулаками, летѣлъ онъ со всѣхъ ногъ на лѣстницу. При видѣ Тарасенка, смиренно сидѣвшаго на скамьѣ, въ глазахъ Прохорова зажегся цѣлый фейерверкъ и ноги его начали захватывать по пяти ступенекъ разомъ. Въ самую ту минуту, директоръ показался на лѣстницѣ.

Не могу объяснить вамъ, какъ это случилось, но когда его превосходительство спустился въ прихожую, — тамъ Прохорова уже не оказалось; а между тѣмъ, замѣтьте, въ этой прихожей рѣшительно не было другой выходной двери кромѣ парадной; завалился ли Прохоровъ за лавку, скрылся ли подъ шинелями при видѣ директора, но онъ исчезъ совершенно. Тарасенко, въ лицѣ котораго явственно выражалось недоумѣніе,—онъ точно былъ ошеломленъ чѣмъ-то, — подалъ пальто начальнику, который, черезъ

минуту, катилъ уже въ своей каретѣ темно-шоколаднаго цвѣта.

Часа два спустя послѣ того, я торопился домой, чтобы убѣжать отъ дождя, который усиливался съ каждой минутой. Холодная капля, упавшая мнѣ за воротникъ, заставила меня приподнять голову; смотрю, а ужъ Тарасенко пробирается подлѣ длинныхъ дрогъ ломового извозчика; на дрогахъ возсѣдаетъ его жена и теща, окруженныя всякимъ домашнимъ хламомъ, какъ-то: постелью, периной, сундучкомъ, плошками, корытцемъ и проч., и проч. Во время дождя, всѣ физіономіи принимаютъ вообще плаксивый, кислый видъ; такою же точно показалась мнѣ и физіономія Тарасенка; но этому, впрочемъ, могла также способствовать косынка, которою перевязаны были щеки Тарасенка и которая придавала лицу его какое-то бабье выраженіе.

Три дня спустя, директоръ, пріѣхавъ въ департаментъ, случайно какъ-то встрѣтилъ экзекутора.

— Гдѣ-жъ Тарасенко? спросилъ онъ съ тою доброй, милой улыбкой, которая всегда его отличала. — Что его не видать?.. Ужъ не боленъ ли онъ?..

— Его уже нѣтъ, ваше превосходительство: онъ отставленъ отъ должности...

— Это почему?

— Невозможно было оставить, ваше превосходительство,—человѣкъ самаго нетрезваго поведенія...

— Жаль, сказалъ начальникъ,—очень, очень жаль! Онъ казался мнѣ всегда такимъ кроткимъ, смиреннымъ... Очень жаль!..

Послѣ того не было уже помину объ этомъ предметѣ. Тарасенко канулъ какъ въ воду, — и все пошло опять своимъ порядкомъ, производя свои обычныя отраженія сверху внизъ.

II.

Суета.

Часъ десятый въ началѣ. Туманное петербургское утро смотритъ кислымъ, плаксивымъ свѣтомъ въ единственное окно мрачной прихожей небольшой холостой квартиры. На первомъ планѣ, у двери, на полу свирѣпо шипитъ нечищенный самоваръ, увѣнчанный чайникомъ, въ которомъ, судя по пылающимъ углямъ сквозь нижнюю рѣшётку самовара, чай настоялся до крайней степени и дол-

женъ имѣть видъ крѣпкаго пива; на второмъ планѣ столъ съ подносомъ; на немъ чистый стаканъ на блюдечкѣ, сахарница, серебряная ложечка и десяти-копеечная французская булка. Далѣе, на скомканной сосновой кровати рисуется человѣкъ въ сидячемъ положенiи. Трудно рѣшить, что̀ дѣлаетъ онъ въ настоящую минуту; даже подойдя ближе, никакъ не скажешь, — спитъ ли онъ или такъ сидитъ, погруженный въ созерцанiе своихъ мыслей: Человѣкъ этотъ принадлежитъ (то-есть не совсѣмъ, а настолько, насколько можетъ принадлежать человѣкъ, нанимающiйся въ мѣсяцъ за три цѣлковыхъ),—принадлежитъ Алексѣю Васильевичу Блошкину, который покоится крѣпкимъ сномъ черезъ двѣ комнаты.

Самоваръ въ десятый разъ закипаетъ бѣлымъ ключомъ и пускаетъ вдругъ такой пронзительный свистъ, что человѣкъ встряхиваетъ головою. Онъ протяжно зѣваетъ, мутными глазами оглядываетъ самоваръ, потомъ окно, приподымается на ноги и медленнымъ шагомъ выходитъ въ сосѣднюю комнату.

Съ перваго взгляда замѣтно, что хозяинъ квартиры— человѣкъ небогатый и притомъ не домосѣдъ. Мебель второй комнаты, очевидно, поставлена только для формы: нельзя же, чтобы комната оставалась совершенно голою! Противъ зеркала, на столикѣ, сверкаетъ лампа, никогда не зажигаемая, и пепельница, въ которой никогда не бываетъ пепла.

Лакей проходитъ въ спальню. Откинутыя занавѣси и поднятыя шторы свидѣтельствуютъ, что лакей уже не въ первый разъ сюда заглядываетъ. На столѣ, подлѣ кровати со спящимъ Блошкинымъ, чикаютъ маленькiе золотые часы (не дорога вещица, но все-таки можно не безъ удовольствiя вынимать ее изъ жилетнаго кармана на улицѣ, въ театрѣ и даже въ обществѣ); тутъ находится также мутный графинъ съ водою и романъ графини Дашъ, заложенный на десятой страницѣ вотъ ужъ скоро мѣсяцъ (вы вскорѣ убѣдитесь, что Блошкину рѣшительно не было времени заниматься чтенiемъ). Противъ другого окна также столъ, но уже бо̀льшаго размѣра и покрытый ситцевымъ чехломъ. На немъ зеркало, бритвенный несессеръ въ сафьяновомъ ящикѣ, фарфоровыя банки съ помадой и пудрой, духи, подпилочки для ногтей, щетки, гребни, розовый бантъ, принадлежавшiй женскому маскарадному домино, развернутый бумажникъ съ листками, исписан-

ными адресами, и многочисленная коллекція золотыхъ и всякихъ другихъ рубашечныхъ запонокъ. Всѣ эти предметы невольно заставляютъ предполагать въ Блошкинѣ молодого человѣка, не пренебрегающаго наружностью. Въ комодѣ его хранится нѣсколько дюжинъ рубашекъ, изъ коихъ дюжина съ манишками, вышитыми по послѣднему фасону; носовые платки тонки и по угламъ украшены готическими буквами: А и Б. Вообще, бѣлье его и галстуки очень хороши. То же можно сказать о ботинкахъ и платьѣ, которое виситъ въ огромномъ шкапѣ: фраки, сюртуки, жилеты, панталоны и даже форменный вицъ-мундиръ, безъ сомнѣнія, вышли изъ мастерской лучшаго портного.

Въ квартирѣ своей молодой Блошкинъ кажется бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, богатство котораго заключается въ бѣльѣ, платьѣ и золотыхъ часахъ; на улицѣ и въ обществѣ онъ имѣетъ видъ джентльмена, строго соблюдающаго наружныя условія, требуемыя свѣтомъ. Но Блошкинъ спитъ; воспользуемся случаемъ сказать нѣсколько словъ о его наружности.

Ему лѣтъ двадцать пять, двадцать шесть, никакъ не больше, но и не менѣе. Онъ не красивъ, но и не дуренъ собою. Нѣтъ ничего труднѣе сдѣлать вѣрное опредѣленіе о характерѣ Блошкина по лицу его, — до такой степени отличается оно отсутствіемъ выраженія; самъ Лафатеръ сталъ бы, кажется, втупикъ. Всѣ черты его неопредѣленно какъ-то обозначались и все было какъ-то кругло: носъ, подбородокъ, лобъ, губы, щеки,—все казалось кругленькимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ общемъ, все это не представляло ничего одутловатаго, грубаго; не дышало свѣжестью, но и нельзя сказать опять, чтобы имѣло видъ болѣзненный... Волосы его, остриженные не коротко и не длинно, переходили изъ каштановаго цвѣта въ свѣтлорусый; замѣчательно было, что волосы его даже теперь, послѣ нѣсколькихъ часовъ сна, оставались приглаженными, какъ будто по нимъ тотчасъ же прошла щетка; они спускались дугами по обѣимъ сторонамъ изумительно правильнаго пробора, прохваченнаго на затылкѣ à l'anglaise. Изъ-подъ одѣяла выглядывала кисть руки его, — нѣсколько мясистая кисть, но очень красивая, съ ногтями, тщательно обдѣланными въ видѣ миндалины, полураскрытыя губы позволяютъ различать рядъ правильныхъ, бѣлыхъ зубовъ.

Какого рода сновидѣнія витаютъ въ настоящую минуту надъ головою молодого человѣка?

Сновидѣнія, многіе утверждаютъ, не что иное, какъ повтореніе въ болѣе или менѣе ясныхъ, опредѣленныхъ формахъ, повтореніе тѣхъ впечатлѣній, которыя получаемъ мы наяву и которыя, съ большею или меньшею силой, дѣйствовали на воображеніе. Мы безошибочно можемъ разсказать впечатлѣнія Блошкина; намъ въ совершенствѣ знакомы самыя задушевныя, сокровенныя его мысли и мечтанія,—словомъ, все то, что доставляетъ работу его мозгу. Голова его постоянно обработываетъ три главные предмета, которые собственно составляютъ цѣль жизни и сущность его мечтаній.

Въ молодости своей мечтаетъ онъ получить камеръ-юнкера; въ среднихъ лѣтахъ, мечтаетъ жениться на благовоспитанной и богатой дѣвушкѣ (онъ не прочь отъ купчихи, но только съ воспитаніемъ, которое легко бы обманывало свѣтъ въ ея происхожденіи); для зрѣлаго возраста, мечтанія его не простираются далѣе чина, который позволилъ бы ему перейти въ провинцію и занять тамъ вице-губернаторское мѣсто. Основываясь на этомъ, мы можемъ почти опредѣлительно сказать, что Блошкинъ видитъ во снѣ осуществленіе одной изъ любимѣйшихъ своихъ мыслей. Но сонъ его прерывается, можетъ-быть, на самомъ интересномъ мѣстѣ, лакеемъ, который начинаетъ раскачивать будущаго вице-губернатора за ногу.

— Алексѣй Васильичъ... вставайте!.. Девять часовъ!..

Блошкинъ открываетъ темные глазки; въ нихъ не замѣтно ни особеннаго остроумія, ни также вопіющей тупости мыслительныхъ способностей.

— Который часъ?

— Девять; пять минутъ десятаго, возражаетъ лакей.

— Ахъ, Боже мой!.. Скорѣй одѣваться... или нѣтъ: давай прежде бриться... Самоваръ поставленъ?..

— Ужъ третій разъ воду наливаю;—давно готовъ.

— Что жъ ты раньше меня не разбудилъ?.. Скорѣй бриться; ахъ, Боже мой, и въ самомъ дѣлѣ десять минутъ десятаго!..

Блошкинъ накидываетъ сѣрый байковый халатъ, покрывавшій его ноги, и бросается къ зеркалу.

По прошествіи десяти минутъ, уже выбритый и умытый, онъ приступаетъ къ туалету и одѣвается съ такою поспѣшностью, что, можно думать, его ожидаетъ любов-

ное свиданіе. Онъ не забываетъ, однакожъ, ни одной запонки, ни одной пуговки, ни одного волоска, который могъ бы придать головѣ его небрежный видъ. Надо также дивиться искусству, съ какимъ повязываетъ онъ галстукъ: разъ, два, три,—и на шеѣ появляется бантъ, надъ которымъ другой просидѣлъ бы полчаса. Алексѣй Васильичъ въ то же время прихлебываетъ чай, который дѣйствительно перепрѣлъ и на видъ крѣпче чернаго пива; по молодому человѣку не до того,—часы показываютъ половину десятаго.

— Бекешъ!

Лакей подаетъ бекешъ.

— Шляпу!

Лакей подаетъ шляпу. Надѣвъ то и другое, Блошкинъ стремительно покидаетъ комнату, спускается съ лѣстницы, выходитъ на улицу и садится на извозчика (каждая секунда дорога ему, — онъ выбираетъ, однакожъ, порядочнаго извозчика).

— Пошелъ!

Блошкинъ не перестаетъ погонять и останавливается тогда только, когда лошадь, понукаемая кнутомъ, пускается въ галопъ, что возбуждаетъ смѣхъ другихъ извозчиковъ, стоящихъ на биржѣ. Ровно въ десять часовъ молодой человѣкъ подкатываетъ къ большому дому съ подъѣздомъ, выпрыгиваетъ изъ саней, отдаетъ деньги и входитъ въ прихожую, окруженную вѣшалками со множествомъ шубъ, шинелей, пальто и бекешей.

— Его превосходительство пріѣхалъ? спрашиваетъ онъ у инвалида, исправляющаго должность швейцара.

— Сейчасъ изволили пріѣхать.

Одна секунда потребна Блошкину, чтобы снять бекешъ, и одной минуты достаточно на то, чтобы взбѣжать по лѣстницѣ и очутиться въ комнатѣ, гдѣ пишутъ, болтаютъ и расхаживаютъ лица въ вицъ-мундирахъ.

— Блошкинъ, здравствуйте! Васъ зачѣмъ-то его превосходительство спрашивалъ.

— Ахъ, Боже мой... бормочетъ молодой человѣкъ, суетливо застегивая вицъ - мундиръ и пускаясь вприпрыжку по анфиладѣ комнатъ.

— Блошкинъ, здравствуй!.. Послушай, будешь ты сегодня въ театрѣ?

— Извините, господа, некогда, послѣ...

При входѣ въ кабинетъ его превосходительства, лицо

молодого человѣка и вся его фигура пріобрѣтаютъ внезапно что-то солидное.

— Вашему превосходительству угодно было меня спрашивать? говоритъ онъ, стараясь держаться не очень прямо, но, опять-таки, и не очень развязно.

— Да; возьмите эту бумагу; распорядитесь, чтобы она была какъ можно скорѣе готова... Возьмите также и эту... Только, прошу васъ, сдѣлайте все это безъ замедленія.

Блошкинъ считается очень усерднымъ молодымъ человѣкомъ: на него не возлагаютъ большихъ надеждъ,—но, вообще, онъ на хорошемъ замѣчаніи у начальника. Если Алексѣю Васильичу некогда было отвѣчать товарищамъ на пути въ директорскій кабинетъ,—ему, безъ сомнѣнія, еще менѣе возможно исполнить это въ настоящую минуту. Онъ садится за столъ и пишетъ съ неимовѣрною быстротою, что не мѣшаетъ ему, однакожъ, соблюдать точность, которую выказывалъ онъ, когда торопился одѣваться. Написавъ первую бумагу, онъ смотритъ на часы и быстро поднимается съ мѣста.

— Сдѣлайте одолженіе, Сѣверцовъ, напишите эту бумагу... Я съ своей стороны сдѣлаю то же и для васъ въ другое время, мнѣ необходимо съѣздить на минуту... Пожалуйста, прошу васъ!..

Сѣверцовъ охотно соглашается.

На этотъ разъ, Блошкинъ нанимаетъ уже лихача и впередъ условливается, чтобы тотъ не опоздалъ на станцію желѣзной дороги, гдѣ отправленіе совершается, какъ извѣстно, ровно въ одиннадцать. На дебаркадерѣ, Алексѣй Васильичъ встрѣчаетъ двухъ-трехъ знакомыхъ лицъ,—но спѣшитъ пройти мимо: ему некогда останавливаться, онъ суетливо направляется къ отъѣзжающей дамѣ, которую окружаетъ многочисленное семейство и толпа пріятельницъ. Увидѣвъ Блошкина, отъѣзжающая дама киваетъ только головою и произноситъ разсѣянно: „bonjour!“ Ей, очевидно, не до него; она занята разговорами съ родными и близкими ея сердцу. Но Алексѣй Васильичъ считалъ своею обязанностію присутствовать на ея проводахъ и показаться на дебаркадерѣ. (Не мѣшало бы пріискать русское слово, а то все кажется, что говоришь объ Абдель-Кадерѣ.) Алексѣй Васильичъ считаетъ также своимъ непремѣннымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ пріятельницамъ и родственницамъ отъѣзжающей. Онъ говоритъ одной: „княгинѣ будетъ холодно ѣхать... сегодня

шестнадцать градусовъ!.. “Другой: „не правда ли, какъ вообще грустно разставаться?..“ Третьей: „надо, однакожъ, сознаться, желѣзная дорога отличная выдумка: княгиня немножко поскучаетъ, но зато завтра утромъ — она въ Москвѣ!“

Первый звонокъ производитъ живительное дѣйствіе на Блошкина: онъ суетливо прочищаетъ дорогу дамамъ; но болѣе всего оживляется онъ, когда раздается послѣдній свистъ паровоза и вагоны трогаются; онъ приподымаетъ шляпу, машетъ платкомъ и чуть ли даже не со слезами на глазахъ восклицаетъ, вмѣстѣ съ родственниками отъѣзжающей: „Adieu, madame la princesse! Bon voyage! Adieu! Adieu!..“

Четверть часа послѣ отъѣзда машины, онъ снова подпрыгиваетъ по лѣстничнымъ ступенямъ служебнаго мѣста. Бумаги готовы; онъ несетъ ихъ къ его превосходительству, не забывая прежде застегнуть вицъ-мундиръ.

Около двухъ часовъ чиновники начинаютъ расходиться, и Блошкинъ изъ первыхъ появляется на улицѣ. Онъ летитъ домой, чтобы перемѣнить форменное платье на утренній костюмъ, и пускается стремглавъ на дальній конецъ Петербурга, — въ Кирочную. Визиты его непродолжительны; онъ дѣлаетъ ихъ для виду, — отчасти для того также, чтобы нѣкоторымъ образомъ о себѣ напомнить. А впрочемъ, не могу опредѣлить настоящей его цѣли. Онъ пріѣзжаетъ, всходитъ на лѣстницу и является въ гостиную.

„Bonjour, madame la comtesse...“ или: „M-r le comte, j'ai bien l'honneur... m-m-m...“ говоритъ онъ, вызывая на лицѣ своемъ пріятную, хотя скромную улыбку. Послѣ того, Алексѣй Васильичъ занимаетъ вакантное мѣсто. Онъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ сказать нѣсколько словъ сосѣдямъ или хозяевамъ дома.—„Были вы вчера въ оперѣ?“ (если вчера была опера), или: „сегодня ужасно холодно,—шестнадцать градусовъ!..“ или: „послѣднія политическія новости не предвѣщаютъ, кажется, ничего хорошаго?..“ Тонъ его рѣчи больше вопросительный; онъ говоритъ рѣдко, но много слушаетъ,—и слушаетъ всегда, надо сказать, съ большимъ вниманіемъ.

Онъ ловитъ первый случай, и такъ же незамѣтно исчезаетъ изъ гостиной, какъ незамѣтно вошелъ въ нее, — и снова летитъ въ другой конецъ города.

— Bonjour, m-me la princesse...

— Mon prince, j'ai bien l'honneur... m... m...

— Были вы вчера въ оперѣ? — Сегодня ужасно холодно—шестнадцать градусовъ!.. и т. д., и т. д.—повторяетъ онъ на Вознесенской, на Владимірской и у Таврическаго сада.

Въ четыре часа вы можете всегда встрѣтить Блошкина на тротуарѣ Невскаго проспекта; руки его плотно заложены въ задніе карманы бекеши; шагъ его суетливъ, лицо выражаетъ озабоченность. Ему поминутно приходится кивать головою и раскланиваться проѣзжающимъ мимо каретамъ. Онъ терпѣть не можетъ нищихъ мальчишекъ, которые привязываются къ гуляющимъ и просятъ копеечку. Завидя издали такого мальчика, Блошкинъ ускоряетъ шагъ и несется мимо съ неуловимою быстротою. Онъ рѣшительно не имѣетъ времени остановиться поговорить съ знакомымъ.

— Bonjour, Блошкинъ! Были ли вы вчера въ оперѣ? Какъ пѣла де-Мерикъ? спрашиваютъ его мимоходомъ.

— Скверно,—была не въ голосѣ, возражаетъ Алексѣй Васильичъ тоже мимоходомъ.

Десять шаговъ далѣе, встрѣчается новый знакомый.

— Bonjour! говоритъ въ свою очередь Блошкинъ.—Были вы вчера въ оперѣ? какъ пѣла де-Мерикъ? По-моему, была не въ голосѣ, скверно пѣла!

— Что вы? Она никогда еще такъ не пѣла; она была поразительно хороша... charmante!..

Десять шаговъ далѣе, встрѣчается третій.

— Были вы вчера въ оперѣ, Блошкинъ? спрашиваетъ этотъ.—Я не былъ; какъ пѣла де-Мерикъ?

— Поразительно! — удивительно была хороша — charmante! съ убѣжденіемъ возражаетъ Блошкинъ, и устремляется къ Полицейскому мосту.

Тутъ смотритъ онъ на часы, бросается сломя голову въ сани и стрѣлою пускается домой, чтобы надѣть фракъ и поспѣть къ обѣду, куда его пригласили, самъ не зная зачѣмъ, и куда онъ ѣдетъ, самъ не зная для чего, — но ѣдетъ, однакожъ, невзирая на страшную дальность разстоянія. Замѣчательнѣе всего, что Блошкинъ никогда не опаздываетъ. Едва пробило пять, онъ появляется въ гостиную того дома, куда звали обѣдать.

Общество многочисленно, въ гостиной идетъ очень одушевленная бесѣда. Весьма натурально, хозяинъ и хозяйка дома могутъ только кивнуть Блошкину головою: „Bonjour,

m-r Blochkine!" вотъ все, что успѣваютъ они сказать ему. Но извѣстная уже, пріятная, хотя скромная улыбка сіяетъ на лицѣ Алексѣя Васильича во все время, пока общество отправляется къ столу и усаживается. Та же улыбка отличаетъ его за столомъ, когда разговоръ дѣлается общимъ.

Разговоръ замѣчательно интересенъ. Очень развязный молодой человѣкъ повѣствуетъ о путешествіи своемъ въ Италію, откуда только что вернулся и гдѣ пробылъ два мѣсяца. Флоренція оставила въ душѣ его особенно пріятное впечатлѣніе; въ то время, какъ онъ находился въ этомъ городѣ, туда пріѣхали графиня Бабикова, княгиня Шишкина, m-me Маковская и князь Белебѣевъ; такимъ образомъ составился почти свой петербургскій кружокъ и время проходило необычайно весело. Слушатели вполнѣ соглашаются и восклицаютъ: „c'était charmant!" хотя каждый думаетъ про себя, что разсказчику не стоило ѣздить въ Италію искать впечатлѣній, которыя могъ бы онъ, не стѣсняя себя долгимъ путемъ, встрѣтить въ Морской и Милліонной. Послѣ молодого путешественника, нитью разговора овладѣваетъ сѣдовласый дипломатъ, обстриженный подъ гребенку и до такой степени сухой, костлявый и хрупкій, что, кажется, того и смотри и разсыплется, какъ старый бисквитъ. Онъ распространяется о добродѣтеляхъ недавно умершей графини, которую всѣ знали, глубоко сожалѣетъ о ней и поминутно приговариваетъ, стуча себя подъ сердце: „Elle avait de ça, voyez vous, la vieille comtesse! Oui,—elle avait de ça!.."

Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что этого-то именно (то-есть сердца) и не было у покойной графини; но, тѣмъ не менѣе, всѣ подымаютъ глаза къ потолку съ выраженіемъ глубокаго, искренняго сожалѣнія.

Къ концу обѣда, и гости, и хозяева проявляютъ замѣтную суетливость. Почти всѣ ѣдутъ въ оперу; весьма естественно, никому не хочется опоздать. Въ карманѣ Блошкина также билетъ... Обѣдъ кончается.

Какъ дѣлаетъ это Блошкинъ, понять рѣшительно невозможно, но только онъ подъѣзжаетъ къ театру въ то время, когда лица, съ нимъ обѣдавшія, находятся еще на половинѣ дороги. Онъ садится въ кресла въ ту самую минуту, какъ подымаютъ занавѣсъ. Со сцены льется сладкое пѣніе; публика затаила дыханіе. Но и здѣсь Алексѣй Васильичъ не можетъ оставаться покойнымъ: ему пред-

стоитъ осмотрѣть и пересчитать тѣ ложи, въ которыхъ сидятъ знакомыя ему семейства; въ антрактѣ не достанетъ на это времени,—врядъ ли успѣетъ онъ даже обѣжать всѣ ложи: у него столько знакомыхъ!

Въ партерѣ находится, впрочемъ, около двухсотъ человѣкъ, которые подвергнуты тѣмъ же самымъ заботамъ, что и Блошкинъ. Едва раздается начало финала перваго дѣйствія,—всѣ вскакиваютъ, суетливо выходятъ изъ креселъ и разсыпаются по фойе и коридорамъ. То же самое происходитъ при началѣ финала второго дѣйствія и третьяго. Въ серединѣ послѣдняго дѣйствія, суета замѣтно начинаетъ овладѣвать уже всею публикой. Не дослушавъ послѣдней аріи, публика разомъ подымается со своихъ мѣстъ и торопливо спускается къ подъѣздамъ. Справедливость требуетъ сказать, что Блошкинъ опережаетъ всѣхъ и первый садится на извозчика. Онъ спѣшитъ явиться во-время на балъ въ Малую Морскую.

Алексѣя Васильича приглашаютъ на балы какъ танцора.

Въ извѣстномъ кругу Петербурга находятся два разряда молодыхъ людей, которые, по наружному виду, почти не отличаются другъ отъ друга, но между которыми существуетъ, тѣмъ не менѣе, необъятное пространство. Одни молодые люди являются въ гостиныя этого круга когда имъ заблагоразсудится, и считаются тамъ нѣкоторымъ образомъ своими; роль другихъ скромнѣе, ограниченнѣе, — они извѣстны подъ общимъ именемъ „танцоровъ". Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Блошкинъ. Нельзя даже сказать, чтобы онъ танцовалъ съ особеннымъ искусствомъ, этого не было; но хорошо то, по крайней мѣрѣ, что онъ танцовалъ безъ усталости и никогда не отказывался. Каждая хозяйка дома, приглашая Блошкина, была спокойна въ томъ отношеніи, что на ея балѣ не засидится ни одна старая дѣва, которую другіе избѣгаютъ какъ заразу и называютъ „монстромъ". Когда въ одинъ и тотъ же вечеръ даются два бала, куда приглашенъ Блошкинъ, онъ не преминетъ показаться на обоихъ,— будь одинъ балъ у Таврическаго сада, другой за Большимъ театромъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, ни одна хозяйка дома не погрозила ему пальчикомъ за невниманіе къ ея приглашенію. Ни одна, правда, также и не поблагодарила его за неутомимость; но онъ доволенъ уже тѣмъ, что ему не погрозили.

Если послѣ двухъ баловъ происходитъ маскарадъ—все равно, въ Большомъ ли театрѣ, или Дворянскомъ собраніи (Блошкинъ предпочитаетъ, впрочемъ, Дворянское собраніе),—вы, безъ сомнѣнія, встрѣтите его въ маскарадѣ, услышите, какъ говоритъ онъ мимо проходящимъ маскамъ: „je te connais, beau masque!“ и какъ при этомъ лукаво, хотя безвредно, улыбается.

Часу уже въ третьемъ или четвертомъ ночи возвращается онъ домой, подымается на лѣстницу своей квартиры, раздѣвается, падаетъ въ изнеможеніи на кровать, и мгновенно засыпаетъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы провести такъ же точно другой день, третій, четвертый... и т. д. до безконечности, или, вѣрнѣе, до той минуты, когда произведутъ его въ статскіе совѣтники и назначатъ куда-нибудь вице-губернаторомъ. Тогда только перестанетъ онъ носиться турманомъ и внезапно придастъ солидность своимъ ногамъ, лицу и вообще всей фигурѣ. Плавнымъ, размѣреннымъ и мягкимъ шагомъ будетъ выходить онъ тогда въ пріемную комнату, и, выслушивая просителей, непремѣнно заложитъ правую руку за жилетъ и нѣсколько склонитъ на бокъ голову.

III.
Отраженія.

(оконныя занавѣси и портьеры.)

Въ гостиной Виленскихъ происходила большая суматоха. Но вечера, рауты и thés-dansants слишкомъ обыкновенны у Виленскихъ, чтобы приготовленія къ нимъ могли производить безпорядокъ; кромѣ того, приготовленія и суматоха, предшествующія празднествамъ, носятъ всегда отпечатокъ чего-то мѣщанскаго.

У Виленскихъ отель съ великолѣпной парадной лѣстницей, украшенной швейцаромъ, цвѣтами и растеніями. Но это собственно послѣднее дѣло. Въ наше время роскошные отели растутъ какъ грибы и ровно ничего не доказываютъ, кромѣ того развѣ, что на сооруженіе ихъ, а также и наемъ швейцара нужны только деньги. Средства Виленскихъ, говоря относительно, были даже очень ограниченны; но уже самая обстановка ихъ была такого рода, что они никогда, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не могли допускать у себя мѣщанскихъ обычаевъ.

Положеніе въ обществѣ нѣкоторыхъ лицъ, подобныхъ Виленскимъ, представляется намъ всегда въ видѣ пьедестала, который возноситъ ихъ надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ, попирающихъ тротуаръ и мостовую. Человѣку, стоящему на этомъ пьедесталѣ, волей и неволей, слѣдуетъ подчиняться собственнымъ условіямъ; условія эти извѣстны: они требуютъ, прежде всего, спокойствія и величавости. Сдѣлавшись уже по этому самому предметомъ вниманія, вы невольно выставите впередъ грудь, закинете назадъ голову и примете благородную осанку. Многіе, конечно, посмотрятъ на васъ съ своей точки зрѣнія; васъ обвинятъ въ высокомѣріи, скажутъ, что вы надменны, надуты, задираете носъ и выказываете глупѣйшую и ничѣмъ не оправданную гордость; но это несправедливо,—это докажетъ только, что люди, бросающіе такого рода обвиненія, не поняли самой простой вещи, именно: вашего положенія въ свѣтѣ.

Но это еще не все: если бъ достаточно было выпучивать грудь и кидать величественные взгляды, мы вскорѣ никого бы почти не встрѣтили па мостовой; всѣ полѣзли бы на пьедесталы. Но въ томъ-то и дѣло, что это не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Не каждый ли день имѣемъ мы случай видѣть смертныхъ, которые вспрыгиваютъ на высоту и возбуждаютъ только смѣхъ, или, что̀ еще хуже, — не удерживаются на своемъ мѣстѣ, теряютъ равновѣсіе и постыдно шлепаются на̀-земь?.. Ясно, слѣдовательно, какъ дважды два—четыре, ясно, что пребываніе на высотахъ, о которыхъ мы говоримъ, требуетъ особенной сноровки. Сноровка — или назовите какъ хотите—состоитъ вотъ въ чемъ... но для краткости возьмемъ лучше примѣръ.

Положимъ, вы адски бѣдны (можно стоять на пьедесталѣ и не имѣть гроша денегъ въ карманѣ, — это ничего); вы получили наслѣдство, или выиграли въ карты значительный кушъ денегъ (можно также вести адскую игру, стоя на пьедесталѣ; можно даже дѣлать долги и не платить ихъ; главное, во всѣхъ этихъ случаяхъ не слѣдуетъ только терять величаваго спокойствія и наружнаго достоинства); итакъ, неожиданный выигрышъ или наслѣдство наполняютъ ваше сердце порывами самой необузданной радости; но въ томъ-то и штука вся, что вы не должны выказывать того, что чувствуете, особенно такихъ мѣщанскихъ чувствъ, какъ радость или удивленіе, если

хотите удержаться на пьедесталѣ. Вамъ слѣдуетъ принять и деньги, и наслѣдство съ тѣмъ видомъ, какъ если бъ предложили вамъ папироску, — ни болѣе, ни менѣе; конечно, безъ привычки это почти невозможно; но, повторяю вамъ, въ этомъ вся штука.

Мысль объ этомъ положеніи, которымъ такъ справедливо гордились всегда Виленскіе, управляла, можно сказать, всѣми ихъ дѣйствіями. Во всю свою жизнь ни разу не измѣнили они величавому спокойствію, ни разу не потеряли равновѣсія, ни разу не забыли, что стоятъ на пьедесталѣ, и, слѣдовательно, должны подчиняться извѣстнаго рода законамъ и дѣйствовать согласно извѣстнаго рода убѣжденіямъ.

Въ наше время, поступки такъ часто противорѣчатъ образу мыслей, такъ часто приходится повторять пословицу: „на словахъ ораторъ, на дѣлѣ—плантаторъ“, что мы съ особеннымъ наслажденіемъ приведемъ здѣсь нѣсколько случаевъ изъ частной жизни Виленскихъ. Короче было бы представить васъ Виленскимъ. Но, не имѣя лично большого общественнаго значенія и притомъ находясь въ полной неизвѣстности касательно вашего положенія въ свѣтѣ, почтенный читатель, — я, при всемъ моемъ желаніи, не могу этого сдѣлать. Доступъ къ Виленскимъ очень труденъ; близкое знакомство невозможно для тѣхъ, кто не занимаетъ въ свѣтѣ одинаковаго съ ними положенія. Въ пятнадцати-лѣтнее знакомство мое съ ними, Виленскій, при встрѣчѣ со мною даже у себя дома, когда насъ никто не видитъ, подаетъ мнѣ всего два пальца... Итакъ, скрѣпивъ сердце, обратимся къ случаямъ изъ частной жизни.

Семь лѣтъ назадъ, Виленская лишилась бабушки, единственной родственницы по женской линіи; бабушка была настоящей воспитательницей внучки, которая осталась круглою сиротою на трехлѣтнемъ возрастѣ. Смерть бабушки дѣлала Виленскую полною наслѣдницею порядочнаго имѣнія; она весьма въ немъ нуждалась. Оно освобождало ее разъ навсегда отъ тяжкой обязанности обращаться къ мужу, склоняться надъ плечомъ его, прибѣгать къ нѣжнымъ и милымъ ласкамъ всякій разъ, какъ приближался срокъ платить модисткѣ. Можете судить, что̀ должна была чувствовать Виленская и какъ трепетно забилось ея сердце! При всемъ томъ, прелестное лицо ея неизмѣнно сохраняло величавость и спокойствіе; можно

было думать, ее скорѣе печалила смерть бабушки, чѣмъ радовало наслѣдство. Всѣ положительно утверждали, что Виленская вела себя въ этомъ случаѣ съ замѣчательнымъ тактомъ. На похоронахъ, гдѣ я присутствовалъ, стараясь попадаться какъ можно чаще на глаза обоимъ Виленскимъ и придавая лицу своему выраженіе скорби и печали,— только и слышались возгласы: „m-me Vilensky s'est conduite avec dignité vraiment remarquable!..“

Очень еще недавно, вслѣдствіе какого-то объясненія съ мужемъ... а впрочемъ, не знаю,—быть-можетъ, прежде еще нервы Виленской разстроены были девятью балами, на которыхъ она сряду присутствовала, и гдѣ очень много танцовала,—но только возвратясь изъ кабинета мужа, она почувствовала вдругъ головокруженіе и тяжело опустилась на диванъ. Горничныя тотчасъ же сбѣжались; старшая камеристка быстро принялась за шнуровку и, обратившись къ другимъ, сказала, указывая на ноги барыни: „положите ей скорѣе ноги на диванъ!“ Виленская была очень блѣдна; но едва камеристка произнесла эти слова, лицо ея покрылось краской благороднаго негодованія; она раскрыла глаза, строго взглянула на горничную и мгновенно дала ей почувствовать всю грубость ея выраженія: „развѣ говорятъ: ея „ноги“? не могла сказать: „положите на диванъ ноги ея превосходительства?..“

Но намъ не перечесть всѣхъ случаевъ, которые доказываютъ, что чувство собственнаго достоинства никогда не оставляло Виленскую. Мы можемъ сказать, что въ душѣ Виленскаго сознаніе собственнаго величія, а также умѣнье владѣть собою, нисколько не были слабѣе.

Такъ, напримѣръ, Виленскій, носившій парикъ, неоднократно замѣчалъ, что волосы этого парика могли весьма легко принадлежать прежде какому-нибудь водовозу; онъ, разумѣется, шутливо развивалъ свою философскую мысль, и даже смѣялся, когда жена восклицала съ отвращеніемъ: „Ah, fi!.. fi, quelle horreur!..“ со всѣмъ тѣмъ, однакожъ, мысль, что къ темени его дѣйствительно могли прикасаться волосы водовоза или лакея, часто занимала Виленскаго; оставаясь наединѣ, онъ, повидимому, серьезно даже задумывался иногда надъ такимъ предметомъ. Не довѣряя, вѣроятно, своему куаферу (куаферъ былъ гасконецъ), и не желая тревожить себя сомнѣніемъ, онъ снялъ парикъ и съ тѣхъ поръ никогда уже его не надѣвалъ.

Но этотъ примѣръ такъ ничтоженъ, что, по-настоя-

щему, не слѣдовало бы упоминать о немъ. Приведемъ другой.

Лѣтъ пять назадъ, Виленскій лишился сына, отъ перваго брака. (Страшный случай: съ опрометчивостью, свойственною восемнадцатилѣтнему юношѣ, молодой Виленскій имѣлъ неосторожность держать пари, что выпьетъ одну за другою три бутылки шампанскаго, потомъ сядетъ на скаковую лошадь и будетъ скакать съ однимъ извѣстнѣйшимъ жокеемъ; пари, къ несчастью, состоялось, чему особенно способствовала одна хорошенькая французская актриса, въ которую безъ памяти былъ влюбленъ молодой человѣкъ и которая подожгла его самолюбіе: съ перваго прыжка скакуна, несчастный юноша, цвѣтъ и украшеніе общества, упалъ и ударился головою о барьеръ, и его подняли мертвымъ!) Можете судить о положеніи отца, когда сообщили ему о смерти нѣжно любимаго сына! Нужно самому имѣть взрослыхъ дѣтей, чтобъ вполнѣ понять его отчаяніе! Онъ былъ убитъ горемъ; въ первые два дня боялись, чтобы не произошло съ нимъ удара, и докторъ не отходилъ ни на секунду. И что жъ бы вы думали? При выносѣ тѣла, Виленскій держалъ себя такъ спокойно, плакалъ съ такимъ достоинствомъ, что привелъ всѣхъ въ справедливое умиленіе.

Я всегда питалъ къ Виленскимъ чувство невольнаго благоговѣнія; но послѣ этихъ похоронъ (я также на нихъ присутствовалъ, стараясь, попрежнему, подвертываться какъ можно чаще на глаза обоихъ супруговъ), да! только послѣ этихъ похоронъ я вполнѣ почувствовалъ ту неизмѣримую дистанцію, которая существуетъ между смертнымъ, стоящимъ на пьедесталѣ, и тѣмъ, который пресмыкается на мостовой и тротуарѣ; теперь я удивляюсь Виленскимъ. Вѣдь удивляемся же мы, слушая разсказы о римскихъ гладіаторахъ, которые, въ минуту смерти, считали долгомъ сохранять красоту формъ и спокойствіе. Не во сто ли кратъ справедливѣе удивляться современному человѣку, который подавляетъ святѣйшія чувства своего сердца для поддержки своего наружнаго достоинства?

Но мы не можемъ говорить о Виленскихъ безъ увлеченія; начавъ такимъ образомъ, мы, пожалуй, никогда не кончимъ. Обратимся къ суматохѣ, которая—теперь это уже ясно — не могла происходить безъ побудительной причины.

Великолѣпная гостиная была на себя не похожа. Вмѣсто

сладчайшаго пѣнія итальянскихъ артистовъ, которыхъ Виленскіе приглашали разъ въ зиму (не столько по собственному желанію, сколько потому, что этого почти требовало ихъ положеніе въ свѣтѣ), раздавался теперь оглушительный стукъ молотковъ; изящная французская болтовня, невольно переносившая васъ ко временамъ Мариво, уступала мѣсто русскимъ возгласамъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могли назваться „du marivaudage“; вмѣсто ловкихъ дэнди и легкихъ, воздушныхъ дамъ, сновали взадъ и впередъ неуклюжіе мастеровые въ затрапезныхъ халатахъ. Вмѣсто жардиньерокъ съ цвѣтами, передъ окнами воздвигались безобразныя лѣстницы, опутанныя веревками. Диваны, patés и кресла, раскинутыя по гостиной въ живописномъ безпорядкѣ, громоздились теперь посреди паркета и лежали опрокинутые на спинку; передъ ними, стоя на колѣняхъ или присѣвъ на корточки, работали мастеровые: они сдирали старую шелковую обивку и накладывали вмѣсто нея ткань, имѣвшую видъ роскошнаго ковра и именуемую moquette. Занавѣси и портьеры изъ того же moquette, но только подбитаго бѣлымъ муаромъ, привѣшивались къ дверямъ и окнамъ другими мастеровыми, стоявшими на лѣстницахъ. Всей этой вознѣ слѣдовало прекратиться въ двумъ часамъ, никакъ не позже; къ этому времени въ гостиной не должно было оставаться признака безпорядка. Случилось такъ, что этотъ самый день былъ пріемнымъ днемъ Виленской. Мастеровые, понукаемые хозяиномъ, иностраннымъ господиномъ во фракѣ, работали не переводя духъ.

Хотя стукъ молотковъ не могъ проникнуть на половину хозяйки дома (всѣ двери тщательно были заперты предупредительными слугами), она проснулась, однакожъ, въ одиннадцать часовъ. Она всегда такъ рано вставала. Отъ одиннадцати до двѣнадцати она умывалась, брала ванну и причесывалась; отъ двѣнадцати до часу пила чай, одѣвалась и къ двумъ всегда уже была готова, чтобы выйти въ гостиную, или ѣхать съ визитами, смотря по тому, сама ли она принимала, или принимали другіе.

Жизнь Виленскихъ была вся распредѣлена по часамъ и протекала въ строжайшемъ порядкѣ; все дѣлалось согласно принятой формѣ и предписанному этикету. Основываясь на этомъ, первымъ дѣломъ Виленской, какъ только она встала, было послать человѣка освѣдомиться о здоровьи мужа. Но мужъ предупредилъ жену. Его камерди-

неръ встрѣтился съ ея камердинеромъ въ темномъ коридорѣ, который тянулся за парадными комнатами.

— Ну, что, какъ у васъ?.. спросилъ первый.

— Ничего... А у васъ какъ?

— И у насъ ничего!.. Слышь, братъ, подхватилъ камердинеръ Виленскаго,—сегодня дома не обѣдаютъ; самъ ѣдетъ къ кому-то, и твоя также куда-то отправляется.

— Знаю; ну что жъ?

— Анна Васильевна на чай звала, и тебѣ велѣла сказать. Вчера платье ей подарили,—Анна Васильевна продала его и сегодня на чай зоветъ,—приходи же, смотри.

— Тебѣ хорошо такъ-то разговаривать...

— А что?

— А то же, что всучила мнѣ восемь билетовъ визитныхъ... велѣла разнести непремѣнно. А когда ихъ разнесешь? Одинъ въ Милліонную, другой къ Таврическому саду, третій...

— Ну, ихъ къ чорту! перебилъ камердинеръ Виленскаго, отличавшійся веселостію,—завтра разнесешь! Завтра опять пошлютъ, такъ ужъ заодно и эти карточки разсуешь... развѣ впервые!

— Пожалуй, можно...

— Ну, такъ приходи же,—я скажу Аннѣ Васильевнѣ.

— Ладно.

— Вотъ люблю! гуляй, значитъ! гуляй!.. произнесъ камердинеръ Виленскаго, выдѣлывая комическое колѣно и дружески подмигивая товарищу.

Послѣ этого, онъ обдернулъ фракъ, принялъ важную осанку и поспѣшно возвратился въ уборную, гдѣ Виленскій сидѣлъ передъ зеркаломъ, съ намыленными щеками и подбородкомъ; за нимъ стоялъ съ бритвою въ рукѣ молодой верзила, состоявшій при немъ въ качествѣ бородобрея.

— Ея превосходительство изволятъ быть здоровы и приказали узнать, какъ здоровье вашего превосходительства, сказалъ камердинеръ строго-почтительнымъ тономъ.

— Благодари ея превосходительство; скажи: хорошо, возразилъ Виленскій, внимательно разсматривая себя въ зеркалѣ, — да приготовь одѣваться и вели подавать карету,—я сейчасъ ѣду.

— Слушаю, ваше превосходительство! проговорилъ камердинеръ, заботливо насупивая брови и удаляясь.

Бородобрей принялся тотчасъ же за свое дѣло. По мѣрѣ того, какъ бритва снимала мыльную пѣну, покрывавшую щеки и подбородокъ Виленскаго, лицо его, подобно Эльборусу или Машуку, освобождающимся отъ утреннихъ облаковъ, открывалось во всемъ своемъ величіи. Въ чертахъ его — чертахъ уже отцвѣтшихъ, хотя все еще прекрасныхъ — очевидно проступала какая-то озабоченность. Мудренаго нѣтъ: въ этотъ день Виленскому предстояло подписать счетомъ сто девять бумагъ самаго важнаго содержанія, предстояло присутствовать въ двухъ коммиссіяхъ совершенно разнороднаго характера, предстояло сдѣлать нѣсколько визитовъ, предстояло поспѣть къ пяти часамъ на посланническій обѣдъ. И это еще не все: вечеромъ предстояли ему два бала, гдѣ присутствіе его было необходимо; онъ, конечно, явится туда всего на полчаса, но шутка — возвращаться домой, переодѣваться, разъѣзжать по городу, подыматься и спускаться по парадпымъ лѣстницамъ! Но всѣ эти неудовольствія и многосложныя обязанности, не столько, казалось, озабочивали Виленскаго, сколько видъ, одинъ видъ бумаги, которая лежала развернутая подлѣ бритвеннаго зеркала; по крайней мѣрѣ, онъ не переставалъ бросать на нее задумчивые взгляды. Она написана была по-французски; но мы лучше переведемъ ее для удобства тѣхъ читателей, которые не имѣютъ счастія изъясняться на этомъ діалектѣ.

Представляемъ въ точности ея содержаніе:

Англійскій магазинъ.

Счетъ его превосходительства г-на Виленскаго.

126	арш.	moquette	630 руб. сер.
72	„	бѣлаго муаръ	288 „ „

Никельсъ и Комп.

Но мы не осмѣливаемся входить въ подробности касательно того, какого рода чувства и мысли пробуждала эта бумага въ душѣ Виленскаго: достаточно сказать, что первымъ дѣломъ его, когда онъ одѣлся, было положить счетъ въ бумажникъ. Послѣ того онъ сошелъ съ парадной лѣстницы, сѣлъ въ карету и приказалъ везти себя прежде всего въ англійскій магазинъ.

Но оставимъ Виленскаго. Объясненіе его со старшимъ приказчикомъ магазина не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго. Никто, конечно, не усомнится, что Виленскій, уговаривая приказчика отложить уплату счета до новаго года, сохранялъ свое обычное недосягаемое

величіе и торжественное спокойствіе. Къ тому же, такого рода объясненія слишкомъ уже обыкновенны, чтобы стоило объ этомъ распространяться.

Къ двумъ часамъ великолѣпныя занавѣски и портьеры изъ moquette, подбитаго бѣлымъ муаръ, драпировались на дверяхъ и окнахъ; patés, кресла и диваны, обитые тою же матеріей, занимали прежнія мѣста свои; тонкое, хотя едва чувствительное благоуханіе наполняло гостиную, и вы дали бы голову на отсѣченіе, что все это устроено было скорѣе руками феи, чѣмъ взъерошенными мастеровыми, съ мозолистыми пальцами и въ затрапезныхъ дырявыхъ халатахъ.

Въ два часа вышла Виленская, сопровождаемая хозяиномъ-обойщикомъ, иностранцемъ во фракѣ; за ними, въ пяти шагахъ, выступалъ огромнаго роста лакей, державшій въ рукахъ рабочій ящикъ госпожи своей, — безподобную игрушку, которая свободно могла умѣститься на самой маленькой ладони. Виленская приказала поставить рабочій ящикъ на столъ, бросила разсѣянный взглядъ на окна и двери, обратилась къ иностранцу во фракѣ и сказала:

— C'est bien... принесите мнѣ вашъ счетъ... завтра... утромъ...

Иностранецъ прижалъ шляпу къ груди своей, склонилъ на-бокъ голову и отвѣсилъ низкій поклонъ; послѣ того, сохраняя прежнюю позу свою, началъ онъ пятиться, производя маленькіе, но очень скорые шажки, подобно тому, какъ это дѣлаютъ актеры послѣ вызова на сцену. Едва скрылся онъ изъ виду, Виленская окинула быстрымъ взглядомъ занавѣски, портьеры и вновь обитую мебель; на этотъ разъ выраженіе удовольствія ясно обозначилось на лицѣ ея, которое сдѣлалось отъ того еще прекраснѣе; къ сожалѣнію, въ эту самую минуту вошелъ лакей и доложилъ:

— Ея превосходительство, генеральша Турманова...

— Проси, сказала Виленская.

Портьеры, занавѣски и новая обивка мебели перестали вдругъ существовать для Виленской; она расположилась на диванѣ и не обращала уже на нихъ вниманія. Нельзя было думать, чтобы вниманіе ея принадлежало гостьѣ,— гостья была не болѣе, какъ жена имѣвшаго счастіе служить подъ начальствомъ Виленскаго. Минуту спустя, впорхнула Турманова.

Никакое перо не въ состоянiи изобразить существа болѣе грацiознаго, легкаго и воздушнаго. Лишнимъ считаю описывать ея туалетъ и наружность; загляните въ послѣднюю парижскую картинку модъ,—вы будете имѣть понятiе о ея туалетѣ; что жъ касается ея наружности,—разверните лучшiй англiйскiй кипсекъ и выберите въ немъ самую хорошенькую бѣлокурую головку. Турманова затмевала собою всѣхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтницъ, когда-либо существовавшихъ, и даже теперь существующихъ. Дамы ея круга, comme de raison, не чувствовали къ ней большого расположенiя; говоря о ней, онѣ остроумно замѣчали, что жизнь Турмановой можно опредѣлить тремя словами: „одѣвается, переодѣвается и раздѣвается"... Мужъ Турмановой былъ еще до сихъ поръ страстно влюбленъ въ молоденькую и хорошенькую жену свою; онъ безпрекословно исполнялъ малѣйшiя ея желанiя, и, можно сказать, носилъ ее на рукахъ. Но другого обращенiя, впрочемъ, не могло переносить существо, столь слабое, нѣжное и воздушное.

Войдя въ гостиную и увидѣвъ Виленскую на диванѣ, Турманова была поражена самымъ прiятнымъ и неожиданнымъ сюрпризомъ; милое лицо ея озарилось вдругъ выраженiемъ дѣтской радости; едва касаясь паркета своими ножками, она поспѣшила къ хозяйкѣ дома, которая, въ свою очередь, весело кивала ей головою и, повидимому, вполнѣ раздѣляла радость гостьи. Глядя на обѣихъ дамъ, въ душѣ вашей невольно закипало негодованiе противъ тѣхъ, которые обвиняютъ свѣтскихъ женщинъ въ холодности и ce sentiment de traîtrise... Но Богъ съ ними!

Виленская радостно усадила гостью въ кресло. Кресло это было, безспорно, лучшимъ мѣстомъ во всей гостиной; оно прикасалось къ дивану, гдѣ сидѣла хозяйка дома,—съ этого мѣста можно было обозрѣвать бо̀льшую часть гостиной, которая, какъ уже извѣстно, заслуживала вниманiя; какъ разъ противъ Турмановой, за жардиньеркой и диваномъ, возвышались три окна и далѣе двѣ двери. Великолѣпныя новыя занавѣси и портьеры имѣли видъ каскадовъ изъ живыхъ цвѣтовъ, которые ниспадали по обѣимъ сторонамъ дверей и оконъ и разсыпались роскошными букетами по кресламъ, patés и диванамъ.

Но Турманова не обратила на все это большого вниманiя. Казалось даже, новыя портьеры и занавѣси не были ей по вкусу.

И дѣйствительно, оконныя занавѣси изъ moquette, особенно когда подобьютъ ихъ бѣлымъ муаръ, имѣютъ то неудобство, что не пропускаютъ свѣта и даже сильно затемняютъ комнату. Мы можемъ заключить объ этомъ потому, что даже хорошенькое, свѣженькое личико Турмановой покрылось тѣнью и потеряло всю свою веселость, какъ только очутилось оно противъ оконъ, драпированныхъ этимъ moquette.

— Скажите, chère m-me Tourmanoff, какъ пѣлъ вчера Тамберликъ?

— Не знаю, chère m-me Vilensky... я не была въ театрѣ.

— Но вчера давали Отелло... Это, кажется, любимая ваша опера...

— Надо вамъ сказать, я вообще въ послѣднее время рѣдко ѣздила въ театръ... еще рѣже ѣзжу въ свѣтъ... Я больше сижу дома...

— Это для меня новость!.. Что жъ вы дѣлаете дома?

— Какъ вы думаете?

— Занимаетесь хозяйствомъ? спросила Виленская.

Турманова была очень самолюбива. Роскошь, общественное положеніе и монументальное величіе Виленской постоянно давили ее; она всячески старалась высвободиться изъ-подъ этого гнета и дѣлала неимовѣрные скачкѝ, имѣя цѣлію вознестись на пьедесталъ; но скачки никакъ не приводили къ желаемой цѣли, — и это обстоятельство, весьма естественно, усиливало внутреннее раздраженіе посѣтительницы. Виленская не могла сказать слова безъ того, чтобы Турманова не старалась отыскать въ немъ какого-нибудь саркастическаго намека. Такъ и теперь случилось: при послѣднемъ вопросѣ Виленской, Турманова принуждена была прибѣгнуть къ веселенькому смѣху, чтобы скрыть настоящія свои чувства.

— И, нѣтъ!.. мое хозяйство (она сдѣлала удареніе на послѣднее слово) идетъ очень хорошо и безъ меня; вы не угадали... Представьте, я пристрастилась къ газетамъ... Вы смѣетесь?—нѣтъ, право; я нахожу чтеніе газетъ очень занимательнымъ; вы понимаете, я говорю, разумѣется, объ иностранныхъ газетахъ...

— Что жъ васъ больше всего занимаетъ?.. Политика?..

— Да, отчасти и политика... Но я больше читаю тѣ статьи, въ которыхъ говорится собственно о внутренней жизни Парижа... особенно о жизни de la société... Вчера еще прочла я въ Indépendance три статьи, въ которыхъ

разсказывается о роскоши этого общества... Ахъ, chère m-me Vilensky, вы представить себѣ не можете, что это такое! Парижское общество рѣшительно безумствуетъ! C'est à qui se ruinera le premier! Можно думать, они какъ будто задали себѣ цѣль — разориться? Роскошь, которая была при Людовикѣ XIV, ничего не значитъ передъ тѣмъ, что теперь!.. Она проявляется во всемъ: въ постройкахъ, въ туалетѣ, въ убранствѣ отелей... въ частной домашней жизни... Нужно прочесть фельетоны, напримѣръ, Жюль ле-Конта о меблировкѣ парижскихъ отелей, имѣть понятіе о томъ, до чего можетъ дойти роскошь... on ne veut que des meubles précieux!..

— Пожалуйста, chère m-me Tourmanoff, не нападайте на мебель; я сама имѣю слабость къ мебели...

— Но вамъ это простительно!.. Съ вашимъ состояніемъ вы можете позволить себѣ такую роскошь... Я говорю о тѣхъ людяхъ, которые, не имѣя состоянія, или, по крайней мѣрѣ, не бывъ очень богатыми, увлекаются примѣромъ людей съ огромными средствами... Хуже всего то, что эта роскошь точно такъ же и у насъ овладѣваетъ теперь всѣми; не каждый ли день видимъ мы примѣры въ Петербургѣ, Москвѣ и даже провинціи?.. Мы считаемъ долгомъ какимъ-то примѣнять тотчасъ же къ себѣ все, что видимъ у иностранцевъ... По моему мнѣнію,—это мое убѣжденіе, ma conviction la plus intime, — намъ во сто разъ больше слѣдуетъ воздерживаться отъ роскоши, чѣмъ другимъ европейцамъ. Это непремѣнно...

— Но почему же? Я право этого не понимаю...

— Непремѣнно, chère m-me Vilensky, непремѣнно!.. Къ этому обязываетъ насъ уже самое наше положеніе... Примите въ соображеніе, chère m-me Vilensky, одно только: кто,—надо правду сказать, il faut être juste,—кто доставляетъ намъ эти средства къ существованію? Кто доставляетъ намъ эти средства, разрабатывая ce sol ingrat?.. и какъ еще? à la sueur de son front!.. Нельзя не согласиться, chère m-me Vilensky, что мы, къ сожалѣнію, мало думаемъ объ этомъ. Не всѣ ли мы больше или меньше увлечены роскошью? Мы тратимъ огромныя деньги, разъѣзжаемъ на кровныхъ лошадяхъ, даемъ блистательные вечера, убираемъ наши отели (хорошенькіе глаза Турмановой съ неуловимой быстротою скользнули по оконнымъ занавѣсямъ и портьерамъ),—да, и забываемъ мы, между тѣмъ, что тотъ, который...

— Вы, какъ видно, chère m-me Tourmanoff, проповѣдуете филантропію? перебила Виленская, сопровождая слова свои едва примѣтною улыбкой.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ! развѣ это значитъ быть филантропкой, когда говоришь правду? возразила Турманова, обводя глазами гостиную.

Во взглядѣ Турмановой ничего, повидимому, не было особеннаго; тѣмъ не менѣе, отъ дѣйствія этого взгляда, тяжеловѣсныя оконныя занавѣси и портьеры покрылись какъ будто безчисленнымъ множествомъ дыръ и сдѣлались вдругъ сквозными; такъ, по крайней мѣрѣ, можно было думать, глядя на лицо генеральши, которое не только перестало заслоняться тѣнью, но озарилось даже веселостію и тѣмъ милымъ оживленіемъ, которое всегда его отличало.

— Прощайте, однакожъ, chère m-me Vilensky, сказала она вставая,—я съ вами заболталась... Ah, mon Dieu, il est déjà trois heures... Прощайте, adieu!..

Турманова протянула Виленской руку, съ чувствомъ пожала ее и выпорхнула изъ гостиной такъ же легко и свободно, какъ впорхнула въ нее.

Дѣйствительной статской совѣтницѣ предстояло еще два-три визита. Но, спускаясь съ лѣстницы Виленскихъ, она почувствовала вдругъ начало мигрени, и, сѣвъ въ карету, приказала ѣхать домой. Мигрень у Турмановой сказывался всегда тѣмъ, что въ правомъ вискѣ начинала нестерпимо ныть и биться какая-то жилка. Сотрясеніе кареты, сырой и пасмурный день,—все способствовало къ тому, разумѣется, чтобы усилить раздраженіе жилки. Первымъ вопросомъ Турмановой, по пріѣздѣ домой, было освѣдомиться, у себя ли баринъ. Съ ея убѣжденіями (убѣжденіями, такъ горячо высказанными у Виленской), ей, безъ сомнѣнія, непріятно даже было произносить слово: „баринъ“; она дѣйствительно проговорила его съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. И если, спрашивая о мужѣ, не могла она сказать: дома ли князь, или баронъ,—въ этомъ винить надо одну покойную мать Турмановой, которая непремѣнно хотѣла выдать дочь за Турманова.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, Турманова поднялась на лѣстницу, сбросила шубу на руки горничной и прошла къ себѣ въ гостиную,—очень большую и хорошую гостиную, оклеенную свѣтло-палевыми обоями, согласовавшимися какъ нельзя лучше съ обивкою мебели, оконными

занавѣсями и портьерами изъ превосходной шерстяной матеріи съ широкими голубыми разводами по коричневому полю. Прелестные глаза Турмановой всегда съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ и даже любовію останавливались на этихъ предметахъ; но, увы! въ настоящую минуту, взглядъ, которымъ обвела она гостиную, выразилъ только, что жилка праваго виска, предвѣщавшая мигрень, билась невообразимо ускореннымъ тактомъ и сильно заставляла страдать бѣдную женщину. Мигрень такъ, наконецъ, усилился, что когда явился въ гостиную Турмановъ,—жена его не въ силахъ уже была подняться съ дивана, на которомъ лежала, подперевъ крошечною своею ладонью больную голову.

— Ахъ, Боже мой!.. Что съ тобою, cher ange?.. торопливо спросилъ супругъ, представлявшій изъ себя виднаго господина, съ круглымъ маленькимъ лицомъ, не отличавшимся избыткомъ остроумія, но зато преисполненнымъ выраженія добродушія (онъ былъ, впрочемъ, остроуменъ и даже глубокъ,—но добродушіе поглощало въ немъ всѣ остальныя качества).

— Оставьте меня... проговорила супруга съ раздражительностію, свойственною всѣмъ слабымъ, нервнымъ существамъ, одержимымъ сильною головною болью.

— Но что̀ такое?..

— У меня жесточайшій мигрень... Я какъ будто предчувствовала... не даромъ не хотѣла я ѣхать сегодня къ Виленской... Оставьте меня, прошу васъ.

— Но, cher ange...

— Я ужасно разстроена! нетерпѣливо прервала супруга.

— Я всегда замѣчалъ, что всякій разъ какъ ты бываешь у Виленской, она тебя непремѣнно разстраиваетъ...

— Чѣмъ же можетъ она меня разстраивать?.. Я право не понимаю, откуда берете вы ваши замѣчанія... Если кто-нибудь разстраиваетъ меня... ce qui m'agace les nerfs, такъ это конечно... Но, во всякомъ случаѣ, это не Виленская...

— Но, cher ange...

— Мы, просто, очень много говорили сегодня, и потому, вѣроятно, у меня такъ голова разболѣлась...

— Видишь ли, душа моя, ну, не правъ ли я?.. промолвилъ супругъ,—эта Виленская вѣчно столько накричитъ и наболтаетъ...

— De mieux en mieux!.. Если бъ всѣ такъ много гово-

рили, какъ Виленская, можно бы думать, что мы живемъ въ обществѣ нѣмыхъ!.. Вы, право, сегодня удивительны! Vous êtes impayable, mon cher, съ вашими замѣчаніями... ха, ха, ха...

— Что съ тобою?..

— Ничего, c'est nerveux!.. Ужасно, однакожъ, какъ болитъ голова!.. Ахъ, кстати о Виленскихъ! Вы знаете, Виленскій сдѣлалъ сюрпризъ женѣ...

— Bah! произнесъ Турмановъ, превращаясь весь въ одну улыбку и самодовольно опускаясь въ кресло.

— Да; Виленская сказала какъ-то, что ей не нравятся портьеры и занавѣси въ гостиной... Мужъ велѣлъ тотчасъ перемѣнить и повѣсилъ moquette... C'est superbe!.. Говорите, что хотите, но я всегда буду на сторонѣ Виленскаго; всегда скажу: это образецъ предупредительныхъ мужей... Это настоящій то, что̀ называютъ un mari galant!.. Ахъ, Боже мой, какъ несносно бьется эта жилка въ правомъ вискѣ!.. Пожалуйста, Athanase (Турманова звали Аѳанасіемъ), опустите занавѣсъ на томъ окнѣ... свѣтъ падаетъ мнѣ прямо на глаза... le jour fait mal... Онъ раздражаетъ еще больше нервы...

Супругъ любезно привсталъ съ мѣста и поспѣшилъ исполнить желаніе жены. Но потому ли, что онъ не раздѣлялъ ея предубѣжденія въ отношеніи къ дневному свѣту, или были другія причины, только, подойдя къ окну, онъ никакъ не могъ отъ него оторваться.

— Eh bien, Athanase... что жъ вы тамъ дѣлаете?..

Онъ торопливо откинулъ шерстяныя занавѣси, послѣ чего возвратился на прежнее мѣсто несравненно медленнѣе, чѣмъ покинулъ его. Лицо его было красно, какъ піонъ.

— Я забылъ сказалъ тебѣ, началъ онъ, переминаясь и очевидно стараясь скрыть свою неловкость,—я получилъ два письма изъ деревни... Одно отъ управляющаго, другое—отъ нашего дудкинскаго старосты...

— Что жъ они пишутъ?.. вѣрно опять неурожай?..

— Почемъ ты знаешь?..

— Mon Dieu, mais c'est toujours la même chanson! Вѣчно одна пѣсня!.. Управляющій и староста, право, кажется, сговорились писать каждый годъ одно и то же!.. C'est un parti pris!.. Я увѣрена, они насъ обманываютъ; иначе быть не можетъ! Нѣтъ причины, чтобы получали мы меньше доходовъ, чѣмъ другіе; c'est absurde!.. Я ни-

когда не жила въ деревнѣ, но убѣждена, что все это происходитъ отъ того, что управляющій и староста, попросту, ничего не дѣлаютъ... Да; распустили крестьянъ, которые, разумѣется, очень этому рады, лѣнятся, не занимаются полями... Повѣрьте, вотъ почему годъ отъ году у насъ меньше доходовъ!.. Да, я всегда буду утверждать, всегда! всегда! — управляющій и староста попросту font leurs choux gras... Повѣрьте мнѣ!.. Все это больше ничего, какъ de la canaille la plus fieffée canaille!..

— Успокойся, душа моя... прошу тебя, успокойся!.. Ты знаешь, какъ это тебѣ вредно... у тебя же мигрень... И наконецъ, все это не стòитъ того, чтобы выходить изъ себя... Я еще сегодня писалъ управляющему и старостѣ, и обоимъ имъ мылю хорошенько голову...

— И прекрасно дѣлаешь!.. Пожалуйста, cher Athanase... потрудись встать еще разъ... Опусти занавѣсъ на другомъ окнѣ... свѣтъ раздражаетъ мнѣ глаза... И, наконецъ, я не знаю, но эти шерстяныя занавѣси бросаютъ какой-то глупый, тусклый свѣтъ... хорошо... merci...

Усилія, которыя дѣлала Турманова, чтобы говорить съ мужемъ, замѣтно дѣйствовали во вредъ ея головной боли. Она склонила голову на подушку и закрыла глаза.

— Cher ange... промолвилъ супругъ, торопливо возвращаясь къ дивану,—ты страдаешь!.. Не послать ли за докторомъ?..

— Нѣтъ, не надо... ничего, пройдетъ!.. возразила она слабымъ голосомъ.

Турмановъ нѣжно поцѣловалъ ея руку, умиленно поглядѣлъ ей въ лицо, потомъ неопредѣленно какъ-то обвелъ глазами гостиную, остановилъ ихъ секунды на двѣ на оконныхъ занавѣсяхъ и портьерахъ, и, какъ бы вдругъ осѣненный свѣтлой радостной мыслью, поспѣшно вышелъ на цыпочкахъ.

Войдя въ кабинетъ, онъ приблизился къ большому письменному столу, заваленному бумагами, отыскалъ между ними письмо, уже совсѣмъ вложенное въ конвертъ, развернулъ его и бѣгло прочелъ для памяти: „...Муку ни за что не продавать за ту цѣну, которую предлагаютъ; лучше повременить и подождать болѣе выгодныхъ условій...“ —„Сказать фабриканту, который предлагаетъ купить лугъ, сказать ему, что онъ дуракъ. Ты самъ знаешь, Герасимъ, луговъ у насъ и безъ того не много; я даже удивляюсь, какъ могъ ты написать мнѣ о такомъ пред-

ложеніи...“ Дочитавъ до конца, Турмановъ опустилъ перо въ чернильницу и прибавилъ въ концѣ письма слѣдующее: „Обстоятельства перемѣнились; продать муку тотчасъ же; съ фабрикантомъ можешь поторговаться насчетъ луга; но, во всякомъ случаѣ, продай его, продай непремѣнно. Главное, позаботься выслать какъ можно скорѣе деньги“.

Я былъ всегда однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ хорошенькой Турмановой; но, странно, бывалъ у нея весьма рѣдко. Можете судить о моемъ удивленіи, при полученіи слѣдующей офиціальной записки: „Mr. et M-me Tourmanoff prient M***, de leur faire l'honneur de prendre part à leur soirée du Jeudi...“

Въ назначенный четвергъ, ровно въ десять часовъ вечера, я входилъ въ гостиную Турмановыхъ. Никогда еще не видалъ я хозяйку дома такой веселой, милой и любезной: она порхала, какъ мотылекъ, отъ одного гостя къ другому; для каждаго находила милое, привѣтливое словцо; я стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту, не могъ оторвать глазъ отъ нея и вполнѣ раздѣлялъ восхищеніе самого Турманова, лицо котораго сіяло, когда обращалось къ женѣ. Не могу сказать, однакожъ, чтобы мнѣ было очень весело.

Въ обществѣ Турмановыхъ, кромѣ хозяина и хозяйки дома, мнѣ былъ знакомъ всего-на-все одинъ человѣкъ; то былъ одинъ изъ столоначальниковъ Турманова. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ же приблизился.

— Вы ничего не замѣчаете? спросилъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Нѣтъ; а что?

— „Обновились!“ шепнулъ онъ съ особеннымъ какимъ-то удареніемъ и придавая костлявому лицу своему саркастическое выраженіе.

— Какъ обновились?

— Взгляните... промолвилъ онъ, подмигивая на окна и двери гостиной.

Тутъ только въ первый разъ примѣтилъ я, что портьеры и оконныя занавѣси были изъ пунцовой шелковой матеріи.

— Ну, такъ что̀ жъ? сказалъ я, — новыя портьеры и занавѣси...

— Васъ это не удивляетъ?

— Нисколько; Турмановы имѣютъ, кажется, хорошее состояніе... Они могутъ вѣшать, что̀ имъ угодно.

— Нѣтъ, воля ваша, смѣшно! право, смѣшно! произнесъ столоначальникъ, и, пожавъ плечами, оставилъ меня.

Я невольно проводилъ его глазами; черезъ минуту онъ подошелъ къ другому господину, и хотя мнѣ невозможно было слышать ихъ разговора, но взгляды столоначальника ясно доказывали, что опять шла рѣчь о новыхъ занавѣсяхъ и портьерахъ.

„Дались же ему эти занавѣси...“ Но не успѣлъ я мысленно произнести этихъ словъ,—смотрю: столоначальникъ подходитъ уже къ третьему лицу, толкаетъ его локтемъ и точно такъ же мигаетъ ему на окна и двери, вызывая на лицѣ своемъ рядъ улыбокъ самаго ядовитаго и сатирическаго свойства. Послѣ этого, я потерялъ его изъ виду.

— Скажи, пожалуйста, Каролина Ивановна, сказалъ столоначальникъ женѣ своей, когда, послѣ вечера, отправились они домой въ наемной каретѣ (нѣтъ надобности знать, изъ какихъ источниковъ почерпаю я свои свѣдѣнія),—скажи, пожалуйста, Каролина Ивановна (жена столоначальника была рижская уроженка), не помнишь ли ты, но только „навѣрное“, что̀ стоитъ аршинъ хорошаго драдедаму, или, знаешь... этой шерстяной матеріи съ большими разводами?..

— Знаю: зачѣмъ тебѣ?

— Видишь ли, душа моя, мнѣ хочется перемѣнить наши оконныя занавѣси. Потомъ, у насъ ничего нѣтъ передъ дверьми, такъ ужъ я, заодно, купилъ бы разомъ матеріи...

— Вотъ вздоръ какой!

— Совсѣмъ не вздоръ; теперь уже такъ заведено, чтобы передъ дверью непремѣнно что-нибудь висѣло...

— Если ужъ ты непремѣнно этого хочешь,—купи ситцу; можно найти того самаго, что покупали мы, когда дѣлали наши оконныя занавѣси...

— Нѣтъ, матушка, покорнѣйше васъ благодарю! Скорѣй же я откажу себѣ въ другомъ чемъ-нибудь, но ужъ куплю или драдедаму, или шерстяной матеріи съ крупными разводами.

— Когда тебѣ кажется, что наши занавѣси грязны, по-моему, гораздо лучше велѣть ихъ вымыть... и отдать потомъ на фабрику, чтобы снова навести глянецъ.

— Снова глянецъ! — ни за что въ свѣтѣ!.. Съ этими ситцевыми занавѣсками наша гостиная похожа на какой-то

пансіонъ... что-то такое купеческое... словомъ, я не знаю на что, но только вовсе не на гостиную порядочнаго человѣка!.. Надо тебѣ сказать, я вообще ненавижу ситецъ; съ дѣтства ненавижу его!.. съ дѣтства!..

— А я, напротивъ, очень люблю его; и пыли (она выговаривала пиль), и моли нѣтъ, и чище какъ-то... и, наконецъ, дешевле...

— Гадость! душа моя,—гадость! гадость! воля твоя, но это гадость!

— Ты, Антонъ Осиповичъ, всегда такъ: что̀ у другихъ увидишь, то чтобы сейчасъ же и у тебя было...

— Что̀ я увидѣлъ у другихъ? что̀? что̀ такое?..

— Турмановы повѣсили новыя занавѣси и портьеры, и у тебя тотчасъ же загорѣлось!

— Ахъ, душа моя, сдѣлай милость, избавь меня отъ своихъ наставленій; повѣрь мнѣ, я вовсе въ нихъ не нуждаюсь... Меня удивляетъ одно только, Каролина Ивановна, одно удивляетъ: какъ ты не понимаешь, что есть положенія, которыя, такъ сказать, ужъ невольно принуждаютъ соблюдать наружное приличіе... Мы необходимо должны приносить жертвы свѣту; мы бываемъ у людей,— и люди у насъ бываютъ... и слѣдовательно... И, наконецъ, уже самый чинъ мой... Но вы, женщины, этого не понимаете, и потому—лишнее объ этомъ распространяться!..

Супруги замолкли, и каждый погрузился въ собственныя свои размышленія. Дѣйствіемъ этихъ размышленій было то съ одной стороны, что на другое же утро Антонъ Осиповичъ отправился къ одному знакомому человѣку, кажется, къ казначею какому-то, который давалъ взаймы деньги; знакомый человѣкъ давалъ не свои деньги, — обстоятельство, подвергавшее его большой опасности и постоянно державшее его въ страхѣ и лихорадочномъ трепетѣ, но онъ вознаграждалъ все это тѣмъ, что бралъ чудовищные проценты. По расчету Антона Осиповича, занавѣси и портьеры изъ новомодной шерстяной матеріи на три окна и двѣ двери стоили сто сорокъ два рубля пятьдесятъ копеекъ. Но, кстати ужъ, занялъ онъ двѣсти пятьдесятъ рублей, и недѣлю послѣ того задалъ очень миленькій вечерокъ съ ужиномъ и танцами.

Я всегда питалъ въ душѣ самыя враждебныя чувства къ Антону Осиповичу; постоянно бранилъ его, при всѣхъ удобныхъ случаяхъ и даже на всѣхъ перекресткахъ. Но, само собою разумѣется, это нисколько не помѣшало мнѣ

ѣхать къ нему на вечеръ. Сознаюсь чистосердечно, меня особенно привлекалъ туда ужинъ; я зналъ Антона Осиповича за весьма самолюбиваго и тщеславнаго человѣка; зналъ, что если ужъ онъ даетъ вечеръ и ужинъ, то дѣлаетъ это хорошо.

Статься можетъ, изъ числа читателей найдется такой, который не оправдаетъ моего поступка. Допустивъ возможность такого случая, я почти навѣрное скажу, что такой читатель долженъ непремѣнно быть или скромный провинціалъ, или почтенный отецъ многочисленнаго семейства, или человѣкъ, одержимый какою-нибудь нравственною болѣзнію,—мизантропіею, напримѣръ, и т. д.,—но уже во всякомъ случаѣ такой человѣкъ, который не только не посѣщаетъ столичнаго общества, но даже провинціальнаго. (Въ отношеніи свѣтскихъ обычаевъ, провинціальное общество служитъ зеркаломъ того, что дѣлается въ столичномъ свѣтѣ; зеркало это, правда, съ кривинкой; оно комически показываетъ два носа тамъ, гдѣ одинъ, или, наоборотъ, показываетъ все въ уменьшительномъ видѣ; но все-таки провинція—зеркало столицы). Но не въ этомъ дѣло... Я говорю, посѣщай такой читатель столичное или провинціальное общество, ему, конечно, было бы не безъизвѣстно, что сплетни, брань, злословіе и клевета составляютъ, можно сказать, главную приправу, главный смакъ, основу, пищу разговора, и, обыкновенно, въ грошъ не ставятся. Вы браните на чемъ свѣтъ стоитъ вашихъ знакомыхъ; знакомые бранятъ васъ не на животъ, а на смерть; тѣмъ и другимъ все это хорошо извѣстно, и, между тѣмъ, это нимало не мѣшаетъ другъ у друга пить чай, обѣдать и ужинать.

Но какъ бы тамъ нибыло, я провелъ у Антона Осиповича очень пріятно вечеръ, и даже, чего со мною никогда не бывало, пустился въ танцы.

Виновницей такого нарушенія моихъ всегдашнихъ привычекъ была одна очень хорошенькая дамочка, которой меня представили и которая пріѣхала съ мужемъ. Мужу я протянулъ только указательный палецъ и почти не обращалъ на него вниманія; то былъ одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ, служившихъ подъ начальствомъ Антона Осиповича; его приглашали только ради жены, оно, впрочемъ, такъ и слѣдовало: онъ представлялъ изъ себя человѣка мрачнаго, несообщительнаго, въ которомъ бросалась въ глаза только та особенность, что сколько ни брилъ

онъ верхнюю губу и подбородокъ, они сохраняли постоянно сизый цвѣтъ,—точь-въ-точь, какъ у одной породы обезьянъ. Бѣдность, какъ вы сами легко можете себѣ представить, не придавала ему значенія въ глазахъ общества; онъ жилъ однимъ жалованьемъ, и въ квартирѣ его—такъ сказали мнѣ, и я убѣдился въ этомъ впослѣдствіи—въ квартирѣ его не было даже занавѣсокъ передъ окнами. Но справедливость требуетъ сказать, ему не чужды были условія свѣта; онъ былъ одѣтъ очень хорошо.

Что же касается до милой жены его, то туалетъ ея былъ почти безукоризненъ; на пухленькой ея рукѣ (ахъ, что̀ это за ручка, если бъ вы видѣли!) сверкали даже два золотые браслета, обдѣланные по послѣднему фасону; короче сказать, она была прелестна! Я такъ увлекся, что мнѣ даже въ голову не пришло взглянуть на новые занавѣси и портьеры Антона Осиповича. Мы не разлучались почти во весь вечеръ и разстались въ три часа ночи, когда всѣ стали разъѣзжаться. Нѣтъ сомнѣнія, я проводилъ ее до самыхъ дверей и даже подалъ ей руку, когда она садилась на извозчика.

— Ты, душенька, кажется, очень много танцовала съ этимъ господиномъ? спросилъ ея мужъ. (Опять умолчу объ источникѣ, доставившемъ мнѣ эти свѣдѣнія; вамъ это не интересно, и, наконецъ, не въ томъ вовсе дѣло).

На такой вопросъ мужа не послѣдовало отвѣта.

— А вѣдь у Антона Осипыча было довольно весело?.. началъ опять мужъ.

Молчаніе.

— Что съ тобой, душенька?

Молчаніе.

— Ты нездорова?

Молчаніе, сопровождаемое сильнымъ толчкомъ локтя въ правый бокъ супруга. Но сани пропадаютъ во мракѣ ночи, и что̀ дальше было—намъ не извѣстно.

Хорошенькая женщина, жена синебородаго господина, не выходила изъ головы моей во всю ночь. На другое утро, между часомъ и двумя, я отправился къ ней съ визитомъ. (Скромность не исключаетъ истины; наканунѣ, ея слова и взгляды сильно поощрили меня къ продолженію знакомства; я былъ увѣренъ, что меня хорошо примутъ). И такъ—я отправился.

Подойдя къ двери „ея“ жилища, я почувствовалъ такое волненіе, что нѣсколько разъ протянулъ къ звонку

руку, прежде чѣмъ замѣтилъ, что звонка вовсе не было. Дверь была не заперта и отворилась при первомъ моемъ прикосновеніи къ ручкѣ. Я вступилъ въ крошечную и весьма темную прихожую; тамъ никого не было.

Причина такого опустѣнія тотчасъ же, впрочемъ, мнѣ объяснилась: кухарка и горничная (если таковая находилась) должны были непремѣнно стоять гдѣ-нибудь у двери и прислушиваться къ разговору, происходившему въ комнатѣ, примыкавшей къ прихожей. Разговоръ былъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ занимателенъ, что самъ я невольно затаилъ дыханіе и вытянулъ шею.

— Она нанимаетъ лакея, держитъ собственную лошадь... У меня кухарка, — грязная, мерзкая баба, и я ѣзжу на ванькахъ! звучалъ свѣтлый голосокъ, который, какъ наканунѣ, такъ и теперь, сладостно отзывался въ моемъ сердцѣ. — Я не хочу такъ жить! Слышите ли: не хочу!.. Почему Антонъ Осипычъ находитъ средства жить приличнымъ образомъ, а вы не находите? Почему?..

— Мѣсто его такое... съ соболѣзнованіемъ проговорилъ мужъ.

— Не смѣйте упоминать мнѣ о мѣстѣ! Я дѣлала все, что̀ могла, чтобы опредѣлить васъ приличнымъ образомъ,— вы сами этого не захотѣли!.. Повторяю вамъ: человѣкъ, который женится на порядочной женщинѣ, долженъ знать прежде, можетъ ли онъ содержать ее приличнымъ образомъ... Думали ли вы объ этомъ? Оглянитесь кругомъ, что это?—кабакъ! харчевня! полпивная!.. Я знать ничего не хочу, дѣлайте какъ знаете, но чтобъ были у меня обои и занавѣски къ окнамъ!..

Отрывокъ изъ этого разговора и даже продолженіе его, весьма натурально, не произвели на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Въ моемъ положеніи (я разсуждаю теперь какъ *дэнди*, какъ свѣтскій человѣкъ), въ моемъ положеніи, ссора между мужемъ и женою могла только меня радовать. Какое мнѣ дѣло до ея характера и отношеній къ мужу! Каковъ бы ни былъ ея нравъ, личико ея останется все такъ же прелестнымъ. Я былъ, слѣдовательно, покоенъ. Но едва возгласы ея превратились въ пронзительные крики, которые легко могли отнять у ея голоса мелодическую прелесть, я поспѣшилъ кашлянуть. Но такъ какъ это не помогло, я рѣшился постучать сапогами и умышленно уронилъ на полъ шляпу. Все смолкло въ ту

же секунду. Не успѣлъ я подскочить къ выходной двери, уже явилась кухарка. Я велѣлъ доложить о себѣ.

Не стану описывать вамъ моего визита. Достаточно сказать, мужъ почти до слезъ тронутъ былъ моимъ посѣщеніемъ: онъ не переставалъ жать мнѣ руку,—что, мимоходомъ сказать, было весьма непріятно: пожимая руку, онъ точно вкладывалъ вамъ въ ладонь живую лягушку. Что жъ касается до жены, — она была милѣе даже, чѣмъ наканунѣ! Нѣжное очертаніе ея личика, проникнутаго плѣнительной меланхоліей, ясно доказало мнѣ, что предшествовавшая ссора могла только быть вызвана мужемъ, къ которому съ той же минуты почувствовалъ я отвращеніе. Къ счастью, нѣсколько минутъ спустя, вошла кухарка и объявила ему, что пришелъ какой-то купецъ. Мы остались вдвоемъ... Но слѣдуетъ ли говорить объ этихъ дивныхъ минутахъ, которыя навѣкъ останутся запечатлѣнными въ сердцѣ?.. Нѣтъ, пройду лучше молчаніемъ...

Покидая „ея" жилище, которое, несмотря на очевидную бѣдность и даже отсутствіе занавѣсокъ, казалось мнѣ истиннымъ раемъ, я встрѣтился подъ воротами съ купцомъ, выходившимъ отъ „ея" мужа.

— Ба! Иванъ Терентьичъ! Такъ это вы приходили! Какими судьбами? воскликнулъ я.

— Дѣльце такое было-съ...

— Ну, что, какъ?.. Обдѣлали?

— Да что, плохо, сударь мой, плохо! возразилъ Иванъ Терентьичъ (на лицѣ его, дѣйствительно, проглядывала озабоченность).—Вчера приходилъ, совсѣмъ ужъ было покончили; нынче опять не то: никакимъ манеромъ, говоритъ, невозможно... то, да сё... Прижимаетъ, сударь мой, прижимаетъ!..

— Какъ такъ?

— Да такъ же, прижимаетъ, — и все тутъ! Главная статья: намъ время дорого... Ситецъ вздоръ; намъ это наплевать! Время, сударь мой, дорого, а не ситецъ...

— Какой ситецъ?

— Втрое давалъ, сударь мой, втрое; говорю, время только не задерживайте; онъ все свое: нѣтъ, говоритъ, денегъ твоихъ, братецъ, ненадобно; я, говоритъ, не беру, а вотъ у тебя, говоритъ, фабрика ситцевая, такъ принеси куска два ситцу на оконныя занавѣси, — тогда и дѣло сдѣлается. Спасибо, хоть сговорчивъ!..

„У нея будутъ занавѣси!" воскликнулъ я съ такимъ

восторгомъ, что два-три человѣка, шедшіе мимо, обернулись. (Съ Иваномъ Терентьичемъ мы уже разстались.) Признаюсь вамъ, мысль эта, что у нея будутъ занавѣси, примирила меня даже съ мужемъ обожаемой мною особы. И въ самомъ дѣлѣ, другой на его мѣстѣ взялъ бы попросту деньги и проигралъ бы ихъ въ преферансъ въ клубѣ Соединеннаго Общества; потребовавъ ситецъ, онъ доказалъ, что прямымъ желаніемъ его было угодить милой женѣ. Я былъ тронутъ и не могъ утерпѣть, чтобы не проговорить внутренно: „да, и въ бѣдномъ классѣ скрываются семейныя добродѣтели!..“

По прошествіи нѣкотораго времени (вы понимаете, время это слѣдуетъ считать не днями, а часами), я снова отправился къ нимъ съ визитомъ. Боже, какъ была мила она! Она весело порхала, какъ птичка, по своей комнаткѣ. Солнечные лучи, проходя сквозь пышные розаны, отпечатанные на глянцовитомъ ситцѣ, украшавшемъ окна, казалось, усыпали розами ея пухленькія щечки. Я былъ умиленъ, восхищенъ, очарованъ. И не будь тутъ сестры хозяина дома, — бѣдной восьмидушной помѣщицы Петербургской губерніи, пріѣхавшей навѣстить брата, я, конечно, подъ вліяніемъ восторженнаго своего чувства, надѣлалъ бы множество непростительныхъ глупостей...

Кстати объ этой помѣщицѣ. Возвратившись къ себѣ домой (крошечный домикъ, состоявшій всего изъ одного бревенчатаго сруба съ подслѣповатыми аршинными окнами), она тотчасъ же послала человѣка (единственнаго мужского представителя своей дворни), послала его за тридцать верстъ, въ уѣздный городъ, для покупки кумачу. Наличныхъ денегъ было у нея всего-на все одинъ рубль двадцать копеекъ серебромъ; но купецъ повѣрилъ ей охотно на такую же сумму и отрѣзалъ одиннадцать аршинъ требуемой ткани.

Какъ ни были малы окна домика, одиннадцать аршинъ все-таки не достало на занавѣси. Но это обстоятельство не затруднило хозяйку; она тотчасъ же приступила къ кройкѣ. Мужъ началъ было ей совѣтовать выждать времени, когда будутъ деньги, и прикупить кумачу (купецъ не вѣрилъ имъ больше, какъ на рубль двадцать), но жена сказала ему дурака, ткнула въ глаза петербургскими родственниками, объявила, что живетъ онъ какъ однодворецъ и ровно ничего не смыслитъ въ приличіи. Мужъ замолкъ, а она продолжала кроить, и выкроила очень

миленькія занавѣски, которыя, если и не доходили до верхней перекладины окна, не защищали комнату отъ свѣта, зато драпировались игривыми фестончиками по боковымъ косякамъ, увеселяли взоръ хозяйки и пробуждали зависть, а съ нею вмѣстѣ и саркастическія улыбки сосѣдей и сосѣдокъ.

Но, быть-можетъ, въ настоящую минуту и на вашемъ лицѣ, почтенный мой читатель, играетъ точно такъ же саркастически-насмѣшливая улыбка.

„Что жъ такое, что всѣ они, начиная съ Виленскаго и кончая этой восьмидушной помѣщицей, повѣсили себѣ новыя занавѣси и портьеры! говорите вы, движимый тою положительностью, тѣмъ строго-практическимъ чувствомъ, которое васъ всегда отличало.—Что жъ, что у нихъ новыя занавѣси и портьеры! Зато у каждаго оказалось теперь больше долгу, чѣмъ прежде было!..“

Съ одной стороны, вы, можетъ-быть, правы. Дѣйствительно, долгу прибавилось. Но, съ другой стороны, что̀ значитъ долгъ, когда не нарушается имъ сердечное довольство? Что̀ значитъ долгъ, когда цѣною его можно купить удовлетвореніе главной душевной потребности, состоящей въ томъ, какъ извѣстно, чтобы казаться не хуже другихъ и никому не уступать въ дѣлѣ познанія свѣтскихъ потребностей и наружнаго приличія?..

ВЪ ОЖИДАНІИ ПАРОМА.

(РАЗСКАЗЪ.)

Кого хоть разъ въ жизни не застигали на нашихъ дорогахъ продолжительное ненастье, весенняя распутица или позднее осеннее время, тому, можетъ быть, лишнее описывать все, что претерпѣваетъ въ такихъ случаяхъ путешественникъ. Достаточно сказать, что курная изба, со всею ея грязью, вонью и духотою, привѣтствуется тогда съ величайшею радостью.

На мою долю выпали и грязь, и ненастье. Апрѣль стоялъ на половинѣ; зимній путь прекратился; но ѣхать пока еще можно было; почва, благодаря возвратившимся морозамъ и постоянному холодному вѣтру, держалась довольно твердо. Вдругъ вѣтеръ повернулъ съ юга; по прошествіи какого-нибудь часа, небо покрылось тучами, и частый, теплый дождь зашумѣлъ со всѣхъ сторонъ. Воздухъ сдѣлался такъ мягокъ, что земля видимо почти распускалась; низменныя мѣста дороги и колеи наливались водою; въ ровныхъ мѣстахъ было еще хуже: глина навивалась на колеса цѣлыми ворохами и мѣшала двигаться. Я торопилъ, однакожъ, ямщика. Намъ предстоялъ переѣздъ черезъ Оку. Принимая въ соображеніе время и погоду, мы легко могли засѣсть на этомъ берегу, въ случаѣ, если замѣшкаемъ. До перевоза осталось верстъ шестнадцать,—сущая бездѣлица, кажется! По желѣзной дорогѣ проѣхать такое пространство—полчаса, по шоссе—часъ, много полтора; но надо замѣтить, мы пробирались такъ-называемымъ большимъ почтовымъ трактомъ; какъ всѣ пути такого рода, дорога наша отличалась отъ полей кое-гдѣ торчавшими по сторонамъ ветелками. Тутъ уже нѣтъ возможности рас-

числить время, соображаясь съ числомъ верстъ; можете благополучно проѣхать отъ станціи до станціи; можете также просидѣть въ какой-нибудь котловинѣ, и всего чаще, подъ какимъ-нибудь мостомъ, цѣлыя сутки.

Мы едва тащились. Время отъ времени попадались подводы съ мукою, которыя безнадежно бились посреди дороги; мы подсобляли имъ выкарабкаться и продолжали путь, чтобы полверсты далѣе засѣсть, въ свою очередь, и ждать, пока не выручатъ оставшіеся позади и только-что нами же выученные люди. Въ такомъ обмѣнѣ услугъ заключались, можно сказать, путевыя впечатлѣнія и развлеченія.

Гладкая, пустынная, какъ степь, мѣстность убѣгала во всѣ стороны; всюду мелькала темная, взбудораженная почва, по которой хлесталъ ливень; встрѣчались сломанныя оси, чахлыя ветлы и стаи галокъ, которыя, какъ бы въ контрастъ грустной неподвижности всего остального, проносились стрѣлою надъ нашими головами. Не помню, чтобы было когда-нибудь такъ печально на землѣ и на небѣ! Весеннее время года перемежается въ средней полосѣ Россіи періодами, гдѣ рѣшительно не разберешь, что̀ происходитъ въ природѣ: признаки весны исчезаютъ совершенно; кажется, скорѣе наступила суровая, опустошительная осень; птицы, прилетѣвшія при первомъ тепломъ вѣтрѣ, Богъ вѣсть куда всѣ попрячутся; сѣрый туманъ застилаетъ окрестность; отчаянная глушь воцаряется всюду; обнаженныя деревья, обливаемыя дождемъ и колеблемыя вѣтромъ, уныло гудятъ, дополняя тоску, которая сама собою вливается въ душу...

Былъ уже часъ восьмой вечера, когда, сквозь частую сѣть дождя и начинающіяся сумерки, блеснулъ въ отдаленіи одинъ изъ поворотовъ Оки. Но прежде чѣмъ попасть на перевозъ, слѣдовало проѣхать длинную-длинную деревню, раскинутую по низменному берегу. Улица буквально запружена была лошадьми, подводами и народомъ, ждавшимъ очереди. Нечего было думать ѣхать далѣе; надо было остановиться при самомъ въѣздѣ въ деревню.

— Гдѣ паромъ, на той или на этой сторонѣ? спросилъ я, какъ только выровнялся съ ближайшими возами.

— Паромъ ушелъ... отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Давно ли?

— Съ утра ушелъ!

— Какъ съ утра?..

— Съ утра... Канатъ порвался у парома... онъ и ушелъ...

Дождь промочилъ во многихъ мѣстахъ мое платье, и я продрогъ до костей; но при этомъ извѣстіи меня въ жаръ кинуло. Кромѣ того, что я спѣшилъ достигнуть цѣли своей поѣздки, мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что̀ значитъ дожидаться возстановленія порядка, когда наблюденія за порядкомъ, передаваясь отъ одного лица къ другому, переходятъ наконецъ къ мелкимъ властямъ, а мелкія власти, послѣ дружескаго объясненія съ содержателемъ перевоза, предоставляютъ послѣднему полную свободу дѣйствовать и распоряжаться по своему произволу.

Я рѣшился оставить лошадей, взять чемоданъ и попытаться переѣхать на лодкѣ. Съ такою мыслію направился я къ рѣкѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, труднѣе было двигаться. Улица, окутанная уже полумракомъ, представляла совершенную кашу изъ подводъ, людей и лошадей; все это располагалось зря, безъ всякаго порядка, тискалось и сбивалось, уходя въ грязь по колѣно и по ступицу; иная телѣга стояла прямо, другая поперекъ; въ одномъ мѣстѣ голова лошади упиралась въ возъ, въ другомъ—заднія ноги животнаго тѣсно жались къ сосѣднимъ колесамъ; трудно было понять, какъ все это могло установиться такимъ образомъ; но еще труднѣе было понять, какъ все это разъѣдется, какъ отцѣпится одна ось отъ другой, какъ двинутся колеса безъ того, чтобы не переломать ноги бѣднымъ клячамъ. Нескончаемый этотъ лабиринтъ неожиданно прерывался гуртомъ воловъ, которые неподвижно лежали подъ дождемъ и смутно обозначались въ сѣдомъ парѣ, клубившемся надъ ними. На самомъ берегу, у спуска къ косогору, стояли толпы народа. Крики, говоръ и шлепанье по грязи—все это мѣшалось съ грохотомъ рѣки, шумѣвшей отъ падавшаго на нее дождя, съ плескомъ волнъ. Не было возможности разобрать цѣлой рѣчи; посреди говора, ясно только слышалось: „куда лѣзешь! народъ! начальство не позволяетъ!.. слышь: начальство!..“ Слова эти, произносимыя съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, принадлежали сухопарому, рябому инвалиду очень мирнаго вида, который тутъ и тамъ появлялся съ тоненькою хворостинкой въ рукѣ. Этотъ же самый инвалидъ, на вопросъ мой: можно ли проѣхать въ

лодкѣ? отвѣчалъ, что это никакъ невозможно, что лодка была привязана къ парому, и ее унесло вмѣстѣ съ нимъ; а что вотъ какъ прiѣдетъ паромъ, тогда, пожалуй, можно и на лодкѣ переѣхать...

Скрѣпивъ сердце, я отправился назадъ искать ночлега.

Сколько ни странствуйте по нашимъ дорогамъ, сколько ни испытывайте всякаго рода дорожныхъ бѣдствiй, при каждой новой поѣздкѣ вамъ непремѣнно встрѣтится новый, еще не извѣданный случай. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не приводилось быть жертвой порваннаго каната, хотя я много разъ слышалъ о подобныхъ случаяхъ. Этотъ канатъ не выходилъ у меня изъ головы. „Отчего бы ему оборваться?.. разсуждалъ я мысленно.—Отчего могло произойти все это?.. надо думать, вотъ какъ было: конторщикъ или управитель какого-нибудь помѣщика купилъ дешевенькiя сѣмена конопли (въ расходной книгѣ выставлены были, разумѣется, сѣмена первѣйшаго сорта и самыя дорогiя): уродилась плохая конопель, изъ нея вышла плохая пакля; управитель или конторщикъ ловко подсунулъ ее купцу-поставщику, который, въ свою очередь, ловко подсунулъ ее канатному фабриканту. Фабрикантъ началъ вить изъ нея особеннаго рода дешевенькiе канаты, предназначаемые на продажу лицамъ, не больно свѣдущимъ въ дѣлѣ веревочнаго производства. Содержатель парома былъ не настолько дуракъ, чтобы покупать дорогой канатъ, когда подъ руками находится дешевый. Авось сдержитъ! думалъ онъ, не видя даже лично для себя никакой потери, въ случаѣ, если и не сдержитъ; народу, съѣзжающемуся къ его перевозу, все равно, дѣваться больше вѣдь некуда,—хочешь не хочешь, переѣзжай здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ; ближе сорока верстъ въ обѣ стороны нѣтъ парома: потери, слѣдовательно, никакой нѣтъ для содержателя перевоза; бояться ему также нечего, послѣ предварительнаго переговора съ мелкими властями.“ Восходя такимъ образомъ къ источнику безпорядка, я мысленно говорилъ: „но отчего же, наконецъ, такая круговая порука взаимнаго надувательства и недобросовѣстности?.. Отчего же все это?.. Отчего?..“

Совсѣмъ уже стемнѣло и въ окнахъ зажигались огни, когда я возвратился къ своему ямщику. Мы направились къ ближайшей избѣ. Но такъ уже суждено было, чтобы въ этотъ день испытывать однѣ неудачи: въ избѣ скопилась цѣлая орда, не оставалось свободнаго уголка. Насъ

отправили въ избу насупротивъ, увѣряя, что тамъ найдемъ много свободнаго мѣста; изба принадлежала бурмистру; онъ держалъ горницу и пускалъ однихъ купцовъ и помѣщиковъ.

На этотъ разъ дѣйствительность далеко даже превзошла ожиданія. У бурмистра нашелъ я трехъ человѣкъ; съ первыхъ словъ оказалось, что то были проѣзжіе помѣщики, претерпѣвавшіе одинаковую со мною участь. Всѣ трое сидѣли вокругъ стола, уснащеннаго стаканами и блюдечками: тутъ же возносился самоваръ, шипѣвшій самымъ привлекательнымъ образомъ. Минутъ черезъ десять, переодѣтый и обогрѣтый, сидѣлъ я между ними со стаканомъ чая, радушно предложеннымъ мнѣ сосѣдомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, весьма симпатической наружности, закутаннымъ въ коричневое пальто, повязаннымъ чернымъ галстукомъ, пропускавшимъ бѣлые и тонкіе воротнички рубашки. Второй сосѣдъ былъ миніатюрный, худенькій, но живой и веселый господинъ съ крошечнымъ бѣлокурымъ лицомъ, отличавшимся необыкновенною подвижностью. Третій представлялъ изъ себя толстяка лѣтъ шестидесяти, съ шарообразною сѣдоватою головою, сѣрыми глазами навыкатѣ и коротенькой шеей; онъ сидѣлъ безъ галстука, въ халатѣ и туфляхъ, покуривая изъ коротенькаго чубука, залѣпленнаго сургучомъ, — обстоятельство, заставлявшее его поддерживать свободною рукою животъ, который, отъ чрезмѣрнаго сотрясенія туловища, приходилъ всякій разъ въ сильное колебаніе. Повидимому, ему тѣсно было даже въ халатѣ; онъ ѣхалъ, видно, на своихъ: подъ ногами его стоялъ тяжеловѣсный поставецъ, а шагахъ въ двухъ подымалась широкая, пышно взбитая перина съ ситцевымъ одѣяломъ и подушками.

Въ промежутокъ этихъ десяти минутъ, какъ я вошелъ въ избу, онъ слова не промолвилъ; во все время сохранялъ онъ какой-то неловкій, сконфуженный видъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ, бросая, особенно на меня, недовѣрчивые, косые взгляды; компанія, очевидно, стѣсняла его. Первымъ поводомъ къ бесѣдѣ послужилъ, разумѣется, безпорядокъ, которому обязаны мы были нашимъ столкновеніемъ.

— Мошенники! неожиданно пробурчалъ толстякъ, къ совершенному удовольствію маленькаго живого господина, который, казалось, только и ждалъ, чтобы разразиться смѣхомъ.

Замѣчаніе толстяка произнесено было такимъ мрачнымъ,

такимъ недовольно-комическимъ тономъ, что дѣйствительно трудно было удержаться.

— Чего вы смѣетесь? Конечно, мошенники! повторилъ онъ, дико поглядывая на весельчака.

— Еще бы не мошенники!.. Развѣ я заступаюсь? возразилъ тотъ, продолжая надрываться. — Впрочемъ, намъ съ вами нечего много жаловаться, подхватилъ онъ преднамѣреннымъ какимъ-то тономъ и какъ бы желая подразнить старика.—Намъ съ вами грѣхъ роптать; одно развѣ: домой позже пріѣдемъ! Что жъ касается до всего остального—мы здѣсь блаженствуемъ,—именно блаженствуемъ! Видите: сидимъ въ теплой избѣ, пьемъ чай... вашъ человѣкъ даже вамъ перину постлалъ. Чего же еще?.. Нѣтъ, скажите-ка лучше, каково-то теперь бѣдному мужичонку, что стоитъ на улицѣ, вотъ что! Каково этому мужичонку, который не только не пьетъ чаю теперь и не уснетъ на перинѣ, но которому нечѣмъ даже за ночлегъ отдать, чтобы отъ дождя спрятаться? Скажите-ка лучше, — ему каково?.. Вотъ, добавилъ маленькій господинъ, живо обратясь ко мнѣ и насмѣшливо прищуривая глазки по направленію къ толстяку, — вотъ они говорили намъ, что все это ровнёхонько ничего не значитъ, что мужикъ привыкъ ко всему этому...

— Разумѣется, привыкъ! произнесъ толстякъ, нахмуривая брови и какъ-то бокомъ пятясь на своемъ стулѣ.

— Ну, а какъ вы думаете, заговорилъ въ свою очередь господинъ въ коричневомъ пальто, холодно поглядывая на толстяка,—думаете ли вы, что этотъ мужикъ, у котораго, по вашему мнѣнію, кожа должна быть дубовая, привыкъ ли онъ, напримѣръ, платить за хлѣбъ для себя собственно и за овесъ и сѣно для своей лошади, привыкъ ли онъ платить втридорога противъ того, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ овесъ, сѣно и хлѣбъ? Не думаю, чтобъ это было ему нипочемъ!.. А между тѣмъ, могу васъ увѣрить, весь этотъ народъ, который вы видѣли здѣсь на улицѣ, находится въ такомъ положеніи! присовокупилъ онъ, перемѣняя голосъ и обратясь ко мнѣ.—Я самъ спрашивалъ: тутъ есть бѣдняки, которые ужъ третьи сутки дожидаются; извѣстно: человѣку надо ѣсть, надо, чтобъ и лошадь сыта была; какъ же не воспользоваться такимъ случаемъ? ломи съ него за все втридорога! Такихъ случаевъ, какъ тотъ, которому обязаны мы нашей встрѣчей, только и ждутъ обыватели прирѣчныхъ деревень! Надо было ви-

дѣть, что̀ происходило въ этой самой деревнѣ (и нѣтъ причинъ, чтобы въ другихъ не было того же самаго) во время половодья, недѣли двѣ назадъ; я давно привыкъ ко всему этому, но, признаюсь, послѣдній разъ пришелъ въ ужасъ: подводъ съѣхалось, я думаю, больше, чѣмъ теперь; большая часть возвращалась изъ Москвы послѣ обоза; Ока восемь дёнъ стояла въ разливѣ, восемь дёнъ не было возможности попасть на ту сторону! Хлѣба, сами, полагаю, знаете, весною остается уже немного: у другого, если семья большая, въ февралѣ ужъ весь вышелъ; объ овсѣ и сѣнѣ говорить нечего! И наконецъ, не напасешься всего этого дней на десять, которые необходимы для переѣзда изъ деревни въ Москву и обратно. Вотъ тутъ-то поглядѣли бы вы, что̀ здѣсь происходило: кто продавалъ одежду для того, чтобы прокормиться,—а время, надо замѣтить, было самое холодное и дождливое;—кто продавалъ лошадь, чтобы не дать ей издохнуть съ голоду, кто сани сбывалъ... Всѣ эти предметы отдавались, разумѣется, за самую бездѣлицу; проѣзжающій находился въ рукахъ обывателей, которые, нимало не стѣсняясь совѣстью, просто грабили! Я вамъ говорю: такая картина, что не приведи Богъ во второй разъ видѣть!.. а придется, непремѣнно придется, потому что я каждую весну и осень проѣзжаю по этой дорогѣ...

Разговоръ, къ которому тотчасъ же присталъ маленькій живой господинъ, завязался на эту тему. Мы совсѣмъ почти забыли толстяка; онъ, впрочемъ, молчалъ; казалось, онъ не доволенъ былъ предметомъ бесѣды. Переходя отъ одного вопроса къ другому, мы невольно коснулись быта народа и нравственныхъ его свойствъ. Мнѣнія были очень различны; мы вообще такъ мало обращаемъ вниманія на народъ, такъ мало знаемъ его, что иначе быть не могло; перебравъ хорошія качества нашего простолюдина, мы пришли къ его недостаткамъ; тутъ мнѣнія еще рѣзче стали отличаться одно отъ другого. Одного болѣе всего возмущала жадность къ барышу, часто даже заглушающая совѣсть и религіозное чувство; другой нападалъ на отсутствіе крѣпкаго нравственнаго начала, на малодушіе и безхарактерность; маленькій господинъ съ жаромъ обвинялъ мужика въ лѣности, которую часто даже прикладываетъ онъ къ личнымъ своимъ интересамъ. Хотя маленькій господинъ, очевидно, увлекался собственными словами и черезчуръ горячился, сужденія его показывали чело-

вѣка, не лишеннаго наблюдательности и много обращавшагося съ народомъ. По мѣрѣ того, какъ говорилъ онъ, толстякъ замѣтно дѣлался внимательнѣе, онъ началъ даже поддакивать, утвердительно потряхивалъ головою и время отъ времени бросалъ на меня и моего сосѣда торжествующіе взгляды. Слово за словомъ, рѣчь коснулась той роли, которую играютъ страсти въ душѣ простолюдина.

— Я имѣю основаніе думать, что страсти вообще, то-есть, какъ благородныя, такъ и неблагородныя, одинаково свойственны всякому человѣческому роду безъ различія состояній... сказалъ собесѣдникъ въ коричневомъ пальто,— на мои глаза (думаю и на ваши точно такъ же), не существуетъ между людьми другой разницы, какъ та, которую даютъ бо̀льшая или ме́ньшая степень развитія и образованія; но въ дѣлѣ страстей, мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется, образованіе и развитіе не имѣютъ большого значенія; они помогаютъ только страсти иначе выразиться, смягчаютъ форму; дѣйствіе страсти, сущность нравственнаго процесса остается все та же...

Такое мнѣніе не встрѣтило возраженія ни съ моей стороны, ни со стороны маленькаго господина. Казалось, это удивило толстяка; до настоящей минуты, онъ не переставалъ моргать намъ обоимъ съ видомъ взаимнаго соучастія, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ оба мы разразимся смѣхомъ; обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ раздулъ губы и отвернулся съ видомъ пренебреженія, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ну, опять запороли чепуху!..“

— Мнѣ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, продолжалъ между тѣмъ господинъ, начавшій разговоръ,— знаю вѣрно, что въ нашихъ тюрьмахъ, напримѣръ, на три тысячи преступниковъ среднимъ числомъ находится около восьмисотъ такихъ, которыхъ страсти, я разумѣю сердечныя страсти, довели до преступленія; такая пропорція что-нибудь доказываетъ въ пользу нашего общаго мнѣнія! Я убѣжденъ въ этомъ. Постоянно живу въ деревнѣ, постоянно наблюдаю; всего насмотрѣлся. Не далѣе какъ прошлою осенью былъ у меня случай съ однимъ изъ этихъ вялыхъ и апатичныхъ, какъ вы ихъ называете... Пожалуй, я разскажу вамъ, если не скучно...

Я и маленькій сосѣдъ мой выразили готовность слушать. Толстякъ ничего не сказалъ; онъ явно предубѣжденъ былъ противъ разсказчика; щетинистыя брови его выпрямились, однакожъ, и пухлое лицо повернулось въ

нашу сторону. Господинъ въ коричневомъ пальто обрѣзалъ сигару, налилъ новый стаканъ чаю и началъ такимъ образомъ:

— Я замѣтилъ, кажется, что происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, случилось осенью; но осенью оно собственно только кончилось; началось гораздо раньше,—весною прошлаго года. Верстахъ во ста отсюда, за Окою, находится у меня деревушка, вѣрнѣе, выселки изъ другой деревни, гдѣ я провожу обыкновенно лѣто; выселки отъ меня версты двѣ; народъ на оброкѣ; но ни разстояніе, ни оброчное положеніе не мѣшаютъ мнѣ знать очень хорошо, что̀ тамъ дѣлается. Надо вамъ сказать, я самъ занимаюсь своимъ хозяйствомъ; это не весело, если хотите; куда какъ не весело! но я дѣлаю это изъ убѣжденія; дѣйствуя такимъ образомъ, мнѣ кажется, я исполняю свой долгъ,—это разъ; и, наконецъ, я приношу этимъ дѣйствительную, существенную пользу моимъ крестьянамъ, такую пользу, какую не могъ бы принести самый лучшій, добросовѣстный управитель...

— Ужъ это точно! вымолвилъ толстякъ съ увѣренностію,—эти управители—всѣ мошенники; кругомъ тебя обворуютъ.

— Совершенно справедливо! произнесъ разсказчикъ, посылая ему самый серьезный поклонъ, — вы угадали мою мысль! Но все это, господа, дѣло постороннее; я коснулся всего этого съ тою только цѣлью, чтобы понятнѣе было, какимъ образомъ могъ я извѣдать подробности моего разсказа. Итакъ, я зналъ болѣе или менѣе всѣхъ выселовскихъ мужиковъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который особенно всегда возбуждалъ мое любопытство; это потому, можетъ-быть, что я зналъ его менѣе другихъ. Такого рода личность легко, впрочемъ, могла ускользнуть отъ самаго наблюдательнаго глаза; въ жизнь мою не видалъ я человѣка болѣе безцвѣтнаго: не было ни наружной черты, ни факта изъ жизни, которые могли бы служить для поясненія его характера. Представьте себѣ жидкую, въ высшей степени разварную фигуру, съ подслѣповатымъ бѣлокурымъ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, длинною головою, странно какъ-то приплюснутою на лбу, — головою, которая держалась всегда на-сторону и сонливо клонилась къ землѣ. Глядя издали, вы бы непремѣнно сказали: „надъ чѣмъ такъ крѣпко задумался этотъ мужичокъ? вѣрно пришибло его какимъ-нибудь горемъ“... Вблизи

оказывалось, что какъ въ глазахъ его, такъ и во всѣхъ чертахъ царствовало полнѣйшее отсутствіе жизни и даже мысли. Непомѣрная апатія и вялость еще рѣзче проявлялись, когда онъ ходилъ или принимался дѣло дѣлать: длинныя руки болтались словно сами собою; ноги, несмотря на худобу, тяжело передвигались, подгибались въ колѣняхъ, переплетались какъ у пьянаго; онъ не пилъ, однакожъ, капли въ ротъ не бралъ,—не на что было. Присоедините къ этому страшную неряшливость; она какъ бы дополняла жалкій видъ наружности. Не помню, чтобы явился онъ когда-нибудь безъ прорѣхи или зацѣпины; въ одеждѣ его непремѣнно чего-нибудь да недоставало: или мѣховой обшивки вокругъ шапки, или веревочки на одномъ лаптѣ, или цѣлаго плеча на полушубкѣ; и сколько бы ни пропекало его морозомъ въ прорванное мѣсто— онъ, на другой день, выходилъ съ тою же прорѣхой, какъ и наканунѣ. Та же самая распущенность была и въ домашнемъ быту его, и въ хозяйствѣ, и въ полѣ; у другихъ, напримѣръ, озими или яровое бархатомъ стелется; у него, смотришь, на десятинѣ тѣ же прорѣхи, что на рубахѣ; вездѣ плѣшины; гдѣ густо, гдѣ нѣтъ ничего... И между тѣмъ, не было возможности взыскивать съ него, заставить его быть расторопнѣе, дѣятельнѣе,—заставить, чтобъ дѣло шло иначе...

На этомъ мѣстѣ разсказа хрипѣнье толстяка перешло въ удушье, и онъ началъ выказывать сильнѣйшіе знаки нетерпѣнія.

— Вамъ, кажется, угодно что-то сказать?.. обратился къ нему разсказчикъ.

— Что ужъ тутъ говорить! комически-безнадежнымъ тономъ промолвилъ толстякъ,—а вотъ я вамъ скажу, подхватилъ онъ съ сердцемъ,—посѣчь бы его хорошенько, этого мужика,—такъ ничего бы этого не было... отличный былъ бы мужикъ.

— Вотъ оно что значитъ настоящій-то хозяинъ! воскликнулъ весельчакъ, стараясь сохранить серьезный и даже почтительный видъ,—вашу руку, милостивый государь, вашу руку! я всегда питалъ искреннее, глубочайшее уваженіе къ практическимъ людямъ;—всегда! заключилъ онъ, потрясая жирную руку толстяка, который, повидимому, недоумѣвалъ, какъ принять все это: за настоящую ли монету, или за насмѣшку.

— Теперь, довершилъ веселый господинъ, обратившись

къ разсказчику,—позвольте просить васъ продолжать: вы сказали, что нельзя было прицѣпиться къ этому мужику...

— Я, по крайней мѣрѣ, не могъ этого сдѣлать, подхватилъ разсказчикъ, — духу недоставало. Онъ рѣшительно, хоть кого бы, впрочемъ, обезоружилъ своею кротостью. Иной разъ идешь мимо его поля, невольно возьметъ досада: такъ бы вотъ, кажется, и разругалъ его и тотчасъ же заставилъ передѣлать, перепахать; но при видѣ несчастной этой фигуры, покрытой заплатами, при видѣ этого смиреннаго лица, опущеннаго къ землѣ, только отвернешься да пройдешь поскорѣе мимо. Вся эта распущенность слишкомъ уже очевидно происходила скорѣе отъ внутренняго безсилія, отъ врожденной, свойственной его природѣ лѣности и апатіи, чѣмъ отъ преднамѣренности, лѣности или вообще порочнаго какого-нибудь свойства.

„Имъ, наконецъ, и безъ того уже много помыкали. Если безотвѣтные, кроткіе люди играютъ жалкую роль въ образованномъ обществѣ, можете судить, въ какое положеніе ставятъ такія свойства въ кругу народа! Онъ находился во всеобщемъ пренебреженіи; каждый надъ нимъ трунилъ, подсмѣивался. Не было примѣра, однакожъ, чтобы онъ, съ своей стороны, кого-нибудь облаялъ; онъ не подавалъ голоса даже въ такомъ дѣлѣ, когда очевидно приходило ему въ накладъ; онъ всегда молча повиновался. Надо думать, что кроткій и смиренный по природѣ своей, онъ въ дѣтствѣ былъ сильно загнанъ или запуганъ. Тѣмъ только и обозначалось присутствіе его въ выселкахъ, что поле его и изба занимали тамъ мѣсто; на самомъ дѣлѣ, онъ какъ будто не существовалъ. Возьмите также въ расчетъ дѣйствительно самую безотрадную домашнюю обстановку: дѣтей куча, ни брата въ домѣ на подмогу, ни старика; поневолѣ упадешь духомъ и одурѣешь! Тутъ же, кстати, одно къ одному, жена попалась ему такая же ничтожная, какъ и самъ онъ. Попадись баба смѣтливая, расторопная, смышленая,—дѣло, разумѣется, шло бы другимъ порядкомъ. У насъ часто встрѣчаются бабы, которыя вертятъ и хозяйствомъ, и мужемъ, любо смотрѣть, какъ распоряжаются! Мнѣніе, будто въ домашнемъ быту народа жена играетъ второстепенную роль и всегда подчинена мужу— ошибочное мнѣніе; второстепенная роль точно присуждена ей обычаемъ; но обычай существуетъ только въ памяти народа, на словахъ существуетъ; это ничего, что мужъ

иной разъ поколотитъ; онъ поколотилъ, а она все-таки свое возьметъ. Бываетъ даже, что цѣлой деревней управляютъ бабы: заведется какая-нибудь тетка Маланья, да въ дворнѣ еще Аграфена, да къ нимъ присоединится еще мельничиха; одна къ старостѣ подольщается, другая—къ конторщику, третья за носъ водитъ мужа, который, въ свой чередъ, имѣетъ вліяніе на конторщика и на старосту. Староста, конторщикъ и мельникъ воюютъ на міру, надрываются; Маланья, Аграфена и мельничиха виду не подаютъ, такъ только какъ бы невзначай встрѣчаются и шепчутся, — а дѣло, — смотришь, — дѣло дѣлается поихнему.

„Къ несчастію, жена Якова (такъ звали моего мужика) не изъ такихъ была. Она принадлежала къ разряду такъназываемыхъ плаксъ, канючекъ. Пустѣйшая была баба. Вотъ ее смѣло можно было упрекнуть въ лѣности! Она положительно выказывала явное нерасположеніе къ труду; даже дома рѣдко чѣмъ-нибудь занималась; вѣчно сидитъ, бывало, у сосѣдокъ или шляется по окрестнымъ деревнямъ, навѣщая кумушекъ; жалобы на бѣдность и сѣтованія на судьбу служили только придиркою къ тому, чтобы поболтать, языкъ поточить. Съ мужемъ жила она, однакожъ, смирно; мнѣ сказывали только, будто они никогда другъ съ другомъ не разговаривали; онъ молчитъ и она молчитъ, и все это не потому, чтобы имѣли они что-нибудь другъ противъ друга,—вовсе нѣтъ; такъ просто; говорить, видно не о чемъ было. Меня всегда удивляло, какъ, при такихъ странныхъ отношеніяхъ, могли у нихъ ежегодно рождаться дѣти;—а ежегодно рождались, семеро ребятишекъ было. Въ домѣ находилась еще мать Якова; но ее пока считать нечего; все равно, что была она, что нѣтъ. Она уже пятый годъ не сходила съ печки; параличъ свелъ ей лѣвую руку и ногу. Казалось бы, что при такой обстановкѣ, особенно при такихъ характерахъ, трудно ожидать въ этой семьѣ драматическаго эпизода; по всѣмъ даннымъ, этотъ Яковъ, поживши своею жалкою жизнью, долженъ бы сойти въ могилу, не оставивъ послѣ себя малѣйшаго слѣда, даже воспоминанія... Случилось, однакожъ, иначе; вотъ какъ это было.

„Одинъ изъ выселовскихъ мужиковъ, который былъ позажиточнѣе, нанялъ работницу. Взялъ онъ ее изъ-за рѣки, верстъ за десять, на какой-то миткалевой фабрикѣ. Женщина эта (она, забылъ вамъ сказать, была вдова и без-

дѣтна) пользовалась даже между фабричными не совсѣмъ благонадежной репутаціей: значитъ, ужъ хороша была. Ее знали въ околоткѣ подъ именемъ рябой Мареутки.

„Послѣ того, какъ кончилась исторія, которую вамъ разсказываю, я имѣлъ случай ее видѣть; трудно представить наружность болѣе непривлекательную: лицо пухлое, рябое; носъ комомъ; изъ себя коротышъ какой-то; къ тому же, было ужъ ей лѣтъ сорокъ, можетъ даже и съ хвостикомъ. Но, несмотря на все это, въ выселкахъ нашлись поклонники. Мареутка эта была, впрочемъ, баба бойкая, разбитная; она отлично играла на гармоникѣ, могла выплясывать часа по три безъ отдыха, знала наперечетъ всѣ мѣстныя пѣсни и обладала такимъ звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, что за версту отличишь его въ хороводѣ.

„Съ первыхъ же дней стала она какъ бѣсъ на выселкахъ: съ одними вступила въ тѣсную дружбу, съ другими успѣла поссориться. Число поклонниковъ замѣтно возрастало. Недѣли черезъ три послѣ ея прибытія, произошла даже маленькая свалка: она подралась съ одною изъ бабъ, которая, не знаю, основательно или неосновательно, но только приревновала ее къ мужу. Прошла Святая, наступила и пахота. Мужики стали выѣзжать въ поле; отправился и нашъ Яковъ съ ними.

„Въ одинъ изъ этихъ дней, мужикъ, нанимавшій Мареу, послалъ ее за чѣмъ-то въ сосѣднюю деревню; дорога лежала черезъ тѣ самыя поля, на которыхъ работалъ народъ; нива Якова примыкала къ дорогѣ. Проходя мимо, Мареа остановилась. До того времени, нужно замѣтить, Мареа слова не сказала съ Яковомъ; по всей вѣроятности, рѣдко даже съ нимъ встрѣчалась; но, вѣроятно, она имѣла о немъ нѣкоторое понятіе, слышала, по крайней мѣрѣ, какъ надъ нимъ подтрунивали, и, проходя мимо, вздумалось ей въ свою очередь побалагурить. Бѣдность мужика, его вялая, кислая наружность служатъ вѣрнымъ подтвержденіемъ, что у Мареы, кромѣ балагурства, не было другого повода вступать съ нимъ въ бесѣду. Какъ начался разговоръ, въ чемъ состоялъ онъ—неизвѣстно; но послѣ этой встрѣчи бесѣды ихъ стали повторяться. Хотя встрѣчи происходили какъ бы случайно, онѣ не ускользнули отъ глазъ любопытныхъ; это дало новую пищу смѣяться надъ Яковомъ. Мареа сама, казалось, потѣшалась надъ нимъ вмѣстѣ съ другими; а между тѣмъ ло-

вила случаи попадаться ему на дорогѣ. Многіе видѣли, какъ иной разъ Яковъ торчалъ гдѣ-нибудь за угломъ или подлѣ рощи, переминался на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ сряду и очевидно ждалъ чего-то; при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ, онъ вдругъ раскисалъ, щурился и съ пристыженнымъ, крайне жалкимъ и неловкимъ видомъ направлялся домой.

„Не могу сказать вамъ, какіе способы пустила въ ходъ Мароа, чтобы приворожить къ себѣ, сбить съ толку и, наконецъ, совершенно погубить этого человѣка; послѣ говорили, будто все это случилось по наговору; она, говорили, опоила его какимъ-то зельемъ; но это пустяки, разумѣется. Еще труднѣе объяснить, какимъ образомъ страсть,—я говорю: страсть, потому что нельзя дать другого названія чувству, которое овладѣло Яковомъ, и, наконецъ, по заключенію этой исторіи, сами вы увидите, что одна безумная страсть въ силѣ одурманить до такой степени человѣка,—какимъ образомъ, повторяю вамъ, это вялое, повидимому совершенно безжизненное, кислое и робкое существо могло такъ сильно привязаться къ женщинѣ, которая явно вела постыдную жизнь, — словомъ, отвратительная была во всѣхъ отношеніяхъ. Началось съ того, что Яковъ пришелъ однажды домой безъ полушубка; онъ разсказалъ, что снялъ его и положилъ на межу передъ тѣмъ, чтобы сѣять; вернувшись къ межѣ, полушубка уже не было: его украли. Это случилось въ началѣ недѣли; въ слѣдующее затѣмъ воскресенье Мароа явилась въ новомъ, красномъ какъ маковъ цвѣтъ, платкѣ и новыхъ котахъ.

„— Фу ты, какъ расфрантилась! говорили бабы,—откуда у тебя все это?..

„— Давно было; въ сундучкѣ лежало! возразила безъ малѣйшей запинки Мароа; пухлое лицо ея лоснилось отъ удовольствія и багровѣло какъ красный сафьянъ.

„Въ этотъ день голосъ ея немолчно дребезжалъ на выселовской улицѣ; она превзошла самоё себя и въ пляскѣ, и въ пѣсняхъ. Въ скоромъ времени, со двора Якова, ночью, унесены были корыто, чугунокъ и лошадиная сбруя. Съ женою своею Яковъ не вступалъ почти въ объясненіе по этому предмету; но въ разговорѣ со старухой-матерью выказалъ рѣшительное недоумѣніе касательно того, какъ могли пропасть эти вещи: онъ въ эту ночь, какъ нарочно, спалъ на дворѣ. Спустя нѣсколько дней, у

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK

Мароы завелся новый передникъ, запонка, серьги и позументъ на подолѣ понёвы. Короче сказать, по мѣрѣ того, какъ у Якова происходили пропажи,—а такіе случаи повторялись чаще и чаще,—Маров покрывалась обновками... Ясно, что въ выселкахъ завелся воръ, который преимущественно избралъ домъ Якова, хотя въ этомъ домѣ меньше было чего взять, чѣмъ въ другихъ...

— Какой тутъ воръ! нетерпѣливо перебилъ толстякъ, поглядывая съ пренебреженіемъ на разсказчика, — какой воръ! Вамъ сказали: воръ!—вы этому и повѣрили... Этотъ же самый Яковъ, котораго вы такъ жалѣете, — онъ самъ таскалъ у себя! Утащитъ, мерзавецъ, продастъ, да Маровѣ этой и купитъ обновку.

— Можетъ ли быть? спросилъ съ напряженнымъ изумленіемъ весельчакъ, переглядываясь со мною и разсказчикомъ.

— Разумѣется! возразилъ толстякъ.

— Они совершенно правы! подхватилъ разсказчикъ, сдерживая улыбку, — воръ точно былъ не кто другой, какъ Яковъ; объ этомъ давно даже догадались всѣ бабы; всѣмъ рѣшительно извѣстно было, что Яковъ тащитъ все изъ своего дома, закладываетъ у цѣловальника, — и на вырученныя деньги наряжаетъ Мароу. Нашлись люди — стали ему выговаривать; но больше проходу не было отъ насмѣшекъ: стоило Якову на улицу высунуться — изъ-за угла ужъ непремѣнно кто-нибудь кричитъ: „Яковъ, ступай скорѣй, Маров дожидается!..“ и тому подобное. Смѣялись также и надъ Мароой; но, вообще, она держала себя такъ бойко, такъ осаживала тѣхъ, кто приступалъ къ ней, что насмѣшки никогда не переходили за предѣлъ шутки; даже мужикъ, нанимавшій ее, не дѣлалъ ей замѣчаній; его останавливало вѣроятно опасеніе лишиться дешевой и ловкой работницы; потому что, надо сказать, Маров, мимо продѣлокъ своихъ, могла, когда хотѣла, заткнуть за поясъ самаго здоровеннаго батрака. Замѣчательнѣе всего, что Яковъ не встрѣчалъ ни малѣйшаго препятствія со стороны домашнихъ; жена словомъ не обмолвилась,—виду не показывала, что что-нибудь знаетъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ открылись отношенія между Мароой и Яковомъ, жена совсѣмъ почти дома не сидѣла; уйдетъ въ поле или къ рѣкѣ, ляжетъ ничкомъ на-земь и давай выть; голоситъ, словно по покойникѣ. Но чаще всего забиралась она къ дальнимъ родственникамъ и сосѣдямъ;

тамъ уже выгружала она свои горести и, казалось, тѣмъ охотнѣе это дѣлала, чѣмъ больше находилось слушателей. Мало или, вѣрнѣе сказать, вовсе почти не заботясь о дѣтяхъ, она колотилась теперь головою, говоря о нихъ; говорила, что вотъ пустилъ-де разбойникъ по міру сиротинокъ горькихъ; остались они, черви малые, одни какъ нива безъ огорода,—и проч., и проч. Дѣти, между тѣмъ, бѣгали по улицѣ оборванныя, неумытыя; весьма вѣроятно, часто даже бывали голодны... Разъ только, одинъ единственный разъ, старуха-мать Якова попрекнула сына. Приходитъ онъ въ избу; никого тамъ не было кромѣ старухи; по обыкновенію, лежала она на печкѣ.

„— Яковъ! говоритъ она.

„Онъ подошелъ.

„— Что, матушка?

„Надъ верхней перекладиной печки показалась сѣдая косматая голова и два мутные глаза пристально на него устремились.

„— Яковъ, произнесла старуха, не спуская съ него глазъ,—Яковъ, чтò ты это затѣялъ,—разбойникъ, а?..

„Больше ничего не сказала она; но самъ Яковъ признавался потомъ, что весь этотъ день ходилъ какъ шальной; словно тоска давила его, и онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Но минулъ день—и все пошло опять своимъ порядкомъ.

„Передъ людьми и міромъ Яковъ оставался тѣмъ же робкимъ, безотвѣтнымъ, смирнымъ человѣкомъ; онъ постоянно молчалъ; знака сопротивленія не показывалъ, когда староста, не зная ужъ чѣмъ остановить его, переговоривъ предварительно со стариками, началъ водить его въ пустой сѣнной сарай и наказывать. Все это рѣшительно, однакожъ, ни къ чему не послужило. Стыдъ, совѣсть, самый страхъ,—все заглушала несчастная привязанность; это было что-то похожее на запой, противъ котораго всѣ средства оказывались безсильными. Въ домѣ его постепенно, одна за другою, исчезли: телка, двѣ овцы, горшки,—словомъ, все, чтò могло превращаться у цѣловальника въ наличныя деньги. Марѳа выходила по воскресеньямъ великолѣпная какъ пава, день-деньской грызла орѣхи; начали даже часто замѣчать ее навеселѣ. Наступило подъ конецъ совершенное разореніе; въ избѣ остались только лавки, стѣны, оборванные ребятишки, да старуха, которая, съ того дня, какъ сдѣлала первый намекъ

сыну, дала словно обѣтъ молчанія: слова не произносила она, хотя все видѣла, все замѣчала. Придутъ къ ней сосѣдки и родственницы, принесутъ ей и внучатамъ творожку или хлѣба, начнутъ разсказывать про сына, ругаютъ его, соболѣзнуютъ о дѣтяхъ, — старуха слова не промолвитъ: сидитъ, понуря голову, молчитъ, точно дѣло не до нея совсѣмъ. Она представляла совершенную противуположность снохѣ, которая всѣмъ уже надоѣла своими слезами и жалобами.

— Позвольте, почтеннѣйшій, позвольте, прервалъ толстякъ, насмѣшливо прищуривая заплывшіе свои глазки,— какъ же вы-то, вы, сударь мой, никакихъ мѣръ не принимали противъ такого безпорядка?..

— Признаюсь, я самъ хотѣлъ сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ, замѣтилъ маленькій господинъ.

— Къ сожалѣнію, меня въ ту пору не было. Я пріѣхалъ домой къ концу уборки, когда Яковъ дошелъ уже до того положенія, о которомъ я говорилъ вамъ. Первымъ распоряженіемъ моимъ было отдать приказаніе, чтобы Маѳу непремѣнно выслали изъ выселокъ; потомъ велѣлъ я призвать Якова. Сначала я сильно было на него напустился; но подумавъ, въ ту же минуту, что всѣ эти разсказы о его продѣлкахъ могли быть преувеличены (мысль, которая невольно рождалась при воспоминаніи о его жизни и характерѣ), обезоруженный, сверхъ того, робкимъ, совершенно потеряннымъ видомъ этого человѣка, который стоялъ передо мной съ опущенною головою, дрожалъ какъ осиновый листъ и обливался холоднымъ потомъ,—я перемѣнилъ грозный тонъ на увѣщательный; всячески началъ я его усовѣщивать; говорилъ о грѣхѣ, о семействѣ, о голодныхъ дѣтяхъ, и такъ далѣе. Во все время онъ не проронилъ ни слова, не сдѣлалъ движенія: онъ казался убитымъ, подавленнымъ совѣстью и раскаяніемъ; изъ-подъ жиденькихъ волосъ, наполовину закрывавшихъ лицо его, я замѣтилъ слезы, которыя текли по щекамъ и разбѣгались по морщинамъ. Я выслалъ его, строго наказавъ старостѣ докладывать мнѣ о томъ, какъ пойдетъ теперь житье Якова.

„Прошелъ мѣсяцъ; я не слышалъ малѣйшей жалобы. Между нимъ и Маѳой, которая перешла версты за двѣ въ сельцо Лысково, прекратились, казалось, всѣ сношенія. Я начиналъ уже радоваться такой перемѣнѣ, какъ вдругъ узнаю, что все пошло опять на прежній ладъ;

узнаю, что Яковъ продалъ свою единственную лошадь, а деньги дѣвалъ неизвѣстно куда; должно-быть, Марѳѣ отдалъ. Теперь необходимо слѣдовало уже рѣшиться на энергическую мѣру; но, признаюсь, въ чемъ должна была состоять эта мѣра—я не могъ придумать. Отдать въ солдаты человѣка сорока пяти лѣтъ не было возможности; посадить въ острогъ, хотя бы временно, нельзя безъ причины, установленной закономъ; не говоря уже объ отвращеніи подвергнуть его домашнему наказанію (къ счастію, ограниченному правительствомъ), но и эта мѣра была уже приведена въ дѣйствіе безъ малѣйшей пользы. Отправилъ бы его на поселенье,—не принесъ бы я ровно никакой пользы его семейству. Кромѣ того, каждая изъ этихъ мѣръ казалась мнѣ черезчуръ ужъ сильною для человѣка, который хотя и служилъ худымъ примѣромъ остальнымъ крестьянамъ, хотя требовалъ наказанія, но самъ по себѣ не сдѣлалъ ничего особенно-рѣзко преступнаго. Съ нашей пошлой привычкой судить легко или рутинно о нравственныхъ свойствахъ простого класса, я вѣрить не хотѣлъ въ искренность Якова; я не предвидѣлъ, чѣмъ все это могло кончиться; напротивъ, хотя было не до смѣху,—мнѣ смѣшнымъ казался этотъ новый кавалеръ Дегріе, явившійся у меня въ выселкахъ. Какъ бы то ни было, я не зналъ, на что рѣшиться. Вотъ, однакожъ, чѣмъ все это кончилось.

„Впослѣдствіи объяснилось, что въ этотъ послѣдній мѣсяцъ между Марѳою и Яковомъ вышла разладица. Причиной была, разумѣется, Марѳа; ей безъ сомнѣнія въ голову не приходило, не могла даже понимать она и думать о томъ, какого рода чувство влекло къ ней бѣднаго мужика; видя, что взять съ него больше нечего, она стала вдругъ отъ него отбиваться. Кроткій нравъ мужика поощрялъ ее дѣйствовать грубо и безцеремонно. Она усвоилась въ деревнѣ Лысковѣ такъ же скоро, какъ въ выселкахъ, и такъ же скоро нашла тамъ обожателей. Она попалась Якову въ рощѣ (роща отдѣляла Лысково отъ выселокъ), попалась ему съ работникомъ лысковской мельницы. Раза два потомъ Яковъ, слѣдившій за нею украдкой, видѣлъ, какъ входила она въ кабакъ вмѣстѣ съ тѣмъ же работникомъ. Обращеніе ея съ Яковомъ, когда онъ началъ упрекать ее, проникнуто было дерзостью и наглостью самою возмутительною; она какъ бы не понимала, чего хотѣлъ отъ нея мужикъ, съ чего онъ къ ней при-

вязывался. Яковъ, между тѣмъ, день ото дня дѣлался сумрачнѣе. Это замѣтила его жена, мать и многіе даже изъ постороннихъ людей. Всѣ они сами потомъ говорили объ этомъ. Въ такомъ-то положеніи, вѣроятно, онъ и рѣшился продать лошадь. Можетъ-быть тутъ ревность дѣйствовала; но всего вѣроятнѣе, какъ человѣкъ слабый, безхарактерный, не могъ онъ совладать съ собою, не могъ перенести мысли о разлукѣ. Ослѣпленный страстью, онъ впередъ не загадывалъ; страхъ и послѣдствія, ожидавшія его послѣ продажи лошади—все это исчезало при одной надеждѣ, что авось-либо Марѳа снова съ нимъ сойдется, авось все пойдетъ у нихъ, хоть на время, да пойдетъ попрежнему, а тамъ, послѣ... но о томъ, что̀ послѣ будетъ, онъ, вѣроятно, даже и не думалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется все это теперь, когда дѣло уже кончено. Кончилось это, какъ я вамъ сказывалъ, прошлою осенью.

„Выселовскіе мужики купили въ Лысковѣ десятину лѣсу для топлива. Пришли они ко мнѣ проситься на рубку. Я совѣтовалъ повременить, потому что день, выбранный ими, вовсе не отвѣчалъ такому дѣлу: вѣтеръ ревѣлъ въ поляхъ, какъ голодный волкъ, и безъ пощады рвалъ послѣдніе листья; на горизонтѣ видимо росли тяжеловѣсныя тучи; даль застилалась сумракомъ; холодно не было, но рука стыла на воздухѣ; все предвѣщало или грозу, или продолжительное ненастье. Я представлялъ имъ всевозможные резоны, говорилъ, что дорога изъ лѣсу идетъ въ гору, и что, въ случаѣ дождя, лошадямъ тяжко будетъ тащить возы, навьюченные лѣсомъ; говорилъ, что самыя дрова, смоченныя дождемъ, не просохнутъ до самаго снѣга; но нашъ мужикъ если ужъ что заломитъ, ничѣмъ его не удержишь: поставили на своемъ, поѣхали. Такъ какъ дѣло было мірское, съ ними отправился Яковъ. Началась рубка. Въ то же время, и въ томъ же лѣсу, лысковскія бабы собирали валежникъ; тутъ также и Марѳа была. Подсмотрѣвъ, когда она осталась одна, Яковъ подошелъ къ ней. Съ чего началось у нихъ—никто не знаетъ: надо думать, обращеніе Марѳы было черезчуръ уже грубо и жестоко, потому что самъ Яковъ возвысилъ голосъ; отъ словъ перешло у нихъ къ брани и, наконецъ, Яковъ, потерявъ, видно, терпѣніе, замахнулся и ударилъ ее въ лицо. Марѳѣ ничего не стоило отвѣтить тѣмъ же; но тутъ она вдругъ, ни съ того, ни съ сего, повалилась наземь и стала звать

на помощь; она кричала во всю мочь, что Яковъ убилъ ее до смерти. Когда прибѣжали на голосъ, Яковъ стоялъ у дерева; на разспросы товарищей онъ ничего не отвѣчалъ: у него точно языкъ отнялся. Марѳа, между тѣмъ, продолжала кататься по землѣ и кричала, что ее убили. Видя, что никакого толку изъ этого не выходитъ, только народъ смѣется, она встала, разразилась бранью и пошла своею дорогой; ее проводили насмѣшками, добрая часть которыхъ выпала, конечно, на долю Якова.

„Въ мірскомъ дѣлѣ, какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, быть, не то, что на барщинѣ: время терять не любятъ, посмѣялись — и опять за работу. Но то, что я предсказывалъ мужикамъ, поневолѣ укоротило ихъ дѣятельность; къ полудню тучи окончательно заволокли небо, и дождь пошелъ, какъ изъ ведра. Нечего было думать продолжать работу.

„Вернувшись домой, Яковъ показался домашнимъ чуднымъ какимъ-то; такъ они сами потомъ выразились. Не касаясь уже того, что онъ ни съ кѣмъ слова не молвилъ, ему не сидѣлось на мѣстѣ: то встанетъ, то сядетъ, то выйдетъ въ сѣни, то обойдетъ вокругъ двора, и снова придетъ въ избу; и все это дѣлалъ онъ безо всякой причины, самъ, повидимому, не сознавая даже того, что̀ дѣлалъ. Рѣка у насъ не очень далеко: сто̀итъ обогнуть крестьянскія риги и пройти лугъ. Яковъ нѣсколько разъ отправлялся на рѣку. Движимая любопытствомъ, возбуждаемымъ загадочнымъ поведеніемъ мужа, жена выходила изъ избы и за нимъ наблюдала: подойдетъ Яковъ къ рѣкѣ и начнетъ ходить взадъ и впередъ по берегу; или спустится къ водѣ, постоитъ-постоитъ, словно въ раздумьи какомъ-то, и снова на верхъ подымется. Разъ быстрыми шагами направился онъ къ рощѣ, совсѣмъ уже подошелъ къ опушкѣ, и снова вернулся въ деревню. Во все время дождь лилъ, не переставая, вѣтеръ ревѣлъ съ тою же силой, какъ и утромъ. Яковъ ничего не замѣчалъ какъ-будто; онъ продолжалъ бродить у себя по двору и по окрестности. Наконецъ наступила ночь. Въ выселкахъ всѣ улеглись и заснули. Несмотря на то, что дождь и вѣтеръ превратились съ наступленіемъ ночи въ бурю, — Яковъ все еще не возвращался. Онъ пришелъ домой около полуночи; жена и дѣти давно спали. Онъ тихо вошелъ въ избу и сѣлъ на лавку.

„По прошествіи нѣкотораго времени, онъ всталъ, бе-

режно подобрался къ печкѣ, нащупалъ въ потемкахъ стремечки, по которымъ взбираются на печь, и сѣлъ подлѣ матери. Она не спала; но Яковъ не могъ разобрать этого: старуха лежала неподвижно и молчала. Руки Якова дрожали такъ сильно, что нѣсколько разъ провелъ онъ ими по воздуху, прежде чѣмъ нащупалъ старуху.

„— Кто тутъ? спросила она, какъ бы пробуждаясь отъ сна.

„— Я, матушка!..

„— Что ты?

„— Матушка, произнесъ Яковъ,—нѣтъ больше моей моченьки... Матушка, я убью ее!..

„— Кого? спросила старуха, сохраняя прежнюю неподвижность; только голосъ ея словно нѣсколько оживился.

„— Ты, матушка, продолжалъ Яковъ,—ты хоша ничего не говорила, но все видѣла,—видѣла все мое разоренье... мою погибель... Заѣла она всю мою жизнь, змѣя подколодная... Моченьки моей нѣту... я убью ее!..

„Выраженія Якова, при объясненіи съ матерью, были вѣроятно энергичнѣе, можетъ-статься совсѣмъ даже другія; приблизительно, въ общихъ словахъ, передаю то, что̀ слышалъ, что̀ показала потомъ сама старуха. Вообще во всей этой исторіи нѣтъ ничего вымышленнаго; точь-въ-точь разсказываю, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности; слѣдствіе, которое при мнѣ происходило, и показанія дѣйствующихъ лицъ при допросѣ доставили мнѣ всѣ свѣдѣнія.

„Старуха-мать осталась, повидимому, совершенно безчувственною къ словамъ сына; она не сдѣлала малѣйшаго замѣчанія, слова не промолвила. Но когда Яковъ въ третій разъ повторилъ: „Матушка, я убью ее!..“ она медленно приподнялась на локтѣ, кряхтя и охая, слѣзла съ печки и принялась суетливо шарить въ углу, гдѣ стоялъ столъ. Яковъ слѣзъ также съ печи и слѣдовалъ за матерью. Старуха нащупала въ ящикѣ ножъ и молча сунула его сыну, который тотчасъ же бросился изъ избы.

„По прошествіи часу, выселовскій народъ пробужденъ былъ страшными криками; всѣ впопыхахъ высыпали на улицу. У околицы нашли Якова; онъ лежалъ ничкомъ на дорогѣ, страшно билъ себя кулаками въ грудь и голову, и кричалъ во весь голосъ: „Батюшки, вяжите меня!.. Я убилъ ее!.. Батюшки, вяжите! убилъ ее, убилъ!..“ Выбѣжавъ тогда съ ножомъ изъ избы, онъ пустился сломя го-

лову въ Лысково, ворвался въ клѣть, гдѣ спала Марѳа, и нанесъ ей сряду, одну за другою, восемнадцать ранъ!.. каждая была смертельна.

Съ послѣдними словами, толстый господинъ, слушавшій разсказъ очень равнодушно, разразился вдругъ противъ Якова самою энергическою, крупною бранью. Онъ какъ будто давно уже вывелъ свое заключеніе объ этомъ человѣкѣ и ждалъ только окончанія исторіи, чтобы высказаться. Но, къ великому удивленію нашему, тотчасъ же открылось, что помѣщикъ выходилъ такъ сильно изъ себя вовсе не потому, чтобы возмущалъ его поступокъ Якова; преступленіе само по себѣ было въ глазахъ его самою обыкновенною вещью: такіе случаи часто встрѣчаются, чего же и ждать отъ полудикаго человѣка!—негодованіе толстяка выходило совсѣмъ изъ другого источника: Яковъ настолько заслуживалъ вниманія и возбуждалъ негодованія, насколько шашни его и потомъ убійство навлекли хлопотъ, безпокойствъ и неудовольствій барину; шутка платить теперь за него и семейство подушныя до слѣдующей ревизіи! А слѣдствіе-то!—слѣдствіе, котораго не было бы безъ этого мошенника Якова и которое такъ убыточно для вотчины и слѣдовательно для помѣщика! Словомъ, во всей этой исторіи толстякъ видѣлъ одного только барина; у него не было другой точки зрѣнія. Мораль его объясненій состояла въ томъ, что послабленія покуда не годятся и ведутъ только, неминуемо ведутъ помѣщика къ убыткамъ и непріятностямъ.

— У васъ, сударь мой, заключилъ онъ,—у васъ, судя по тому, какъ вы о народѣ судите, люди попросту отъ жиру бѣсятся, — именно отъ жиру! У меня бы этого не случилось; нѣтъ, шутишь! Заведись такой мужикъ, я бы далъ ему Марѳу!.. Этотъ вашъ Яковъ просто мошенникъ, я вамъ скажу; бестія продувная, сударь мой!.. да-съ, продувная бестія, который такъ только смирнячкомъ прикидывался! А вы еще заступаетесь, сударь мой, да еще жалѣете...

— Конечно, жалѣю, какъ и слѣдуетъ жалѣть всякаго человѣка, который почему бы то ни было гибнетъ; но не знаю, съ чего вы берете, что я заступаюсь! возразилъ разсказчикъ, — я привелъ этотъ фактъ единственно потому, что рѣчь, если помните, зашла у насъ о страстяхъ въ простомъ классѣ народа...

— Какія тутъ страсти, сударь мой! какія страсти! не-

терпѣливо перебилъ толстякъ тономъ пренебреженія,— все это баловство одно... Какія нашли вы еще страсти!..

— Полноте, господа! ну, стоитъ ли спорить объ этомъ! воскликнулъ маленькій собесѣдникъ,— повѣрьте, вы ихъ не убѣдите! подхватилъ онъ, обратившись къ разсказчику и мигая на толстяка,—пусть каждый остается при своемъ мнѣніи... Знаете ли что? чѣмъ спорить, разскажу-ка я вамъ лучше другую исторію... Она отчасти идетъ подъ ладъ той, которую мы сейчасъ слушали... Тутъ, съ одной стороны, дѣйствуетъ крестьянка, простая деревенская дѣвушка; съ другой—сынъ богатаго фабриканта: малый грамотный, взросшій посреди достатка, даже нѣкоторымъ образомъ шлифованный. Вы говорили, что развитіе и образованіе умягчаетъ человѣческую природу, что страсти человѣка образованнаго невольно уже какъ-то принимаютъ облагороженную форму... Предстоитъ увидѣть, насколько внѣшняя шлифовка или полуразвитіе лучше, въ нравственномъ смыслѣ,—насколько лучше они самаго полнаго невѣжества... промолвилъ онъ, украдкой взглянувъ на толстяка.—Предупреждаю васъ, происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, еще трагичнѣе того, которое вы разсказывали... оно такого рода, что будь здѣсь барышня, я бы не сталъ передавать его... Хотите слушать? Вѣдь все равно, въ ожиданіи парома намъ нечего дѣлать...

Одинъ толстякъ не согласился, казалось, съ такимъ мнѣніемъ; онъ предпочелъ, повидимому, возлечь на перину и предаться сладкому отдыху. Увидѣвъ, что я и господинъ въ коричневомъ пальто просили начать исторію и приготовлялись слушать, онъ остался на своемъ стулѣ.

— Дѣло, господа, происходило въ Ярославской губерніи, началъ маленькій господинъ, откашливаясь,—тамъ, какъ вы вѣроятно знаете, сплошь и рядомъ попадаются деревни, въ которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ мужиковъ: они не живутъ дома. Бо̀льшая часть молодцовъ, которые въ Москвѣ, Петербургѣ и губернскихъ городахъ покрикиваютъ: „Пельсины, лимоны хорошъ!..“ — „Вотъ садова ма-а-лина!..“ и проч.; бо̀льшая часть того народа, который погуливаетъ по городскимъ улицамъ съ лотками на головѣ, а по проселкамъ — съ коробами за спиною; всѣ почти лавочники, зеленщики, пивовары, цѣловальники, мелкіе торгаши,—спросите у любого изъ нихъ: откуда?— онъ почти навѣрное скажетъ: ярославецъ! Домой, на побывку, приходятъ они по большей части въ зиму. Въ де-

ревняхъ остаются однѣ бабы, дѣвки, ребята да старики, которымъ бродячая жизнь уже не подъ силу.

„Въ одной изъ такихъ деревень жило, между прочимъ, семейство, состоящее изъ бабы и ея дочери, дѣвушки лѣтъ семнадцати; мужъ бабы, отецъ дѣвушки, торговалъ въ Петербургѣ. Мать держала дочь въ большой строгости; это бы еще куда ни шло; но дѣло въ томъ, что строгость эта имѣла характеръ самый безсмысленный и безтолковый; сама мать, впрочемъ, была женщина въ высшей степени взбалмошная, отчасти даже глуповатая, — съ придурью, какъ въ деревняхъ говорится. Сегодня, напримѣръ, привязывается ко всякой бездѣлицѣ; дочь шагу не смѣй ступить безъ спросу, не смѣй выйти на улицу,—ругаетъ ее наповалъ, какъ съ дубу рветъ; упрекаетъ ее въ такихъ вещахъ, которыя дѣвушкѣ даже во снѣ не грезились; иной разъ даже и поколотитъ; и все это безъ всякаго основанія, такъ себѣ, здорово живешь! Въ другое время, опять-таки безъ причины, ластится къ дочери, сама съ ней заговариваетъ и всячески выхвалять станетъ. Бѣдная дѣвушка рѣшительно сбивалась съ толку и не знала, какъ приноровиться къ матери. Такая безтолковщина въ обращеніи съ дѣтьми безпрерывно встрѣчается въ простонародьи; живя въ деревнѣ, на каждомъ шагу видишь такого рода сцены: положимъ, ребенокъ заплакалъ, мать сломя голову кидается на него съ вѣникомъ: „Ахъ ты, пострѣлъ окаянный! Уймешься ли ты?.. вотъ же тебѣ! вотъ тебѣ!.. Перестань, говорятъ! перестань!.. Ну, нà пирожка... нà пирожка... А, такъ ты вотъ какъ, не унимаешься!.. Вотъ же тебѣ!.. вотъ тебѣ!..“ и вѣникъ снова пускается въ ходъ; потомъ опять слышно: „Ну, уймись!.. ну, нà пирожка...“ и т. д.

„Въ серединѣ лѣта, когда случилась исторія, мать удвоила вдругъ строгость; покажись ей, что между дочерью и однимъ очень молоденькимъ парнемъ, который доживалъ послѣднее лѣто въ деревнѣ, завелись шашни. Собственно говоря, особенныхъ шашней не было; дѣвушка находилась неотлучно при матери, и если встрѣчалась съ парнемъ, такъ только на улицѣ и при народѣ. Могло статься, что парень часто торчалъ подлѣ дѣвушки; чаще другихъ ловилъ ее, играя въ горѣлки. Но глупой взбалмошной бабѣ довольно было подозрѣній; не разспросивъ, не вывѣдавъ дѣла, она накинулась на дочь, и съ того же дня стала запирать ее на ночь въ лѣтничекъ, родъ клѣти,

которая примыкала къ сѣнямъ. Какъ только пригонятъ скотину, отдоятъ коровъ, отужинаютъ и уберутся, старуха ведетъ дочь въ лѣтникъ и запираетъ ее тамъ на запоръ вплоть до зари.

„Около этого времени въ деревнѣ явилось новое лицо, сынъ фабриканта изъ той же губерніи. Явился онъ вотъ по какому случаю: отецъ его купилъ у владѣтеля деревни нѣсколько десятинъ земли, съ цѣлью выстроить фабрику для тканья полотенъ. Началась стройка; но вскорѣ другія заботы отозвали старика, и онъ послалъ на свое мѣсто сына; хотѣлось, видно, ему начать пріучать парня къ дѣлу. Парню стукнуло уже двадцать-два года: до настоящей минуты онъ сидѣлъ въ лавкѣ, отмѣривалъ холстъ и ситецъ и перемигивался съ мѣщанками. Основываясь, вѣроятно, на томъ, отецъ далъ ему въ руководители и помощники своего приказчика. Пріѣхавъ въ деревню, хозяйскій сынъ и приказчикъ помѣстились наймомъ въ избѣ одного крестьянина.

„Отношенія между молодымъ человѣкомъ и приказчикомъ были такого рода: послѣдній постепенно, втихомолку отъ родителей, потакалъ дурнымъ наклонностямъ перваго: этимъ способомъ онъ совершенно овладѣлъ молодымъ человѣкомъ; онъ влѣзъ къ нему въ душу и какъ хотѣлъ, такъ и вертѣлъ имъ. Все это дѣлалось, разумѣется, неспроста; приказчикъ имѣлъ свои виды; хозяинъ былъ старъ; сынъ долженъ былъ наслѣдовать всѣмъ имѣньемъ. Вообще этотъ приказчикъ былъ мошенникъ и плутъ первой руки; кромѣ того, что онъ развращалъ сына, онъ и отца обкрадывалъ; впрочемъ, хорошъ былъ также и молодой купчикъ; они другъ друга стоили, несмотря, что послѣднему минуло только двадцать-два года.

„Дня два-три послѣ пріѣзда въ деревню, приказчикъ выводитъ купчика на улицу и говоритъ:—„Ну, говоритъ, какая только здѣсь есть дѣвушка, — чудо! говоритъ. Передъ ней всѣ эти бабы, что вы вечоръ выхваляли, самая, то-есть, выходитъ мразь,—сволочь нестоющая!..“—„Какая дѣвушка? Гдѣ?..“ спрашиваетъ купчикъ. Приказчикъ указываетъ на избу бабы, которая жила съ дочерью и о которой я вамъ сказывалъ. Купчикъ случайно увидѣлъ дѣвушку; она ему очень понравилась. Началъ онъ ухаживать; караулилъ ее на улицѣ, старался заговаривать при встрѣчахъ, прохаживался мимо оконъ; изо всего этого вышло только то, что юноша чаще видѣлъ кулакъ

матери, высунутый изъ окошка, чѣмъ самую дочку. Дѣвушка, съ своей стороны, или пряталась, или попросту отворачивалась. Быть-можетъ, поступала она такимъ образомъ изъ страха; скромность, робость также можетъ-быть тутъ дѣйствовали; безъ этихъ послѣднихъ свойствъ не могла бы она выносить такъ безропотно обращеніе взбалмошной матери. Ничего нѣтъ мудренаго, если невниманіе дѣвушки происходило также отъ того, что въ самомъ дѣлѣ нравился ей молодой парень, за котораго такъ доставалось ей отъ матери. Какъ бы тамъ ни было, купчикъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ, какъ говорится. Онъ передалъ свои неудачи приказчику. „Ничего, говоритъ тотъ, — это значитъ не такъ взялись за дѣло; манера не годится; надо взять дѣло въ другую сторону; ничего, наша будетъ; не извольте ничего себѣ безпокоиться! Вы, говоритъ, главное, виду теперь не показывайте... дайте мнѣ уладить дѣло... Практика эта намъ знакома!..“ Узнавъ отъ хозяйки, а также и отъ другихъ бабъ, подробности о житьѣ-бытьѣ матери и дочери, приказчикъ выдумалъ такую штуку: молодой человѣкъ долженъ былъ пробраться въ лѣтничекъ до того времени, пока мать не запретъ тамъ дочку; ему слѣдовало завалиться куда-нибудь за лавку, за сундукъ, и во всю ночь пролежать такъ смирно, чтобы дѣвушка никакъ не могла подозрѣвать его присутствія; онъ долженъ былъ показаться тогда только, когда мать отворитъ лѣтникъ, чтобы выпустить дѣвушку. Купчикъ рѣшительно не понималъ, къ чему ведетъ такая штука; приказчикъ сказалъ, чтобъ онъ только слушался; слушаться будетъ — увидитъ, къ чему поведетъ выдумка. Въ тотъ же вечеръ купчикъ и его товарищъ прокрались къ ригѣ матери; выждавъ минуту, когда старуха и ея дочь вышли на улицу встрѣчать стадо, — купчикъ бросился въ лѣтникъ и спрятался; приказчикъ повторилъ ему свои наставленія и скрылся.

„Съ наступленіемъ ночи, мать, какъ это обыкновенно дѣлается, запираетъ дѣвушку; молодой человѣкъ слышитъ, какъ она раздѣвается и ложится спать; онъ находился отъ нея въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ шагахъ, но не отступилъ, однакожъ, ни на волосъ отъ того, что говорилъ приказчикъ: во всю ночь не повернулся, не кашлянулъ. На зарѣ дѣвушка одѣлась и стала стучаться въ дверь. Въ ту самую секунду, какъ старуха отворила лѣтникъ, купчикъ ловко вышелъ изъ своей засады и показался подлѣ дѣвушки...

„Предоставляю вамъ самимъ судить объ изумленіи матери и особенно дочери. Не успѣла бѣдная дѣвочка прійти въ себя, мать яростно на нее бросилась и принялась колотить ее на̀-смерть; послѣ этого старуха какъ бы вдругъ очнулась, повернулась къ купчику и повалилась ему въ ноги:—Батюшка, говоритъ, не погуби только! взмилуйся, касатикъ!.. никому не разславляй, батюшка, объ этомъ дѣлѣ! не срами, касатикъ! никому не разсказывай!..“

„Молодой человѣкъ, смекнувши, къ чему могла повести выдумка приказчика, поспѣшилъ успокоить старуху: онъ клялся, что ничего никому не скажетъ, и съ того же утра смѣлѣе приступилъ къ дѣвушкѣ. Въ отвѣтъ на это, она только заливалась-плакала и осыпала его проклятіями. Жизнь ея сдѣлалась окончательно невыносимою: съ одной стороны неотступно приставалъ купчикъ, который внушалъ ей страхъ и ужасъ, съ другой—не было житья отъ матери, которая била ее съ утра до вечера. Приказчикъ между тѣмъ не переставалъ разспрашивать, какъ идутъ дѣла. Купчикъ сначала лгалъ: говорилъ, что все идетъ превосходно, что дѣло увѣнчалось блистательнѣйшимъ успѣхомъ; но разъ какъ-то, послѣ сотаго неудачнаго приступа, передалъ ему всю правду. „Объ ней нечего думать“, совѣтуетъ приказчикъ, „главная статья—больше на мать напирайте; постращайте хорошенько старуху-то; скажите, что обо всемъ размолвите по деревнѣ; увидите,—дѣло тогда само собою сладится“.

„Молодой человѣкъ согласился, что дѣло точно пойдетъ тогда вѣрнѣе; но прежде, однакожъ, чѣмъ исполнить совѣтъ, попытался онъ обратиться сначала снова къ дѣвушкѣ и взять лаской. Дѣвушка, какъ и прежде, слышать ничего не хочетъ. Юноша приходитъ разъ къ старухѣ и говоритъ:

„— Послушай, говоритъ, тетка, что жъ она?.. Коли денегъ понадобится, мы въ этомъ не постоимъ; и подарки, и все такое... я хоть сейчасъ. А только не вели ей ломаться... Теперь ужъ поздно, говоритъ.

„Старуха опять бухъ въ ноги:

„— Кормилецъ, молчи только, не сказывай! Мужъ узнаетъ—убьетъ до смерти... Ахъ она дура этакая, проклятая!..

„Накидывается она опять на дѣвушку и давай бить. Та только рыдаетъ, да головой о стѣны стукается. Такого рода сцены повторялись разъ и два; дѣло все-таки не

двигалось, вопреки обѣщаніямъ совѣтчика. Потерявъ наконецъ терпѣніе, юноша объявляетъ напрямикъ матери, что если дочь станетъ еще ломаться, — онъ рѣшительно начнетъ разсказывать по деревнѣ обо всемъ случившемся. Малый, какъ видно, былъ съ характеромъ. Объясненіе это происходило вечеромъ, послѣ пригона скотины. Купчикъ, дѣйствуя, вѣроятно, по совѣту приказчика, нарочно выбралъ такое время; онъ какъ будто не сомнѣвался уже въ успѣхѣ и билъ навѣрняка. Началось съ того, что мать снова бросилась таскать дѣвушку; она пришла въ такое бѣшенство, что, не случись тутъ купчика, она сдѣлала бы дочь калѣкой. Послѣ этого, старуха силою втаскиваетъ дочь въ лѣтникъ, кланяется въ ноги купчику, умоляетъ его молчать, сама ведетъ въ лѣтникъ и запираетъ съ дочерью...

„Очутившись наединѣ съ дѣвушкой, купчикъ замѣтилъ не безъ удивленія, что она уже болѣе не плачетъ. Ободренный этимъ, начинаетъ онъ разговаривать. Она не бранитъ его, не проклинаетъ, какъ прежде; она даже не отворачивается. Какъ окаменѣлая стоитъ она подлѣ постели; изрѣдка, подъ платкомъ, накинутымъ на плечи и совсѣмъ почти заслоняющимъ лицо ея, пробѣгаетъ судорожная дрожь; юноша объясняетъ себѣ это робостью и, ободренный болѣе и болѣе, садится подлѣ нея; она не дѣлаетъ даже сопротивленій, когда онъ начинаетъ обнимать ее. Не отвѣчая на его ласки, не смотря на него, не произнося ни слова, она совершенно ему покоряется. Одного только никакъ не могъ онъ добиться: не могъ онъ добиться отъ нея живого слова, она точно онѣмѣла. Впрочемъ, не много заботился онъ объ этомъ. На зарѣ, когда старуха отворила лѣтникъ, торжествующее лицо купчика доказывало, что онъ былъ очень доволенъ собою. Оставивъ дѣвушку въ лѣтникѣ, онъ отозвалъ старуху въ избу; ему хотѣлось сдѣлать ей подарокъ. Въ ту минуту, какъ онъ полѣзъ въ карманъ за деньгами, — въ дверяхъ неожиданно показалась дѣвушка. Лицо ея было блѣдно, растрепанные волосы разсыпались по плечамъ, въ чертахъ проступало такое отчаяніе, что мать и самъ купчикъ испугались. Дѣвушка сдѣлала два шага, взглянула на мать, произнесла проклятіе, схватила, какъ бы въ безпамятствѣ какомъ-то — схватила себя руками за голову и кинулась изъ избы. Мать пустилась за нею вдогонку; дѣвушка какъ словно исчезла; купчикъ присоединился къ старухѣ;

стали искать: обошли всѣ закоулки, обшарили ригу — нигдѣ нѣтъ; начали разспрашивать сосѣдей: не видалъ ли кто?—никто не видалъ... Словомъ, искали весь день—и нигдѣ не нашли. Къ вечеру только отыскалась она... отыскалась—на днѣ пруда, который тянулся за деревней...— Ну, какъ вы объ этомъ скажете? заключилъ разсказчикъ, неожиданно обращаясь къ толстяку. — Какъ вы скажете: съ чего утопилась эта бѣдная дѣвушка? Что̀ заставило ее поступить такимъ образомъ?..

— Съ чего утопилась? возразилъ толстякъ съ невыразимымъ спокойствіемъ. — Извѣстно, съ чего утопилась,— сдуру!..

— Вы рѣшительно, стало-быть, отвергаете въ простомъ человѣкѣ всякаго рода благородныя движенія души и даже чувство честности? воскликнулъ господинъ въ коричневомъ пальто, вдругъ разгорячаясь, такъ что краска выступила на лицѣ его.—По-вашему, надо думать, люди только тѣ, которые, какъ мы съ вами, носимъ халаты, куримъ табакъ, земли не пашемъ, въ избѣ не живемъ, нужды не терпимъ, да знаемъ, что есть на свѣтѣ Франція и были когда-то римляне?.. Мы одни, стало-быть, подхватилъ онъ, не замѣчая нашихъ взглядовъ, которые ясно говорили ему о безполезности такихъ объясненій,— одни мы можемъ чувствовать благородно и думать по-человѣчески?.. На чемъ же вы все это основываете? Вы человѣкъ уже пожилой, не можете же вы говорить безъ основанія...

— Эхъ, господа, перестаньте Бога ради! охота же вамъ! снова вмѣшался, и съ тою же поспѣшностью, какъ и прежде, маленькій господинъ. — Разговоры такого рода рѣшительно ни къ чему не ведутъ; вы ихъ не убѣдите, они— васъ; убѣждать, слѣдовательно, безполезно... Не лучше ли, право, чтобы кто-нибудь изъ васъ разсказалъ еще какую-нибудь исторію? Самое краснорѣчивѣйшее разсужденіе, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ писателей, не сто̀итъ самаго мелкаго разсказа, взятаго только изъ дѣйствительной жизни, и который могъ бы служить фактомъ... Только фактъ что-нибудь значитъ, остальное все туманъ... Основываясь на этомъ, позвольте, я разскажу вамъ происшествіе, которое пришло мнѣ на память. Я разсказываю плохо, но вы простите неловкость, мѣшковатость слога за смыслъ. Къ тому же, я нахожу, мы довольно уже говорили о мужикахъ... Кромѣ того, все, что̀ ни говорилось, про-

никнуто было какимъ-то мракомъ, чѣмъ-то дикимъ, грубымъ, необузданнымъ... Для разнообразія разскажу исторію изъ другого быта: начать съ того, что исторія эта не мрачнаго свойства; и потомъ, тутъ идетъ рѣчь о людяхъ, которые... ну, да вы сейчасъ увидите... присовокупилъ онъ, окидывая насъ лукавымъ взглядомъ и какъ бы приглашая не спускать глазъ съ толстяка, къ которому, какъ казалось, преимущественно хотѣлъ онъ обратить рѣчь.— Вотъ въ чемъ дѣло: верстахъ въ трехъ отъ меня жили, и теперь еще, слава Богу, живутъ и благоденствуютъ два помѣщика; одного зовутъ Кондѣй Ильичъ, другого—Михайло Васильичъ; фамиліи ихъ вамъ знать не для чего; онѣ не громки и притомъ не придадутъ интереса разсказу; безъ нихъ обойдемся. Кондѣй Ильичъ человѣкъ вида могущественнаго, сановитаго, ростъ богатырскій, косая сажень въ плечахъ; весь онъ точно цѣликомъ изъ дубоваго пня вырубленъ; въ жизнь не видалъ я такихъ огромныхъ ступней, такихъ кулаковъ и мускуловъ, какъ у Кондѣя Ильича; его, кажется, ядромъ не убьешь. Михайло Васильичъ представляетъ изъ себя человѣка тоже коренастаго, но коротенькаго, съ глазами, которые какъ словно чему-то изумились и застыли навсегда въ такомъ видѣ. Въ характерѣ Кондѣя Ильича есть что-то героическое, соотвѣтствующее его осанкѣ; онъ смѣлъ, отваженъ, дѣйствуетъ всегда напроломъ и рѣшителенъ въ высшей степени. Случается ли ему, напримѣръ, разсердиться на Михайла Васильича,—а это случается часто,—онъ тотчасъ же отыскиваетъ его, идетъ къ нему, и съ прямотою, свойственною благороднымъ людямъ, говоритъ: „Ты подлецъ и скотина!“ Михайло Васильичъ обыкновенно ничего на это не отвѣчаетъ; не можетъ онъ вообще похвастать храбростью и прямизною нрава; онъ скорѣе беретъ умомъ и хитростью. Разсердившись на сосѣда, онъ тщательно всегда скрываетъ настоящія свои чувства, старается даже избѣгать его, но, съ той же минуты, бѣжитъ на мельницу, къ приказчику сосѣдней деревни, къ понамарю и другимъ лицамъ, и наскажетъ всегда такихъ ужасовъ про Кондѣя Ильича и его семью, что у робкихъ людей пробѣгаетъ холодъ въ затылкѣ. У Кондѣя Ильича девять душъ; у Михайла Васильича семь; каждому изъ этихъ мужей уже около пятидесяти лѣтъ; словомъ, оба почтеннаго возраста.

„Съ лѣтами, враждебныя чувства, которыя питаютъ они другъ противъ друга, нимало не умягчаются: напро-

тивъ; съ годами вражда только усиливается; она, надо думать, перешла къ нимъ по наслѣдству отъ родителей, которые точно такъ же ненавидѣли другъ друга и разъ такъ даже шибко схватились, что сбѣжавшіеся шестнадцать мужиковъ того и другого никакъ не могли разнять ихъ.

„Впрочемъ, самая обстановка двухъ помѣщиковъ такого рода, что неминуемо должна разжигать ихъ другъ противъ друга; дома ихъ, поставленные еще покойными родителями, находятся на разстояніи шести саженъ; они обращены лицомъ другъ къ другу и раздѣляются дворикомъ. До сихъ поръ не рѣшено, кому принадлежитъ дворикъ. Объ этомъ обстоятельствѣ спорили одинаково безуспѣшно отцы и теперь спорятъ дѣти; какъ тѣ, такъ и эти, сотни разъ прибѣгали къ мѣстному начальству и подавали несчетное число прошеній о томъ, чтобы разъ навсегда опредѣлили, кому владѣть дворикомъ; мѣстное начальство являлось, но всякій разъ, какъ между родителями, такъ и между настоящими владѣльцами, подымалась такая война, что начальство отказывалось напрямикъ отъ всякаго посредничества; оно уже радо было, когда могло растащить ссорившихся. Какъ Кондѣю Ильичу, такъ и Михайлу Васильичу нѣтъ ни малѣйшей надобности въ этомъ дворикѣ; ими въ этомъ случаѣ управляетъ та мысль, что тотъ, кто уступитъ дворикъ, дастъ случай восторжествовать надъ собою врагу; другой причины не существуетъ. Какъ бы тамъ ни было, несчастный дворикъ служилъ и служитъ основою и театромъ всѣхъ событій, совершающихся въ этомъ уголкѣ нашего уѣзда, который, не мѣшаетъ замѣтить, богатъ такими уголками. Раздраженіе одного семейства противъ другого такъ сильно, что самое неуловимое обстоятельство способно подлить масло въ огонь. Бываетъ вотъ какъ: индѣйскій пѣтухъ Кондѣя Ильича, прогуливаясь по двору, станетъ, напримѣръ, противъ оконъ Михайла Васильича, распушитъ хвостъ и буркнетъ свою пѣсню; Михайло Васильичъ принимаетъ это тотчасъ же въ обидную для себя сторону.—Мошенники, говоритъ, нарочно подучили его!

„Въ ту же секунду, изъ-за угла летитъ на пѣтуха палка; супруга Кондѣя Ильича стремится на выручку пѣтуха; супруга Михайла Васильича выбѣгаетъ къ ней навстрѣчу; на крикъ изъ обоихъ домовъ вылетаютъ какъ пули, одинъ за другимъ, Кондѣй Ильичъ и Михайло Ва-

сильичъ: за ними бѣгутъ дѣти, потомъ золовки, свояченицы (у обоихъ число душъ собственной семьи втрое превышаетъ число душъ крестьянъ). Черезъ минуту дворъ представляетъ одну движущуюся кучу людей, изъ которой во всѣ стороны торчатъ и болтаются руки, ноги и головы. И хорошо еще, если бъ одинъ дворикъ служилъ театромъ и поводомъ для такихъ сценъ! Управляемые тѣмъ же чувствомъ, которое мѣшаетъ имъ покончить съ раздѣломъ дворика, они до сихъ поръ еще остаются черезполосными; ихъ, если хотите, давно размежевали, вырыли даже межевыя ямы и столбы поставили; но это ни къ чему не служитъ; такъ бываетъ, впрочемъ, у многихъ помѣщиковъ, которые не чета Кондѣю Ильичу и Михайлу Васильичу. Кондѣй Ильичъ подозрѣваетъ, что Михайло Васильичъ подкупилъ землемѣра; Михайло Васильичъ питаетъ съ своей стороны тѣ же подозрѣнія: оба владѣютъ тѣми же участками, какими владѣли ихъ отцы и прадѣды. Рига Кондѣя Ильича до сихъ поръ открывается на землю Михайла Васильича; бабы Михайла Васильевича полощутъ бѣлье въ пруду сосѣда; народъ и семья Кондѣя Ильича пользуются водою изъ колодца Михайла Васильича. При малѣйшей ссорѣ, Михайло Васильичъ ставитъ у колодца мужика съ дубиной; Кондѣй Ильичъ бѣжитъ къ пруду, принимаетъ героическую позу, машетъ кулаками и кричитъ:

„— Подойди только,—разобью вдребезги!..

„Однимъ словомъ, вражда, существовавшая нѣкогда между Иваномъ Иванычемъ и Иваномъ Никифорычемъ Гоголя, ровно ничего не значитъ противъ той, которая существуетъ между Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ.

— Что это вы, сударь мой, разсказываете! позвольте вамъ замѣтить, промолвилъ толстякъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ;—гдѣ вы видѣли такихъ помѣщиковъ?..

— Если вамъ не угодно вѣрить, что во всемъ этомъ не прибавлено ни одного слова, не выдумано ни одной черты,—не хотите ли сдѣлать мнѣ честь отправиться со мною ко мнѣ въ деревню; мы отсюда всего шестьдесятъ верстъ; намъ даже можетъ-быть по дорогѣ; я сочту за особенное удовольствіе познакомить васъ съ Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ; пожалуй, познакомлю васъ и съ другими, которые ни въ чемъ имъ не уступаютъ... Господа, промолвилъ маленькій разсказчикъ, обратясь къ намъ, — неужто вы также не даете вѣры

моему разсказу? Неужто вамъ не случалось встрѣчать такихъ помѣщиковъ, какъ мои сосѣди?

Господинъ въ коричневомъ пальто вѣрилъ совершенно; мало того: онъ насчиталъ до десятка Кондѣевъ Ильичей въ своемъ уѣздѣ; я съ своей стороны вызвался познакомить присутствующихъ также съ десяткомъ лицъ, которыя шли совершенно подъ-стать героямъ, описаннымъ разсказчикомъ.

— Можетъ, и есть такіе, только я не видалъ, не приводилось!.. пробормоталъ толстякъ.—И наконецъ, какіе же это помѣщики?.. такъ, мелюзга какая-то...

— Конечно, мелюзга, но все же они помѣщики!...

— Семь душъ всего! какіе помѣщики! упорствовалъ толстякъ, — это тоже мелочь, которую вотъ этотъ вашъ Гоголь описывалъ... они не идутъ въ счетъ...

— Ну, нѣтъ: сосчитайте-ка ихъ, — кушъ выйдетъ порядочный! перебилъ господинъ въ коричневомъ пальто.— А вы Гоголя читали? перебилъ онъ.

— Читалъ; такъ же все преувеличиваетъ и во всемъ прибавляетъ... Такихъ людей, какъ онъ описываетъ, никогда не было...

— Ну, этого опять также нельзя сказать! подхватилъ господинъ въ коричневомъ пальто, который обращался теперь къ толстяку неохотно и явно раздражался, когда говорилъ съ нимъ. — По-моему, напротивъ, нельзя не согласиться, что Гоголь не только не увеличивалъ, но даже смягчалъ, значительно смягчалъ каждое лицо, которое описывалъ; это особенно относится къ помѣщикамъ. Выставляя Собакевичей и Ноздревыхъ, онъ, если смѣю такъ выразиться, беретъ только одну сторону своихъ героевъ; они гадки и пошлы, какъ частныя личности. Описывая нашего брата, русскаго помѣщика, — одной этой стороны мало. Представьте себѣ, во сколько разъ Собакевичи и Ноздревы показались бы намъ гаже, если бъ Гоголь захотѣлъ выставить ихъ не только какъ мужей, отцовъ семейства, словомъ, какъ частныхъ лицъ,—но еще и какъ помѣщиковъ? Всякій изъ насъ помѣщикъ. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ исключительномъ положеніи; положеніе это такъ тѣсно вяжется съ нашимъ существованіемъ, отъ него въ такой зависимости наша жизнь, что, описывая одно, необходимо коснуться другого, чтобы описаніе было полно. Я могу быть отличнымъ отцомъ и сквернымъ помѣщикомъ; примѣрнымъ мужемъ и, изъ любви къ женѣ, разорять крестьянъ, покупая женѣ

шляпки и шали, и т. д. Гоголь не трогалъ этой стороны своихъ героевъ по многимъ причинамъ. Выставь-ка онъ Собакевича и Ноздрева, какъ помѣщиковъ, — они, можетъ-быть, превратились бы въ злодѣевъ; Гоголю не хотѣлось этого... Мнѣ, признаться, всегда жаль, что онъ не дѣлалъ этого... Повторяю: наша жизнь слишкомъ тѣсно связывается съ этимъ помѣщичьимъ положеніемъ, оно играетъ въ нашемъ обществѣ слишкомъ большую роль, чтобы можно было упускать его изъ виду, описывая нашего брата! По-моему, невозможно даже имѣть вѣрнаго понятія о комъ-нибудь изъ насъ, не руководствуясь въ отношеніи другъ къ другу такимъ соображеніемъ, или, пожалуй, пословицей: покажи на дѣлѣ, каковъ ты помѣщикъ,—и я скажу тебѣ, что̀ ты за человѣкъ!

— Совершенно справедливо! подхватилъ маленькій господинъ, — именно: дай мнѣ только понять, каковъ ты, какъ помѣщикъ, — и я скажу, что̀ ты за человѣкъ! присовокупилъ онъ, украдкою взглянувъ на толстяка. — Но, послушайте, хотя я скажу теперь общее мѣсто, истину, давно уже всѣмъ извѣстную: заслуга Гоголя останется все-таки неизмѣримо-огромна! Уже одно то, что онъ внесъ въ нашу литературу правду! — правду, которой до него не было, и которая не мѣшаетъ Гоголю быть великимъ поэтомъ! Положимъ, выставилъ онъ частныхъ лицъ, какъ вы говорите, но зато какъ поразительно они вѣрны въ смыслѣ общечеловѣческомъ! Что̀ ни лицо—то типъ! Онъ точно собралъ всю нашу братью, раздѣлилъ по кучкамъ, каждую кучку посадилъ въ особую клѣтку и сказалъ: это Собакевичи, это Маниловы, это Чичиковы, и т. д.,— просто клеймо положилъ! Многіе до сихъ поръ еще не любятъ Гоголя, именно, кажется, за эту сортировку! У меня, напримѣръ, тысяча душъ, я задаю обѣды, задираю свой глупый носъ, кричу на выборахъ; Гоголь объяснилъ каждому, что я не кто другой, какъ Собакевичъ; меня иначе не зовутъ, какъ Собакевичемъ; согласитесь, это очень вѣдь непріятно!.. добавилъ маленькій господинъ, засмѣялся и снова бросилъ косвенный взглядъ на толстяка, который сидѣлъ, мрачно насупивъ брови, и дышалъ особенно тяжело какъ-то; — но мы, однакожъ, далеко зашли, господа! Позвольте кончить мою исторію. Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ, точно такъ же, какъ жены ихъ, свояченицы, тёщи и проч., чрезвычайно, между тѣмъ, заботились о томъ, какъ думаютъ и что̀

говорятъ объ нихъ сосѣди; дома дрались они, какъ какіе-нибудь бойцы и мясники; внѣ дома оба лѣзли изъ кожи, чтобы казаться настоящими помѣщиками. Съ семьей и девятью душами не уѣдешь далеко по части важности; тщеславіе — плохая пожива! Для поддержки общественнаго мнѣнія, Кондѣй Ильичъ держитъ пару кобылъ, на которыхъ подкатываетъ къ церковной паперти, или является на ярмарки со своимъ семействомъ; у Михайла Васильича одна только лошадь, и, вмѣсто тарантаса, телѣжка; но къ телѣжкѣ своей придѣлалъ онъ складныя подножки, какъ у тарантаса, и выкрасилъ ее темнобурой краской; на лошади щегольская сбруя, съ мѣдною оковкою, которая такъ сіяетъ на солнцѣ, что рѣшительно ослѣпляетъ глаза. Оба, на ярмаркахъ и на городскихъ праздникахъ, поминутно выходятъ изъ своихъ экипажей, забѣгаютъ на видныя мѣста и кричатъ кучеру: „Эй, подавай!“ Особенно надо любоваться Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ, когда они входятъ въ церковь, сопровождаемые своимъ семействомъ. Кондѣй Ильичъ гордо, важно проходитъ всегда мимо помѣщиковъ; нужно видѣть, какъ, ведя свое семейство, расталкиваетъ онъ вправо и влѣво народъ, заслоняющій дорогу, и съ какимъ озабоченнымъ видомъ говоритъ: „Посторонись! посторонись!“ Михайло Васильичъ ведетъ себя гораздо деликатнѣе: при входѣ въ церковь, онъ оставляетъ семью, протискивается къ каждому помѣщику и, все равно, знакомъ ли онъ съ нимъ, или нѣтъ, протягиваетъ наотмашь руку и освѣдомляется о здоровьи. Онъ старается внушить всѣмъ, что онъ свой братъ. Онъ и жена его ведутъ тѣсную дружбу съ дьячкомъ и дьякономъ, нарочно съ тою цѣлью, чтобы въ концѣ обѣдни имъ, время отъ времени, подносили просвиру. Когда въ первый разъ удостоились они этой чести, жена Кондѣя Ильича вошла тотчасъ же въ тѣснѣйшія сношенія съ попадьей; теперь просвиру подносятъ какъ женѣ Кондѣя Ильича, такъ и женѣ Михайла Васильича.

„Несмотря, однакожъ, на толчки свои и величавый видъ, Кондѣй Ильичъ пользуется въ народѣ несравненно большею популярностью, чѣмъ сосѣдъ его. Кондѣй Ильичъ держитъ себя такъ гордо передъ мужиками и бабами только при постороннихъ,—особенно передъ помѣщиками; дома живетъ онъ за панибрата со своими мужиками: ходитъ къ нимъ въ избу, пируетъ у нихъ на крестинахъ и свадьбахъ, хлебаетъ съ ними щи изъ одной чашки

и проч.; онъ вообще невзыскателенъ въ работѣ, и если иной разъ котораго изъ нихъ поколотитъ, то это скорѣе потому, что онъ не въ духѣ, чѣмъ на основаніи какой-нибудь другой причины; мужики не ставятъ ему этого въ укоръ; они любятъ Кондѣя Ильича. Михайло Васильичъ никогда не дерется, но зато обращеніе его сухо и холодно; фамильярность съ крѣпостными считаетъ онъ несовмѣстною съ достоинствомъ дворянина и помѣщика; онъ требуетъ, главное, чтобы мужикъ и баба уважали его; требуетъ, чтобы называли его бариномъ, жену его барыней, дѣтей барченками; любитъ, чтобы мужикъ, при видѣ его, снималъ издали шапку, а баба отвѣшивала низкій поклонъ. Мужикъ и баба терпѣть его не могутъ, называютъ его гордецомъ, чуфарой...

„Но оставимъ все это; надо вамъ передать теперь одно маленькое событіе, которое случилось прошлой осенью; въ событіи этомъ нѣтъ ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго. Это было въ сентябрѣ; не помню, они изъ-за чего-то опять поссорились. Михайло Васильичъ, по принятому издавна правилу, пустился тотчасъ же къ мельнику, управителю и понамарю; но потому ли, что злоба бушевала въ немъ сильнѣе обыкновеннаго, или находился онъ въ особомъ припадкѣ вдохновенія,—онъ наговорилъ такихъ ужасовъ про сосѣда, что подъ конецъ самъ даже испугался. Разсказы легко могли дойти до слуха Кондѣя Ильича; съ нимъ, какъ извѣстно, шутить было не совсѣмъ выгодно. Михайло Васильичъ, съ дѣтства, можно сказать, питалъ къ нему непобѣдимый страхъ, и чувство это, хотя тщательно имъ скрываемое, служило главнымъ основаніемъ ненависти къ сосѣду; что жъ мудренаго — отъ одного взгляда Кондѣя Ильича могъ бы, кажется, вскочить волдырь на лицѣ врага; ударъ долженъ былъ превращать врага въ блинъ! Подъ вліяніемъ своихъ опасеній, Михайло Васильичъ цѣлыя трое сутокъ не выходилъ изъ дому; онъ передалъ женѣ свои мысли; на общемъ семейномъ совѣщаніи рѣшено было прекратить разъ навсегда всѣ сношенія съ злодѣемъ (такъ звали могучаго Кондѣя Ильича). Для этой цѣли, Михайло Васильичъ, въ ту же ночь, собралъ своихъ семерыхъ мужиковъ, настрогалъ кольевъ, нарубилъ хворосту, и до зари воздвигъ плетень, который заслонилъ домъ его отъ дома врага. Все это было превосходно придумано; оставалось удивляться, какъ до сихъ поръ подобная мысль

не приходила въ голову хитрому Михайлу Васильичу; но, къ несчастію, въ горячкѣ своей Михайло Васильичъ не сообразилъ одного обстоятельства: плетень какъ разъ пришелся противъ риги врага! Иначе, впрочемъ, нельзя было устроить; заднія ворота риги Кондѣя Ильича отворялись на землю сосѣда; рига стояла подлѣ дома.

„На другое утро, Кондѣй Ильичъ выходитъ съ мужиками вѣять рожь; отворяютъ ворота риги, чтобы дать ходъ вѣтру;—„что за чортъ,—плетень!" Не сомнѣваясь, что это было сдѣлано съ цѣлью досадить ему, Кондѣй Ильичъ подошелъ къ плетню, приперъ плечомъ и своротилъ его; но усиліе, употребленное имъ, не было разсчитано; онъ потерялъ балансъ и рухнулся вмѣстѣ съ плетнемъ на-земь. Не успѣлъ онъ очнуться, какъ Михайло Васильичъ налетѣлъ на него со всѣхъ ногъ и далъ ему оплеуху. Такая необычайная рѣшимость и храбрость со стороны Михайла Васильича объясняется тѣмъ, что уже слишкомъ много, вѣроятно, накипѣло злобы въ его сердцѣ; имъ овладѣло, надо думать, что-то въ родѣ корсиканской вендетты, какая-то необузданная жажда мести и бѣшенства. Кондѣй Ильичъ вскочилъ на ноги, взглянулъ, замахнулся — и Михайло Васильичъ лежалъ уже разбитый вдребезги у ногъ врага; на крикъ сбѣжались жены, золовки, свояченицы и дѣти; картина, какъ можете судить, была торжественная; все умолкло; наступила тишина; но это только была тишина передъ грозою. Полчаса спустя Михайло Васильичъ, перевязанный и упакованный, сидѣлъ въ расписной телѣжкѣ своей и катилъ во всю мочь по дорогѣ къ уѣздному городу; за нимъ поспѣвалъ во всѣ лопатки Кондѣй Ильичъ въ своемъ тарантасѣ. Оба стремились къ губернскому предводителю, который жилъ въ деревнѣ, подлѣ самаго города. Каждый выбивался изъ силъ, чтобы поспѣть первымъ. Они пріѣхали вмѣстѣ, однакожъ, вмѣстѣ ворвались въ прихожую предводителя и оттуда, послѣ доклада, вмѣстѣ бросились къ дверямъ, гдѣ и завязли.

„— Господа, сказалъ предводитель, смекнувъ въ чемъ дѣло, что, мимоходомъ сказать, было не легко, потому что оба помѣщика говорили въ одно время, опровергали клятвенно другъ друга, и раза два даже чуть-было не сцѣпились,—господа, я, право, не знаю, что̀ мнѣ дѣлать!.. Отъ всѣхъ этихъ исторій я начинаю терять голову... Не говоря уже о срамѣ, потому что, господа, вы все-таки

дворяне... но... но такого рода исторіи служатъ еще сверхъ того дурнымъ примѣромъ... Ей-Богу, это ужасно...

„Предводитель обратился къ Михайлу Васильичу и просилъ разсказать обстоятельно, какъ было дѣло. Кондѣй Ильичъ тотчасъ же было вмѣшался, но предводитель попросилъ его помолчать до времени.

„— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ Кондѣй Ильичъ,—за что же ему такое предпочтеніе?.. за что? вы прежде меня должны выслушать; я первый получилъ оскорбленіе!..

„— Можетъ-быть, можетъ-быть, возразилъ предводитель,—но только я сужу по тому, что̀ вижу... Вашъ сосѣдъ разбитъ совершенно... тогда какъ вы невредимы... тутъ уже улика налицо...

„При этомъ, Кондѣй Ильичъ отступилъ три шага; сердце его закипѣло и переполнилось негодованіемъ; онъ скрестилъ руки на могучей груди своей и произнесъ голосомъ человѣка, сраженнаго несправедливостью судьбы и людей:

„— Ваше превосходительство, гдѣ же справедливость?.. чѣмъ же я виноватъ, что у меня тѣло крѣпкое и знаковъ не остается?..

— Ваше благородіе, паро̀мъ пригнали!.. неожиданно прокричалъ бородастый хозяинъ избы, появляясь въ дверяхъ...

Трудно передать дѣйствіе, которое произвело на всѣхъ насъ такое извѣстіе. Разсказчикъ остановился посреди своей фразы. Впрочемъ, и то надо сказать, вздумай онъ продолжать, никто, конечно, не сталъ бы его слушать; всѣ бросились къ шапкамъ, шинелямъ и калошамъ. Толстякъ, кряхтя и задыхаясь отъ суетливости, въ одно и то же время запахивалъ халатъ, убиралъ чайныя ложечки, запиралъ поставецъ и звалъ во весь голосъ лакея. Тишина въ избѣ, прерываемая только голосомъ разсказчика и рѣдкими возраженіями слушателей, уступила мѣсто страшной вознѣ, нетерпѣливымъ возгласамъ и суматохѣ.

Но что̀ значитъ этотъ переходъ отъ тишины къ вознѣ и шуму, сравнительно съ тою перемѣною, которая произошла между отношеніями присутствующихъ? Минуту назадъ, троихъ изъ насъ тѣсно какъ будто связывала одна общая мысль; мы невольно тянулись внутренно другъ къ другу; силою этой мысли чувствовали другъ къ другу что-то близкое, родственное; одинъ мигъ, одно слово, одно пустое восклицаніе: „паро̀мъ пригнали“,—и все это сродство такъ же неизгладимо исчезло, какъ дымъ, когда ду-

нетъ вѣтеръ; мы были уже чужими, перестали существовать даже одинъ для другого; самая мысль, которая сроднила насъ, была забыта. У всѣхъ была теперь одна мысль: какъ бы опередить другъ друга, поспѣть скорѣе на паромъ и занять тамъ удобное, покойное мѣсто. Что же осталось бы отъ этой мысли и куда дѣлось бы то святое чувство, которое пробудила въ насъ мысль, если бъ вмѣсто перспективы занять мѣсто на паромѣ,—передъ нами открылась бы другая, болѣе важная выгода?..

Минутъ черезъ пять, мы уже ощупью пробирались между возами и, завязая въ грязи, перегоняли другъ друга съ такимъ же комическимъ усердіемъ, какъ Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ, когда спѣшили они къ предводителю.

Извѣстіе о приходѣ парома привело улицу въ сильное движеніе. Посреди непроницаемаго мрака бурной, ненастной ночи, раздавались крики, брань, скрипъ телѣгъ и нескончаемое шлепанье по лужамъ; все рвалось къ рѣкѣ; безпорядокъ былъ невообразимый. Съ помощью локтей, иногда даже пинковъ, мы подвигались, однакожъ, благополучно. Никто изъ насъ не думалъ теперь о бѣдномъ мужичкѣ, который стоялъ подъ дождемъ; никому уже въ голову не приходило уступить этому мужичку то мѣсто на паромѣ, котораго ждалъ онъ нѣсколько сутокъ,—каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы съ насмѣшкою и негодованіемъ того, кто не шутя сдѣлалъ бы намъ такое предложеніе. А сколько между тѣмъ истиннаго, неподдѣльнаго жара было въ словахъ господина въ коричневомъ пальто! Какъ горячо мы ему сочувствовали и готовы были распинаться за наши убѣжденія! Какой же толкъ въ этомъ жарѣ и убѣжденіяхъ?

Первымъ нашимъ дѣломъ, какъ только вошли мы на паромъ, было сунуть скорѣе перевозчикамъ денегъ, чтобы они поскорѣе только отчаливали (въ этомъ случаѣ мы дѣйствовали, надо сказать, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, и снова, казалось, одна общая мысль насъ на секунду связала). Причалъ ловко отняли, и мы благополучно отвалили отъ берега.

Дождь лилъ ливмя. Уныло гудѣлъ вѣтеръ, всплескивая волны рѣки, едва отдѣлявшейся отъ темныхъ, пустынныхъ береговъ и еще болѣе темнаго неба, которое облегало, казалось, всю землю и мрачно смотрѣло...

ПОЧТЕННЫЕ ЛЮДИ,

ОБРЕМЕНЕННЫЕ МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

„Le désir universel et immodéré des emplois publics est la pire des maladies sociales; elle crée une foule d'affamés capables de toutes les fureurs pour satisfaire leur appétit, et propres à toutes les bassesses dès qu'ils sont rassasiés. Un peuple des solliciteurs est le dernier des peuples: il n'y a pas d'ignominie par où on ne puisse le faire passer.“

Montalembert.

Вообще говоря, изъ числа „почтенныхъ людей“... Позвольте, впрочемъ, не лишнимъ будетъ сказать, что̀ послужило поводомъ къ наблюденіямъ надъ почтенными людьми.

Года два назадъ, случилось мнѣ послать въ лавочку купить стеариновую свѣчку; ее принесли завернутую въ листѣ, исписанномъ тѣмъ четкимъ почеркомъ, который называютъ обыкновенно канцелярскимъ. Съ первыхъ же строкъ рукопись возбудила мое любопытство; она заключалась въ слѣдующемъ:

„...Никогда не забыть мнѣ этого вечера! Онъ врѣзался неизгладимыми чертами въ моей памяти: насъ собралось человѣкъ тридцать, съ цѣлію составить подписку и основательно обсудить, кому заказать серебряный кубокъ, который рѣшено было поднести „въ знакъ признательности“ начальнику, отставленному отъ должности за неспособность; такъ по крайней мѣрѣ разсказывали. Намъ очень хорошо извѣстно было, что это служило ему въ то же время наградой и повышеніемъ, потому-что ему давали

мѣсто несравненно болѣе значительное прежняго. Тѣмъ не менѣе, слухи о его неспособности, сдѣлавшіеся, такъ сказать, офиціальными, глубоко оскорбляли насъ и самымъ невольнымъ образомъ повергали общество въ состояніе, близкое къ унынію.

„Въ первую минуту, когда предложена была подписка, лица присутствующихъ изобразили отрадное воодушевленіе; помнится, начались горячія пренія, споры, увѣщанія съ одной стороны, крики и даже брань съ другой; но потомъ, когда чинъ, имя, отчество и фамилія послѣдняго изъ насъ занесены были на листъ и дѣло съ кубкомъ рѣшено было отдать Сазикову,—все какъ рукой сняло; воодушевленіе уступило мѣсто сосредоточенному раздумью, лбы нахмурились, и общество погрузилось въ молчаніе. Взглянувъ на насъ, можно было думать, что тутъ собрались не чиновники, но лица, „заѣденныя горькой средой“, короче сказать, такія лица, которыя, говорятъ, нынѣ въ большой модѣ. Скука была смертельная; чтобы покончить съ нею, двое-трое взялись уже за шляпы. Въ самую эту минуту, одинъ изъ присутствующихъ, молодой человѣкъ, только-что опредѣлившійся на службу, выступилъ впередъ, обвелъ глазами общество и обратился къ намъ съ такими словами: „Мнѣ кажется, господа, мы слишкомъ уже предаемся меланхоліи... чтобы разсѣять ее, предложу вамъ вопросъ, который давно вертится у меня на языкѣ: вамъ, безъ сомнѣнія, знакома общая всѣмъ намъ способность умиляться передъ тѣмъ, что̀ въ сущности не заслуживаетъ плевка,—и главное: извѣстна та непомѣрная щедрость, съ какою готовы мы всегда надѣлять эпитетами: *почтенный*, *многоуважаемый*, *достойный*, и пр., — такихъ людей, которые не стоятъ выѣденнаго яйца... Желалъ бы я спросить васъ, милостивые государи, изъ какого источника вытекаютъ такія свойства?!...“

„Не могу вамъ передать, какъ непріятно подѣйствовала на меня эта выходка. Начать съ того, она была совершенно неумѣстна и, вдобавокъ, принадлежала человѣку, который былъ по лѣтамъ и чину моложе присутствующихъ и долженъ бы былъ держать себя скромнѣе всѣхъ. Наконецъ, самоувѣренность тона, что-то задорное и непочтительное, лежавшее въ основаніи предложеннаго имъ вопроса, — все это не заслуживало отвѣта. Къ сожалѣнію, не всѣ раздѣляли мой образъ мыслей. Нашлись люди, которые не постыдились возражать молодому выскочкѣ;

слово за словомъ, завязался общій разговоръ и, къ великому моему удивленію, въ немъ приняли участіе даже тѣ, на которыхъ привыкъ я смотрѣть съ уваженіемъ. Удивленіе мое возросло еще болѣе, когда я сталъ прислушиваться: одни приписывали щедрость въ отношеніи къ хвалебнымъ эпитетамъ—нравственной распущенности, другіе видѣли въ этомъ лѣнь; третьи — отсутствіе того начала, изъ котораго составляется общественное мнѣніе; четвертые основывали все на добродушіи, которое смѣясь называли: перележавшимъ гороховымъ киселемъ... да, это ихъ собственное выраженіе! И представьте, хоть бы одинъ высказалъ настоящую причину, хоть бы одинъ нашелся объяснить все это великодушіемъ, столь свойственнымъ нашей природѣ!

„Быть-можетъ, я отсталъ отъ того, что̀ принято теперь называть прогрессомъ и современнымъ развитіемъ; но все равно, я сохраню до гробовой доски свои убѣжденія, я твердъ въ нихъ и горжусь ими! Еще въ дѣтствѣ, читая старинныя хрестоматіи, я всегда съ жадностью пробѣгалъ глазами страницу, гдѣ опредѣлялся характеръ народовъ:

Испанецъ—гордъ.
Французъ—легкомысленъ.
Итальянецъ—страстенъ.
Турокъ—ревнивъ.
Нѣмецъ—разсудителенъ.

и т. д., и когда доходилъ до опредѣленія: „Русскій—великодушенъ“, я гордо подымалъ голову, сердце мое билось сильнѣе, и слезы невольно струились по щекамъ моимъ.

„Всосавъ, такъ сказать, съ молокомъ подобное убѣжденіе, я, какъ вы можете себѣ представить, не могъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ того, что̀ говорилось въ настоящую минуту; сердце мое вскипѣло отъ негодованія; я открылъ уже ротъ, чтобы высказать свое мнѣніе, но въ эту минуту выступилъ нашъ совѣтникъ, и я поневолѣ долженъ былъ замолкнуть.

„Предоставляю вамъ судить о моихъ чувствованіяхъ, когда я услышалъ слѣдующее:

„Милостивые государи“, сказалъ совѣтникъ голосомъ, покрывшимъ на минуту всѣ голоса (съ первыхъ его словъ и движеній я могъ заключить, что онъ, такъ же какъ и я, затронутъ за живое), „милостивые государи! Прислушиваясь къ сужденіямъ вашимъ по поводу вопроса...

страннаго вопроса... скажу болѣе, не совсѣмъ умѣстнаго вопроса, предложеннаго здѣсь молодымъ человѣкомъ, я, признаюсь, отказывался вѣрить ушамъ своимъ... Какъ! вы приписываете лѣности, нравственной распущенности и т. д. такія свойства нашего характера, которыя, можно сказать, служатъ лучшимъ его украшеніемъ! Да, милостивые государи, лучшимъ украшеніемъ! скажу болѣе: приносятъ намъ величайшую честь, потому-что настоящій источникъ этихъ свойствъ не лѣность, не распущенность, какъ вамъ угодно было выразиться, но то широкое, то безграничное великодушіе, которымъ природа, столь щедрая всегда въ дарахъ своихъ, такъ обильно надѣлила душу каждаго изъ насъ! Отвергать этого вы не можете, милостивые государи, ни въ какомъ случаѣ не можете! Не можете вслѣдствіе того же самаго великодушнаго свойства, которое, я убѣжденъ, кроется въ сердцѣ каждаго изъ васъ!! Неужели то, что̀ ежедневно свершается въ глазахъ вашихъ, не достаточно подтверждаетъ слова мои? Неужели, говоря объ этомъ, мнѣ нужно прибѣгать къ доказательствамъ?..." („Прибѣгайте! Прибѣгайте!" раздалось нѣсколько голосовъ; я взглянулъ на совѣтника: въ жизнь свою не видалъ я лица, сіявшаго болѣе благороднымъ чувствомъ.) „Доказательствъ!" воскликнулъ совѣтникъ, воодушевляясь и простирая впередъ руку: „доказательствъ!—они вездѣ, всюду, во всемъ, милостивые государи! Да, во всемъ!! Что̀ скажете вы, напримѣръ, касательно общаго похвальнаго стремленія занимать видныя мѣста на службѣ отечества, — приносить для этой цѣли всевозможныя жертвы, тратить деньги, унижаться передъ людьми, которыхъ часто не уважаешь,—и все это—имѣя въ виду только пользу отечества? Что̀ скажете вы о благородствѣ, съ какимъ вообще всѣ начальствующія лица отказываются отъ собственныхъ интересовъ въ пользу подчиненныхъ и нижнихъ чиновъ, ввѣренныхъ ихъ отеческому попеченію? Какое заключеніе выведете вы изъ того стократъ счастливаго случая, который занесъ меня въ провинцію на выборы ратниковъ во время крымской кампаніи? Я видѣлъ собственными глазами, какъ многіе изъ богатыхъ помѣщиковъ, удостоенные чести выбора въ ополченцы, въ защитники отечества, великодушно уступали мѣста свои бѣднѣйшимъ изъ своихъ собратовъ и даже потомъ награждали ихъ деньгами! Что̀ доказываетъ все это?! Но зачѣмъ

итти такъ далеко? Возьмемъ хоть то обстоятельство, которое соединило всѣхъ насъ здѣсь, въ этой залѣ. Нашъ начальникъ (голосъ совѣтника понизился; онъ очевидно былъ тронутъ и не могъ громко выговаривать слова) лишается мѣста и въ то же время получаетъ другое, которое несравненно почетнѣе и даже выгоднѣе перваго! Что̀ жъ это такое, если не великодушіе? (Правда! Правда! закричало нѣсколько человѣкъ). Требуются ли еще новыя доказательства, милостивые государи? продолжалъ благородный ораторъ, — требуются ли они?.. И наконецъ, милостивые государи, позвольте замѣтить: отвергая такъ легкомысленно присутствіе въ насъ великодушія, вы сами себѣ жестоко противорѣчили! Сколько разъ, при мнѣ, каждый изъ васъ давалъ эпитетъ *почтеннаго*, основываясь на томъ только, что у человѣка сѣдые волосы, и не разбирая того, что онъ шуллеръ и взяточникъ; сколько разъ, руководимые благороднымъ порывомъ души, говорили вы и писали: *достойный*, *многоуважаемый* такому господину, вся заслуга котораго состояла только въ томъ, что у него было много дѣтей!.. Наконецъ, не съ каждымъ ли изъ насъ, и чуть ли не каждый день, повторяется такое обстоятельство: сидимъ мы у себя дома или въ гостяхъ; рѣчь идетъ, положимъ, о какомъ-нибудь Петрѣ Петровичѣ. — Негодяй! говоритъ одинъ. — Отъявленный мерзавецъ! подхватываетъ второй. — Представьте... начинаетъ третій, и тутъ же разсказываетъ такой фактъ о Петрѣ Петровичѣ, что мурашки пробѣгаютъ по тѣлу. Въ самую эту минуту, въ дверяхъ показывается Петръ Петровичъ, и что жъ? Мы все забываемъ въ ту же секунду, бросаемся къ нему навстрѣчу, кричимъ: почтенный Петръ Петровичъ! сажаемъ его подлѣ себя, жмемъ ему руку и предлагаемъ карточку!.. Что̀ же это такое, какъ не избытокъ того великодушія, которое, позвольте мнѣ повторить, составляетъ основу и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее украшеніе каждой истинно-возвышенной души!?!...“

„При послѣднихъ словахъ я долѣе уже не могъ владѣть собою; слезы хлынули изъ глазъ моихъ и, чтобы скрыть ихъ, я поспѣшилъ взять шляпу и выбѣжалъ изъ собранія...“

Здѣсь оканчивался листъ.

Признаюсь чистосердечно, чтеніе это было для меня чѣмъ-то въ родѣ „новаго слова“, — того самаго новаго слова, которое высказалъ А. Григорьевъ въ давнемъ *Москвитянинѣ;* оно мигомъ расширило мой кругозоръ и пере-

ставило мою точку зрѣнія въ отношеніи къ самому себѣ и всему меня окружающему. Я не подозрѣвалъ въ себѣ столько великодушія, или, скорѣе, столько нравственной распущенности, потому что доводы, представленные почтеннымъ совѣтникомъ, показались мнѣ скорѣе пристрастными, чѣмъ справедливыми.

До сихъ поръ мнѣ въ голову не приходило давать какое-нибудь значеніе эпитетамъ: „почтенный, многоуважаемый“ и проч.; я разсыпалъ ихъ по привычкѣ встрѣчному и поперечному; мало того: стоило назвать кого-нибудь при мнѣ „почтеннымъ“, я совершенно удовлетворялся такимъ опредѣленіемъ. „Почтенный“, думалъ я, „чего же больше? этимъ все сказано; господинъ этотъ заслуживаетъ отнынѣ и во вѣкъ полнаго моего уваженія?“ Успокоивая себя такимъ образомъ въ отношеніи къ почтеннымъ людямъ, изъ которыхъ состояло тогда для меня чуть ли не все человѣчество, я рисковалъ окончательно притупить свои наблюдательныя способности.

Прочитавъ рукопись, я съ того же дня далъ себѣ слово воздержаться отъ тупоумной довѣрчивости. Какъ только раздавалось подлѣ меня слово: „почтенный“, я настараживалъ уши какъ заяцъ, заслышавшій лай;—какъ молодой, или, все равно, старый писатель, который, войдя въ кофейную, наполненную народомъ, старается прислушаться къ сужденіямъ о его произведеніи, только-что напечатанномъ. Стоило спросить мнѣ: „кто этотъ господинъ?“ и получить въ отвѣтъ: „почтенный человѣкъ!“—я начиналъ уже подробно о немъ спрашивать, старался дать себѣ ясный отчетъ въ его дѣйствіяхъ, старался подбиться къ нему ближе, съ тѣмъ, чтобъ окончательно увѣриться, насколько онъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ почтенія.

Занятіе это увлекло меня. Мало-по-малу „почтенный человѣкъ“ сдѣлался моею спеціальностью. Я наблюдалъ его въ домашнемъ быту, на улицѣ, въ общественной жизни, на поприщѣ гражданской и военной службы.

Результатъ моихъ наблюденій былъ такого свойства, что прежнія мои вѣрованія положительно опрокинулись навзничь.

Теперь уже ясно для меня: какъ не все то золото, что̀ блеститъ, такъ не все то почтенно, что̀ носитъ такое названіе! Мысль стара, если хотите; но что̀ же новаго подъ луною, если не считать мыслей и взглядовъ, заложенныхъ въ основаніе нашихъ журналовъ!

Такъ-какъ я каждый вечеръ записываю свои наблюденія, то у меня самымъ незамѣтнымъ образомъ составилась толстѣйшая рукопись. Современемъ, я издамъ ее въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ: *Изслѣдованія о почтенныхъ людяхъ на поприщѣ гражданскомъ и въ частной жизни.*

Я преднамѣренно выпустилъ изъ нея все, что̀ тамъ говорится о лицахъ дѣйствительно почтенныхъ. Выставляя ихъ въ контрастъ „сомнительнымъ или несостоятельнымъ почтеннымъ людямъ“, я думалъ сначала этимъ способомъ достигнуть двухъ цѣлей: принести должную дань уваженія первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придать вторымъ больше рельефности. Разсудивъ, однакожъ, я нашелъ, что это будетъ совершенно лишнее: истинно почтенные люди не нуждаются въ защитѣ и даже уваженіи частныхъ лицъ; они совершенно довольствуются общественнымъ уваженіемъ; всякая похвала даже противна имъ, сколько я замѣтилъ. Что̀ же касается до „несостоятельныхъ почтенныхъ людей“, они сами по себѣ довольно ярки и выпуклы.

Не странно ли думать, однакожъ, что лица эти, несмотря на свою очевидную яркость, проскользали до-сихъ-поръ, такъ сказать, незамѣтно, или, по крайней мѣрѣ, мало останавливали на себѣ вниманіе наблюдателя!

Иначе, согласитесь, съ какой стати стали бы ихъ такъ часто мѣшать съ лицами точно почтенными, стали бы ихъ ставить на одну доску, давать имъ въ обществѣ одинаковое положеніе?

Вопросъ, очевидно, такъ важенъ, что давно требуетъ разрѣшенія.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же награда истинной добродѣтели, когда поминутно и съ такимъ легкомысліемъ навязываютъ ее встрѣчному и поперечному? Этимъ способомъ добродѣтель скоро потеряетъ всю свою цѣну. Это особенно обидно въ послѣднее время, когда, какъ нарочно, все дорожаетъ — даже самые обиходные, грубые жизненные предметы. Вы проживаете годы, не видите серебрянаго рубля, между тѣмъ какъ не проходитъ такого дня, чтобы не встрѣтить нѣсколько добродѣтельныхъ почтенныхъ людей.

Избытокъ одного и недостатокъ другого, — воля ваша, что-то подозрительно.

Скромно надѣемся, что книга наша, указывая, въ чемъ состоитъ, по нашему мнѣнію, несостоятельность многихъ почтенныхъ людей, удешевитъ ихъ въ глазахъ читателя

и тѣмъ самымъ возвыситъ тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ названія „почтенныхъ".

Для образчика приведемъ отрывокъ подъ названіемъ:

„Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ".

Общія черты.

Лица, составляющія категорію „почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ", такъ многочисленны, оттѣнки, отличающіе ихъ другъ отъ друга, такъ разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ физіономію положительными чертами, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ нашихъ паспортахъ; скажутъ: „лицо круглое, носъ прямой, подбородокъ круглый, ротъ круглый, глаза сѣрые",—и типъ русскаго человѣка бросается вамъ въ глаза словно отпечатанный.

Наконецъ, для насъ не столько нужна точность физическаго портрета, сколько нравственнаго.

Касательно внѣшности, достаточно будетъ сказать, что „почтенному человѣку, обремененному многочисленнымъ семействомъ", бываетъ обыкновенно отъ сорока-пяти лѣтъ до семидесяти-пяти. Встрѣчаются, конечно, исключенія: есть люди, которые такъ рано женятся! Есть также старички, которые, перейдя даже за семидесятилѣтній возрастъ, сохраняютъ столько еще свѣжести и силы, что дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и такимъ образомъ принимаютъ на себя всю отвѣтственность въ своихъ поступкахъ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе, вступаютъ въ категорію „несостоятельныхъ" тогда только, когда дѣйствія ихъ отвѣчаютъ слѣдующей аксіомѣ: „каждый смертный, обремененный семействомъ, пользуется по всей справедливости названіемъ *почтеннаго* и неприкосновененъ до тѣхъ поръ, пока не проникается убѣжденіемъ, что многочисленность семейства даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе общества и на полученіе доходнаго казеннаго мѣста".

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что такъ-какъ одни достаточные люди могутъ не тяготиться семействомъ и обойтись безъ мѣста, — стоитъ быть бѣднымъ, чтобы поступить въ разрядъ „несостоятельныхъ".

Вовсе не такъ.

Напротивъ, чѣмъ бѣднѣе семейный человѣкъ, тѣмъ

меньше у него шансовъ быть „несостоятельнымъ". Какъ только самъ онъ не виноватъ въ своей бѣдности, онъ можетъ хлопотать о мѣстѣ сколько ему угодно, можетъ прибѣгать къ покровительству сильныхъ міра сего, можетъ даже, если найдетъ полезнымъ, трогать чувствительныя сердца частымъ повтореніемъ фразы: „обремененъ многочисленнымъ семействомъ!" Крайность, нужда въ кускѣ хлѣба служатъ ему прямымъ оправданіемъ.

Когда бѣдный семьянинъ, получивъ мѣсто, перестаетъ канючить, довольствуется своимъ положеніемъ и, чтобы сохранить его, начинаетъ работать какъ лошадь, онъ прямо уже переходитъ въ разрядъ истинно-почтенныхъ людей, достойныхъ всякаго уваженія.

Въ первоначальной рукописи приведено было множество такихъ примѣровъ; но, какъ уже сказано, я выбросилъ ихъ, чтобы спеціально заняться лицами, которыя, бывъ совершенно обезпечены, идутъ тѣмъ не менѣе по стопамъ бѣдняковъ и дѣйствуютъ на основаніи вышеприведенной аксіомы. Но этого еще мало: чтобы попасть въ самый центръ круга „сомнительныхъ", необходимо преслѣдовать свою цѣль съ особымъ упорствомъ, необходимо пускать въ ходъ интриги, давать взятки, краснорѣчиво говорить о собственномъ достоинствѣ и добродѣтеляхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тереться въ переднихъ, ползать и унижаться передъ сильными, необходимо сознавать собственное свое превосходство, какъ человѣка просвѣщеннаго, передъ бѣднякомъ, и оскорбляться тѣмъ, что онъ осмѣливается идти по одной дорогѣ съ вами; а главное, необходимо искать мѣста съ тѣмъ, чтобъ оно служило ступенью къ другимъ мѣстамъ, чтобы на всѣхъ этихъ мѣстахъ получать какъ можно больше жалованья и ровно ничего не дѣлать.

Послѣднее соображеніе даетъ уже право на генеральскій чинъ въ категоріи „несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ".

Они представляютъ, такъ сказать, совершеннѣйшій антиподъ тѣхъ, которые стремятся занять мѣсто съ цѣлью работать и быть полезными; впрочемъ, такъ какъ послѣдніе легко еще могутъ заблуждаться насчетъ себя, могутъ основывать свои стремленія на личномъ самолюбіи и тщеславіи, вѣрнѣе будетъ сказать, что первые антиподъ тѣхъ, которыхъ въ ту или другую должность призываетъ общество, имѣющее несомнѣнныя доказательства въ ихъ способностяхъ, опытѣ, трудолюбіи и знаніи дѣла.

„Несостоятельные“, кромѣ независимаго состоянія, должны еще имѣть нѣкоторое общественное положеніе.

Это ясно.

Извѣстно, что сермяга, лохмотья, прорванные локти дѣйствуютъ болѣе на улицахъ, даже въ глухихъ переулкахъ, чѣмъ въ пріемныхъ и раззолоченныхъ салонахъ сильныхъ міра сего; имъ даже въ голову не можетъ придти туда затесаться.

Можно сказать безъ преувеличенія: нѣтъ почти общественнаго положенія, которое не давало бы своего числа индивидуумовъ въ категорію „несостоятельныхъ почтенныхъ людей“. Между ними въ изобиліи встрѣчаются помѣщики, домовладѣльцы, лица отставныя, служащія по разнымъ вѣдомствамъ, литераторы, музыканты, ученые и даже художники.

Здѣсь слѣдовало бы, по-настоящему, приложить таблицу, которая сразу опредѣляла бы, какое именно изъ этихъ общественныхъ положеній даетъ болѣе обильную цифру „несостоятельныхъ“; но пока еще нельзя этого сдѣлать. Вообще у насъ нигдѣ такъ не легко сбиться съ толку, какъ въ точномъ опредѣленіи общественнаго положенія. Не на каждомъ ли шагу встрѣчается, напримѣръ, такое обстоятельство:

— Кто этотъ господинъ? спрашиваете вы.

— N. N., литераторъ (или все равно, живописецъ).

— Такъ это онъ! Я много слышалъ о немъ и его семействѣ отъ одного помѣщика, который сосѣдъ ему по имѣнью. N. N., стало быть, не только литераторъ, но еще и помѣщикъ?..

— Да; но онъ рѣдко бываетъ въ своемъ помѣстьи.

— Отчего же? Тамъ бы, кажется, всего лучше было ему работать...

— А служба!

— Какая служба?

— Да вѣдь онъ служитъ въ министерствѣ!..

— Изъ какого же рожна онъ служитъ, прости Господи! Вѣдь онъ помѣщикъ и сверхъ того еще литераторъ: онъ зарабатываетъ деньги трудомъ и кромѣ того получаетъ доходы съ имѣнія; чего жъ ему еще?..

— Да, конечно... но, знаете, надо вникнуть въ его обстоятельства: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ...

Прошу сказать послѣ этого, къ какому общественному

положенію причислить N. N.? Что онъ, литераторъ, помѣщикъ или чиновникъ?

Примѣчаніе. Семейные литераторы на службѣ преимущественно принадлежатъ къ разряду „несостоятельныхъ". Кромѣ того, что литературный трудъ при талантѣ или трудолюбіи отлично теперь вознаграждается, литераторъ-чиновникъ подбивается всегда къ такому мѣсту, которое, прибавляя въ его жизни значительную долю комфорта, не отрывало бы его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ поэтическихъ занятій. Замѣчено также, что служащій литераторъ болѣе другихъ раздражается, негодуетъ и считаетъ вопіющею несправедливостью, когда осмѣливаются его безпокоить служебными обязанностями, возлагаемыми на него крупнымъ жалованьемъ.

Гдѣ, на какой почвѣ, въ какихъ пространствахъ дѣйствуютъ по преимуществу „сомнительные почтенные люди"?

На это отвѣчать не трудно: отъ невскихъ береговъ до величаваго Эльбруса и даже дальше; отъ западныхъ нашихъ границъ вплоть до устья Амура.

Москва и, особенно, Санктъ-Петербургъ служатъ главнымъ театромъ дѣйствій.

Не имѣя возможности распространиться подробнѣе, раздѣлимъ общую семью „несостоятельныхъ" на три главные разряда: 1) *неслужащіе*, 2) *тѣ, которые въ отставкѣ*, 3) *состоящіе на дѣйствительной службѣ.*

I.

Неслужащіе.

Передъ нами разстилаются во всѣ стороны неоглядныя поля; рожь давно выколосилась и переливается изъ края въ край золотыми волнами; надъ нею, въ голубомъ небѣ, звонко, весело заливаются жаворонки; теплый вѣтерокъ сладко щекочетъ ноздри нѣжнымъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ. Но что̀ значитъ этотъ ароматъ передъ тѣмъ, который носится надъ палисадникомъ помѣщичьяго дома? Домъ виднѣется въ сторонѣ отъ деревни и тѣшитъ глазъ своею красною тесовою крышкой, выступающею на темномъ фонѣ стараго липоваго сада. Какой милый, привлекательный видъ! Широкій балконъ защищенъ отъ солнца полосатыми маркизами; вы сходите шестью ступенями въ палисадникъ; оттуда открывается видъ на луга и прудъ съ наклоненными головастыми ветлами...

Пріятное впечатлѣніе нимало не нарушается при входѣ въ домъ; напротивъ того, хозяйка дома — милѣйшая изъ женщинъ; хозяинъ — добрѣйшій изъ людей; васъ обступаетъ толпа дѣтей, одинъ привлекательнѣе другого. Съ перваго взгляда вы убѣждаетесь, что жизнь проходитъ здѣсь въ мирѣ, довольствѣ, счастіи. Васъ ведутъ въ гостиную и усаживаютъ на мягкій диванъ; вокругъ разсыпаны въ изобиліи кипсеки, изящныя бездѣлушки, картины, обличающія тонкій вкусъ и высокую степень просвѣщенія.

Но не станемъ распространяться о жизни помѣщика; къ чему повторять то, что̀ столько разъ и притомъ съ такою поразительною вѣрностію описывалось нашими повѣствователями?

Разъ, въ этомъ домѣ, даже въ этой самой гостиной, происходитъ такой разговоръ:

— Сколько всего-на-все получаемъ мы въ годъ доходу? спрашиваетъ жена.

— Если считать сады и мельницу, выйдетъ около пяти тысячъ, возражаетъ мужъ, устремляя грустный взглядъ черезъ дверь въ палисадникъ, облитый солнцемъ, — какъ видишь, продолжаетъ онъ, — съ такими деньгами намъ невозможно жить въ Москвѣ или Петербургѣ и пользоваться всѣмъ, чѣмъ здѣсь пользуемся; здѣсь мы живемъ соотвѣтственно нашему положенію; тамъ, съ тѣми же средствами, принуждены будемъ жить чуть ли не бѣдняками!.. А между тѣмъ, переѣхать необходимо; ты сама это знаешь: необходимо оставить этотъ домъ, который такъ милъ, необходимо проститься съ тихою жизнію, которая намъ обоимъ такъ по сердцу! Мы должны принести эту жертву для дѣтей... Ты, конечно, хорошо приготовила Катю и Машу, но обѣ уже въ такомъ возрастѣ, что имъ необходимъ фундаментальный учитель музыки; необходимъ также учитель англійскаго языка (теперь это неизбѣжно, всѣ учатся по-англійски), также учитель танцевъ; cela développe! Что жъ касается Пети и Васи, ими тоже пора серьезно заняться; я, конечно, готовъ былъ бы отдать ихъ въ пансіонъ, къ какому-нибудь хорошему учителю, который взялся бы приготовить ихъ основательно, готовъ былъ бы разстаться съ ними...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! съ жаромъ перебиваетъ жена.

— То-то и есть! И тебѣ больно, и мнѣ также. Изъ этого слѣдуетъ, что надо ѣхать въ столицу; но какъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ... Какъ тамъ жить при нашихъ

теперешнихъ средствахъ?.. Другого выхода нѣтъ, какъ поступить на службу и занять какое-нибудь мѣсто...

— Какое же мѣсто? спрашиваетъ жена.

— Все равно, мой другъ: все равно, лишь бы только отвѣчало оно моему общественному положенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяло при нашихъ обстоятельствахъ сводить концы съ концами...

Прислушиваясь къ такимъ разговорамъ, сколько разъ восклицалъ я внутренно: „Остановись, милѣйшій изъ людей! Остановись, не досказывай послѣдней мысли!! Разсуди, что любое мѣсто, которое ты такъ случайно займешь, требуетъ своего рода знанія и дѣятельности; подумай, что нѣтъ мѣста, которое не отвѣчало бы какой-нибудь общественной или государственной потребности, что̀ въ сущности одно и то же; не приготовленный удовлетворить этой потребности, ты выполнишь ее криво и косо, вѣроятно, совсѣмъ не выполнишь, и это будетъ еще лучшее изъ того, что̀ ты сдѣлаешь! Съ твоими пятью тысячами доходу, дѣти твои получатъ прекрасное образованіе; не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу дѣтей бѣдныхъ родителей, которые отлично воспитаны и образованы? Не часто ли видимъ мы, что чѣмъ больше стоили дѣти, тѣмъ меньше стоятъ они впослѣдствіи! Понимаю, что тебѣ грустно разстаться съ удобствами и комфортомъ, тебя окружающими; даже глубоко сочувствую этому; но какъ быть? пожмись немножко, поубавь барской спеси, принеси эту жертву для дѣтей, какъ самъ ты прекрасно выразился!..“

Вы спросите, можетъ-быть, почему я восклицалъ только внутренно и не высказывалъ своихъ мыслей явно друзьямъ моимъ?

Пробовалъ, неоднократно пробовалъ; но это обыкновенно ни къ чему не вело, или вело къ тому, что въ дружескія наши отношенія проникла такая порція холоду, которая окончательно ихъ замораживала.

Попробуйте-ка итти противъ убѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ!—убѣжденій, которыя состоятъ въ томъ, что мѣста существуютъ исключительно для поправленія нашихъ домашнихъ обстоятельствъ; что казна и общество, располагающія мѣстами,—что-то въ родѣ богадѣленъ, гдѣ должны поить и кормить каждаго, кому только вздумается жить даромъ!

Все это столько разъ опрокидывало наповалъ собствен-

ныя мои убѣжденія, что я наконецъ упалъ духомъ и рѣшился никому ничего не говорить.

Иногда причина, заставляющая искать мѣсто, бываетъ такого рода:

Домъ, полосатыя маркизы, дѣти, палисадникъ, мягкій диванъ,—словомъ, вся внѣшняя и внутренняя обстановка могутъ, пожалуй, оставаться тѣ же; но только старшій сынъ Петенька ни за что̀ не хочетъ учиться. Онъ переходитъ изъ одного пансіона въ другой, оттуда къ учителямъ, а между тѣмъ малому минуло уже шестнадцать лѣтъ.

На семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ, наконецъ, опредѣлить его юнкеромъ; тутъ же, кстати, рѣшаютъ, что мальчикъ съ младенчества обнаруживалъ всегда военныя наклонности; папаша припоминаетъ, какъ обрадовался разъ Петя, когда ему подарили пушку, барабанъ и каску; бабушка утверждаетъ, что любимѣйшею игрой Пети были всегда оловянные солдатики; тётушка безъ слезъ припомнить не можетъ, какъ Петя всегда радовался, когда позволяли ему ѣздить верхомъ на сѣромъ коренникѣ и т. д. Проходитъ годъ, другой: Петя рѣшительно объявляетъ, что онъ скорѣе застрѣлится, чѣмъ останется служить въ пѣхотѣ; онъ во что̀ бы ни стало хочетъ быть уланомъ или гусаромъ.

— Петя, другъ мой, слабо, хотя тоскливо, возражаютъ отецъ и мать, — въ кавалеріи служить такъ дорого; мы не захотимъ, чтобы ты былъ хуже другихъ... и т. д.

Плачутъ, плачутъ, но покупаютъ лошадь, заказываютъ форму и дѣлаютъ походный несессеръ подъ аплике.

Все это, конечно, сто̀итъ много денегъ, — не считая тѣхъ, которыя втихомолку суетъ мать, и тѣхъ, которыя тратитъ отецъ, чтобы заплатить долги Петруши. А между тѣмъ, Маша и Катя подрастаютъ. Петя годъ-отъ-году убавляетъ приданое сестеръ. „Какъ быть? что̀ дѣлать?“ восклицаютъ нѣжные родители: „нынче молодежь стала такъ разсчетлива! Женихи не хотятъ уже довольствоваться прекраснымъ сердцемъ дѣвушки; ихъ не трогаетъ музыка, романсы и даже знаніе англійскаго языка; они говорятъ, что любовь безъ денегъ ничего больше, какъ пара лаковыхъ ботинокъ безъ подошвъ! Какъ ни бейся, слѣдовательно, надо искать мѣста!..“

Мѣсто получено.

Спустя нѣсколько времени, у васъ дѣло, судьба котораго въ рукахъ отца Петеньки, Маши и Кати. Съ пер-

выхъ же словъ открываете вы, что отецъ, не взирая на доброту его сердца, глупъ какъ барабанъ и не только ничего не можетъ рѣшить, но даже нарочно оттягиваетъ дѣло, чтобы надъ нимъ не трудиться.

„Что̀ же это значитъ!“ думаете вы. Но задавайте себѣ этотъ вопросъ хоть до второго пришествія, вы ровно ничего не рѣшите. Придетъ ли въ голову, что не захоти Петенька въ уланы и не нуждайся Маша съ Катей въ приданомъ, ничего бы этого не было; на этомъ мѣстѣ сидѣлъ бы другой господинъ, который, можетъ-быть, сразу бы рѣшилъ ваше дѣло!

Бываетъ также вотъ какъ: папенька и маменька столько же заботятся о Петѣ, Машѣ и Катѣ, сколько слонъ о лайковыхъ перчаткахъ. Дѣти растутъ какъ грибы, съ тою только разницей, что вторые произрастаютъ въ лѣсу, тогда какъ первыя въ домѣ. Они отлично ѣдятъ, пьютъ и спятъ, съ тѣмъ чтобы по выходѣ изъ родительскаго дома точно такъ же умѣть ѣсть, пить, спать и родить дѣтей. Мыслительныя и духовныя способности маменьки поглощены нарядами. Когда что-нибудь не по ней, она, не говоря худого слова, даетъ оплеушины своимъ горничнымъ (теперь, впрочемъ, это выводится; какъ ни трудно побѣждать старыя привычки и обуздывать свои порывы, но, надо правду сказать, въ обузданіи ихъ виденъ уже нѣкоторый прогрессъ). Папенька, съ своей стороны, любитъ задавать пирушки. Можно думать, онъ бьетъ на то, чтобъ его выбрали въ предводители дворянства; ничуть не бывало! Въ немъ нѣтъ служебнаго тщеславія и на маковую росинку; онъ попросту человѣкъ весь на распашку, хлѣбосолъ, широкая натура; или онъ въ гостяхъ, или у него гости; пирушки смѣняются пирушками; сегодня всѣ у него на кулебякѣ, завтра онъ на разварной стерляди. „Деньги — навозъ, тогда только и приносятъ пользу, когда ихъ разбрасываютъ!“ говоритъ онъ, хотя и не читалъ политической экономіи. Наступаютъ выборы, надо ѣхать, а денегъ нѣтъ,—закладывай деревню! Наступаютъ именины жены, званъ весь уѣздъ, обѣщанъ балъ, а денегъ нѣтъ, — продавай рощу! и т. д. Въ одинъ прекрасный день открывается, что въ долгъ никто уже не вѣритъ и перекусить нечего; продавать, закладывать также нечего. Словомъ, какъ говорится: позавтракали трюфлями, пообѣдали хлѣбомъ, пришлось ужинать стаканомъ воды.

— Мой другъ, мы разорены! восклицаетъ жена, заламывая отчаянно руки и обливаясь потоками слезъ.

— Успокойся, душенька!.. Успокойся ради самого неба! нѣжно возражаетъ супругъ,—дѣла наши, конечно, очень плохи, но положеніе наше еще не безвыходное!.. Мы всю нашу жизнь кормили и поили уѣздъ; насъ не оставятъ!.. Скоро выборы, буду хлопотать о мѣстѣ, и заранѣе тебѣ ручаюсь за успѣхъ!..

Послѣ выборовъ являетесь вы въ общество сосѣдей, только что пріѣхавшихъ изъ губернскаго города (у всѣхъ еще горло хрипитъ отъ криковъ и желудки разстроены отъ обѣдовъ).

— Кого выбрали въ исправники? спрашиваете вы.

— Ананасова.

— Какъ, Ананасова? Того самаго Ананасова, который проѣлъ и пропилъ свое имѣніе? Онъ разорилъ свою деревню, а вы выбрали его устраивать уѣздъ! Всѣмъ извѣстно, что Ананасовъ безпутнѣйшій человѣкъ, и сверхъ того лѣнтяй и тунеядецъ перваго номера, какъ только дѣло нейдетъ объ обѣдѣ или травлѣ зайца...

— Конечно, возражаютъ вамъ,—что говорить! все это такъ; но съ другой стороны нельзя же... Онъ все-таки добрый, благородный человѣкъ... Притомъ, надо также взять въ расчетъ то обстоятельство: у него такое многочисленное семейство!..

Весь уѣздъ ломаетъ себѣ шею, подводы всюду завязаютъ, даромъ что мужички тщательно объѣзжаютъ всѣ мосты; въ продолженіе года по деревнямъ скрывается опасный бродяга, бѣжавшій изъ острога и котораго поймать никакъ не могутъ; дѣла земскаго суда лежатъ подъ спудомъ; вы говорите объ этомъ всѣмъ и каждому, указываете на Ананасова, который проводитъ дни, попивая чай съ лимономъ; намекаете на обѣды, которые онъ снова началъ задавать; не пропускаете даже того обстоятельства, что онъ завелъ уже садокъ съ налимами и стерлядями и занимается ими больше, чѣмъ своею службой; на все это отвѣчаютъ вамъ:

— Конечно, правда; но что жъ дѣлать, посудите: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ!..

Спускаясь ниже по ступенямъ помѣщичьей обстановки, мы встрѣчаемъ совершенно такіе же симптомы; разница въ томъ только, что тутъ скромнѣе требованія: все ограничивается мѣстомъ смотрителя магазиновъ, или непре-

мѣннаго члена, — помощника исправника. Этотъ непремѣнный членъ не напоминаетъ ли вамъ слѣдующаго: „Софронъ, что̀ ты дѣлаешь? — Ничего! — Ну, а ты, Антонъ, чѣмъ занимаешься? — Подсобляю Софрону!“ Но это мимоходомъ.

Былъ у меня пріятель, нѣкто Сюсюкинъ. Не долю его выпала очень миленькая деревушка душъ въ шестьдесятъ. Жить было бы очень можно. Но вмѣсто того, чтобы заняться устройствомъ Рожновки (такъ звали деревню), чего всѣ мы ждали, зная Сюсюкина за чадолюбиваго отца, онъ началъ съ того, что купилъ старшей дочери (ей было тогда семь лѣтъ) рояль, женѣ—прехорошенькій фаэтонъ, а для себя собственно завелъ три своры борзыхъ. Пріѣзжаетъ онъ разъ къ Петру Степановичу Люлюкову, родственнику, занимавшему въ уѣздѣ видное мѣсто.

— Послушай, Вольдемаръ, говоритъ ему Люлюковъ,— вѣрю, что ты разстроился; вѣрю, вполнѣ, братецъ, сочувствую твоему положенію; основываясь на этомъ, совѣтовалъ бы тебѣ послужить. Что̀ говорить! — скучно; ты не привыкъ стѣснять себя, но теперь мѣстечко бы тебѣ пригодилось...

— Какое же я могу занять мѣсто?..

— Конечно, для начала нельзя быть очень взыскательнымъ; начни съ маленькаго; оно прочиститъ тебѣ дорогу къ другому; оно дастъ мнѣ поводъ предложить тебя на выборахъ къ другой должности...

— Что жъ мнѣ дѣлать?..

— Возьми теперь пока мѣсто смотрителя сельскихъ магазиновъ...

— Въ чемъ же состоитъ эта обязанность?

— Получать жалованье! сказалъ Люлюковъ, лукаво подмигивая лѣвымъ глазомъ.

— Какъ? И больше ничего?

— Ничего рѣшительно!

И точно; съ полученіемъ мѣста, Сюсюкинъ точно канулъ въ воду; въ продолженіе двухлѣтней его службы, ни одинъ магазинъ не видалъ его въ глаза.

Разъ одному изъ такихъ небогатыхъ помѣщиковъ я сунулся было посовѣтовать заняться устройствомъ образцоваго постоялаго двора въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Меня дѣйствительно тронуло отчаянное положеніе, въ которомъ находилось его семейство, состоящее изъ жены, бабки, престарѣлой тещи и восьмерыхъ дѣтей, малъ-

мала-меньше. Боже, если бъ вы только видѣли, какъ онъ обидѣлся! На меня напустились даже и другіе сосѣди.

— Какъ?! Что̀ вы говорите?!.. Въ чемъ же тогда будетъ отличіе между дворяниномъ и простымъ дворникомъ? и т. д.

А между тѣмъ никто для него ничего не дѣлалъ. Потомъ уже узналъ я, что, когда онъ съ горя сдѣлался отчаяннымъ пьяницей, надъ нимъ сжалилась одна добрая душа и предложила его въ непремѣнные члены земскаго суда.

Переходя отъ помѣщиковъ къ дворянамъ-домовладѣльцамъ, мы встрѣчаемъ до такой степени одинаковые случаи, что рѣшительно считаемъ лишнимъ о нихъ распространяться. За рѣдкими исключеніями, домъ — тоже деревня; какъ здѣсь, такъ и тамъ, нравы, потребности, взглядъ на вещи остаются неизмѣнно тѣ же.

Считаю не лишнимъ замѣтить, однакожъ, что какъ первые, такъ и послѣдніе (не выключая изъ того числа ученыхъ и художниковъ, не служащихъ, но чающихъ опредѣлиться на службу), всѣ чувствуютъ въ равной степени неодолимое отвращеніе отъ частныхъ занятій, промышленности, службы по конторамъ, частнымъ заводамъ, фабрикамъ и т. д.; они съ одинаковымъ рвеніемъ хлопочутъ о казенномъ, или, какъ еще говорится, коронномъ мѣстѣ.

Оно и понятно.

Въ первомъ случаѣ волей-неволей надо работать; даромъ не дадутъ денегъ; чуть-чуть что̀, и откажутъ. Казенное мѣсто (въ этомъ собственно заключается главное убѣжденіе „несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ“), во-первыхъ, легче достать; во-вторыхъ, оно ни къ чему почти не обязываетъ. Того и смотри, дадутъ еще крестъ, аренду или пенсію.

Примѣчаніе. Одинъ господинъ, которому прочелъ я эту главу въ рукописи, сообщилъ мнѣ слѣдующіе два разговора, подслушанные имъ въ разныхъ концахъ нашего отечества; помѣщаемъ ихъ съ благодарностью:

— Милостивый государь, говорилъ промотавшійся помѣщикъ одному важному лицу, у котораго просилъ мѣста,—даю вамъ мое благородное дворянское слово!..

— Дайте лучше просто честное слово, это будетъ вѣрнѣе! перебилъ тотъ.

— Славное у меня мѣсто! сказалъ разъ нѣкто Бодасовъ своему пріятелю.

— Ты хочешь сказать: доходное!

— Ты привязываешься къ словамъ: не все ли это равно! весело возразилъ Бодасовъ.

II.

Отставные.

Не желая затруднять читателя многосложными выводами и опредѣленіями, скажемъ коротко и ясно, что въ категорію „отставныхъ-несостоятельныхъ почтенныхъ людей“ не входятъ:

Во-первыхъ, лица высшихъ общественныхъ положеній и тѣ также, которыя достигли извѣстныхъ уже степеней на служебномъ поприщѣ. Причина ясная: такія лица никогда почти не бываютъ въ чистой отставкѣ. Лишившись одного мѣста, они тотчасъ же получаютъ другое, часто несравненно лучше перваго. Примѣръ этого встрѣчаемъ мы въ началѣ этого очерка, и надѣемся, онъ не первый и не послѣдній.

Во-вторыхъ, лица, вышедшія въ отставку по своему желанію. Они или богаты, или руководились въ этомъ случаѣ особенными убѣжденіями. Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе тщательно избѣгаютъ службы, развѣ призоветъ ихъ къ тому само общество съ ясными доказательствами, какъ они для него необходимы.

Въ-третьихъ, лица, отставленныя не по своей винѣ.

Послѣднія у насъ чуть ли не исключеніе.

Нельзя же предполагать въ самомъ дѣлѣ такой уже страшный наплывъ способныхъ или превосходныхъ личностей, чтобы подъ конецъ ими вовсе не дорожили.

Остается, слѣдовательно, говорить о тѣхъ отставныхъ, которые, имѣя чѣмъ жить, не довольствуются своимъ состояніемъ и лѣзутъ изъ кожи, чтобы снова поступить на службу.

Первый взглядъ на индивидуума такого рода сопровождается всегда вопросомъ: „отчего онъ въ отставкѣ?..“

Вопросъ самымъ невольнымъ образомъ бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на человѣка.

Положимъ, онъ лишился мѣста не по своей винѣ.

Тогда является слѣдующее размышленіе:

Слухъ, молва, замѣняющія у насъ пока такъ успѣшно

газеты, даютъ оцѣнку въ своихъ кругахъ каждому дѣйствительно полезному человѣку. Молва сыщетъ его въ отставкѣ. Ему предложатъ сто частныхъ мѣстъ прежде, чѣмъ онъ подумаетъ просить ихъ.

— Какъ же могло случиться, что ты въ отставкѣ? спрашиваешь себя снова, и вмѣстѣ съ этимъ, самъ собою, приходитъ въ голову случай съ Самосвистовымъ.

— Тебя отставили? спросилъ N. N., встрѣтивъ на улицѣ Самосвистова.

— Да, и совершенно напрасно; даже глупо сдѣлали, что отставили: я только что устроилъ свои дѣла и готовился-было приняться за служебныя...

Отставные „сомнительные" рѣдко служили по гражданскому вѣдомству.

Сидѣніе ли на департаментскихъ и канцелярскихъ стульяхъ соединено уже съ тѣмъ, чтобы пріучать природу человѣка къ осѣдлости; мирныя ли бумажныя занятія способствуютъ къ тому, чтобы охлаждать темпераментъ и воображеніе, но только чиновникъ (за исключеніемъ развѣ экстренныхъ случаевъ) рѣдко выходитъ изъ колеи, въ которую разъ вдвинула его судьба. Онъ обращается къ пройденному поприщу безъ сожалѣнія, но и безъ злобы; поглядывая съ улыбкой кротости и умиленія въ будущее, онъ спокойно, безъ лихорадочной торопливости, двигается впередъ по предписанной ему дорогѣ. Дорога не всегда шоссейная, это правда; чины, разставленные по ней, какъ версты, постепенно затушевываются по мѣрѣ ихъ отдаленія; онъ, не унывая однакожъ, идетъ впередъ. Словомъ сказать, чиновникъ остается чиновникомъ до скончанія своего вѣка.

Исключенные изъ службы по своей винѣ (это обыкновенно или страшные тупицы, для которыхъ слѣдовало бы устроить особую богадѣльню, страннопріимный домъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, или положительно никуда уже не годные люди), они рѣдко ищутъ мѣста; тѣмъ рѣже это случается, чѣмъ долѣе сидѣли они на службѣ. Вообще замѣчено, что люди, привыкшіе къ воздуху и почвѣ департаментовъ и канцелярій, легко уподобляются тѣмъ растеніямъ, которыя не выносятъ пересадки, не уживаются на новой почвѣ; они положительно вянутъ, чахнутъ, большею частію спиваются съ кругу, гибнутъ или влачатъ презрѣнную жизнь, поддерживаясь на счетъ жены, которая съ дѣтьми клеитъ коробочки для аптекъ или

выпрашиваетъ подаяніе посредствомъ извѣстнаго рода писемъ.

Нужно ли говорить, что самый кровный, самый породистый типъ „отставныхъ сомнительныхъ людей обремененныхъ семействомъ", поступаетъ въ эту категорію прямо изъ служившихъ прежде въ военномъ вѣдомствѣ?

Вы узнаете такого субъекта по слѣдующимъ примѣтамъ, — не считая, конечно, упорнаго стремленія занять казенное мѣсто:

Онъ всегда въ нѣкоторомъ родѣ проливалъ кровь за отечество, и если въ отставкѣ, то причиной этому злые люди, личные враги, не разъ даже посягавшіе на его жизнь.

Онъ скорѣе готовъ будетъ, кажется, вычистить вамъ сапоги, чѣмъ показать свой формулярный списокъ.

Вы просите его объяснить, хоть приблизительно, какого рода желаетъ онъ мѣсто; ему совершенно все равно; онъ готовъ куда угодно,—лучшее доказательство, что онъ никуда не годенъ.

Онъ съ особеннымъ стараніемъ напираетъ всегда на фразу: „многочисленное семейство", и придаетъ ей особенно чувствительную интонацію.

Слушая его, можно думать, что общество, правительство, наконецъ вы сами виноваты отчасти, что у него такъ много дѣтей.

Напрасно будете вы увѣрять его, въ этомъ нѣтъ особенной заслуги, что такое обстоятельство могло развѣ поощряться въ древнія времена ради вопроса заселенія или пожалуй и теперь, но только на пустынныхъ берегахъ Амура; онъ непоколебимо останется при убѣжденіи, что дѣти даютъ ему право на особенное вниманіе общества. Онъ будетъ настаивать на этомъ до тѣхъ поръ, пока вы не объявите рѣшительно, что не желаете встрѣчаться съ нимъ на пути жизни.

Но этимъ еще не кончится. Въ скоромъ времени (если только вы лицо вліятельное), вы получаете письмо отъ знакомаго господина или дамы (чаще отъ дамы); въ немъ говорится, что такой-то господинъ былъ у васъ, просилъ о мѣстѣ и безуспѣшно; васъ просятъ войти въ его положеніе и постараться опредѣлить его.

— Вы писали мнѣ о такомъ-то? спрашиваете вы, встрѣчая господина или даму, писавшихъ письмо.

— Да; вы его опредѣлили?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой вы, право, ужасный человѣкъ!

— Помилуйте, съ какой же мнѣ стати опредѣлять его! Что онъ, инвалидъ что ли?

— Нѣтъ, но у него такое многочисленное семейство.

— Старшія дѣти его, я справлялся, опредѣлены на казенный счетъ; объ остальныхъ я буду хлопотать; что-жъ касается до него, онъ можетъ работать.

— Помилуйте, ему уже пятьдесятъ лѣтъ! Какая тутъ работа!

— Начать съ того, что люди старѣе этого да работаютъ; во-вторыхъ, у него пенсія.

— Онъ говоритъ, что этого ему недостаточно...

— Ну, это его дѣло; зачѣмъ не умѣлъ онъ быть полезнымъ настолько, чтобъ остаться на службѣ...

— Фи, какой вы холодный человѣкъ!

Когда субъектъ такого рода достигаетъ довольно крупнаго чина, онъ очень охотно принимаетъ мѣсто управляющаго большимъ имѣніемъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, берется управлять заводомъ, снисходитъ даже до смотрителя большого казеннаго дома. Но положительно можно сказать, когда чинъ не великъ, любимѣйшимъ мѣстомъ „отставного несостоятельнаго“ всегда было, есть и будетъ мѣсто городничаго.

Назойливость, съ какою преслѣдуется должность городничаго, объясняется не прежде, какъ когда встрѣтите вы вашего просителя въ уѣздномъ городѣ, встрѣтите его жирнымъ, расплывшимся, сидящимъ на пролеткѣ, возимой лошадьми пожарной команды, и провожаемаго низкими, не столь почтительными, сколько робкими поклонами мѣстныхъ торгующихъ купчиковъ и мѣщанъ.

III.

Служащіе.

Обратимся снова къ важному лицу, о которомъ упоминается на первой страницѣ по поводу серебрянаго кубка.

Примѣръ этотъ, указывая только, съ одной стороны, какъ рѣдки въ настоящее время герои, способные добровольно отказываться отъ даровыхъ земныхъ благъ, объясняетъ, съ другой стороны, что недостаточно еще служить и даромъ получать жалованье, чтобы поступить въ категорію „несостоятельныхъ, служащихъ почтенныхъ лю-

дей“. Для этого необходимо еще не довольствоваться своимъ мѣстомъ, необходимо лично или черезъ посредство покровителей стремиться къ болѣе выгоднымъ назначеніямъ, если можно, стараться даже занять въ одно время два, три и болѣе мѣста.

Если предположить, что въ основаніе такого рода дѣйствій входитъ поговорка: „рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ ищетъ гдѣ лучше“, то прямо можно сказать, что „сомнительные почтенные люди“ руководствуются ложнымъ принципомъ.

Рыба, уходя въ глубину морскую, ищетъ какъ словно тишины, уединенія, спокойствія; такое стремленіе прямо даже говоритъ въ пользу ея мирныхъ наклонностей. Лежа на брюхѣ, пропуская воду черезъ жабры, проглатывая время отъ времени собрата, для поддержанія существованія, она въ сущности не приноситъ особенной пользы, но также не причиняетъ особаго зла; въ морѣ остается все столько же рыбы и столько же воды; Нептуну и другимъ морскимъ божествамъ все равно, слѣдовательно, опускается ли рыба въ глубину, или идетъ на поверхность моря; въ обоихъ случаяхъ она имъ ничего не стòитъ. Кто знаетъ также, быть-можетъ, вовсе не лѣнь и не любовь къ комфорту влекутъ рыбу на дно морской пучины; она ищетъ тамъ спасенія отъ лютаго врага, отъ хищной акулы; вотъ эта послѣдняя такъ всегда почти лѣзетъ вверхъ, всегда рыщетъ въ какомъ-то безпокойствѣ, всегда пучитъ глаза свои съ такимъ жаднымъ, ненасытнымъ видомъ, какъ-будто ей мало плавать въ одномъ морѣ,— нѣтъ, нельзя ли еще разомъ плескаться въ трехъ-четырехъ моряхъ.

Итакъ, если ужъ пошло на сравненіе съ рыбами, вѣрнѣе будетъ, кажется, сравнить служащихъ лицъ, стремящихся зацѣпить нѣсколько мѣстъ разомъ,—съ рыбой акулой.

Свойства совершенно тѣ же. Разница единственно въ томъ, что послѣдняя дѣйствуетъ въ морѣ, тогда какъ первые на сушѣ; разница, пожалуй, еще въ наружномъ видѣ.

Наружность двуногихъ акулъ представляется большею частію въ чрезвычайно отшлифованномъ, привлекательномъ видѣ. Ихъ отличаетъ солидная и въ то же время красивая поступь, пріятность манеръ и любезность; многіе могутъ даже служить образцами въ знаніи утонченныхъ свѣтскихъ пріемовъ.

Вы очарованы обращеніемъ великолѣпнаго Македонскаго, очарованы его казенною квартирой, отдѣланною со вкусомъ, дѣлающимъ величайшую честь штатному архитектору, служащему въ томъ же вѣдомствѣ; очарованы также дѣтьми Македонскаго, маленькими Македонскими, получающими такое изящное и фундаментальное образованіе въ казенныхъ заведеніяхъ; очарованы госпожею Македонской, успѣвшею еще сохранить поэтическую прелесть своего институтскаго воспитанія; но все это именно и ставитъ васъ втупикъ, когда узнаете вы, что Македонскій хлопочетъ еще примкнуть къ своей должности директорство такого-то спеціальнаго завода.

„Боже, чего-жъ еще надо?“ восклицаете вы въ наивности души. Но, можетъ-быть, приходитъ вамъ тутъ же въ голову, можетъ-быть Македонскій особенно изучалъ такую-то отрасль промышленности; можетъ-быть имъ руководитъ мысль, „что, конечно, тяжело занимать два мѣста, но что же дѣлать? каждый долженъ быть готовъ жертвовать своимъ временемъ и спокойствіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ, которую мы принести можемъ...“

Ничуть не бывало!

Здѣсь вопросъ снова разрѣшается Петенькой, Машей и Катей; снова открывается, что общество или такая-то промышленность въ полной зависимости отъ Пети, Маши и Кати, и должны отвѣчать за устройство ихъ будущаго благосостоянія.

Пораженный такою странностію, начинаешь наблюдать за Македонскимъ; стараешься дознаться, чѣмъ будутъ руководствоваться, при опредѣленіи его къ директорству новой спеціальной части. Открывается... Но это уже составляетъ достояніе слѣдующей главы, гдѣ разсуждается о томъ, за что̀ даютъ мѣста и какъ они пріобрѣтаются.

Какъ видите, соединеніе въ одномъ лицѣ литератора, помѣщика и чиновника не такъ еще удивительно, какъ соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ, часто самыхъ разнородныхъ должностей.

Наблюденія наши нерѣдко приводили насъ къ открытію большой непослѣдовательности, чтобы не сказать безсмыслицы.

Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, Опухловъ всю свою жизнь посвятилъ изученію свойствъ хлѣбныхъ зеренъ; смотришь, ему неожиданно дали мѣсто директора стеариноваго завода. Мерлушкинъ довелъ игру въ пикетъ и

палки до степени высокаго художества; смотришь, онъ занимается успѣшнымъ разведеніемъ рыбы въ прѣсныхъ водахъ имперіи и т. д.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ разъ М* у своего пріятеля,—на какомъ основаніи К* засѣдаетъ въ Т* комитетѣ?

— А какъ же? Вѣдь у него собственный домъ на Литейной! отвѣчалъ пріятель.

И точно, другого основанія не было.

Затѣмъ слѣдуетъ еще опредѣленіе къ такимъ мѣстамъ, которыя ни къ чему не обязываютъ, гдѣ положительно нечего дѣлать, или гдѣ можно ничего не дѣлать...

Такихъ мѣстъ много; мы ограничимся хоть мѣстами докторовъ и архитекторовъ казенныхъ мѣстъ, такъ-какъ мы не говорили еще о служащихъ ученыхъ и художникахъ.

Уже титулъ „свободный художникъ" ясно говоритъ, кажется, что архитекторъ лицо частное, вольнопрактикующее. Но многимъ архитекторамъ недостаточно еще, если ихъ пригласятъ произвести или поправить такую-то постройку, точно такъ же, какъ недостаточно многимъ докторамъ дѣлать свои визиты частнымъ образомъ. Тутъ вѣдь въ виду только деньги; это само собой; но кто себѣ врагъ, отчего же не получать чины, кресты, казенную квартиру, дрова и свѣчи, когда представляется возможность? Доходя такимъ образомъ до зубныхъ врачей, которые точно такъ же занимаютъ коронныя мѣста, мы всегда удивлялись, какъ еще сдерживаетъ до сихъ поръ свою зависть все неслужащее человѣчество!

— Вы намѣрены, кажется, передѣлать печи? спросилъ В. у Ф.

— Да.

— Совѣтую вамъ пригласить архитектора Z; онъ особенно много занимался новыми системами отопленія.

— Зачѣмъ же? у насъ свой архитекторъ.

— Сколько онъ получаетъ?

— Семьсотъ рублей жалованья, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и, сверхъ того, награду въ концѣ года.

— Прекрасно; помнится, вы говорили, что въ десять послѣднихъ лѣтъ у васъ въ домѣ не происходило никакихъ построекъ и перемѣнъ; вы стало-быть даромъ истратили семь тысячъ рублей, не считая, чего стòитъ квартира, дрова и т. д.

— Все это такъ, мой почтеннѣйшій; но что же дѣлать, когда въ штатѣ у насъ полагается архитекторское мѣсто? Къ тому же, признаться, я самъ хлопоталъ объ опредѣленіи къ намъ теперешняго нашего архитектора.

— Что же побудило васъ къ этому? экономія?

— Нисколько; во-первыхъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ; во-вторыхъ, слѣдовало тоже взять въ расчетъ и то обстоятельство: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ!...

Тотъ же разговоръ можетъ съ успѣхомъ прикидываться къ докторамъ, зубнымъ врачамъ, окулистамъ, акушерамъ и т. д.

Не думаете ли вы, что все это создано съ тою исключительною, благодѣтельною цѣлію, чтобъ избавить начальствующихъ лицъ отъ траты денегъ, когда имъ, или, все равно, ихъ женамъ, дочерямъ и родственницамъ требуется вырвать зубъ, вылѣчить мигрень или дешево выстроить дачу?...

Москва, но еще больше Петербургъ, служитъ главнымъ притокомъ всѣмъ чающимъ прирастить къ своимъ доходамъ доходы казенныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого можно сказать безъ преувеличенія, что теперь въ Петербургѣ одно только свободное мѣсто, именно—Исаакіевская площадь!

IV.

Способы пріобрѣтенія мѣстъ и причины опредѣленія къ мѣстамъ.

На свѣтѣ даромъ ничего не дѣлается. Участіе, которое одинъ человѣкъ принимаетъ въ судьбѣ другого, необходимо должно на чемъ-нибудь основываться. Это такія истины, противъ которыхъ, конечно, никто не станетъ спорить.

Лица со вліяніемъ (каждый человѣкъ, сравнительно, вліятеленъ передъ другимъ, стоящимъ ниже его на ступеняхъ общественной лѣстницы) должны, слѣдовательно, точно такъ же руководствоваться какимъ-нибудь мотивомъ, чтобы стараться объ опредѣленіи ближняго.

Однимъ управляетъ въ отношеніи къ вамъ сердечное влеченіе; другой питаетъ несомнѣнную увѣренность въ вашихъ способностяхъ, талантахъ, честности, знаніи и проч.; третій беретъ во вниманіе тѣ услуги, которыхъ въ правѣ будетъ отъ васъ требовать и т. д.

„Сомнительный почтенный человѣкъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ“, получивъ мѣсто, можетъ иногда ничего не дѣлать; но чтобы получить мѣсто, онъ неизбѣжно долженъ дѣлать что-нибудь.

Умноженіе семейства считается въ этомъ случаѣ ни во что. Мы знаемъ множество примѣровъ, которые доказываютъ, что повтореніе фразы „многочисленное семейство...“ и даже самый фактъ, что дѣтей дѣйствительно было изобиліе, ровно ни къ чему не послужили. За такими примѣрами ходить не далеко.

Всѣмъ было извѣстно, что Яхонтовъ, словно какъ нарочно, родился для такой-то должности; всю свою жизнь посвятилъ онъ изученію своей части. Однажды баронъ Фукъ, лицо, отъ котораго зависѣло мѣсто, приглашаетъ къ себѣ Яхонтова. Поговоривъ съ нимъ, баронъ Фукъ находитъ въ немъ человѣка основательнаго и между прочимъ обращаетъ къ нему такую рѣчь:—„Вижу, вы точно превосходный хозяинъ; послушайте: я купилъ недавно имѣніе и мнѣ хотѣлось бы пріобѣсти для него машины; будьте такъ добры, выберите мнѣ ихъ у лучшаго нашего механика; я отмѣтилъ что̀ мнѣ нужно на этомъ спискѣ.“— Яхонтовъ ѣдетъ къ механику; машины куплены. „Онѣ стоятъ двѣ тысячи рублей и механикъ требуетъ половину денегъ немедленно“, говоритъ Яхонтовъ, возвращаясь къ барону Фуку. У послѣдняго въ это время какъ нарочно не случилось денегъ; Яхонтовъ сказалъ, что это ничего,— и взялся отдать изъ своихъ. Проходитъ недѣля, другая; механикъ неотступно пристаетъ къ Яхонтову, прося его объ уплатѣ второй половины. Яхонтовъ отправляется къ барону и деликатно разсказываетъ ему дѣло. Баронъ Фукъ выслушалъ его на этотъ разъ съ явнымъ неудовольствіемъ: — „пусть подождетъ“, сказалъ онъ. Проходитъ мѣсяцъ. Механикъ лѣзетъ съ ножомъ къ горлу и грозитъ скандаломъ. Яхонтовъ снова ѣдетъ къ барону. На этотъ разъ баронъ, оглянувъ его съ удивленіемъ, отдалъ ему сполна всѣ деньги. Но уже съ этого дня надежду получить мѣсто какъ рукой сняло.

Тутъ многочисленности семейства было недостаточно, говорили пріятели Яхонтова,—слѣдовало еще, и это главное, слѣдовало Яхонтову *понять* барона Фука.

„Несостоятельные почтенные люди“, отыскивающіе мѣсто, кромѣ дѣтей, должны еще запасаться или быть надѣлены отъ природы особенною понятливостію, тонкимъ

чутьемъ, находчивостью, изобрѣтательностью, ловкостью, передъ которой умѣнье пройти по проволокѣ или канату сущее ребячество. Нигдѣ быть-можетъ не требуется столько такту, сколько на трудномъ пути отыскиванія хорошаго, выгоднаго мѣста.

Вотъ вамъ, напримѣръ, образчикъ безтактности:

Кислякову не везло; сколько ни бился онъ, сколько за него ни хлопотали, начальникъ не обращалъ на него вниманія. Кисляковъ рѣшился наконецъ лично дѣйствовать; для этой цѣли онъ началъ съ того, что выходилъ на улицу, какъ только начальникъ отправлялся гулять; онъ принялъ намѣреніе попадаться ему какъ можно чаще и каждый разъ отвѣшивать ему низкій поклонъ. Онъ хотѣлъ этимъ выразить ему свою почтительность, уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ обратить на себя выгодное вниманіе начальника. Вотъ однакожъ что̀ вышло послѣ первыхъ трехъ попытокъ: начальникъ призвалъ ближайшаго начальника Кислякова и сказалъ ему сухо, даже съ сердцемъ: „Вашъ Кисляковъ рѣшительно надоѣлъ мнѣ; онъ поминутно кланяется мнѣ на улицѣ и тѣмъ самымъ заставляетъ меня самого, на морозѣ, вынимать руки изъ кармановъ и снимать ему шляпу; внушите ему, что кланяются только знакомымъ; кромѣ того, что я вижу въ этомъ фамильярность, онъ рѣшительно меня безпокоитъ; внушите ему это пожалуйста!“

Съ этого времени несчастный Кисляковъ пропалъ совершенно и, сколько ни хлопоталъ, никуда уже не могъ опредѣлиться.

Добросовѣстные изслѣдователи „несостоятельныхъ“ положительно утверждаютъ, что вообще плохо также достигаютъ своихъ цѣлей люди талантливые и такіе также, которыхъ называютъ: горячія головы. Первымъ сильно вредитъ излишекъ самолюбія, обидчивости и даже нѣкотораго достоинства; вторые идутъ по большей части напроломъ, лѣзутъ прямо съ параднаго крыльца, не подозрѣвая, что съ этой стороны несравненно больше препятствій, чѣмъ съ задняго хода. Человѣкъ разсудительный отлично понимаетъ, что фортуна покровительствуетъ смѣльчакамъ только развѣ въ военномъ дѣлѣ. Основываясь на этомъ, въ то время, какъ горячія головы, не разбирая преградъ, берутъ приступомъ парадную лѣстницу,—люди разсудительные пробираются по черной, знакомятся съ камердинеромъ, предлагаютъ крестить у него ребенка

или, все равно, предлагаютъ имъ другое что-нибудь не менѣе пріятное. Такой пріемъ имѣетъ даже особый техническій терминъ; это называется: *снюхаться*, *войти въ сношенія или соприкосновенія*. Признано вообще, что въ извѣстныхъ случаяхъ успѣшнѣе дѣйствовать снизу вверхъ, чѣмъ сверху внизъ.

Аксіома. Человѣкъ, носящій въ головѣ одну назойливую мысль и постоянно ее развивающій, сильнѣе того, у кого въ головѣ копошится обиліе мыслей.

Примѣры. Одно, очень важное лицо имѣло весьма простительную слабость для человѣка уже преклонныхъ лѣтъ—поддерживать свою наружность разными косметическими средствами. Взглянувъ на себя въ зеркало до туалета, онъ съ ужасомъ видѣлъ въ немъ старую обезьяну; взглянувъ послѣ туалета, не могъ достаточно налюбоваться Аполлономъ Бельведерскимъ. Въ первомъ случаѣ ни одинъ еще смертный не видалъ его. Переходя разъ утромъ прямо изъ постели въ уборную, значительное лицо потрясено было видомъ Шилохвостова (незначительнаго чиновника въ его управленіи); Шилохвостовъ, съ своей стороны, не обнаружилъ никакого удивленія при появленіи грознаго начальника; напротивъ, онъ умышленно принялъ непочтительную позу, положилъ голову между ладонями и даже, говорятъ, просвисталъ какой-то итальянскій мотивъ; глаза его, небрежно смотрѣвшіе на знатнаго старца, ясно, казалось, говорили: нѣтъ, братъ, это не ты; онъ красавецъ—заглядѣнье; ты какой-то рыхлый старичишка. Словомъ, онъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто не узналъ его. Начальнику это очень понравилось. Одѣвшись, онъ призвалъ Шилохвостова, который на этотъ разъ счелъ нужнымъ сробѣть и растеряться; но важное лицо обласкало его, спросило, что̀ ему надо, и узнавъ, что Шилохвостовъ присланъ съ докладомъ, по случаю болѣзни обыкновеннаго докладчика, приказалъ ему постоянно являться съ докладомъ. Шилохвостовъ лелѣялъ цѣлые два года сцену, которую такъ удачно разыгралъ. Съ тѣхъ поръ путь его умазался словно мыломъ; гдѣ онъ остановится—неизвѣстно!

Можно было бы еще привести городничаго, который, въ ожиданіи пріѣзда губернатора, цѣлые пять дней охранялъ въ чистотѣ лужу передъ подъѣздомъ уѣзднаго суда, имѣя въ виду лично перебросить черезъ нее доску въ ту минуту, какъ подъѣдетъ къ крыльцу губернаторъ; можно

бы присовокупить, что его превосходительство, обойдя въ этотъ пріѣздъ наградой всѣхъ чиновниковъ, отличилъ одного только городничаго; но и этого довольно, кажется, чтобы пояснить силу одинокой мысли, постоянно развиваемой и питаемой.

Все приведенное нами (считая также извѣстный способъ посылать просить женъ, когда онѣ хорошенькія) носитъ, впрочемъ, печать обыкновеннаго и отзывается чѣмъ-то грубымъ. Между „несостоятельными почтенными людьми" такимъ пріемамъ даютъ значеніе не болѣе, какъ простому сложенію или вычитанію. До дифференціальнаго исчисленія доходятъ весьма немногіе.

Для разрѣшенія высшихъ задачъ въ дѣлѣ расчищенія себѣ дороги необходимо быть, такъ сказать, свыше одареннымъ. Тутъ даже ума мало; требуются многія душевныя и даже физическія качества.

Какое, напримѣръ, соединеніе энергіи и ловкости нужно, чтобы не только не останавливаться передъ лужами и грязью, но умѣть перескочить черезъ нихъ съ особенною граціей. Что̀ скажете вы, напримѣръ, о высокомъ искусствѣ умѣть повиноваться съ такою пріятностію, чтобы лицо, отъ котораго вы зависите, находило особенное наслажденіе отдавать вамъ приказанія?

Предположите тысячу человѣкъ, скроенныхъ математически по одной мѣркѣ; предположите ихъ въ одинаковой степени равными по чину, заслугамъ и способностямъ. Если, не взирая на такія условія, одинъ изъ нихъ въ состояніи обратить на себя особенное вниманіе начальника,—смѣло заключайте, что онъ изъ числа одаренныхъ свыше. Такой случай именно произошелъ съ Берендѣевымъ. Значительное лицо, въ рукахъ котораго находилась судьба этихъ тысячи человѣкъ, скроенныхъ по одной мѣркѣ, отличило Берендѣева до такой степени, что оставило его у себя обѣдать (не въ примѣръ прочимъ), и потомъ пригласило его къ себѣ въ ложу. Мало того, въ скоромъ времени Берендѣева позвали на классическій музыкальный вечеръ, куда приглашались только избранные.

— Какъ же это такъ? говорили мы въ то время,—мы знаемъ навѣрное, что Берендѣевъ ровно ничего не смыслитъ въ классической музыкѣ...

— Ошибаетесь, отвѣтили намъ,—вчера онъ всѣхъ очаровалъ, играя *à quatre mains* Бетховенскую сонату съ дочерью значительнаго лица.

Когда Берендѣевъ успѣлъ выучиться на фортепіано, какимъ образомъ дошелъ до уразумѣнія Бетховена,—это навсегда останется его тайной. Онъ выросталъ не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный герой, и постепенно поднимался въ гору. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что Берендѣевъ постоянно засѣдаетъ въ салонѣ, куда допускались лишь высшія лица и притомъ съ оттѣнкомъ набожности.

— Какъ же такъ? спрашивали многіе,—вѣдь онъ прощелыга и, вдобавокъ, положительно ни во что не вѣруетъ.

— Что?!.. Какъ?!.. возражали на это съ горячностью,—вы, стало-быть, просто не имѣете о Берендѣевѣ никакого понятія, или принимаете его за другого! Посмотрѣли бы вы вчера, когда онъ разсказывалъ объ Іерусалимѣ; слушая его, всѣ плакали!..

По прошествіи года, не существовало чуть-чуть значительнаго дома, гдѣ бы Берендѣева не принимали съ распростертыми объятіями; онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на всѣхъ раутахъ, вечерахъ, интимныхъ собраніяхъ и даже домашнихъ совѣщаніяхъ.

Ему довольно было одного утра, чтобы всюду поспѣть, вездѣ перебывать, вездѣ оставить пріятное впечатлѣніе.

Въ два часа онъ приглашался къ разрѣшенію затруднительнаго финансоваго вопроса; въ три часа, гуляя по Петергофу и проходя мимо рѣшетки роскошной дачи, вы видѣли его играющимъ въ *cerceau* съ дѣтьми значительнаго лица; въ пять часовъ онъ былъ уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и ѣхалъ въ Царское-Село на дипломатическій обѣдъ; въ девять часовъ входилъ онъ въ гостиную, гдѣ засѣдали министръ, генералъ и еще третье лицо безъ особеннаго значенія. „Ваше высокопревосходительство, честь имѣю кланяться; какъ здоровье вашего высокопревосходительства?“ говорилъ онъ, низко кланяясь министру.—„Ваше превосходительство, какъ ваше здоровье?“ говорилъ генералу. — „Здравствуйте!“ говорилъ третьему лицу, протягивая мизинецъ *).

Въ одиннадцать часовъ, заглянувъ на минуту въ салонъ набожной N, Берендѣевъ стремительно перелеталъ въ салонъ-помпадуръ Шарлоты Өедоровны, гдѣ всѣхъ очаровывалъ своею веселостію.

*) Въ провинціи, лица, подражающія Берендѣеву, ввели въ обыкновеніе называть: „ваше превосходительство“ каждаго, кто только достигъ чина статскаго совѣтника; обычай этотъ поддерживается съ большимъ успѣхомъ и нравится многимъ предводителямъ дворянства.

Святители! воскликнешь бывало: святители, какъ достаетъ его на все это?! Не на шутку начинаешь думать, что Берендѣевъ, подобно Пинетти, въ состояніи выѣхать въ одно время изъ двадцати-семи заставъ Москвы. Но что̀ такое Пинетти! Онъ школьникъ передъ Берендѣевымъ! Послѣдній въ состояніи предложить руку, получить согласіе и жениться на Шарлотѣ Өедоровнѣ! Если онъ не сдѣлалъ этого, такъ потому единственно, что ему ничего уже не оставалось почти желать, и это „почти" могло быть достигнуто другимъ способомъ. Онъ зналъ, что сокровеннѣйшее желаніе Шарлоты Өедоровны состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти огромный каменный домъ въ Морской; зналъ также, что пріобрѣтеніе этого дома давно гложетъ сердце значительнаго лица, пламеннаго поклонника и прямого покровителя Шарлоты Өедоровны. Вопросъ весь заключается въ полутораста тысячахъ, которыхъ достать положительно неоткуда. Берендѣевъ взялся уладить дѣло. Онъ отыскалъ какого-то милліонера-подрядчика, уговорилъ его купить домъ во что̀ бы то ни стало и уступить его потомъ Шарлотѣ Өедоровнѣ за сущую бездѣлицу. Домъ пріобрѣтенъ. Подрядчикъ получилъ на нѣсколько милліоновъ подрядовъ, и значительное лицо, въ избыткѣ благодарности, не зная уже, чѣмъ пополнить недостающее „*почти*" въ карьерѣ Берендѣева, изобрѣло для него несуществовавшее до того мѣсто.

Къ чести нашей надо сказать, у насъ нерѣдко встрѣчаются факты, которые прямо обращаются даже въ похвалу нашихъ душевныхъ и сердечныхъ свойствъ. Многіе случаи даже умилительны и, слушая ихъ, нѣтъ возможности воздержаться отъ слезъ.

Александръ Петровичъ Помпейскій, нѣжный отецъ многочисленнаго семейства, выдалъ старшую свою дочь за барона Гаденбурга. У Гаденбурга не было никакого состоянія. Состояніе Помпейскаго заключалось въ большомъ каменномъ домѣ, который приносилъ очень ограниченные доходы; половина его была почти занята семействомъ; при домѣ находился, правда, отличный старый садъ,—но согласитесь сами, что̀ сталъ бы съ нимъ дѣлать баронъ Гаденбургъ, если бы Помпейскій отдалъ его въ приданое дочери? Недостаточность средствъ зятя и старшей дочери сокрушала нѣжное сердце Помпейскаго. Неоднократно прибѣгалъ онъ къ знатному Строфокамилову, прося его объ опредѣленіи зятя, — и всякій разъ безуспѣшно. Не-

ожиданно, Строфокамиловъ переѣзжаетъ въ громадный казенный домъ, непосредственно примыкающій къ саду Помпейскаго и отдѣляющійся отъ послѣдняго только каменной стѣной. Помпейскій узнаетъ стороною, что Строфокамиловы, мужъ и жена, упомянули разъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы дѣти ихъ могли дышать свѣжимъ воздухомъ въ сосѣднемъ саду. Помпейскій въ ту же ночь проламываетъ казенную стѣну, устраиваетъ красивую калитку и посылаетъ ключъ къ Строфокамиловымъ. Въ тотъ же день, подъ тѣнью раскидистой березы, произошла трогательная и совершенно случайная встрѣча между госпожею Помпейской и госпожею Строфокамиловой; въ полдень нельзя было налюбоваться невинными играми маленькихъ Строфокамиловыхъ и Помпейскихъ; мѣсяцъ спустя, Помпейскій самъ рыдалъ, какъ дитя, когда Строфокамиловъ объявилъ ему, что его зять, баронъ Гаденбургъ, получилъ превосходное мѣсто.

V.

Покровители.

Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть тѣхъ добродѣтельныхъ особъ обоего пола, которыя, не имѣя возможности лично дать мѣсто или награду, берутся тѣмъ не менѣе доставлять то и другое, и часто достигаютъ своей цѣли.

Дамы—надо быть справедливымъ—всего успѣшнее дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ.

Касательно дамъ, можно, впрочемъ, вывести такую аксіому: чѣмъ покровительница красивѣе, или чѣмъ выше ея общественное положеніе, тѣмъ больше у нея шансовъ устроить ваше дѣло.

Наблюденія надъ покровителями вообще доказали, что слѣдуетъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи:

1) *Невинно-добродушно-наивныхъ.*

2) *Дѣйствующихъ на основаніи задней мысли.*

Первая исключительно почти состоитъ изъ тѣхъ нѣжныхъ, нервныхъ и впечатлительныхъ женскихъ существъ, которыя съ ужасомъ скрещиваютъ на груди руки и возводятъ глаза къ небу, когда узнаютъ, напримѣръ, что на свѣтѣ есть нужда и бѣдность. Достаточно произнести фразу: „многочисленное семейство“, чтобы потрясти ихъ нервы; достаточно выслушать имъ разсказъ о чужомъ горѣ,

чтобъ онѣ залились слезами, какъ петергофскій фонтанъ. Онѣ такъ добры, что готовы, кажется, выбѣжать на улицу и держать зонтикъ надъ уткой во время ненастья. Къ нимъ причисляются также старушки, которымъ стòитъ сказать съ особымъ театральнымъ эффектомъ: „*Oh, ma mère! ma mère était une sainte femme!*" или занять ихъ разсказомъ о плачевномъ состояніи Іерусалима, чтобы расположить ихъ въ свою пользу.

Напрасно будете вы стараться открыть имъ глаза, напрасно скажете, что такой-то не стòитъ чтобъ о немъ хлопотали, что если онъ займетъ такое-то мѣсто, это скорѣе будетъ вредно, чѣмъ полезно для общества; напрасно объясните вы имъ общее правило „сомнительныхъ почтенныхъ людей", правило, состоящее въ томъ, что проситель подаетъ умывальникъ, когда проситъ, и потомъ часто выливаетъ остатокъ воды на голову покровителя, когда достигъ своей цѣли; напрасно докажете, какъ дважды-два четыре, что такой-то проситель ничего больше, какъ кувшинъ, который нагибается, чтобы зачерпнуть, — васъ не слушаютъ; вамъ скажутъ, что вы смотрите на вещи сквозь черную призму и повторятъ съ горячностью:

— Какое мнѣ дѣло! Онъ проситъ, онъ прибѣгаетъ ко мнѣ; я должна думать о томъ только, чтò велитъ дѣлать христіанскій долгъ,—я должна помочь ему!..

Дама бросается въ карету, мечется изъ одного конца города въ другой, взбѣгаетъ на высочайшія лѣстницы (кучеръ ея между тѣмъ часто мерзнетъ на морозѣ), преслѣдуетъ вліятельныхъ лицъ въ салонахъ, на улицѣ, и даже задаетъ у себя музыкальные вечера и танцовальные чаи, съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе исполнить повелѣніе христіанскаго долга.

— Чтò за ангелъ эта М.! говорятъ вамъ,—представьте, моего Мишу никуда не хотѣли опредѣлить! Она такъ хлопотала, что Миша поступилъ, даже не въ примѣръ другимъ мальчикамъ, и даже безъ экзамена.

Какъ видите, результатъ дѣйствій, внушенныхъ христіанскимъ долгомъ, не всегда бываетъ справедливъ и приноситъ полезные плоды; тѣмъ не менѣе между покровителями этого рода и лицами второго разряда такая же неизмѣримая разница, какъ между истинно-почтенными людьми и „сомнительными".

Послѣдніе краснорѣчиво доказываютъ, что съ виду даже

лучшія побужденія наши всегда скрываютъ долю личнаго интереса.

Такіе покровители, безспорно, перестали бы существовать, если бы покровительство съ одной стороны не давало возможности сознавать собственную силу и превосходство,—словомъ, не льстило бы самолюбію,—съ другой стороны, не приносило бы существенныхъ выгодъ самому покровителю.

Одна дама отказывалась хлопотать за X., который неожиданно получилъ очень важное мѣсто. Ей передали объ этомъ.

— Боже! воскликнула она съ испугомъ, — могла ли я это предвидѣть!

Она въ ту же секунду приказала заложить карету и отправилась съ визитомъ къ женѣ X.; дорогой заѣхала еще нарочно къ Бале, чтобы купить конфетъ для маленькихъ X.

Хохулкинъ, напримѣръ, глубоко ненавидѣлъ Бузулукина и ужъ, конечно, не разогнулъ бы пальца, чтобы вытащить его изъ опасности. Онъ тѣмъ не менѣе бьется какъ рыба объ ледъ на дворянскихъ выборахъ, распинается и задаетъ обѣды, чтобы доставить Бузулукину почетное мѣсто.

— Взгляните, говорятъ вамъ, указывая съ умиленіемъ на сѣдую голову Хохулкина,—вотъ истинная-то добродѣтель! вотъ она гдѣ!.. Не любитъ человѣка и между тѣмъ хлопочетъ за него, какъ за родного сына!..

Да, дѣйствительно, умилительно смотрѣть на все это, но только въ другомъ смыслѣ. Бузулукинъ, избранный стараніями Хохулкина, выкажетъ ему въ знакъ благодарности истинно сыновнія чувства: онъ не допуститъ, чтобы размотанное имѣніе Хохулкина продалось съ публичнаго торга, и даже сниметъ съ него опеку!..

— Нѣтъ, я уже исправилась отъ страсти покровительствовать! говорила намъ на-дняхъ одна почтенная старушка,—я перестала охотиться за вліятельными лицами, давно не осаждаю ихъ письмами, давно не пристаю къ теткамъ зятя, пріятеля секретаря начальника отдѣленія такого-то директора! Повѣрите ли, я даже не крещу теперь малютокъ безъ разбору! И въ самомъ дѣлѣ, что̀ же это такое: приходитъ господинъ, проситъ окрестить сына или дочь, и потомъ что жъ оказывается? Мало того, что

придется опредѣлить всѣхъ крестниковъ и крестницъ куда-нибудь на казенный счетъ, надо пристроить папеньку, его брата, свояка, зятя, и всѣмъ имъ выхлопотать или крестикъ, или награду... Нѣтъ, слуга покорный! На этотъ случай я застраховала себя теперь такою фразой: милостивый государь, говорю я,—по нашему закону это важная обязанность; я такъ глубоко проникнута ею, что рѣшительно не чувствую себя ни въ состояніи, ни въ силахъ принять на себя всю ея отвѣтственность!.. Вообще, во всемъ, что̀ касается покровительства, опытъ научилъ меня крѣпко держаться такихъ правилъ: или вовсе не покровительствовать, потому что, необдуманно дѣлая добро одному, часто причиняешь вредъ цѣлому обществу; или, ужъ если пошло на то, хлопотать о тѣхъ только, которые ищутъ частной должности; тутъ больше вѣроятія, что проситель не боится труда и не имѣетъ цѣли жить у Христа за пазушкой, какъ говорится. Но сто̀итъ только замѣтить мнѣ, что такой-то господинъ особенно настойчиво приступаетъ съ казеннымъ мѣстомъ, я напрямикъ ему отказываю!..

— И прекрасно дѣлаете! возразили присутствующіе въ одинъ голосъ.

КОШКА и МЫШКА.

(повѣсть).

I.

Осенніе виды и мальчикъ съ боченкомъ.

Къ концу осени, когда нѣтъ еще снѣга, но утромъ и вечеромъ начинаетъ порядочно уже подмораживать, выпадаютъ иногда такіе ясные, лучезарные дни, что на минуту обманываешься и думаешь: не апрѣль ли опять на дворѣ?.. Солнце горитъ такъ же ярко, въ воздухѣ столько же блеска, тѣни на обнаженныхъ холмахъ такъ же легки и прозрачны! Недостаетъ только воркованья весеннихъ ручейковъ, запаха земли и пѣсни жаворонка, чтобъ подкупить васъ совершенно.

Въ одинъ изъ такихъ дней, утромъ, часовъ около десяти, въ околицѣ села Ягодня показался бѣлокурый мальчикъ лѣтъ тринадцати. Мальчикъ, какихъ бы то ни было лѣтъ, и съ какими бы то ни было волосами: бѣлыми, черными или рыжими, принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ сельскимъ явленіямъ. Но мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, заслуживалъ особеннаго вниманія: онъ несъ за плечами ведерный боченокъ, обвязанный старымъ кушакомъ, концы котораго находились въ рукахъ его. Будь за плечами этого мальчика корыто, ушатъ, связка хворосту, плетеная кошелка съ мякиной, пукъ сѣна; возсѣдай тамъ другой мальчикъ — младшій братишка, — или болтайся за плечами лапти или даже новые смазные сапоги, ничего бы не было удивительнаго, но боченокъ — особенно съ желѣзными обручами и новой точеной дере-

вянной пробкой, воля ваша, такое обстоятельство невольно возбуждало любопытство!

Начать съ того, что посудинки этого рода вовсе не въ употребленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ: нечего класть туда; потомъ, боченокъ не по карману; наконецъ, извѣстно было, что во всемъ околоткѣ такимъ боченкомъ обладала одна только дьячиха; и то достался онъ ей по случаю: одна изъ приходскихъ помѣщицъ подарила. Съ какой же стати мальчикъ этотъ, не принадлежащій ни съ которой стороны дому дьячихи, несъ этотъ боченокъ?.. Но мальчика мало, казалось, занимали такія соображенія. Выйдя за околицу, онъ тряхнулъ боченокъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ, перенесъ концы кушака въ лѣвую руку, поправилъ свободною рукою шапку, которая лѣзла на глаза, и, весело посвистывая, зашагалъ по дорогѣ.

Дорога, укатанная недавно еще проѣзжавшими подводами съ овсяными и ржаными снопами, звенѣла подъ ногами и лоснилась на солнцѣ, какъ сѣрый полированный камень. Вправо отъ нея неоглядно желтѣли поля, покрытыя шершавымъ жнивьемъ; слѣва тянулись крестьянскія гумна, обнесенныя старымъ землянымъ валомъ, съ торчавшими кое-гдѣ плетнями и ветлами, побросавшими свои листья. Тѣнь отъ плетней и ветелъ мѣстами пересѣкала дорогу, отпечатывая на ней прихотливые узоры инея, который превращался въ капли и пропадалъ, какъ только убѣгала тѣнь и прикасались къ нему лучи солнца; отъ канавки, наполненной листомъ, кустами крапивы и полыни, побѣлѣвшими отъ измороси, несло острой свѣжестью. Но чѣмъ темнѣе рисовались плетни и стволы ветелъ, тѣмъ ослѣпительнѣе сверкали за ними скирды и крыши гуменъ; чѣмъ тише было вправо отъ дороги, тѣмъ шумнѣе было за ветлами. Тамъ изъ конца въ конецъ немолчно звучали удары цѣпа, шумѣла рожь, падавшая звонкими, сухими зернами на гладко убитый мерзлый токъ, слышался говоръ народа, шелестъ голубей и крикъ галокъ, перелетавшихъ съ мѣста на мѣсто.

Въ числѣ пернатыхъ, воробьи, какъ и всегда впрочемъ, отличались особенною егозливостью и трескотнею. Недаромъ называютъ ихъ въ простонародьи ворами и разбойниками! Глядя, какъ суетились они, какъ задирали одинокихъ галокъ и какъ потомъ таращили сѣрыя свои перышки, когда которая-нибудь изъ этихъ птицъ выказывала намѣреніе напасть въ свою очередь; какъ обсы-

пали они тогда сосѣднюю ветлу и разомъ принимались пищать и бить крылышками, — можно было думать, что они считали себя здѣсь полными хозяевами и приходили въ такую ярость потому лишь, что защищали собственность.

Такія продѣлки сильно забавляли мальчика; можно сказать, воробьи сдѣлались даже единственнымъ предметомъ его вниманія, какъ только ступилъ онъ на дорогу. Слѣдя за ними быстрыми, веселыми глазами, онъ то ускорялъ шагъ, то замедлялъ его; каждый разъ, какъ крикливая стая, сдѣлавъ неожиданный поворотъ въ воздухѣ, опускалась на макушку ветлы, мальчикъ припадалъ къ землѣ и начиналъ подкрадываться; брови его подымались и лицо выражало быстроту и лукавство; въ чертахъ и движеніяхъ явно проглядывало намѣреніе подкрасться ближе и застать птицъ врасплохъ; но нетерпѣніе всякій разъ портило дѣло: не успѣвъ сдѣлать трехъ шаговъ, онъ суетливо свѣшивалъ на-бокъ свою ношу и принимался стучать камнемъ въ дно боченка, издававшаго при этомъ какой-то глупый глухой звукъ.

Боченокъ былъ пустъ,—это ясно; иначе быть не могло: одна пустота боченка могла объяснить прыжки мальчика, легкую его поступь и веселость; не могъ бы онъ въ другомъ случаѣ бѣгать за воробьями и не сталъ бы такъ громко смѣяться, когда птицы, испуганныя грохотомъ боченка, пугливо и врозь разлетались. Мальчикъ выказывалъ, впрочемъ, такой веселый нравъ, что могъ бы, кажется, смѣяться и подъ болѣе тяжелой ношей. Веселость его проистекала, повидимому, столько же изъ нрава, сколько отъ здоровья и довольства жизнью; отъ полныхъ щекъ его, разрумяненныхъ остротою утренняго воздуха, дышало свѣжестью; въ чертахъ не было слѣда лишеній и преждевременнаго утомленія. Онъ былъ въ лаптишкахъ, старомъ полушубкѣ, очевидно принадлежавшемъ рослому человѣку, и шапкѣ, которая, конечно, могла только принадлежать владѣльцу полушубка; но все это было, однакожъ, въ порядкѣ; заплатъ было много; попадались даже заплатки изъ синяго и бураго сукна; но не висѣли онѣ лохмотьями, а тщательно обшиты были кругомъ бѣлыми здоровыми нитками; короче сказать, все показывало очень счастливаго мальчика,—мальчика береженаго, вволю пичкавшаго хлѣбъ и кашу, не лишеннаго нѣжныхъ материнскихъ попеченій. Уже самая фигура его, крѣпкая, пы-

шущая здоровьемъ и похожая издали на медвѣженка, ставшаго на заднія лапы, краснорѣчиво подтверждала такія предположенія.

Онъ продолжалъ стучать въ боченокъ и посвистывать до тѣхъ поръ, пока не миновалъ гуменъ. Тутъ онъ тряхнулъ шапкой какъ-то сверху внизъ и безъ помощи рукъ надвинулъ ее на глаза. Солнечные лучи, не заслоняемые вётлами и скирдами, били ему теперь прямо въ глаза. Дорога выходила на пологую, ярко освѣщенную луговину, за которой вдалекѣ круто выросталъ горный уступъ, окутанный тѣнью. Съ лѣвой стороны луговины мелькали послѣднія кровли села: тамъ же, но только несравненно ближе къ дорогѣ, возвышалась старая деревянная церковь, обнесенная рѣшеткой. Глубокій воздушный просторъ за церковью наполненъ былъ яркимъ солнечнымъ сіяніемъ; отъ церкви черезъ лугъ шла длинная тѣнь, въ которой точно такъ же серебрилась изморось, отпечатывая на травѣ углы колокольни, крестъ и тонкія полоски рѣшетки.

Мальчикъ съ боченкомъ продолжалъ спускаться и посвистывать. Внезапно онъ замолкъ и остановился. Посреди мертвой тишины послышались стоны... Они раздались за церковной оградой, гдѣ находилось кладбище... Случись такое обстоятельство ночью или даже въ сумерки, мальчикъ бросилъ бы свой боченокъ и полетѣлъ бы безъ оглядки въ село; но теперь онъ ограничился тѣмъ, что сталъ вслушиваться. Румяное лицо его, исполненное до настоящей минуты разсѣянностью и дѣтскою беззаботливостью, осмыслилось выраженіемъ вниманія. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ церкви. Стоны усиливались и превращались въ рыданія. Немного погодя, мальчикъ остановился у ограды; приложивъ щеки къ рѣшеткѣ, увидѣлъ онъ высокаго, худощаваго мужика, который закапывалъ могилу; баба, между тѣмъ, лежала навзничь подлѣ ямы и отчаянно колотилась головою о-земь.

Лицо мужика знакомо было мальчику; онъ зналъ, что мужика звали Андреемъ; онъ встрѣчалъ его въ селѣ, встрѣчалъ въ церкви по воскресеньямъ, встрѣчалъ на дорогѣ, на мельницѣ. Онъ слышалъ, какъ родные, говоря о немъ, называли его всегда бѣднымъ. Все это припомнилъ мальчикъ, и видъ знакомаго человѣка въ слезахъ и горѣ еще сильнѣе пробудилъ его любопытство. Но любопытство находило особенную пищу въ отчаяніи бабы; она билась у могилы и приговаривала нараспѣвъ:

Охъ, тяжко мнѣ... тяжко!
Ахъ ты, сизый голубь мой,
Ненаглядное дитятко!..
Кто мнѣ теперь защебещетъ?
Кто меня сердцемъ порадуетъ?

— Полно, жена... Охъ!.. Знамо, тяжко! Какъ быть!.. Власть Божья!.. говорилъ въ то же время мужикъ, тяжело переводя одышку и продолжая закапывать могилу.

— Батюшка!.. батюшка! голосила еще отчаяннѣе баба, — охъ, батюшка!.. Егорушка... дитятко мое... бѣлянушка!.. Засыпали твои свѣтлые глазушки, кормилецъ мой... Не воротишься ужъ оттоль, родной мой!.. Охъ!.. Тяжко!.. Тяжко мнѣ горькой!..

— Полно!.. Ну, полно... Какъ быть!.. Христосъ съ нимъ, проговорилъ Андрей, продолжая работу и часто останавливаясь, чтобы отереть слезы, которыя текли по щекамъ его и въѣдались въ морщины.

Прислушиваясь къ такимъ рѣчамъ, мальчикъ машинально слѣдилъ глазами за лопатой Андрея. Мерзлые комки земли сыпались съ лопаты въ могилу; она постепенно мельчала. Вотъ тамъ мелькалъ еще уголокъ, куда проникалъ лучъ солнца: но земля засыпала его. И никогда уже въ этотъ уголокъ не глянетъ солнце! Никогда также не увидитъ дневного свѣта и Егорушка! Что сталось теперь съ нимъ, такъ недавно еще бѣгавшимъ, кричавшимъ и рѣзвившимся на улицѣ? Впрочемъ, ему вѣрно теплѣе теперь, чѣмъ отцу и матери, которыхъ едва прикрываютъ лохмотья! Но зато, какъ холодно ему будетъ, когда морозъ насквозь прохватитъ рыхлую землю могилки! Какъ страшно будетъ Егорушкѣ въ глухую зимнюю ночь, когда живой человѣкъ не пройдетъ мимо кладбища; когда по округу рыщетъ только сѣрый волкъ, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ лаю собакъ и свисту вѣтра... Вѣтеръ гудитъ въ стропилахъ колокольни и вѣетъ изъ-за угла церкви сыпучій снѣгъ... Винтомъ крутится снѣгъ въ мерзломъ воздухѣ и ложится косыми полосами поперекъ погоста...

Такія соображенія легко могли представиться воображенію мальчика съ боченкомъ за плечами, а впрочемъ не ручаюсь; достовѣрно то, что онъ отошелъ отъ ограды тогда только, когда Андрей засыпалъ могилу, поднялъ жену и повелъ ее съ погоста. Мальчикъ возвратился на дорогу; разъ или два останавливался онъ, чтобы посмо-

трѣть имъ вслѣдъ; но вдругъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, пошелъ впередъ по скату ускоренными шагами. Немного далѣе, когда совершенно уже открылся луговой скатъ, спускавшійся къ горному уступу, мальчикъ увидѣлъ бабу, которая вязала пучки льну, разостланнаго по травѣ ровными рядами; за нею тотчасъ же показались другія бабы, занимавшіяся тою же работой. Дорога проходила мимо, и первая баба окликнула мальчика, какъ только онъ съ нею поровнялся.

— Гришутка!

— Эй! весело отозвался мальчикъ.

— Откуда, изъ села?

— Да.

— Посылали стало зачѣмъ? вмѣшалась другая молоденькая бабенка, оставляя также работу и приближаясь къ мальчику;—зачѣмъ посылали?

— Вишь, боченокъ! сказалъ мальчикъ, встряхивая своей ношей.

— Здравствуй, Гришутка! промолвили еще двѣ другія, выходя на дорогу,—отколь?

— Да ужъ сказалъ—изъ села! возразилъ мальчикъ,— за боченкомъ посылали; вина хотятъ взять...

— Что у васъ, праздникъ, что ли? спросили въ одинъ голосъ бабы.

— Сестра родила... отвѣчалъ мальчикъ.

— Ой ли! Когда?..

— Ахти, касатки! воскликнула молоденькая бабенка, — кого родила, мальчика или дѣвочку?..

— Мальчика...

— То-то, я чай, дядя-то Савелій возрадовался! ась?... Семь лѣтъ ждалъ внучка-то! И ты, небось, радъ, Гришутка? а?.. Радъ, я чай? Самъ дядей сталъ теперича... Дядя теперь!.. Дядя!..

— То-то, касатушки, онъ съ нами нонче и здороваться-то не хотѣлъ! подхватила самая молоденькая, поглядывая на мальчика лукавыми глазами, — идетъ-себѣ, какъ чуфарка какой, право! Смотрѣть даже не хочетъ... Ахъ ты, дядя! дядя!.. примолвила она, засмѣявшись, и неожиданно нахлобучила ему шапку на глаза.

— Ну!.. оставь!.. Чего ты... Полно! закричалъ Гришутка, откидываясь въ сторону и дѣлая неимовѣрныя усилія бровями, чтобы приподнять шапку на лобъ.

— То-то у него щеки-то нонче какъ разгасились!

вишь красныя да жирныя какія! подхватила другая, подскакивая къ мальчику прежде, чѣмъ успѣлъ онъ поднять шапку, и прикладывая ладони къ щекамъ его, которыя были такъ свѣжи, что баба почувствовала свѣжесть даже на ладоняхъ своихъ.

— Оставьте! Ну!.. Что пристали?.. Ну!.. кричалъ мальчикъ, тщетно стараясь освободить глаза отъ шапки и отбиваясь отъ бабъ, которыя, радуясь случаю побаловать и посмѣяться, обступили его кругомъ, тискали и дергали во всѣ стороны.

— А, нутка-сь, тяжелъ ли боченокъ-то? говорила одна, налегая руками на посудинку и выгибая назадъ мальчика.

— Не пуще тяжелъ! смѣялась другая, дергая концы кушака, перехватывавшаго плечи мальчика и нагибая его впередъ.

— Бабы, — вали его на-земь! вали, разбойника! крикнула третья.

Въ ту же секунду нѣсколько рукъ обхватили его; но чье-то плечо перекосило шапку Гришки на-бокъ, и правый глазъ его освободился изъ мрака; это обстоятельство мигомъ воскресило въ немъ бодрость, начинавшую уже падать; онъ началъ рваться во всѣ стороны, работать локтями, брыкаться ногами, двигать боченкомъ, и прежде чѣмъ бабенки, посреди хохота и крика, успѣли возобновить осаду, ловко вывернулся изъ кружка и стремглавъ пустился внизъ по дорогѣ. Скачки мальчика приводили въ движеніе старую пробку, проткнутую когда-то въ боченокъ, и которая лежала тамъ, прилѣпившись ко дну; принимая шумъ прыгавшей пробки за погоню, Гришка первую минуту летѣлъ стрѣлою и безъ оглядки. Онъ вскорѣ очнулся, однакожъ, и остановился, чтобъ перевести духъ.

— Экія вѣдьмы! закричалъ онъ, быстро оборачиваясь къ верхней части луговины, гдѣ стояли бабы, хохотавшія во все горло.—Право, вѣдьмы!.. Вѣдьмы! вѣдьмы! подхватилъ онъ скороговоркою и постепенно усиливая голосъ.

Бабы захлопали въ ладоши и сдѣлали движеніе, какъ-будто пускались догонять его. Гришутка задвигалъ ногами и снова полетѣлъ безъ оглядки. Онъ остановился тогда уже, когда добѣжалъ почти до подошвы лугового ската и ясно увидѣлъ, что опасенія его ни на чемъ не основывались; бабъ не было даже видно: ленъ разстилался въ небольшой лощинѣ, которая дѣлалась замѣтною только издали; бабы принялись, видно, опять за работу

и наклоненное положеніе скрывало ихъ отъ взоровъ мальчика. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ долгомъ назвать ихъ нѣсколько разъ вѣдьмами; облегчивъ себя какъ-будто отъ огромной тяжести, онъ бодро тряхнулъ боченкомъ и началъ прыгать по камнямъ, служившимъ переходомъ черезъ ручей; ручей бѣжалъ между подошвой пройденнаго лугового ската и горнымъ обрывомъ, который подымался почти отвѣсно.

Въ этомъ мѣстѣ подводы переѣзжали обыкновенно въ бродъ, а дорога, перехваченная ручьемъ, снова показывала колеи свои между берегомъ и обрывомъ; она слѣдовала теченію ручья и шла влѣво. Немного погодя, мальчикъ обогнулъ часть ската, и церковь въ высотѣ предстала передъ нимъ, обращенная другимъ своимъ фасомъ; обернувшись назадъ, онъ могъ бы увидѣть также село Ягодню, которое, съ этой точки дороги, цѣликомъ почти рисовалось и смотрѣло своими окнами, игравшими на солнцѣ, на небольшую долину, по которой вился ручей. Но Гришутка не думалъ оборачиваться. Его привлекали другіе предметы; то на одномъ изъ камней усаживалась ворона и требовалось задержать шагъ, подобраться къ ней ближе и пугнуть ее съ мѣста; то останавливали его вниманіе маленькія заводья ручья, покрытыя блистающими иглами льда, не успѣвшаго еще оттаять на солнцѣ; нельзя же было пройти мимо, не надломивъ ледяной корочки, не пососавъ ее. — Ледъ теперь вдиковинку; шутка! какъ давно его не было! Трудно также было утерпѣть, чтобы не спихнуть камня, который висѣлъ надъ ручьемъ и, казалось, самъ просился упасть въ воду; или не пустить по ручью обломка древесной коры и не полюбоваться, какъ пойдетъ она вилять и прыгать между камнями; какъ буркнетъ и пропадетъ она въ пѣнѣ, сбиравшейся подлѣ уступовъ, и какъ потомъ снова поплыветъ, слѣдуя прихотливому изгибу.

Мѣстами берега покрыты были кустами лозняка, который укрѣплялся даже кое-гдѣ посреди ручья въ видѣ маленькихъ островковъ. Но какъ плачевно смотрѣли теперь эти островочки. Чѣмъ сильнѣе пронизывало ихъ солнцемъ, тѣмъ замѣтнѣе выказывалась ихъ бѣдность; вмѣсто частой, непроницаемой зелени, всюду торчали голые, холодно-лоснящіеся прутья, перепутанные поблекшей ежевикой, засыпанные у основанія листомъ, похожимъ на луковичную скорлупу и жалобно хрустѣвшимъ при са-

момъ легкомъ вѣтрѣ. Проходя мимо, Гришутка открывалъ иногда между прутьями сѣренькое пушистое гнѣздо; такое открытіе давало ему всякій разъ случай дивиться, какъ не замѣтилъ онъ его прежде, проходя тутъ лѣтомъ. Что же была это за птица такая?.. Должно-быть крохотная какая-нибудь! и куда она теперь дѣлась.

„Погоди, постой, лѣто опять придетъ, прилетитъ она опять на прежнее мѣсто выводить яйца!..“

И мальчикъ, озираясь на стороны, старался замѣтить камень, земляной выступъ, овражекъ противъ куста съ гнѣздомъ, чтобы не обознаться, когда придетъ время прямо напасть на слѣдъ.

А между-тѣмъ, щеки долины расходились, склоны съ обѣихъ сторонъ понижались, каменистый грунтъ замѣтно дѣлался мягче и покрывался травою, по которой плавно теперь, безъ пѣны и шуму, спускался ручей. Вскорѣ открылись пространные луга, кой-гдѣ замкнутые лѣсистыми холмами. Вся эта плоскость, залитая тѣмъ же блестящимъ, хотя холоднымъ сіяньемъ, казалась совершенно гладкою; нигдѣ не было видно деревушки. Но тутъ и тамъ подымались вдалекѣ тонкія струйки дыма. Нѣсколько ближе, хотя очень еще далеко, выступало строеніе съ высокой остроконечной кровлей, которая вырѣзывалась синеватымъ треугольникомъ подъ сверкающимъ краемъ горизонта. Еще ближе, возносилась группа вётелъ; между головастыми ихъ стволами и сквозь голые сучья мелькалъ на солнцѣ бревенчатый новый амбаръ съ лѣпившимися къ нему избою и навѣсомъ. Ручей, откинувшись отъ дороги, дѣлалъ два, три поворота, пропадалъ раза два и снова сверкалъ у вётелъ; дорога шла прямо къ амбару. При видѣ старыхъ вётелъ и амбара, разсѣянный, безпечный видъ мальчика исчезъ тотчасъ же; онъ снова какъ-будто вспомнилъ о чемъ-то, и теперь уже съ озабоченнымъ и совершенно дѣловымъ видомъ ходко пошелъ впередъ.

Мало-по-малу, не въ дальнемъ разстояніи за вётлами, показался берегъ рѣки, тянувшійся прямо къ строенію съ высокой кровлей, мелькавшей въ отдаленьи. Ручей бѣжалъ къ рѣкѣ; но прежде чѣмъ въ нее скатиться, онъ замыкался плотиной и наполнялъ небольшой прудъ, обсаженный съ одного бока вётлами; къ тому же боку примыкалъ амбаръ, изба и плетни съ навѣсомъ. Въ лѣтнее время все это должно было пропадать въ зелени; но теперь опавшій листъ позволялъ разсматривать два водяныя

колеса, прикрѣпленныя къ амбару, и подъ ними дощаной жолобъ; сквозь щели досокъ просачивались длинныя серебристыя водяныя нити, между тѣмъ какъ съ дальняго конца жолоба каскадомъ ниспадалъ водяной стержень, обдававшій пѣной всю нижнюю часть амбара. Вода очевидно пущена была отъ избытка, потому что колеса оставались неподвижными. Прудъ сверкалъ какъ зеркало; и на незыблемой его поверхности ясно отражались стволы вётелъ съ ихъ прутьями, часть плетня, калитка въ плетнѣ и ярко освѣщенный амбаръ съ его кровлею, обсыпанною мучною пылью; мѣсто, гдѣ вода изъ пруда устремлялась въ жолобъ, представлялось неподвижною стеклянною массой; быстрота стремленія выказывалась только утками, которыя, какъ ни спѣшили двигать красными своими лапками, но все-таки едва плыли противъ теченія.

Обогнувъ прудъ (дорога проходила по той сторонѣ пруда и упиралась прямо въ ворота амбара, которыя были теперь заперты), Гришутка ступилъ на гибкую доску, брошенную черезъ жолобъ противъ калитки. Въ другое время, онъ, конечно, не преминулъ бы попугать утокъ, и безъ того уже бившихся изъ силъ, чтобы выплыть изъ стремнины; не преминулъ бы также остановиться посреди доски и покачаться надъ водою, въ которой представлялся онъ стоявшимъ вверхъ ногами со своимъ боченкомъ,—но надо думать, не до того теперь было. Онъ суетливо перешелъ доску, поглядѣлъ сначала въ щель калитки и, принявъ вдругъ рѣшительное намѣреніе, вступилъ на дворикъ мельницы.

II.

Семейная радость и приготовленія.

— Это ты, молодецъ?.. Что долго такъ? А я думалъ ноги твои быстрыя; думалъ—духомъ слетаешь...

Голосъ этотъ, нѣсколько надорванный, но снисходительный какой-то и очень мягкій, принадлежалъ старичку, который сидѣлъ подъ навѣсомъ двора, верхомъ на обрубкѣ бревна, и работалъ что-то топоромъ. Именно только такой голосъ и могъ принадлежать этому старику: онъ какъ-то шелъ къ нему, отвѣчалъ его кроткому, ухмыляющемуся лицу, дополнялъ, если можно такъ выразиться, то впечатлѣніе, которое производилъ старикъ съ перваго взгляда. Прозвучи голосъ его хрипло, какъ тупая пила въ гни-

ломъ деревѣ, или раздайся какъ изъ бочки, это было бы то же, какъ если бъ воробей гаркнулъ по-вороньему. Если хотите, старикъ, наружнымъ видомъ своимъ, отчасти даже смахивалъ на воробья: тѣ же прыткость и суета въ движеніяхъ, такой же вострый носъ и быстрые глаза, тѣ же, относительно разумѣется, личные размѣры; разница сходства состояла въ томъ собственно, что воробей весь сѣрый, тогда какъ у старика сѣрыми были однѣ брови; волосы его бѣлѣли какъ снѣгъ и разсыпались волокнистыми какъ трепленный ленъ, прядями по обѣимъ сторонамъ маленькаго, но чрезвычайно умнаго и оживленнаго лица.

— Что-жъ такъ долго, а? повторилъ старикъ, поглядывая на Гришку.

Нельзя сказать, чтобы мальчикъ очень смутился; онъ запнулся однакожъ, не нашелъ что̀ отвѣтить и, чтобы поправиться, поспѣшилъ спустить съ плечъ боченокъ и поставить его на видъ.

— Это-то я вижу... вижу... промолвилъ старикъ, потряхивая головою,—да былъ долго зачѣмъ?.. вотъ что...

— Бабы, дядюшка... задержали... онѣ все...

— Какія бабы? спросилъ удивленный старикъ.

— Лёнъ на лугу вязали. Я иду... а онѣ... онѣ и давай привязываться. Я и то все въ бѣжки... почитай всю дорогу... ничего съ ними не сдѣлаешь!.. озорныя такія...

— Какія же это бабы?.. Съ чего-жъ бы имъ такъ-то привязываться... Ну, братъ, тутъ что-то не ладно. Шишковато больно говоришь! Не ладно что-то, Гришунька...

При имени „Гришунька“ неловкость мальчика мигомъ пропала. Онъ зналъ очень хорошо, что когда старикъ хотѣлъ бранить его или вообще былъ не въ духѣ, то звалъ его всегда Гришкой, Григоріемъ; когда же былъ въ духѣ, другого названія не было, какъ Гришутка, Гришаха, или Гришунька. Пора было привыкнуть мальчику къ такимъ оттѣнкамъ: онъ жилъ у старика третій годъ; онъ приходился роднымъ братомъ его снохи, и старикъ взялъ его у родителей съ тѣмъ, чтобы пріучать исподволь къ мельничному дѣлу.

— Ну что-жъ смотришь-то? а?.. подхватилъ старикъ.— Боченокъ принесъ, ну и ладно; чего глядишь-то?.. али что здѣсь вдиковинку?

— Нѣтъ, дядюшка, смотрю: гдѣ-жъ это собаки-то наши? возразилъ мальчикъ, къ которому снова возвратилась его вѣтреность и разсѣянность,—собакъ не видать...

— Экъ забота припала... собакъ не видать!.. а!.. Волки съѣли.

При этомъ старикъ осклабилъ беззубыя свои десны и засмѣялся. По всему было видно, что находится онъ въ отличномъ расположеніи духа; веселость свѣтилась въ его глазахъ, проглядывала въ движеніяхъ сѣдой головы, которая самодовольно покручивалась; тѣсно было, казалось, веселости въ груди его, и она вырывалась оттуда сама собою.

— Поди, о чемъ сокрушается: о собакахъ! Эхъ, паренекъ, паренекъ!.. вотъ ужъ подлинно: молодо — зелено!.. Чѣмъ собакъ-то высматривать,—онѣ, слышь, за Петрухой побѣжали, не пропадутъ небось!—ты погляди-ка сюда лучше, сюда погляди. Совсѣмъ, почитай, ужъ покончилъ... ну, что, хорошо ли?..

Предметъ, на который указывалъ старикъ, дѣйствительно заслуживалъ вниманія: изъ-подъ навѣса, бросавшаго густую тѣнь на дворъ, высовывался длинный гибкій шестъ; въ конецъ шеста проходило старое ржавленное кольцо, отъ кольца спускались четыре коротенькія веревки, которыя расходились и прикрѣплялись концами къ угламъ деревянной рамы, обшитой внутри посконной холстиной и представлявшей подобіе неуклюжаго мѣшка.

— Ну, какова штука-то, ась? сказалъ старикъ, пригибая нѣсколько шестъ веревками и вдругъ выпуская ихъ изъ рукъ, при чемъ рама и мѣшокъ начали прыгать.

— Что-жъ это, дѣдушка? спросилъ мальчикъ, слѣдя за эволюціями мѣшка и рамы.

— А что̀ ты думалъ?

— Качка?

— Хе, хе, хе!.. залился старикъ, — знамо, что качка, а не амбарный ящикъ, ну, молодецъ, сказывай: хорошо, что ли?

— Хорошо, дядюшка!

— Эвна! эвна! эвна! произнесъ старикъ, снова приводя въ движеніе люльку и подпираясь ладонями въ бока, — эвна! знатно будетъ лежать нашему молодцу!.. Подобью еще дно войлочкомъ, да тюфячокъ положимъ... вотъ тутъ еще маленько веревки того... самъ вижу—криво; все въ правый бокъ забираетъ. И тогда повѣсимъ!.. Хорошо будетъ спать моему внучку и твоему племяннику, Гришутка; словно въ лодочкѣ! не ворохнется.

Тутъ ухмылявшееся лицо старика сдѣлалось вдругъ серьезнымъ; онъ отвернулся и склонилъ голову.

— Дай только Господь пожить ему, сердечному... Создай такую милость, Царица Небесная!.. произнесъ онъ вполголоса, крестясь медленно, съ разстановкой.

Гришутка, не спускавшій съ него глазъ, машинально снялъ шапку.

— Ты, Гришаха, не встрѣчалъ дорогой Петра? спросилъ старикъ, расправляя брови.

— Нѣтъ, дядюшка.

— Чтой-то всѣ вы нонче какъ замѣшкались? День такой: хлопотъ полонъ ротъ, а они ухомъ не ведутъ... точно, право, зарокъ дали...

— Вотъ онъ никакъ, дядюшка... Вотъ ѣдетъ! крикнулъ Гришка и побѣжалъ отворять ворота, за которыми слышался шумъ подъѣхавшей телѣги.

Щелкнулъ деревянный засовъ, ворота пронзительно заскрипѣли и въ темномъ днѣ навѣсовъ открылся вдругъ ярко-сіяющій квадратъ съ лошадью на первомъ планѣ, телѣжкой и сидѣвшимъ въ ней молодымъ парнемъ. Но прежде чѣмъ Гришка успѣлъ взять лошадь подъ-уздцы, его чуть не сшибли съ ногъ двѣ собаки: одна сѣрая, большая, похожая на волка; другая нѣсколько меньше, черная, съ желтыми зрачками, полузаслоненными шершавыми бровями, покрытая вся взъерошенными завитками, дѣлавшими ее похожею издали на мячикъ, обшитый чернымъ мохнатымъ бараномъ.

— Дядюшка дожидаетъ, сказалъ Гришка, отбиваясь одною рукою отъ собакъ, другою хватаясь за поводья.

— Да, пора бы! давно пора! отозвался старикъ съ другого конца навѣса.

Телѣга въѣхала на дворъ. Изъ нея вылѣзъ свѣтлорусый малый, лѣтъ двадцати-семи, средняго роста, но плотный, приземистый, дышащій силою и здоровьемъ. Это былъ сынъ старика и мужъ Гришкиной сестры. Насколько бралъ онъ противъ отца силой, настолько, казалось, уступалъ ему въ расторопности, живости и той быстрой смѣткѣ и смышлености, которая отражалась въ глазахъ и каждой чертѣ старика. Малый поглядывалъ даже нѣсколько простакомъ, но, впрочемъ, былъ усердный помощникъ отцу, надежная, плотная опора его старости; малый онъ былъ кроткій, покойный, честный; свойства эти явно отпечатывались на его широкомъ, кругломъ лицѣ, опушенномъ снизу бородкой, сквозь которую просвѣчивали тол-

стыя, добрыя губы и время отъ времени сверкалъ рядъ зубовъ бѣлизны ослѣпительной.

— Что такъ поздно? спросилъ старикъ, выходя къ нему навстрѣчу.

— Ничего не сдѣлаешь, батюшка, смиренно возразилъ сынъ,—Василья дома не было: пришлось обождать.

— Ну, что-жъ, купилъ?

— Купилъ, батюшка, все купилъ, что ты наказывалъ: солонины одинъ пудъ, баранины двадцать фунтовъ, масла и гороху на кисель...

— Много, чай, разсорилъ денегъ-то? спросилъ старикъ, прищуриваясь.

— По той цѣнѣ взялъ, какъ ты сказывалъ...

— Вотъ это хорошо!.. Эй, тетка Палагея! подь къ намъ! закричалъ старикъ, суетливо обращаясь къ крылечку избы.

— Иду, кормилецъ, иду!.. прохрипѣлъ голосъ въ сѣняхъ, и появилась затѣмъ старушка со впалою грудью и лицомъ, сморщеннымъ, какъ черносливъ.

Старикъ взялъ ее изъ Ягодни, на все время, пока лежать будетъ сноха его; сверхъ обычныхъ хлопотъ по хозяйству, Палагея обязывалась, за два съ полтиной, состряпать крестинный обѣдъ, назначенный на завтра.

— Ну, тетка Палагея, стряпня твоя пріѣхала!.. Бери, кроши, повертывай, — да въ печку ставь!.. Готовы ли горшки-то?..

— Готовы, касатикъ!.. У насъ духомъ-леткомъ! Было бы изъ чего, родимый, — за мною дѣло не станетъ... Не смигнешь,—все представлю въ твое удовольствіе!.. бодрясь, говорила старуха, подходя къ телѣгѣ и принимаясь вытаскивать кулечки.

— Гришутка, полно тебѣ съ собаками-то возиться!.. вишь, время нашелъ! подсоби теткѣ Палагеѣ въ избу таскать... Ты, Петруха, присовокупилъ старикъ, понижая голосъ и указывая глазами на старуху, — ты за нею поглядывай... баба-то вострая; не доглядишь — и крупицы себѣ отсыпетъ, и ветчинки отрѣжетъ, и маслица отольетъ... Хозяйкѣ твоей, знамо, не до того теперь, — съ малымъ возится... Ну, а у священника былъ?

— Былъ.

— Что-жъ онъ?

— Какъ обѣдня отойдетъ, говоритъ, тутъ и окрестимъ; пріѣзжать велѣлъ.

— Ну, а къ свату Силаеву и куму Дрону заѣзжалъ звать ихъ?

— Нѣтъ, батюшка, не успѣлъ... Василій добре задержалъ меня съ покупками... Я схожу къ нимъ, какъ уберусь.

— Да, малый ты съ затылкомъ! рази у насъ одно это дѣло-то?.. Ну, да ладно; авось тамъ справимся какъ-нибудь... Пока ты въ село пойдешь, а я за виномъ съѣзжу; Гришунька боченокъ принесъ. Ну, и я безъ тебя не сидѣлъ скламши руки... погляди-ка поди, примолвилъ старикъ, подводя сына къ люлькѣ и снова приводя ее въ движеніе:—эвна! эвна! эвна какъ! Хорошо, что ли?

— Хорошо, батюшка... Я, батюшка, какъ по лугу ѣхалъ, повстрѣчалъ три воза изъ Протасова; къ намъ на мельницу ѣдутъ; скоро, чай, будутъ... Встрѣтился также Андрей со мною...

— Какой Андрей?

— Да нашъ, изъ Ягодни... Схоронилъ ноне опять парнишку; послѣдняго схоронилъ...

— Что ты!.. Экой горькій этотъ мужикъ, право! И что̀ за диковина такая: не стоятъ у него ребяты да и полно! Всѣ въ одно время, почитай, рѣшились, въ одну осень нынѣшнюю... И бѣдность-то, да и горе-то... Что-жъ, не сказывалъ онъ, зачѣмъ шелъ? заключилъ старикъ, посматривая вопросительно.

— Нѣтъ, не сказывалъ; никакъ мѣшокъ несъ съ рожью; должно-быть, молоть идетъ.

— Гм! гм! хорошо все это, только не по времени; право, недосугъ; Богъ съ ними совсѣмъ и съ возами-то! Сидишь, бываетъ, дѣлать нечего, никто не ѣдетъ; нонѣ хлопотъ не оберешься,—всѣ какъ нарочно повалили...

— Я, батюшка, схожу пока хозяйку провѣдаю, перебилъ сынъ.

— Ступай!.. Я здѣсь поуправлюсь... вотъ качку надо еще приладить... Эй, Гришунька! эй!

— Что, дядюшка?

— Распряги лошадь, поставь ее на мѣсто, а телѣгу отодвинь—сейчасъ воза пріѣдутъ!

Мальчикъ побѣжалъ къ лошади; старикъ снова усѣлся верхомъ на обрубокъ и началъ тесать колышки, предназначавшіеся для распорки рамъ на люлькѣ.

Лошадь была уже распряжена и мальчикъ возился съ телѣгой, когда въ свѣтломъ отверстіи отворенныхъ воротъ

показался Андрей, тотъ самый мужикъ, который хоронилъ ребенка. Съ перваго взгляда Гришка не призналъ его, Андрей былъ очень высокъ ростомъ; но теперь согнутый въ дугу подъ тяжестью мѣшка, перекинутаго черезъ плечо, казался онъ маленькимъ человѣкомъ. На немъ были тѣ же лохмотья; къ нимъ теперь присоединялась еще шапка, которой не было у него на кладбищѣ. Медленнымъ, отягченнымъ шагомъ пошелъ онъ прямо къ старику, шаговъ за пять снялъ онъ шапку; несмотря на холодъ, лобъ его былъ совершенно мокръ и черные волосы свивались на лбу и вискахъ.

— Богъ помочь, Савелій Родіонычъ! сказалъ онъ, сбрасывая мѣшокъ на-земь.

— А! здорово, братъ, Андрей... здорово!.. сказалъ старикъ, насаживая топоръ въ обрубокъ и вставая. — Слышалъ я о твоемъ горѣ, слышалъ! сынъ сказывалъ! Какъ быть-то, братъ, какъ быть!.. Знать, такъ Господу Богу угодно... Его, знать, воля святая, подхватилъ онъ съ сожалѣньемъ. Частію также, старикъ повелъ такую рѣчь съ умысломъ: онъ не сомнѣвался, что Андрей пришелъ съ какою-нибудь просьбой и хотѣлъ ему не дать на это времени; старикъ былъ „крѣпковатъ въ счетахъ", какъ говорятъ въ простонародьи.

Андрей слушалъ, свѣсивъ руки и потупя голову; красивое лицо его, поблѣднѣвшее отъ усталости, изрытое нуждою и лишеніями всякаго рода, выражало глубокую скорбь; но въ скорби этой было что-то покорное, тихое; онъ, какъ видно, свыкся уже съ ударами рока, не возмущался ими, и если слезы текли по раннимъ его морщинамъ, такъ это было совершенно противъ воли: не могъ онъ никакъ совладать съ ними.

— Да, проговорилъ онъ съ разстановкой,—да, Савелій Родіонычъ, — Господь послѣдняго взялъ... Одинъ былъ... и того теперь нѣту, сирота сталъ, Савелій Родіонычъ, какъ есть сирота теперь...

Онъ не договорилъ, отвернулся и отеръ лицо изнанкомъ ладони.

— Да... Какъ быть... власть Божья!.. промолвилъ Савелій тономъ, сквозь который проглядывало эгоистическое чувство счастливаго человѣка; — у тебя вотъ, Господь, Творецъ милосердный, отнялъ, а мнѣ далъ! ты нонѣ, Андрей, схоронилъ дѣтище, а у меня нонѣ въ ночь внучекъ родился! семь лѣтъ ждалъ, молилъ Господа, — не

было; а теперь послалъ Господь!.. Власть Божья! Его не переспоришь... Вѣдь у тебя было никакъ всего трое ребятъ? одинъ, помнится, косинькой такой, маленечко еще на ногу припадалъ... нога-то съ кривинкой была... Этотъ, что ли, померъ?

— Этотъ, Савелій Родіонычъ...

— Ну, этотъ, Господь съ нимъ! обиженный былъ человѣкъ... Не былъ бы тебѣ помощникомъ... Калѣка былъ!

— Нѣтъ, Савелій Родіонычъ, этого мнѣ жалчѣе... другихъ хоронилъ, словно не такъ горько было!.. Косинькаго всѣхъ жалчѣе, Савелій Родіонычъ!.. Ужъ такъ-то жалко... кажись... Пришелъ въ избу, гляжу—нѣтъ его, нѣтъ Егорушки, вспомнилъ... индо даже отъ сердца оторвалось у меня... Косинькаго всѣхъ жалчѣе!..

— Что говорить... послѣдній былъ; своя полоса мяса!.. Что говорить! сказалъ Савелій, поглядывая на стороны.— Ты, братъ Андрей, не серчай на меня... Ей-Богу некогда... недосугъ нонче... У насъ нонѣ хлопотъ-то и-и-и!..

— Я за дѣломъ къ тебѣ, Савелій Родіонычъ...

— Гм! Какое же твое дѣло?.. Коли можно...

— Да помолоть пришелъ... одинъ мѣшокъ всего...

— Ну, что-жъ, засыпай!..

— Только... нельзя ли какъ-нибудь, Савелій Родіонычъ... Какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю: нѣтъ у меня ничего... отъ похоронъ гроша не осталось... за помолъ отдать нечего...

Савелій поморщился и почесалъ затылокъ.

— Сдѣлай милость, Савелій Родіонычъ!.. право, на хлѣбецъ, на одинъ хлѣбецъ муки нѣтъ...

Савелій смотрѣлъ въ землю и пожималъ губами.

— Дядюшка, къ намъ возы ѣдутъ! — Три воза! крикнулъ Гришка, стоявшій въ воротахъ.

— Вишь, тебѣ Господь Богъ посылаетъ, Савелій Родіонычъ! вымолвилъ Андрей.

— Н... ну Богъ съ тобой! засыпай! ступай только скорѣе, пока тѣ не подъѣхали, сказалъ старикашка, принявъ снова свой добродушный видъ.—Гришутка, отцѣпи колесо поди,—у первой снасти!..

Минуты двѣ спустя, внутри амбара послышалось шипѣнье жернова, который вскорѣ разошелся и пошелъ порхать, посылая изъ амбарной двери легкіе клубы мучной пыли.

— Петрунька, сказалъ Савелій, останавливая сына послѣ

того, какъ возы въѣхали на дворъ, установились и пущена была въ ходъ вторая снасть,—какъ же намъ, слышь, быть теперь?

— Что-жъ, батюшка?

— Ты идешь въ село теперь на крестины звать; можетъ тамъ опять промѣшкаешь; до вечера, можетъ, пробудешь; дни теперь короткіе... Тутъ вотъ эти, прости Господи, пріѣхали! прибавилъ онъ, указывая глазами на подводы,—мнѣ отъ нихъ отойти нельзя никакъ... А кто-жъ теперь за виномъ-то поѣдетъ?..

— Пошли, батюшка, Гришку,—онъ съѣздитъ!

Старикъ пожалъ губами и покачалъ головою.

— Что-жъ такое! продолжалъ сынъ, — развѣ мудрость какая! подалъ деньги цѣловальнику — и все тутъ; боченокъ вѣдь ведерный, обмѣрить нельзя: дѣло все на виду...

— На виду-то, на виду... Оно такъ... Да малый-то... думается, того... Ну, да ладно, ступай!.. произнесъ Савелій, одумавшись. — Эй, Гришка, крикнулъ онъ, когда Петръ исчезъ въ воротахъ,—поди запрягай лошадь; смотри только, какъ дугу надѣвать станешь, мнѣ скажи, самъ не затягивай...

— Дай я подсоблю ему, сказалъ Андрей, выходя изъ амбара,—мнѣ пока дѣлать нечего.

Онъ пошелъ навстрѣчу мальчику, который велъ уже лошадь. Когда подвода была готова, Савелій велѣлъ Гришкѣ надѣть шубенку и взять шапку. Тотъ вытаращилъ сначала удивленные глаза; но потомъ, какъ-будто вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ соединилось для него великое счастіе, полетѣлъ въ избу и разомъ даже перескочилъ черезъ всѣ ступеньки крылечка.

— Посылать его хочешь? спросилъ Андрей.

— Да, вина взять на завтра, возразилъ Савелій, запуская съ озабоченнымъ видомъ руку за пазуху и вынимая оттуда кожаный кошель. — Что это, какъ вино стало у насъ нонѣ дорого!.. Четыре цѣлковыхъ за ведро... Виданное ли это дѣло!.. И добро бы вино-то было хорошее, спорое... а то лѣшій ихъ знаетъ, прости Господи, чего туда подливаютъ, разбойники!.. Бывало, два съ полтиной платили; теперь хуже стало, а всѣ четыре цѣлковыхъ отдай... Бѣда да и только!..

— Все теперь вздорожало, Савелій Родіонычъ; за что ни возьмись, все дороже.

— Охо-хо! говорилъ Савелій, высчитывая на ладони

деньги,—стало ужъ времена такія пришли... времена такія тугія... Такія времена!

Надѣть полушубокъ и схватить шапку было для Гришки дѣломъ одной минуты; онъ возвратился на дворъ прежде еще, чѣмъ старикъ успѣлъ сосчитать деньги.

— Дядюшка, я здѣсь! сказалъ онъ, торопливо застегивая на ходу верхнюю пуговицу у полушубка и любопытно поглядывая то на лицо старика, то на ладонь съ деньгами. — Я здѣсь, дядюшка!.. повторилъ нетерпѣливо мальчикъ.

— Вижу... вижу!.. Шесть гривенъ, да полтина... да двугривенный... бормоталъ старикъ, — возьми боченокъ, Гришутка, положь его въ телѣгу, прибавилъ онъ мимоходомъ и возвышая голосъ,—еще три четвертака... Всего четыре цѣлковыхъ... Вишь ты эти деньги? заключилъ онъ, обращаясь къ мальчику.

— Вижу, дядюшка!

— Что жъ ты видишь-то?

— Деньги, дядюшка!

— Да сколько ихъ?

— Не знаю...

— То-то же и есть!.. прытокъ больно... охъ ужъ ты у меня, смотри... слушай, тутъ четыре цѣлковыхъ, продолжалъ старикъ, копотливо завертывая мелкую монету въ двѣ замасленныя рублевыя бумажки, — смотри, не оброни!..

— Нѣтъ, дядюшка, въ рукѣ держать буду: не выпущу!

Савелій покачалъ головою, молча разстегнулъ ему полушубокъ, ощупалъ овчину внутри, опять покачалъ головою; молча потомъ снялъ шапку мальчика, внимательно осмотрѣлъ тулью, приподнялъ ее и, вложивъ туда деньги, крѣпко опять надвинулъ шапку на голову Гришки.

— Смотри у меня, не сымать шапки дорогой! сказалъ онъ, — поѣдешь теперь въ кабакъ, возьмешь тамъ ведро вина, скажи цѣловальнику: „боченокъ-то ведерный, видно будетъ, какъ обмѣришь!..“ Постой! возвысилъ голосъ старикъ, видя, что мальчикъ бросился къ телѣгѣ, — погоди! экъ его носитъ какъ!.. знаешь ли еще, гдѣ кабакъ-то?

— Какъ же, дядюшка! какъ не знать... я рази впервой... кабакъ за рѣкою...

— Погоди!.. перебилъ старикъ, выказывая въ свою очередь нетерпѣніе, — постой!.. экъ его носитъ!.. ну, что ты похваляешься-то? что похваляешься? кабакъ, знаю, за

рѣкою... да вѣдь за рѣкою-то у насъ два кабака; какъ проѣдешь рѣку, отъ перевоза будутъ двѣ дороги; одна пойдетъ влѣво, другая прямо, налѣво не ѣзди; ступай прямо... слышишь?

— Слышу, дядюшка!

— А коли слышишь, садись да поѣзжай; вотъ еще что: смотри у меня, лошадь не гнать! Пріѣдешь домой, я погляжу: коли потная она, вихры намну!.. помни же, что̀ сказано: шапки не сымай дорогой; какъ въ кабакъ пріѣдешь, тогда только сыми...

Послѣднія слова сказаны были мальчику, когда онъ сидѣлъ уже въ телѣгѣ и держалъ вожжи. Андрей взялъ лошадь подъ-уздцы и вывелъ ее изъ воротъ. Гришка свистнулъ собакѣ, которая полетѣла за нимъ, и вскорѣ собака и телѣга пропали изъ виду.

— Андрей, крикнулъ старикъ, когда тотъ возвратился,— побудь пока здѣсь въ амбарѣ; погляди за помольцами, на минутку въ избу схожу, сноху провѣдаю, погляжу на внучка...

— Ладно, Савелій Родіонычъ.

— Постой!.. поди-ка сюда... вымолвилъ старикъ, направляясь къ той сторонѣ навѣса, гдѣ висѣла люлька,— ты, братъ, повыше меня, достанешь безъ подставки... сыми кольцо съ шеста... кстати, ужъ заодно пойду качку въ избѣ прилажу... погоди! присовокупилъ онъ, останавливая одной рукой Андрея, другой рукой приводя въ движеніе люльку, — теперь, кажись, ровно идетъ... Эвно! эвно!.. ладно, сымай теперь!

Андрей исполнилъ его просьбу.

— Побудь же пока въ амбарѣ-то, повторилъ дядя Савелій.

И пропустивъ кольцо въ костлявые свои пальцы, вытянувъ руки, чтобы дно люльки не тащилось по землѣ, онъ поплелся въ избу, сохраняя во все время на лицѣ самодовольную улыбку.

III.

Маленькая біографія маленькаго человѣка.

Эпоха, въ которую родился Савелій, относится къ весьма отдаленному времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что помѣщики имѣли тогда право продавать крестьянъ своихъ поодиночкѣ. Теперь, благодаря про-

свѣщенію, которому такъ справедливо удивляемся и мы, и европейцы, — право продажи душъ поодиночкѣ не существуетъ.

Теперь крестьяне продаются не иначе, какъ цѣлымъ семействомъ: оно и человѣчнѣе, и даже выгоднѣе.

Сосѣду понравился, напримѣръ, вашъ столяръ; онъ предлагаетъ за него очень выгодныя условія.

— Человѣкъ отличный! говорите вы съ одушевленіемъ, — превосходный! кладъ — не человѣкъ! При случаѣ, онъ можетъ даже красить крыши, составлять лаки... жена его также отличная женщина...

— Но жены его и дѣтей мнѣ не надобно, возражаетъ сосѣдъ, — я хочу имѣть одного только столяра; онъ одинъ мнѣ нуженъ...

— Безъ жены и дѣтей не могу... не могу! говорите вы съ убѣжденіемъ, — развѣ не знаете вы, что я уже не могу этого сдѣлать...

— Дѣлать нечего, продайте всю семью... мнѣ собственно все равно!.. Но въ такомъ случаѣ денежныя условія останутся тѣ же...

— Что вы! что вы!.. Христосъ съ вами!.. говорите вы, пораженные безстыдствомъ и наглостью сосѣда, — жена его отличная прачка; она даже тонкіе кружевные воротнички стираетъ! Отпустите ее на оброкъ, — она принесетъ вамъ вѣрныхъ пятнадцать цѣлковыхъ!.. Наконецъ, у него есть еще мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, удивительный мальчикъ! Самоучкою выучился грамотѣ, пишетъ какъ писарь, почеркъ чисто каллиграфическій... у меня въ семействѣ даже зовутъ его каллиграфомъ... Словомъ, замѣчательный мальчикъ! Года черезъ четыре-пять, онъ принесетъ вамъ рублей тринадцать оброку, если не больше!.. Я бы никогда не разстался съ этимъ ребенкомъ и его матерью... Я уступаю ихъ единственно потому, что отецъ мнѣ не нуженъ; а такъ какъ по закону одно лицо продать невозможно, рѣшаюсь уже заодно продать все семейство...

Сосѣду столяръ нуженъ до зарѣзу, онъ предлагаетъ, сверхъ положенной суммы за отца, кое-что еще за мать и сына, — и вы остаетесь, слѣдовательно, въ барышахъ противъ того, какъ было бы при продажѣ одной души. Но все это дѣло постороннее и выставлено здѣсь единственно въ защиту успѣха нашего просвѣщеннаго вѣка.

Савелій Родіонычъ принадлежалъ къ другой губерніи, а не къ той, гдѣ теперь находился. Семи лѣтъ отъ роду,

проданъ онъ былъ на своз вмѣстѣ съ отцомъ и матерью въ село Ягодню, гдѣ въ то время земли было вчетверо противъ числа душъ. Переселеніе изъ родины на новое мѣсто совершилось очень благополучно; не обошлось, конечно, безъ слезъ, воплей и даже криковъ отчаянья при разлукѣ, нельзя же: сердце не камень! Привелось прощаться съ родными, которыхъ никогда больше не увидишь, привелось разставаться навѣки съ погостомъ, на которомъ покоились кости отцовъ и проч. Но нѣтъ такого горя, которое не умалялось бы временемъ. Поплакали и перестали. Семейству Савелія выстроили избенку и отвели землю. Мѣстность Ягодни, воздухъ, вода, жизнь при тогдашнемъ помѣщикѣ — все было лучше, чѣмъ на родинѣ. При всемъ томъ, переселенцамъ какъ-то не посчастливилось на новомъ мѣстѣ. Мать Савелія видимо чахла; къ началу осени слегла она, а къ концу отдала Богу грѣшную свою душу. На второй годъ, Савелій остался круглымъ сиротою, потому что отецъ его тоже „переселился“, то-есть переселился въ такой край, откуда никакой помѣщикъ—предлагай онъ хоть все свое состояніе— не могъ бы уже достать отца Савелья.

Сирота началъ переходить изъ одного семейства въ другое. На вызовъ управляющаго, нѣтъ ли желающихъ взять мальчика на воспитаніе, многія семейства изъявляли величайшую готовность; мальчика отдавали; но вскорѣ явилась необходимость отнять его у воспитателей: одни заставляли пахать его на восьмилѣтнемъ возрастѣ, другіе отдавали его внаймы въ сосѣднюю деревню, третьи выказывали явное намѣреніе воспитать его для той цѣли собственно, чтобы отдать за сына въ солдаты, когда придетъ очередь, и т. д. Такія распоряженія не отвѣчали видамъ управляющаго, который, къ счастію, былъ человѣкъ разсудительный и, главное, очень добрый. Онъ рѣшился испробовать еще разъ и отдалъ сироту одинокому мужику, жившему съ женою. Мужикъ брался воспитать мальчика; онъ обѣщалъ даже усыновить его. На этотъ разъ можно было, кажется, положиться на воспитателей. Несмотря на крайнюю бѣдность новыхъ хозяевъ мальчика, они не посылали его ни пахать, ни отдавали внаймы сосѣдямъ. Жизнь Савелія пошла не въ примѣръ лучше прежняго. Вскорѣ началъ онъ свыкаться съ хозяевами; мало-по-малу и тѣ стали привыкать къ нему. Мальчикъ былъ впрочемъ славный, — хотя надо сказать

(и въ этомъ старикъ и старуха сознавались съ сокрушеннымъ сердцемъ), — онъ поѣдалъ у нихъ множество хлѣба. „Къ росту что ли онъ такъ, или прежде добрé ужъ голодалъ много, говорили они,—но только съѣдаетъ— Христосъ съ нимъ! — словно взрослый! не напасешься никакъ!..“

Годъ отъ году, однакожъ, меньше каялись они, что взяли его и меньше жалѣли хлѣба. Хлѣбъ шелъ въ прокъ мальчугану; онъ росъ, крѣпчалъ, привязывался къ старикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не шутя, дѣлался имъ полезенъ. На тринадцатомъ году, онъ свободно уже управлялся съ сохою; и это вовсе не потому, чтобы много понукалъ хозяинъ,—но по своей охотѣ. Въ прежнее время, когда выходила старику очередь ѣхать въ ночную, или отрывали его другія мірскія и барскія дѣла, — поле его часто гуляло (батрака нанять было не на что), собственныя работы его останавливались, плетень оставался недоплетеннымъ, лошадь неприбранною и проч.; теперь онъ оставлялъ малаго, и если послѣдній не приводилъ дѣла къ полному успѣху, то, по крайней мѣрѣ, все же хоть сколько-нибудь подвигалъ его. И все дѣлалось у него какъ-то скоро, охотно, весело; все какъ-то давалось ему и спорилось въ рукахъ его. Старикъ занимался нѣсколько плотничнымъ ремесломъ; Савелій любилъ присматриваться къ такой работѣ. Лѣтъ пятнадцати онъ владѣлъ топоромъ ничуть не хуже своего воспитателя. Прошелъ годъ, другой. Около этого времени, въ Ягоднѣ перестраивали церковь, которую мы видѣли. Савелій попалъ въ число плотниковъ.

Выборъ этотъ опредѣлилъ, можно сказать, судьбу его. Церковь перестраивалась своими мужиками, но ими завѣдывали два испытанные егорьевскіе плотника. Съ первыхъ же дней замѣтили они, что никто не строгалъ досокъ глаже Савелія, никто такъ чисто не выводилъ желобковъ для стока воды, никто не былъ такъ смѣтливъ, ловокъ и смѣлъ съ топоромъ и на подмосткахъ. Они дали ему рубить углы и потомъ посадили за рамы. Но гдѣ особенно отличился Савелій, такъ это когда пришлось убирать узорчатыми подзорами наружныя стѣны и церковные навѣсы. Онъ выдолбилъ въ доскѣ такой красовитый узоръ, что всѣ только ахнули и рѣшили, что лучше не выдумать. Теперь уже не существуютъ эти деревянные фестоны, служившіе когда-то лучшимъ наружнымъ

украшеніемъ церкви; обливаемые дождемъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, съѣдаемые червоточиной и плѣсенью, они истребились совершенно; въ одномъ только мѣстѣ, съ восточной стороны церкви, тамъ, гдѣ алтарь и гдѣ тѣснятся могилы, осталась еще одна — сѣрая тесина съ треснувшимъ и полуосыпавшимся узоромъ; но и этотъ послѣдній остатокъ виситъ уже на одномъ гвоздѣ и день-ото-дня грозитъ упасть на ближнюю могильную плиту и разсыпаться въ прахъ.

Слухомъ, говорятъ, земля полнится. Въ окрестностяхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Ягоднѣ находится ловкій плотникъ; слухъ не замедлилъ проникнуть на мельницы, которыхъ тогда уже было довольно много въ околоткѣ. Мельники стали звать Савелія.

— Что жъ, батюшка, сказалъ Савелій, когда старикъ завелъ рѣчь объ этомъ предметѣ,—коли ты съ матушкой отпустите, я бы пошелъ, пожалуй; плотничья работа далась мнѣ; супротивъ всякаго другого дѣла имѣю я къ ней охоту... Сдается мнѣ, худобы для дома отъ этого никакой не будетъ; емельяновскій мельникъ сулитъ отъ Святой до заговѣнья сто тридцать рублей; восемьдесятъ рублей отдашь батраку; земли у насъ не Богъ знаетъ сколько, онъ съ нею управится; ты маленько еще подсобишь... Значитъ пятьдесятъ рублей въ домѣ останутся! Какъ умомъ ни раскидывай, все, значитъ, въ барышахъ останешься.

Такая рѣчь пришлась старику по душѣ и по разуму. Савелій отправился. Лишнимъ считаю распространяться о томъ, какъ жилъ Савелій на емельяновской мельницѣ. Достаточно сказать, что на второй годъ мельникъ сулилъ ему не сто тридцать, а сто восемьдесятъ, лишь бы остался работникъ. Одна изъ причинъ, почему жалованье усиливалось, заключалась отчасти въ томъ также, что сосѣдніе мельники старались всячески переманить къ себѣ работника. Такія обстоятельства достаточно, кажется, говорятъ въ пользу Савелія.

На десяти мельницахъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно стало, что лучше емельяновскаго плотника не сыскать по округу: емельяновскія колёса его издѣлья пошли въ славу столько же по чистотѣ отдѣлки, сколько и потому также, что, принимая меньше воды, вертѣли такъ же скоро, какъ прежде. Малый, сверхъ того, былъ на всѣ руки: хочешь, приставь его въ прудкѣ, вели толчею въ

ходъ пустить, пошли на базаръ съ мукою или дай приглядѣть за помольцами — ни въ чемъ не сплохуетъ, ко всему гораздъ, нигдѣ не покривитъ душою; и малый-то какой: хмелемъ не зашибается, нравомъ кроткій, хозяина всегда готовъ уважить,—словомъ, кладъ, а не работникъ! Савелій остался у прежняго хозяина; съ него пошелъ онъ въ ходъ и не хотѣлось идти ему на новое мѣсто, тѣмъ болѣе, что на первомъ онъ привыкъ и давали ему столько же жалованья, сколько и на вторыхъ.

Маленькое хозяйство старика и старухи годъ отъ году между тѣмъ поправлялось. Савелій во-время высылалъ имъ деньги и никогда копейки отъ нихъ не утаивалъ.

— Вотъ, батюшка, скажетъ, — здѣсь трехъ цѣлковыхъ съ пятьалтыннымъ не въ достачѣ; ты не сумлѣвайся: два цѣлковыхъ пошли на полушубокъ; вотъ гляди: на спинѣ протерлось... новую овчину вставилъ, да на локти еще... Одинъ цѣлковый отдалъ за сапоги. А за пятьалтынный ты, батюшка, не серчай: набивной платокъ купилъ... въ праздникъ, знамо, поразгуляться захочешь, повяжешь на шею... у насъ всѣ такъ-то ходятъ; не хотѣлось, супротивъ другихъ-то... словно совѣстно!..

Батракъ, заступившій мѣсто Савелія, попался хорошій: поля не стояли, обработывались; не то что прежде, когда, бывало, старикъ, отвлекаемый то міромъ, то барщиной, не успѣвалъ управиться со своими дѣлами. Хлѣбушка было теперь въ достачу; оставалось даже на продажу.

Но человѣкъ такъ уже сотворенъ видно, что никогда не доволенъ настоящимъ. Сколько Провидѣніе ни расточай на него благъ своихъ, сколько ни балуй его, онъ все-таки стремится получить больше, все-таки продолжаетъ докучать Провидѣнію, прося у Него новыхъ даровъ, новаго счастія. То же было и со стариками—пріемными отцомъ и матерью Савелія. До преклонныхъ годовъ терпѣли они нужду горькую, бѣдность; Господь сжалился надъ ними: утолилъ ихъ нужду, утѣшилъ ихъ старость, пославъ имъ сына — подпору; положимъ, сынъ не былъ родной; но не все ли равно, когда жилъ онъ съ ними и радовалъ ихъ, быть-можетъ, лучше всякаго кровнаго! Такъ нѣтъ же! Стбило только пооперитьс старикамъ, стбило имъ порадоваться надъ Савельемъ и возблагодарить за него Бога, — начали они возсылать къ Нему новыя мольбы, начали давать волю новымъ мечтаніямъ! Утромъ, вечеромъ ли, короче сказать, когда ни встрѣчались ста-

рикъ со старухой, только и слышно было у нихъ разговору, что вотъ, дескать, конечно, Творецъ милосердый благословилъ ихъ всѣмъ, послалъ и сынка, и достатокъ, но что ко всему этому какъ словно недостаетъ еще чего-то... Что надо бы теперь поженить сынка-то, надо бы порадоваться на его счастье, надо бы внучатъ понянчить... и проч. Слова нѣтъ, при существующихъ обстоятельствахъ, такія мечтанія не были, можетъ статься, заносчивы; теперь любая дѣвка охотно пошла бы въ домъ къ нимъ; но все-таки, не доказываетъ ли это, что человѣкъ, даже преклонный, никогда не успокоивается, вѣчно будетъ уноситься мечтаніями и требовать бо̀льшаго. Дало Провидѣніе сына, — нѣтъ, мало: давай еще сыну жену, потомъ внучатъ и такъ далѣе. Старикъ и особенно старуха начали искать невѣсту. Ходить было не далеко и не долго; въ той же самой Ягоднѣ выискалась вскорѣ хорошая дѣвушка. Зимою, на побывку, пришелъ Савелій. Старики поговорили ему, показали дѣвушку; дѣвушка парню понравилась, онъ согласился—и въ тотъ же мѣсяцъ сыграли свадьбу. Мѣсяца два пожилъ онъ дома, провелъ рождественскіе праздники съ молодою женою — и снова отправился на работу. Такой уговоръ былъ у него съ содержателемъ Бархинской мельницы, слывшей въ то время первой мельницей по всей губерніи. Савелій получалъ уже теперь триста рублей въ годъ жалованья. Но счастіе не въ достаткѣ! именно: не въ достаткѣ счастіе. Сколько ни молилъ Бога Савелій, сколько ни просили старики угодниковъ, старуха ходила даже по этому предмету на богомолье; нѣтъ, не давалъ Господь дѣтей Савелью, не давалъ внучатъ старикамъ! На все остальное снизошло благословеніе; хлѣба рождалось много, скотинка велась хорошая: была корова и телка, восемь овецъ, двѣ лошади; жили они въ новой избѣ и съ широкою печью, полатями и перегородкой; остальное строеніе также все поисправилось: столбы навѣсовъ были новые, плетни стояли стѣною, крыша такъ густо покрыта была соломой, что стало бы ея на три крестьянскихъ двора; сами они, и старики, и сноха, и Савелій пользовались хорошимъ здоровьемъ,—словомъ, все было такъ, что лучше и желать нельзя, но дѣтей не давалъ Господь; не рождались дѣти, да и только!

Савелію было уже около тридцати-семи лѣтъ, когда неожиданно умеръ его помѣщикъ. Наслѣдники поспѣшили

продать Ягодню. Новый помѣщикъ пріѣхалъ въ пріобрѣтенное. Первымъ распоряженіемъ его было—собрать налицо всѣхъ мужиковъ, работавшихъ на сторонѣ и ходившихъ по оброку. Савелій только что нанялся тогда заправлять новой какой-то мельницей; онъ лишился мѣста и, сверхъ того, долженъ былъ еще заплатить неустойку.

Но мы оставимъ на время Савелья. Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Ягодни за двѣнадцать лѣтъ. Жизнь крестьянина такъ тѣсно связана съ положеніемъ его деревни; положеніе деревни находится въ такой зависимости отъ жизни помѣщика, его взглядовъ, нрава и образа управленія, что, разсказывая исторію деревни, или, все равно, исторію управленія надъ нею, даешь въ то же время возможность судить о житьѣ-бытьѣ самого крестьянина.

Провидѣніе, всегда хранившее Ягодню, спасавшее ее отъ пожаровъ, неурожаевъ, моровыхъ язвъ и дурныхъ помѣщиковъ, казалось, вдругъ отъ нея отвернулось. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили и думали крестьяне. Въ эти двѣнадцать лѣтъ въ Ягоднѣ смѣнилось сряду пять помѣщиковъ; всѣ они, какъ на подборъ, принадлежали къ классу, извѣстному у насъ подъ именемъ: „помѣщиковъ-спекуляторовъ“. Къ этому классу, благодаря Бога, весьма немногочисленному въ нашемъ отечествѣ, принадлежатъ большею частію люди темнаго происхожденія; они выходятъ изъ семинарій, изъ уѣздныхъ судовъ, изъ заднихъ рядовъ гражданской государственной службы, дослуживаются до секретарей и коллежскихъ совѣтниковъ, иногда больше, и, набивъ копейку, пускаются пріобрѣтать имѣнія, съ цѣлью закруглить капиталъ. Такіе господа не живутъ обыкновенно въ деревняхъ своихъ. Дѣтство ихъ не запечатлѣно воспоминаніями сельской жизни,—воспоминаніями, которыя сердечно привязываютъ человѣка къ такому-то мѣсту и людямъ, ему принадлежащимъ, и заставляютъ смотрѣть на все это мимо всякихъ выгодъ и расчетовъ. Въ глазахъ помѣщика-спекулятора имѣніе представляетъ ничего больше, какъ капиталъ, изъ котораго стараются они извлечь по возможности больше процентовъ; на крестьянъ смотрятъ они, какъ на извѣстнаго рода свеклу, которую чѣмъ сильнѣе нажмешь, тѣмъ больше получишь изъ нея соку. Часто помѣщикъ-спекуляторъ стыдится пріѣхать въ свою деревню, потому что дядя его былъ тамъ дьячкомъ или дворовымъ человѣкомъ. Онъ по-

сылаетъ тогда управителя, отставного унтера какого-нибудь, или знакомаго протоколиста, которому протежируетъ и котораго выводитъ въ люди. Изъ числа помѣщиковъ, владѣвшихъ Ягодней въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, двое посылали туда управляющихъ, три сами являлись и лично занимались управленіемъ. Послѣдніе были самые худые. Одни дѣйствовали такимъ образомъ: не измѣняли прежней системы управленія, но только удвоили оброки; они уничтожали затяглыхъ и сажали ихъ на оброкъ; накладывали оброкъ на дѣвокъ и ребятъ свыше двѣнадцатилѣтняго возраста; женили семнадцатилѣтнихъ парней, чтобы увеличить число тяглъ; извѣстно, что съ тягла, т.-е. съ мужа и жены, можно больше взять, чѣмъ съ дѣвки и парня. Они продавали на срубъ рощи; продавали невѣстъ изъ крестьянскихъ и дворовыхъ дѣвокъ, продавали скотъ. Владѣя такимъ образомъ годъ или два имѣніемъ, собравъ два непосильные оброка, собравъ еще одинъ оброкъ впередъ за третій годъ, они неожиданно продавали Ягодню. Другими управляла иная система: они уничтожали оброкъ и сажали имѣніе на пашню; земля и народъ не знали отдыха. Правило, назначающее столько-то дней работать на барщинѣ, столько-то на себя, уничтожилось само собою; народъ неутомимо работалъ въ поляхъ, работалъ на кирпичномъ заводѣ, который вдругъ возникалъ въ Ягоднѣ, возилъ продавать кирпичъ въ городъ, пахалъ, молотилъ и вѣялъ, не зная сна и покоя. Выжавъ сокъ изъ земли и крестьянъ, разоривъ въ конецъ имѣніе, помѣщикъ наскоро подправлялъ плетни, покрывалъ крыши, подкрашивалъ амбары, воздвигалъ кой-гдѣ красивенькія рѣшетки, и, показавъ лицомъ Ягодню, выгодно сбывалъ ее другому, менѣе опытному изъ своего же брата. Результатомъ этихъ двѣнадцати лѣтъ было то, что Ягодня, слывшая какъ-то чуть ли не первой деревней уѣзда, сдѣлалась послѣдней; земля истощена, лѣса порублены, крестьяне разорены; у многихъ не только коровы не было,—не было лошади и даже курицы въ домѣ. Бо̀льшая часть побиралась.

Къ этому числу не принадлежалъ, однакожъ, Савелій. Онъ былъ бѣденъ; куда!—слѣда не осталось отъ прежняго благосостоянія! но сравнительно съ другими, онъ все еще кой-какъ пробавлялся. Въ эту страшную эпоху разоренья, мужичку все-таки встрѣчалась надобность поправить уголъ избы, требовалось подвести ось телѣги, почи-

нить кадку; бабамъ нужны были деревянные гребни для мычекъ, веретена, корыта; никто лучше Савелья не могъ исполнить такихъ дѣлъ, и при этомъ всегда перепадалъ ему лишній кусокъ хлѣба. Въ эти двѣнадцать лѣтъ много, впрочемъ, измѣнилось въ его домашнемъ положеніи: старикъ и старуха приказали долго жить; что, какъ бы взамѣнъ такого горя, Господь услышалъ, наконецъ, его молитвы и послалъ ему сынка. Савелій не падалъ духомъ. Какая-то внутренняя сила,—быть-можетъ, вѣра въ Промыслъ, быть-можетъ, природная потребность дѣятельности, быть-можетъ, то и другое вмѣстѣ,—подкрѣпили его. Онъ разгибалъ спину послѣ барщины и, приходя домой, снова сгибалъ ее, всегда находя подъ рукою какую-нибудь работу. Дѣйствіемъ этого было то, что онъ ѣлъ хлѣбъ, тогда какъ другіе побирались.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ бѣдною Ягодней. Она попала въ руки сосѣднему помѣщику, настоящему помѣщику,—коренному, какъ называли его крестьяне. Пошли тотчасъ же другіе порядки: имѣніе поступило на оброкъ, не на такой, котораго не могли платить крестьяне, но который могъ только ихъ поправить. Въ первое же воскресенье, послѣдовавшее за купчею, церковь Ягодни была полна народу. Старики стояли на колѣняхъ; бабы кланялись иконамъ и плакали; всѣ молились и благодарили Творца, внявшаго ихъ грѣшнымъ молитвамъ.

Обыватели Ягодни вздохнули. Вмѣстѣ съ ними вздохнулъ, разумѣется, и Савелій. Но вскорѣ вздохъ радости смѣнился у него тяжелымъ вздохомъ; около этого времени онъ лишился жены. Правду говорятъ: не бываетъ радостей безъ печали!

Поплакалъ, прогрустилъ Савелій; но дѣлать нечего, мертваго не воскресишь! надо было приниматься тянуть какъ-нибудь житейскую лямку. Сына своего (мальчишкѣ было тогда семь лѣтъ) поручилъ онъ жениной роднѣ, а самъ, перекрестясь, снова пошелъ ходить по мельницамъ. Дѣло было знакомо, сподручно. На мельницахъ Савелія еще помнили; думали, конечно, что силы въ немъ поубавилось; думали также, отъ дѣла отвыкъ; взяли его больше за прежнюю славу. Сначала самъ Савелій такъ думалъ; но пожилъ весну, пожилъ лѣто, плечи расходились, снова явилась прежняя смѣтка — и пошло по-старому, съ тою разницею, что разуму теперь и опыту стало въ немъ больше. Мало-по-малу дѣлишки опять начали поправляться.

Землю свою передалъ онъ до времени мужу родственницы, у которой находился сынишка; избу свою онъ не только не продавалъ, но всячески даже старался ее поддерживать. Когда мальчику минуло четырнадцать лѣтъ, Савелій взялъ его съ собою и опредѣлилъ сначала безъ жалованья на ту мельницу, гдѣ самъ занималъ мѣсто перваго работника. Между тѣмъ, какъ исправлялся Савелій, поправлялись также другіе жители Ягодни; но не имѣя ремесла, не одаренные той смѣткой и дѣятельностію, которыя отличали Савелія,—они поправлялись медленнѣе. Только спустя десятокъ лѣтъ, Ягодня и ея обыватели пришли въ прежнее положеніе.

Эти десять лѣтъ принесли большія перемѣны въ бытѣ Савелія; онъ женилъ сына и самъ, къ концу этого срока, перебрался домой на жительство. Ему наскучило, видно, таскаться по чужимъ мѣстамъ, хотѣлось пожить своей волей, своимъ домкомъ-хозяйствомъ; къ тому же и кости состарѣлись, пора было на покой, на отдыхъ. Такъ разсуждали его родные и сосѣди. Савелій, надо полагать, думалъ иначе. Силы его точно истратились (ему минуло уже подъ-шестьдесятъ), лѣта ослабили его тѣло, но не угомонили духа и дѣятельности. Съ утра и до вечера копошился онъ на своемъ дворѣ, не переставалъ рубить, строгать, плесть плетни, и ни на минуту престарѣлыя руки его не остались праздными. Но, оказалось, не по душѣ, не по привычкѣ были старику такія мелкія, мирныя занятія; онъ словно скучалъ, ѣлъ мало, нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Въ свободное время, а такого было теперь много (онъ считался уже затяглымъ; одинъ Петръ сидѣлъ на оброкѣ и платилъ пятнадцать цѣлковыхъ), въ свободное время, старикъ отправлялся обыкновенно къ ручью, который огибалъ луговой скатъ села, гдѣ была церковь, извивался по долинѣ и падалъ въ рѣчку. При этомъ впаденіи, когда-то, въ давнія времена, находилась маленькая колотовка; отъ нея оставались теперь только старыя ветлы. Прогулки старика повторялись чаще и чаще. Ни одинъ человѣкъ,—даже сынъ и сноха, не подозрѣвали намѣреній старика. Вскорѣ все объяснилось; какъ домашніе, такъ и посторонніе узнали, что Савелій былъ у помѣщика, предложилъ ему выстроить на свой собственный счетъ мельницу, гдѣ была прежняя колотовка, предлагалъ платить за нее, вмѣстѣ съ сыномъ, тридцать рублей оброку въ годъ. Такъ всѣ и ахнули. Но аховъ

было еще больше, когда Савелій приступилъ къ стройкѣ; особенно когда заплатилъ за два жернова двѣсти рублей, да за амбаръ еще триста.

„Поди жъ ты!.. говорилъ народъ, — кто бы подумалъ объ этомъ?.. Виду вѣдь никакого не показывалъ; — а денегъ-то, денегъ сколько! Шутка, капиталъ какой!..“

Капиталъ былъ точно значительный. Мельница стоила Савелію шестьсотъ рублей ассигнаціями; но это еще не все: оставалось у него про запасъ еще цѣлковыхъ сорокъ. Все это, въ общей сложности, представляло капиталъ въ семьсотъ-сорокъ рублей на ассигнаціи. Дѣйствительно, страшная сумма, если принять въ соображеніе, что на составленіе ея потребовались только, всего-на-все, какихъ-нибудь десять лѣтъ! Конечно, каждая копейка этого капитала досталась пòтомъ; для добыванія каждаго рубля требовалось работать не разгибая спины; но что̀ могутъ значить труды сравнительно съ такимъ огромнымъ вознагражденіемъ!..

Простымъ классомъ народа вообще управляетъ рутина: его пугаютъ всякія нововведенія: онъ боится идти новымъ путемъ и рѣдко рѣшается употребить деньги на промыселъ, на дѣло, которымъ не занимались отцы и дѣды. Сосѣди совсѣмъ не шутя жалѣли его, не шутя думали, что онъ рехнулся. Къ такому мнѣнію не мало способствовали окрестные мельники; Савелій покушался отбить у нихъ помольцевъ: они досадовали и распускали насчетъ его предпріятія самые неблагопріятные слухи, они старались даже вредить ему болѣе дѣйствительнымъ образомъ: подсылали кидать ртуть въ ручей, съ цѣлію повредить плотинѣ, которая должна была отъ этого просачиваться; говорили, что воды ручья недостаточно, чтобы поднять два жернова, что въ весенній разливъ рѣки вода пойдетъ ко двору и снесетъ мельницу, и проч.

Но не таковъ былъ Савелій, чтобы сталъ дѣйствовать наобумъ, очертя голову. Зоркій глазъ его давно высмотрѣлъ мѣстность, смѣтливый умъ исчислилъ всѣ выгоды и неблагопріятные случаи, долгій опытъ научилъ, какъ предупредить ихъ. Дѣло было слишкомъ ему знакомо, слишкомъ много лѣтъ изъ жизни своей употребилъ онъ на изученіе его, чтобы могъ обмануться. Слухи и разговоры прекратились, какъ только подняты были въ первый разъ шлюзы, оба колеса дружно завертѣлись и жернова пошли порхать такъ же скоро, какъ у сосѣдей. Всѣмъ извѣстно

теперь, что, въ своемъ округѣ, мельница дяди Савелія самая исправная, даромъ что самая маленькая и стойтъ на ручьѣ, а не на рѣчкѣ: ни разу не прорвалась ея плотина, ни разу не было недостатка въ водѣ, ни разу не подмывала она двора, ни разу не задержался помолецъ; ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ эти три года помолецъ уѣзжалъ всегда довольный и въ разговорахъ никогда достаточно не нахваливался обычаемъ маленькой мельницы: тамъ оставляли на распылъ меньше муки, чѣмъ у сосѣдей, никогда не оттягивали зеренъ, мука была всегда мягкая и всегда строго наблюдалась очередь: кто первый заѣхалъ, тотъ и засыпай; не то что въ другихъ мѣстахъ: тотъ правъ всегда, кто больше посулилъ мельнику.

Годъ отъ году, жерновамъ Савелія доставалось больше работы; барышей большихъ не было, но жить было можно; хорошо можно было жить! Не встрѣчалась, не предвидѣлась пока надобность трогать запасный капиталъ, оставшійся послѣ постройки мельницы. Деньги лежали скрытно ото всѣхъ въ сундукѣ,—и радовали сердце предусмотрительнаго старика. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда Савелій приготовился къ крестинамъ и дѣлалъ качку для новорожденнаго внучка, предмета стольких ожиданій и радостей.

IV.
Передряга.

Бѣдный Андрей, изъ Ягодни, давнымъ-давно уже отмололъ свой мѣшокъ ржи и оставилъ мельницу; мало того: изъ трехъ возовъ, такъ некстати тогда пріѣхавшихъ, оставался всего одинъ; и все-таки не видно было ни Петра, ушедшаго въ село съ приглашеніями, ни Гришутки, уѣхавшаго за виномъ. Время приближалось къ вечеру. Солнце садилось, усиливая съ каждой минутой пурпуровый блескъ холмовъ и отдаленныхъ рощъ, смотрѣвшихъ на западъ; съ востока, между тѣмъ, спускались синія, холодныя тѣни; онѣ бѣжали какъ-будто отъ солнца, быстро наполняли лощины и раскидывались все шире и шире по лугамъ, оставляя кое-гдѣ за собою верхушку ветлы или кровлю, которыя, при блескѣ заката, горѣли точно охваченныя пламенемъ. Вѣтеръ не трогалъ ни однимъ поблекшимъ стебелькомъ, ни одной соломинкой на кровлѣ; но и безъ вѣтра сильно пощипывало уши и щеки. Прозрачность воздуха и ослѣпительная ясность заката предвѣщали

на ночь морозъ порядочный; даже теперь, въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ тѣнь сгущалась, опавшій листь и трава покрывались сѣдою изморосью. Дорога звенѣла подъ ногами. За двѣ, за три версты можно было, кажется, различить малѣйшій звукъ: лай собакъ въ отдаленныхъ селахъ, голоса на сосѣдней мельницѣ, шумъ доски, внезапно сброшенной на мерзлую землю. Но сколько ни прислушивался Савелій, нигдѣ не раздавалось дребезжанья телѣги: Гришутка не являлся. Напрасно также глаза старика обращались къ долинѣ, по которой вилась дорога: и Петръ не показывался. Постоявъ минуты съ двѣ у воротъ, Савелій возвращался на дворъ, заглядывалъ въ амбаръ, обмѣнивался нѣсколькими словами съ помольцемъ, который домалывалъ послѣдній возъ, и снова уходилъ въ избу.

Изба его была не велика, но было въ ней и тепло, и уютно. По случаю стряпни къ крестинамъ, было въ ней даже жарко; но это ничего: когда на дворѣ морозитъ, чувствуется особенная пріятность войти въ сильно нагрѣтое жилище. Изба ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ избъ: направо отъ двери возвышалась печь; дощаная перегородка, отдѣлявшаяся отъ печки небольшой дверцей, упиралась другимъ концомъ въ заднюю стѣну. Два окна освѣщали эту первую половину; окна смотрѣли на западъ, и заходящее солнце било такъ сильно въ перегородку, печь и на полъ, что свѣтъ отражался подъ столомъ и лавками, оставляя кое-гдѣ только непроницаемыя пятна тѣни. Въ заднемъ углу, который называется краснымъ, хотя бываетъ обыкновенно самымъ темнымъ, виднѣлись иконы, мѣдный литой крестъ, кончики желтыхъ восковыхъ свѣчъ и неуклюжій стаканчикъ изъ толстаго фіолетоваго стекла; все это располагалось на двухъ полкахъ, украшенныхъ внутри кусочками обоевъ, снаружи — грубою, но замысловатою рѣзьбою; стиль рѣзьбы былъ тотъ же, что на подзорахъ, украшавшихъ нѣкогда церковь Ягодни; она относилась, надо полагать, къ тому времени и принадлежала тому же долоту и топору. Солнечные лучи, пронизывая маленькія оконныя стекла съ радужнымъ отливомъ, золотили пыль, проходившую двумя параллельными полосами черезъ всю избу, и упирались въ чугунокъ съ водою, стоявшій у печки; надъ чугункомъ, въ темномъ, закоптѣвшемъ потолкѣ, дрожало свѣтлое пятно, которое дѣти называютъ „мышкой“. Неподалеку играла кошка и четверо полосатыхъ котятъ.

Во второй половинѣ, за перегородкой, противъ печки, помѣщалась койка, устланная соломой и покрытая войлокомъ, на которомъ лежала жена Петра. Подъ рукою ея висѣла люлька, придѣланная къ концу шеста, укрѣпленнаго въ потолкѣ; младенецъ лежалъ, однакожъ, не въ люлькѣ, а подлѣ матери. Тутъ находился также шкапикъ съ посудой, два сундучка и широкая лавка, которую Палагея, хлопотавшая у печки, уставила короваями, горшками и пирогами. За этой перегородкой было и тѣсно, и душно. Тутъ также было окно; но солнечный лучъ, встрѣчая множество угловъ и выступовъ, цѣпляясь то за люльку, то за край лавки, то проходя по ряду пироговъ, густо зарумяненныхъ яичнымъ желткомъ, производилъ здѣсь страшную пестроту; глазъ отдыхалъ только на верхней части постели, которая тонула въ мягкомъ желтоватомъ полусвѣтѣ, гдѣ покоились голова родильницы и спавшій подлѣ нея младенецъ.

— А-ай да морозецъ! знатно завертываетъ! сказалъ Савелій, входя въ избу и потирая ладонями, напоминавшими корку старыхъ древесныхъ пней,—коли такъ денька два постоитъ, пожалуй, что и рѣка станетъ... Экъ нажарили! промолвилъ онъ, повертывая за перегородку;—словно въ банѣ, право, въ банѣ!.. только что вотъ духъ другой: пирогами попахиваетъ!.. Ну, сношенька наша любезная (до рожденья внучка онъ всегда называлъ ее просто Марьей и вообще не выказывалъ ей большой нѣжности), не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ нашими молодцами: о сю пору не видать! А давно бы пора, кажется...

— Пріѣдутъ, батюшка, слабымъ голосомъ отозвалась Марья.

— Вотъ есть объ чемъ умомъ раскидывать! бойко вмѣшалась Палагея, гремя въ то же время ухватомъ, — одинъ не нашелъ, должно быть, хозяевъ. Пришелъ: „дома?“ спрашиваетъ. „Ушелъ“, говорятъ; онъ его дожидаться сѣлъ, либо искать пошелъ... Другой въ кабакѣ сидитъ; можетъ народу много — онъ и дожидаетъ, пока другихъ не отпуститъ цѣловальникъ; знамо: парень малый, большихъ не перекричитъ; тотъ и послѣ пришелъ, да первый взялъ...

— Ну, нѣтъ, не таковскій! Шустеръ,—у-у-у—шустеръ! перебилъ старикъ, грозя пальцемъ на какой-то воображаемый предметъ,—небось, въ обиду себя не дастъ, даромъ не величекъ!.. Не объ этомъ я совсѣмъ думаю: ду-

маю: парнишка-то востеръ оченно, не напроказилъ бы тамъ... Ну, да вотъ пріѣдетъ, спросимъ, спросимъ... добавилъ онъ, какъ бы заминая рѣчь и подходя къ постели родильницы.—Ну, сношенька любезная, какъ можется, а?

— Ничего, батюшка, Богъ милостивъ...

— Все ты меня... къ примѣру, меня не слушаешь!.. Вотъ что...

— Въ чемъ же, батюшка?

— А хошь бы въ томъ... оченно ужъ много труда принимаешь... ей-Богу! На первыхъ-то порахъ такъ не годится... Вѣдь вотъ нарочно качку сдѣлалъ для малаго. Нѣтъ, все подлѣ себя его содержишь, все съ нимъ возишься; ну, помилуй Богъ, еще заснешь какъ-нибудь... Долго ли до бѣды!

— И-и, касатикъ, перебила Палагея, — Христосъ съ тобою! Господъ милостивъ, до грѣха такого не допуститъ!

— Нѣтъ, бываетъ! бываетъ! подхватилъ Савелій тономъ убѣжденія,—вѣдь вотъ случилось же: выселовская Марѳа заспала ребенка-то!.. Коли не это, все равно другой случай можетъ выйти: заснетъ она, подберутся какъ-нибудь котята, лицо младенцу, Христосъ съ нимъ! исцарапаютъ... Ну, что хорошаго! Васъ, бабъ, не вразумишь никакъ! Вѣдь вотъ нарочно качку сдѣлалъ, нарочно повѣсилъ подлѣ кровати: заплакалъ младенецъ—протяни только руку, либо, коли не осилишь, Палагея подастъ... Опять же теперь другое разсужденіе: развѣ ему не покойнѣе лежать въ люлькѣ, чѣмъ на кровати?.. Онъ, вѣстимо, не скажетъ, а ужъ это всякій видитъ, что въ люлькѣ покойнѣе! Нарочно для спокою и сдѣлана...

Старикъ нагнулся къ младенцу.

— Агу, батюшка, агу! произнесъ онъ, потряхивая сѣдинами и комически какъ-то сморщиваясь.—Слышь, сношенька... дай-ка, право... дай положу его въ люлечку... Ну, что онъ тутъ? Кормила ты его?

— Кормила, батюшка...

— Ну и ладно!.. Подь, касатикъ, подь! говорилъ старикъ, подымая ребенка, между тѣмъ какъ обѣ женщины молча на него смотрѣли.

Ребенокъ былъ красенъ, какъ только-что испеченный ракъ, и представлялъ пока кусокъ мяса, окутанный въ бѣлыя пеленки: ничего не было хорошаго; при всемъ томъ, морщины Савелія сладко какъ-то раздвинулись, лицо ухмы-

лялось и въ глазахъ заиграло такое чувство радости, какого не испытывалъ онъ даже тогда, когда удачно запрудилъ первый разъ мельницу, когда пущена она была въ ходъ, когда дешево купилъ онъ жернова свои... Поди жъ ты, суди послѣ этого, какъ устроена душа человѣческая, и на чемъ основываются иногда его радости!

Подержавъ ребенка на рукахъ своихъ съ такимъ видомъ, какъ бы мысленно прикидывая, сколько въ немъ вѣсу, старикъ бережно уложилъ его въ люльку.

— Ну, какъ же не покойнѣе? самодовольно воскликнулъ онъ, отступая на шагъ. — Какъ же не покойнѣе?.. Вишь: словно въ лодочкѣ... эвна! прибавилъ онъ, приводя слегка въ движеніе люльку,—эвна! эвна какъ!..

— Ахъ ты затѣйщикъ! затѣйщикъ! говорила, между тѣмъ, старая Палагея, подпираясь локтемъ въ конецъ ухвата и покачивая головою,—право затѣйщикъ!..

Во время послѣднихъ этихъ объясненій, послышался шумъ приближающейся телѣжки; но Савелій громко разговаривалъ, Палагея гремѣла ухватомъ, вниманіе снохи поглощалось ребенкомъ и болтовнею тестя; такъ что никто не примѣтилъ шума извнѣ, пока, наконецъ, телѣга не подъѣхала почти къ самымъ воротамъ.

— А, вотъ и Гришутка! сказалъ старикъ.

Въ эту минуту со двора раздались такіе отчаянные крики и вопли, что ноги присутствующихъ на секунду приросли къ землѣ. Савелій опрометью кинулся изъ избы. Петръ держалъ лошадь подъ-уздцы и печально вводилъ ее на дворъ; въ телѣгѣ, рядомъ съ Гришуткой, сидѣлъ человѣкъ съ худощавымъ, но багровымъ и рябымъ лицомъ, въ высокой бараньей шапкѣ и синемъ тулупѣ, плотно перехваченномъ ремнемъ.

Савелій узналъ въ немъ кордоннаго, отставного солдата, охранявшаго границу сосѣдней губерніи противъ контрабанднаго провоза вина. Сердце старика такъ и екнуло. Кордонный держалъ за воротъ Гришку, который ревѣлъ во весь голосъ и приговаривалъ, горько всхлипывая:

— Ей-Богу не зналъ!.. отпусти!.. Золотой, отпусти!.. батюшка, не зналъ!.. Золотой, не зналъ!..

Лицо Гришутки распухло отъ слезъ; онѣ текли ручьями изъ полузажмуренныхъ глазъ и капали въ ротъ, разѣвавшійся непомѣрно, должно-быть отъ избытка давившихъ его вздоховъ и рыданій. Шествіе закрывалъ помолецъ, остававшійся домалывать послѣдній возъ; то былъ малень-

кій черномазый мужичокъ, очень прыткаго, суетливаго вида; онъ, впрочемъ, какъ только увидѣлъ Савелія, выскочилъ впередъ, замахалъ руками и, страшно вытаращивъ глаза, крикнулъ надрывающимся отъ усердія голосомъ:

— Съ виномъ попался!.. Схватили!.. взяли! Съ виномъ взяли!..

— Съ виномъ попался!.. печально повторилъ Петръ.

— Какъ?.. Ахъ ты Господи! произнесъ Савелій, останавливаясь въ недоумѣніи.

Шумъ въ сѣняхъ и голосъ Палагеи заставили его обернуться. Марья рвалась впередъ на крылечко, такъ что Палагея едва могла удержать ее; лицо молодой женщины было блѣдно и вся она тряслась отъ головы до ногъ; увидя маленькаго своего брата въ рукахъ незнакомца, она вскрикнула и покачнулась.

— Куда! не пускай ее... Петръ, держи!.. Ахъ ты Творецъ милосердый! Уведите ее скорѣе!.. воскликнулъ Савелій.

Петръ бросился къ женѣ и съ помощью Палагеи увелъ ее въ избу. Въ это время кордонный соскочилъ съ телѣжки.

— Ты здѣсь хозяинъ? Ты за виномъ посылалъ? спросилъ онъ, обращаясь къ старику, который не могъ придти въ себя.

— Я, батюшка...

— Съ виномъ поймали!.. Эко дѣло! ахъ! Схватили! взяли! спѣшилъ пояснить черномазый мужичокъ, снова пуская въ ходъ глаза и руки.

— Точно, батюшка, поймали! сказалъ Петръ, появляясь на крыльцѣ и быстро спускаясь на дворъ.

Савелій ударилъ себя ладонями по поламъ полушубка и съ сокрушеннымъ видомъ замоталъ головою.

— Дядюшка... не зналъ я... Не зналъ, дядюшка!.. рыдая заговорилъ Гришутка,—микулинскіе мельники научили... Сказали: тотъ кабакъ ближе...

— Кто жъ за виномъ-то посылалъ? ты, что ли? повторилъ опять кордонный, дерзко поглядывая на Савелія.

— Мы посылали! отвѣчалъ Петръ, потому что отецъ моталъ только головою и билъ себя ладонями по полушубку.

— А вы кто такой? спросилъ кордонный Петра.

— Я сынъ его... Я, батюшка, подхватилъ Петръ, — встрѣлся я съ ними, какъ они ужъ къ нашимъ воротамъ подъѣхали...

— Сейчасъ только встрѣлся! вмѣшался опять маленькій помолецъ, — подъѣхали, — онъ тутъ! Смотрю: и я подошелъ!—Эко дѣло!..

— Объ этомъ послѣ разскажешь, перебилъ кордонный.— За виномъ посылалъ вотъ онъ,—стало онъ и отвѣтитъ... Эки разбойники! присовокупилъ онъ, разгорячаясь,—свой кабакъ подъ рукою... нѣтъ, въ другой посылать надо!..

— Не зналъ я ничего!.. На мельницѣ научили... промолвилъ Гришутка, истекая слезами.

— Молчи! сказалъ Петръ.

Мальчикъ приложилъ ладонь ко рту, прислонился лбомъ къ телѣжкѣ и заревѣлъ громче прежняго.

— Да что же это, батюшка... Какъ же такъ? сказалъ Савелій, нетерпѣливо махая рукою въ отвѣтъ помольцу, который мигалъ, дергалъ его за рукавъ и дѣлалъ таинственные какіе-то знаки.

— Съ виномъ попался, — и все тутъ! возразилъ кордонный, — попался въ селѣ у насъ, какъ только изъ кабака выѣхалъ; вино у нашего старосты осталось, тамъ и печать къ боченку приложили.

— Печать приложили! Припечатали!.. отчаянно возопилъ Гришутка.

— Плохо дѣло! крикнулъ помолецъ, приходя весь въ движеніе, — затаскаютъ, дѣдушка, затаскаютъ!.. Лопни глаза—затаскаютъ!..

— А то какъ же, такъ что ли сойдетъ? перебилъ кордонный,—извѣстно, проучатъ! будешь знать, какъ въ чужую губернію за виномъ ѣздить! Сказано: не смѣй, не приказано! Нѣтъ, повадились, окаянные! Нонче повѣреннаго ждемъ; ему передадутъ, примѣрно, все разскажутъ... Завтра же въ судъ представятъ...

До настоящей минуты Савелій билъ только руками по полушубку и моталъ головою, съ видомъ человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе; при словѣ „судъ", онъ поднялъ голову, и въ смущенныхъ чертахъ его заиграла вдругъ краска; даже шея его покраснѣла. Слово „судъ" подѣйствовало также, казалось, и на Гришутку; между тѣмъ какъ шли послѣднія объясненія, онъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ, въ который продолжали капать слезы; теперь онъ снова припалъ опять лбомъ къ телѣжкѣ и снова наполнилъ дворъ отчаянными рыданіями. Петръ переминался на мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ отца.

— Вотъ бѣду-то накликали! Вотъ грѣха-то не чаяли! произнесъ наконецъ старикъ, оглядывая присутствующихъ.

Онъ еще хотѣлъ что-то прибавить, но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и быстрыми шагами пошелъ къ маленькой калиткѣ, выходившей къ ручью.

— Послушай, добрый человѣкъ!.. Эй, слышь! сказалъ онъ, останавливаясь въ калиткѣ и кивая кордонному, — подь, братъ, сюда... На два словечка!..

Багровое лицо кордоннаго приняло озабоченный видъ; онъ направился къ калиткѣ, показывая, что дѣлалъ это неохотно,—такъ, только изъ снисхожденія.

— Послушай, добрый человѣкъ, заговорилъ Савелій, отводя его къ пруду,—слышь, промолвилъ онъ, пожимая губами,—слышь! нельзя ли какъ... а?

— Это насчетъ чего? спросилъ тотъ болѣе смягченнымъ тономъ и какъ бы стараясь взять въ толкъ слова собесѣдника.

— Сдѣлай такую милость, упрашивалъ старикъ. — Сколько живу на свѣтѣ, грѣха такого не было. Главная причина, мальчикъ попался! черезъ него все вышло.. Ослобони какъ-нибудь... а? Слышь, добрый человѣкъ!..

— Теперь нельзя, никакимъ, то-есть, манеромъ... Печать приложили! Къ тому, дѣло было при свидѣтеляхъ... никакъ нельзя...

— Сдѣлай милость, продолжалъ старикъ, неудовольствуясь на этотъ разъ умолять голосомъ, но пуская еще въ ходъ пантомиму и убѣдительно разводя руками, которыя дрожали.

Сѣрые, плутоватые глаза кордоннаго устремились къ амбару, за которымъ слышались голоса Петра и помольца; послѣ этого, онъ отступилъ еще нѣсколько шаговъ отъ калитки.

— Слышь, добрый человѣкъ! подхватилъ одобренный Савелій,—возьми съ меня за хлопоты... только нельзя ли какъ дѣло-то это... къ примѣру... Нельзя ли какъ ослобонить... право!..

Кордонный поправилъ баранью свою шапку, почесалъ переносицу указательнымъ пальцемъ и на секунду задумался.

— Двадцать цѣлковыхъ дашь? спросилъ онъ, понижая голосъ.

Савелія такъ огорошило, что онъ открылъ только ротъ и откинулся назадъ.

— Меньше нельзя! спокойно-убѣдительнымъ тономъ подхватилъ кордонный, — разсуди: надо теперича дать старостѣ въ селѣ, дать надо мужикамъ, которые были въ свидѣтеляхъ, надо также цѣловальнику дать; не дашь — обо всемъ повѣренному разскажутъ,—ужъ это безпремѣнно, самъ знаешь: народъ нынче какой!.. Ну, и сосчитай: много ли сойдетъ мнѣ изъ двадцати цѣлковыхъ?.. Узнаетъ повѣренный—я черезъ это пропасть долженъ! Наше дѣло такое: мы, братецъ, затѣмъ къ должности приставлены; какъ, скажутъ, ты съ виномъ поймалъ, утаилъ отъ конторы, и съ мужика взялъ!.. Я черезъ это подлецомъ долженъ остаться передъ начальствомъ! Изъ того хлопочешь, чтобъ было изъ чего...

— Двадцать цѣлковыхъ за ведро вина! вымолвилъ старикъ, снова вспыхнувъ до самой шеи.

— Послушай, дядя, миролюбиво сказалъ кордонный,— ты не кричи,—не хорошо! мы не къ тому пришли сюда; говорилъ: помириться хочешь... такъ ты и дѣлай; а то, что кричать-то, не годится. По душѣ говорю, право, больше отдашь, коли въ судъ представятъ: за вино одно возьмутъ съ тебя втрое; такъ по закону отдашь за вино двѣнадцать цѣлковыхъ! да въ судѣ еще сколько разсоришь...

Старикъ слушалъ и смотрѣлъ въ землю; теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, былъ онъ, казалось, подавленъ происшедшимъ съ нимъ случаемъ.

— Эко дѣло! эка напасть! повторялъ онъ, чмокая губами, качая головой и безнадежно разводя руками.

— Батюшка, неожиданно произнесъ Петръ, появляясь въ калиткѣ,—поди-ка сюда!

Савелій поспѣшно заковылялъ къ сыну. Тотъ далъ ему знакъ повернуть за уголъ амбара. Тамъ стоялъ маленькій помолецъ, который, какъ только показался старикъ, снова весь преисполнился быстротою.

— Слышь, дядя, торопливо заговорилъ онъ, хватая старика за рукавъ и выразительно мигая на калитку, — слышь: ничего ему не давай; плюнь! плюнь, я говорю! Окромѣ него, всѣ вѣдь видѣли! видѣли, какъ малый-то попался! При народѣ было дѣло! Дашь ему — ничего не будетъ, слухи дойдутъ, все единственно! Плюнь! Сколько ни давай,—все въ судъ потребуютъ: дѣло такое; при народѣ было; дойдутъ слухи; все единственно! обмануть хочетъ!.. Плюнь, говорю!..

Мужиченокъ торопливо отскочилъ, услышавъ шаги за

калиткой. Кордонный какъ-будто догадался, о чемъ шла рѣчь за амбаромъ. Онъ окончательно убѣдился въ этомъ, когда позвалъ старика, и тотъ, вмѣсто того, чтобы пойти къ нему, задумчиво продолжалъ смотрѣть въ землю.

— Дѣло такое настоящее, сказалъ кордонный, бросая злобный взглядъ на помольца, который зѣвалъ на стропилы навѣсовъ, какъ ни въ чемъ не бывало,—мы черезъ это пропасть можемъ... Всякъ себя оберегаетъ: дѣло такое! Представятъ завтра повѣренному, ты его и проси... Этакой народъ! сказано: въ чужой кабакъ не ходи — нѣтъ! Теперь и развѣдывайся!.. А я что?.. я не могу. Повѣреннаго проси!

Послѣднія слова сказаны были уже за воротами. Кордонный поправилъ шапку и ворча что-то подъ носъ быстро пошелъ по дорогѣ.

— Должно-быть слышалъ, о чемъ мы здѣсь разговаривали... вдругъ возвратилась вся его прыткость,—вѣстимо слышалъ, либо догадался, все единственно! Видитъ: взять нечего, разговаривать не сталъ! Сколько просилъ, дядя? сколько?

— Двадцать цѣлковыхъ!..

— Ахъ онъ, шитая рожа! Экъ, разбойникъ! ахъ ты! воскликнулъ мужиченокъ, порываясь какъ - то разомъ во всѣ стороны,—двадцать цѣлковыхъ! поди ты!.. Экъ махнулъ! Ахъ, бестія! Эти цѣловальники, нѣтъ ихъ хуже! самые что ни есть мошенники... душа вонъ! Ей-Богу! Ахъ ты шитая рожа, поди-жъ ты!.. Ахъ онъ!..

Савелій не обращалъ никакого вниманія на слова помольца: онъ не отрывалъ глазъ отъ земли и, повидимому, размышлялъ самъ съ собою. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя столько разстроеннымъ. Это потому, быть можетъ, что во всю свою жизнь никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ, какъ въ послѣдніе эти три года,— когда выстроилъ мельницу и жилъ самъ по себѣ, съ сыномъ и снохою.

— Эко дѣло! проговорилъ онъ наконецъ голосомъ, который показывалъ, что складъ его размышленій былъ самый безотрадный.—Вотъ не чаяли горя-то! вотъ ужъ не чаяли!..

Помолецъ снова приступилъ-было и уже схватилъ его за рукавъ, но Савелій махнулъ только рукою, отвернулся и медленнымъ, отягченнымъ шагомъ побрелъ въ избу.

V.

Объясненія.—Надежды.—Послѣдствія.

Минутъ пять спустя, старикъ снова показался на крылечкѣ.

— Григорій! крикнулъ онъ, озираясь вокругъ съ недовольнымъ видомъ.—Григорій! повторилъ онъ возвышая голосъ.

Гришка не откликался.

— Должно-быть, гдѣ-нибудь за амбаромъ, отозвался Петръ, принявшійся распрягать лошадь.

— Уберешь лошадь, позови его ко мнѣ, сказалъ Савелій, уходя опять въ избу.

Распрягши лошадь, Петръ нѣсколько разъ окликнулъ мальчика; отвѣта не было. Петръ повелъ лошадь и мимоходомъ заглянулъ въ амбарную дверь.

— Что, ай малаго-то нѣту? Неужели убёгъ? заботливо освѣдомился маленькій помолецъ, осклабляя зубы, которые были такъ же почти бѣлы теперь, какъ лицо его, выпачканное мукою,—никакъ старикъ кликалъ? Какъ не осерчать! осерчаешь! вишь набѣдовалъ какъ... насдобилъ! Стало быть запужался... завалился куда-нибудь... Испугаешься!.. подожмешь хвостъ!.. Пойдемъ; я поищу; отчего-жъ? поискать можно!.. Пойдемъ.

Петръ велъ между-тѣмъ лошадь въ клѣтушку, приложенную къ задней части навѣсовъ; услужливый мужиченокъ слѣдовалъ за нимъ, стараясь попасть въ ногу и поминутно хватая его за рукавъ, какъ бы желая обратить вниманіе Петра на каждый уголъ, щель, гдѣ, по мнѣнію мужичка, долженъ былъ непремѣнно сидѣть мальчикъ. Оба они вошли въ клѣть.

— Здѣсь! вотъ онъ! взялъ! взялъ! держу! закричалъ во все горло помолецъ, хватая Гришутку, который стоялъ смиренно, забившись лицомъ въ уголъ.

— Вижу, вижу! ну, что кричишь-то?—сказалъ Петръ.

Ободренный словами и голосомъ Петра, Гришутка, остолбенѣвшій въ первую минуту отъ страха, зажмурилъ вдругъ глаза, раскрылъ ротъ и залился жалобнымъ воплемъ.

— Ну, о чемъ плачешь-то? о чемъ? — промолвилъ Петръ.—Пойдемъ, отецъ зоветъ; эхъ ты, срамникъ! срамникъ!.. право срамникъ этакой!

— Высѣкутъ, это какъ есть! И-и высѣкутъ!—подхва-

тилъ, двигая руками и глазами, помолецъ,—какъ не высѣчь? Надо, не балуй!..

— Ничего этого не будетъ, сказалъ Петръ,—старикъ, Гришутка, ничего не сдѣлаетъ, только спроситъ... Не бойся! развѣ не знаешь?.. Не плачь, а то хуже...—добавилъ онъ, взявъ за руку нѣсколько утѣшеннаго мальчика.

Черненькій мужиченокъ сопровождалъ ихъ до самаго крылечка; онъ вѣроятно пошелъ бы дальше, но вспомнилъ, что рожь приходила къ концу въ ящикѣ, и опрометью побѣжалъ въ амбаръ. Савелій находился за перегородкой, гдѣ лежала сноха его.

— Подойди сюда,—сказалъ онъ мальчику, который смотрѣлъ бычкомъ въ землю и пыжился изъ всей мочи, чтобы удержаться отъ слезъ.—Ну, видишь, смотри!—примолвилъ старикъ, обращаясь къ снохѣ,—видишь, ничего съ нимъ не сдѣлали! не сковали, не повезли въ острогъ... Цѣлъ, видишь! Было изъ чего полошиться, бѣжать на стужу... словно полоумная какая, право!.. Хошь бы о себѣ-то подумала, объ ребенкѣ подумала... А то: зря выбѣжала на стужу, вся раскрымшись; ну есть ли разуму-то? И стоитъ ли онъ того, чтобы сокрушаться-то о немъ?.. озорникъ этакой!.. Поди сюда,—промолвилъ старикъ, снова поворачиваясь къ мальчику и выходя въ первую половину избы,—зачѣмъ поѣхалъ ты въ чужой кабакъ, а? Развѣ я не говорилъ тебѣ, куда ѣхатъ? сказывай... а?.. не говорилъ развѣ?.. ну, какой твой будетъ отвѣтъ, а?..—заключилъ онъ, садясь на лавку.

Изъ объясненій мальчика открылось (голосъ его звучалъ такою искренностью, что нельзя было ему не повѣрить, и наконецъ, всѣ слова его потомъ оправдались), открылось, что виновниками всего случившагося были старшіе сыновья хозяина микулинской мельницы, той самой, что виднѣлась въ отдаленіи. Встрѣтивъ Гришку на плотинѣ, они спросили, куда онъ ѣхалъ; онъ сказалъ; они увѣрили его, что кабакъ, куда посылалъ его дядя Савелій, былъ теперь запертъ; цѣловальникъ уѣхалъ съ женою на свадьбу сестры и возвратится только завтра; они говорили, что все равно, вино можно взять въ другомъ кабакѣ, что тотъ кабакъ еще ближе перваго, что тамъ вино не въ примѣръ даже лучше и что дядя Савелій скажетъ еще спасибо. Гришутка повѣрилъ и отправился. Онъ клялся и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что не сымалъ шапки во всю дорогу; выйдя изъ кабака

онъ благополучно поѣхалъ въ обратный путь; но при выѣздѣ изъ села налетѣлъ на него кордонный; его схватили, повели къ старостѣ и отняли у него вино.

Дойдя до мѣста, когда къ боченку приложили печать, разсказчикъ остановился и снова залился горькими слезами, какъ будто въ этомъ именно печатаніи боченка и заключалось собственно все несчастье. Но Савелій не слушалъ уже его. Онъ смотрѣлъ даже въ другую сторону. Онъ притупленно молчалъ и только, время отъ времени, досадливо потряхивалъ сѣдинами, произнося упреки, относившіеся, впрочемъ, болѣе къ Микулинскому мельнику и сыновьямъ его. Пора бы имъ, кажется, войти въ совѣсть! пора бы оставить его въ покоѣ! Чего имъ еще отъ него надо? Развѣ онъ на рѣкѣ поставилъ свою мельницу? Развѣ перебилъ у нихъ воду? У нихъ мельница-крупчатка о семи поставахъ, работаютъ они годъ круглый, тысячи добываютъ! Неужто мало имъ этого?.. Неужто зависть беретъ, и не довольно вредили они ему?.. Богачи, крупчатку имѣютъ, тысячи наживаютъ, а завидуютъ какой-нибудь колотовкѣ о двухъ колесишкахъ! Чай пьютъ, калачи ѣдятъ крупичатые, а завидуютъ крохамъ бѣднаго человѣка! Богачи, купцы, а на какія срамныя дѣла пускаются! мальчика подучаютъ ѣхать въ чужой кабакъ, чтобы подвести подъ бѣду родителей!..

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, приправленныхъ еще мыслью, что дѣло съ боченкомъ не обойдется даромъ, дядя Савелій сдѣлался ворчливъ и несообщителенъ. Въ эти послѣдніе три года, какъ устроилась мельница, никто изъ домашнихъ не видалъ его такимъ пасмурнымъ, недовольнымъ. За ужиномъ, гдѣ старикъ бывалъ обыкновенно такимъ болтливымъ, онъ едва сказалъ нѣсколько словъ. Онъ послалъ Петра разсчитаться съ помольцемъ, и прежде всѣхъ завалился на печку.

Петръ, его жена и старая Палагея, разсуждая о завтрашнемъ днѣ, думали, однакожъ, что авось-либо на завтра сердце старика какъ-нибудь разойдется. Предположенія ихъ оправдались. Заря слѣдующаго утра показала имъ, что лицо Савелія совсѣмъ уже не было такимъ, какъ наканунѣ; лобъ его, правда, морщился; но морщины выражали скорѣе суетливость, чѣмъ мрачное настроеніе духа. Онъ тотчасъ же послалъ Петра за виномъ; противъ всякаго ожиданія, не выказалъ онъ даже большой досады, отсчитывая ему слѣдуемые четыре цѣлковыхъ; раза два пожалъ только губами и крякнулъ.

Прибытіе кума и кумы, поѣздка въ церковь, обрядъ крещенія, возвращеніе домой—все это замѣтно развлекло старика. Съѣхались гости, пошли поздравленія и угощенія. Не обошлось безъ того, разумѣется, чтобы не упомянуть о происшедшей вечоръ непріятности; но рѣчь объ этомъ предметѣ, благодаря стаканчикамъ винца, которые успѣли уже пропустить собесѣдники, приняла такой путанный характеръ, такъ часто прерывалась всякаго рода восклицаніями и взрывами хохота, что не имѣла никакихъ послѣдствій на расположеніе престарѣлаго хозяина. Вообще крестинный обѣдъ прошелъ весело. Савелій, сидѣвшій между кумомъ Дрономъ и сватомъ Стегнѣемъ, смѣялся даже громче ихъ, когда, къ концу угощенья, старая Палагея выскочила вдругъ изъ-за перегородки и, прищелкивая пальцами, начала отхватывать какія-то диковинныя колѣнца.

Хорошее расположеніе старика не прерывалось даже и на другой день. Онъ спалъ еще, когда на дворъ въѣхало семь подводъ съ рожью. Одно развѣ могло нѣсколько озабочивать старика: внучекъ, который былъ такъ покоенъ, началъ вдругъ ни съ того, ни съ сего кричать; вмѣстѣ съ этимъ узналъ онъ также, что Марья сильно жаловалась на головную боль. Легко могло статься, что простудилась она, выбѣжавъ на крыльцо, когда привезли Гришку; но отчего бы ребенку плакать? отчего бы ему не брать груди?.. Напрасно увѣряла Палагея, что всѣ дѣти кричатъ на второй день, что крикъ внучка, можетъ, происходитъ оттого также, что просто не въ охоту грудь матери, и лучше будетъ, коли дадутъ ему рожокъ; но слова ея пропадали, казалось, даромъ. Старикъ качалъ головою и пожималъ губами.

Надо было, однакожъ, обратиться къ дѣлу; не всякій день является по семи помольцевъ на мельницѣ! Двое сутокъ сряду отбою не было отъ помольцевъ; жернова работали безъ отдыха и мучная пыль не переставала клубиться надъ амбаромъ. Въ день крестинъ и послѣдовавшій затѣмъ день Савелій не проходилъ мимо Гришки, чтобы не погрозить ему пальцемъ, или не остановиться, подперевшись въ бока, и не сказать ему: „Эхъ, ты у меня... Эхъ!.. Смотри!..“

Но теперь все это миновало; онъ звалъ его Гришуткой, Гринькой и Гришахой; словомъ, все пошло опять по-старому, пока неожиданно, на четвертый день послѣ кре-

стинъ, утромъ явился сотскій. Онъ былъ отъ станового пристава. Это обстоятельство навзничь опрокинуло мирное теченіе мыслей въ головѣ Савелія. Было отчего, впрочемъ. Оказывалось, что на Савелія поступила въ станъ „бумага“ за противозаконный провозъ вина изъ чужой губерніи. Становой велѣлъ ему тотчасъ же явиться на становую квартиру. Сотскій издавна знакомъ былъ Савелію; пошли спросы - разспросы. Сотскій сказалъ, что дѣло, собственно, не большой важности; придется только поплатиться; но сколько придется отдать—этого не зналъ онъ положительно.

— Такъ точно, хрипѣлъ сотскій, представлявшій изъ себя совершенное подобіе гриба, закутаннаго въ чахлую шинелишку, такого же цвѣта и такую же морщинистую, какъ лицо его,—денегъ съ тебя возьмутъ, такъ по положенію, это такъ точно; главная причина, проси Никифора Иваныча (такъ звали станового), его проси, чтобъ до суда не доводилъ; поблагодарить придется, не безъ этого, такъ точно; главное, безъ денегъ не суйся; возьми денегъ; требуется; лучше дай, сразу рѣши дѣло, отрѣжь; таскать начнутъ—дороже обойдется, не въ примѣръ дороже, это такъ точно...

Во время этого объясненія, Петръ стоялъ шагахъ въ трехъ и тревожно смотрѣлъ на отца, который билъ себя по полушубку и вообще выказывалъ величайшее безпокойство. Гришка, пропавшій при первомъ появленіи сотскаго, сидѣлъ между тѣмъ въ самомъ темномъ углу клѣтушки; онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Но никто объ немъ не думалъ; не до него было совсѣмъ. Мигомъ заложена была телѣжка. Пока Петръ, по приказанію отца, отсыпалъ сотскому мучицы, Савелій одѣлся. Онъ не послушалъ однакожъ сотскаго, не взялъ денегъ. Ему хотѣлось прежде уяснить хорошенько всѣ обстоятельства, убѣдиться, точно ли дѣло такой важности, какъ показалось со страху, точно ли судъ вступится въ такую бездѣлицу. „Что жъ такое, что мальчикъ кабакомъ обознался?“ разсуждалъ онъ. „Развѣ кто-нибудь отъ этого отпирается? Коли въ самомъ дѣлѣ по закону такъ требуется, онъ, пожалуй, готовъ отдать, что̀ слѣдуетъ, — его грѣхъ! Но больше давать за что же? Лучше съѣздить лишній разъ домой, достать сколько денегъ требуется, чѣмъ брать ихъ съ собою... Можетъ, такъ какъ-нибудь, и безо всего еще обойдется; возьмешь деньги, того и смотри пронюхаютъ

какъ-нибудь; тогда ужъ не отвертишься, возьмутъ, потому статья такая будетъ подходящая..."

Такъ разсуждалъ самъ съ собою старикъ, всячески стараясь ободрять себя; между тѣмъ, руки его дрожали и подъ сердце подступали тоска и безпокойство. Онъ довезъ сотскаго до Ягодни, и прямо пустился на становую квартиру. Становой уѣхалъ въ городъ и раньше двухъ дней не могъ возвратиться. Савелій узналъ, сверхъ того, что и письмоводителя также не было. Оставался только писарь, но послѣдній не могъ дать никакого объясненія касательно дѣла; онъ совѣтовалъ старику ѣхать въ городъ и скорѣе явиться къ становому. Покормивъ лошадь, Савелій въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ городъ. Отъ стана до города считалось верстъ тридцать; ему хотѣлось поспѣть туда чѣмъ свѣтъ на другое утро.

Мысли, бродившія въ головѣ старика, были такого свойства, что, конечно, не могли развлекать его пріятнымъ образомъ. Во всю дорогу, лицо его сохраняло озабоченное, задумчивое выраженіе; ни разу не оживилось оно той добродушной улыбкой, которая снова, казалось, установилась па губахъ его. Впрочемъ, и самое время измѣнилось теперь, противъ того, какъ было въ послѣдніе дни. Рыхлыя, тяжелыя тучи покрывали небо; наканунѣ, въ эту самую пору, поля ярко еще освѣщались закатомъ—теперь наступали сумерки; даль начинала уже пропадать, заслоняясь густымъ, сизымъ мракомъ. Пасмурное небо смотрѣло непривѣтливо, тускло; сѣро и голо было въ окрестности. Въ воздухѣ также произошла большая перемѣна; вмѣсто сухой морозной свѣжести, румянившей щеки и пріятно щекотавшей ноздри, дулъ теперь мягкій, но сильный, порывистый вѣтеръ. Въ мутной глубинѣ сгущавшихся сумерекъ слышно было, какъ шумѣли рощи. Сухіе листья, кружась и шуршукая, проносились мимо; отставшій листокъ падалъ иногда на дорогу и, какъ бы не рѣшаясь пуститься одиноко въ сумрачную даль глухого поля, долго-долго катился по дорогѣ, пока, наконецъ, не встрѣчалъ новыхъ товарищей, которые подхватывали его и снова увлекали дальше... Мѣстами, на пути, попадались ручьи и рѣки; дня три назадъ морозъ покрылъ ихъ ледяною корой и смѣло можно было на ней держаться; вода теперь отовсюду просачивалась и ледъ осаживался. Нельзя было ждать однакожъ ненастья. Время дождей и грязи давно миновало. Рыхлыя тучи и мягкость воздуха пред-

вѣщали другое; съ минуты на минуту надо было ждать снѣга; снѣгъ, какъ говорится, висѣлъ надъ головою.

Савелій ѣхалъ всю ночь. Былъ уже часъ шестой, когда, сквозь рѣдѣющій мракъ, показались наконецъ городскія церкви, едва тронутыя блѣдной утренней зарею.

VI.

Кошка и мышка.

Городъ, куда не замедлилъ въѣхать Савелій, считался,— и совершенно справедливо, — однимъ изъ самыхъ значительныхъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Когда-то думали даже сдѣлать его губернскимъ. Онъ раскидывался по берегу большой, судоходной рѣки; здѣсь ежегодно грузилось нѣсколько тысячъ судовъ, уносившихъ въ Москву и Нижній рожь, овесъ и пшеницу. Бо̀льшая часть обывателей занималась оптовой хлѣбной торговлей. Нельзя было сдѣлать десяти шаговъ на любой улицѣ, чтобы не пройти мимо лабаза, украшеннаго снаружи скамьею съ намалеванной по срединѣ шашечной доскою, на которой возсѣдали хозяева съ сѣдыми, черными и рыжими бородами. Многія изъ этихъ бородъ имѣли милліоны. Городъ богатѣлъ и процвѣталъ годъ отъ году.

Все это не мѣшало однакожъ, что въ городѣ никакъ не могла утвердиться контора дилижансовъ. Контора устроилась прекрасно, экипажи были отличны; цѣна за мѣста назначена была самая умѣренная; отъ города до Москвы брали всего четыре цѣлковыхъ. Но почетное купечество находило болѣе выгоднымъ ѣздить съ вольными ямщиками, которые держали кибитки, устроенныя такимъ образомъ, что, въ случаѣ надобности (а надобность всегда встрѣчалась), можно было помѣщаться человѣкамъ тремъ на козлахъ и человѣкамъ пяти въ рогожномъ мѣшкѣ, прикрѣпленномъ въ задней части кузова. Послѣднія мѣста обходились въ одинъ рубль. Бѣдные пустые дилижансы съ сокрушеннымъ сердцемъ взирали на то, какъ почтенное купечество погружалось въ мѣшки, проскакивало до Москвы вверхъ ногами и, погрызывая сайку, лукаво на нихъ посматривало. Контора не могла долго бороться противъ такой опасной конкуренціи: рогожные мѣшки одержали побѣду, и дилижансы скоро закрылись.

Часовъ около девяти, Савелій отправился отыскивать становаго; онъ былъ у него на квартирѣ, но тамъ ска-

зали, что Никифоръ Ивановичъ ушелъ въ уѣздный судъ. Уѣздный и земскій суды помѣщались въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, смотрѣвшемъ на соборъ и отличавшемся бѣлизною наружныхъ стѣнъ. Уѣздный судъ былъ во второмъ этажѣ. Поднявшись по лѣстницѣ, Савелій вступилъ въ темную прихожую, казавшуюся еще чернѣе отъ множества шинелей, висѣвшихъ на стѣнахъ. Тутъ стояло довольно много мужиковъ, попадались даже бабы. Едва вошелъ Савелій, одна изъ бабъ тотчасъ же обратилась къ нему и, утирая слезы, сказала:

— Батюшка... кормилецъ, взмилуйся!.. Мужъ у меня ратникъ, годъ слуху объ немъ не имѣю; не знаю, живъ ли, умеръ ли... Была у ротнаго, сюда прислалъ, кормилецъ...

— Чего жъ тебѣ надо? нетерпѣливо спросилъ Савелій.

— Батюшка, не сказываютъ ничего объ мужѣ-то... Пришла сюда бумага объ немъ,—да не сказываютъ... Просила-просила, — пятьалтынный спрашиваютъ; безъ этого не сказываютъ... А нѣтъ у меня ничего, кормилецъ; пришла я, отецъ, за сорокъ верстъ... взмилуйся, не поможешь ли?..

— Какъ же, много у меня! Дѣло-то, можетъ, твоего хуже... проговорилъ Савелій, хмуря лобъ и не обращая вниманія на сосѣдей, которые скалили зубы.

Онъ далъ ей, однакожъ, грошъ и, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, протискался впередъ къ двери. Посреди второй комнаты, окруженной столами, за которыми человѣкъ десять трещали перомъ, стоялъ, раздвинувъ ноги, толстый господинъ съ шитымъ воротникомъ и толстыми руками, заложенными за фалды; раздувъ брюзгливо губы, насупивъ брови, онъ неохотно слушалъ какого-то бѣлокураго человѣка, который шепталъ ему на ухо, страшно егозилъ и весь расплывался, таялъ и умилялся. Господинъ съ шитымъ воротникомъ видимо скучалъ; глаза его воспаленными бѣлками блуждали по сторонамъ; они остановились на двери въ ту самую минуту, какъ бѣлая голова Савелія высунулась изъ толпы.

— Чего тебѣ? густымъ басомъ спросилъ его господинъ съ шитымъ воротникомъ, очевидно съ тою только цѣлью, чтобы развлечь себя.

Савелій сказалъ, что онъ собственно затѣмъ здѣсь, чтобы видѣть становаго Никифора Иваныча, который, такъ сказали ему, здѣсь находился.

— Никифоръ Иванычъ! забасилъ стоячій воротникъ,

тяжело поворачиваясь на каблукѣ и не обращая никакого вниманія на бѣлокураго человѣка, который продолжалъ припадать къ его уху и попрежнему егозилъ, таялъ, млѣлъ и умиленно что-то нашёптывалъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ и чьи-то быстрые шаги; секунду спустя, въ дверяхъ показался Никифоръ Иванычъ,—человѣкъ молодой, круглый, румяный и очень снисходительнаго вида. Савелій выступилъ два шага и поклонился.

— Что скажешь? ласково спросилъ становой, закинулъ руки за фалды и началъ перекачиваться съ носковъ на каблуки и обратно.

Савелій сказалъ, что за нимъ посылали, и передалъ ему свое дѣло.

— Знаю, знаю, перебилъ становой,—такъ это, братъ, ты попался? хорошъ гусь! Дѣло твое теперь уже не у меня; оно поступило сюда къ исправнику; я собственно затѣмъ тебя и вызвалъ въ станъ, чтобы ты немедленно сюда явился.

Ободренный ласковымъ видомъ станового, Савелій началъ просить, нельзя ли ему какъ-нибудь вступиться, ослобонить его.

— Что ты, братецъ, не понимаешь развѣ, что ли? Русскимъ языкомъ говорю: дѣло о тебѣ поступило уже къ исправнику; я тутъ ничего не могу; проси исправника, или вотъ, чего же лучше: сходи къ откупщику, его попроси; онъ же, на твое счастіе, вчера въ городъ пріѣхалъ; его проси, а я ничего не могу.

Савелій слушалъ все это понуря голову и переминая въ рукахъ шапку. Живая смѣтливость и воспріимчивость духа, которыхъ не могли побѣдить годы, теперь какъ будто его оставили. Умъ его, такъ быстро соображавшій размѣры колесъ относительно количества воды, такъ хитро придумывавшій шестерни и всякія улучшенія въ плотинахъ, такъ ловко примѣнявшій самое незамѣтное обстоятельство къ успѣху мельничнаго и плотничнаго дѣла, не давалъ ему теперь никакого объясненія и совѣта.

„Гришутка попался съ виномъ, это точно; вино по закону запрещено брать въ чужомъ уѣздѣ или губерніи, это такъ; становой вызвалъ его по этому случаю; оказывается, что дѣло уже перешло къ исправнику; почему жъ къ исправнику? неужто въ самомъ дѣлѣ такъ важно это

дѣло и будутъ его судить? его? За что же? Такая дрянь нестòящая,—ведро вина!—и сколько возни, хлопотъ, быть-можетъ, даже издержекъ?.. Что же тамъ за откупщикъ такой? Неужто властенъ онъ надъ исправникомъ? Надо къ откупщику идти... надо... А ну, какъ держитъ онъ руку исправника?..“

Все это сбивало старика съ толку и наполняло туманомъ его голову. Въ этихъ комнатахъ, передъ этими пишущими людьми, передъ этими господами въ свѣтлыхъ пуговицахъ, онъ чувствовалъ себя какъ будто на другой планетѣ, въ другомъ мірѣ, чувствовалъ себя совершенно отчужденнымъ, уничтоженнымъ, подавленнымъ, безъ силы, безъ воли и разума. Нѣтъ, здѣсь не то, что на улицѣ Ягодни, гдѣ каждый былъ ровня, каждый готовъ былъ его послушать, каждому почти былъ онъ нуженъ при случаѣ; здѣсь не то, что на мельницахъ, гдѣ все представлялось ему такимъ понятнымъ и яснымъ; здѣсь никто не нуждается въ колесахъ, плотинахъ, совѣтахъ насчетъ жерноковъ, толчеи и снастей; здѣсь на все это плевать хотятъ и требуется здѣсь совсѣмъ другое... Робость невольно прокрадывалась въ душу старика; ласковое обращеніе становогo ободрило его только на минуту. Какъ только исчезъ Никифоръ Иванычъ, два-три мужика приступили къ Савелію съ разспросами, но онъ не отвѣчалъ; онъ торопливо вышелъ на лѣстницу, надѣлъ шапку, потомъ снялъ ее, два раза перекрестился и, спустившись на улицу, спросилъ, куда итти къ откупщику.

Домъ откупщика знакомъ былъ каждому въ городѣ; Савелію стоило только обратиться съ вопросомъ своимъ къ первому человѣку, чтобы узнать дорогу. Къ тому же, домъ находился недалеко отъ присутственныхъ мѣстъ; это было большое каменное зданіе, выходившее однимъ бокомъ на пространный дворъ, обнесенный вокругъ деревянными навѣсами и другими строеніями. Савелій засталъ на дворѣ человѣкъ тридцать народа; всѣ они очевидно принадлежали къ дому; кто перекатывалъ бочки, кто набивалъ обручи, кто таскалъ мѣшки съ солодомъ. Противъ одного изъ строеній, находившагося ближе къ дому, стояла распряженная карета, возлѣ которой возился кучеръ въ черномъ плисовомъ казакинѣ. Откупщикъ дѣйствительно только-что наканунѣ прибылъ. Онъ заглядывалъ сюда разъ или два въ годъ, когда проѣзжалъ черезъ губернію, которую держалъ на откупу. Для такихъ

случаевъ въ домѣ, нанимаемомъ собственно для конторы, оставлялось нѣсколько комнатъ. Откупщикъ съ семействомъ своимъ жилъ или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ; и тутъ, и тамъ имѣлъ онъ собственные дома; сверхъ того, въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ были у него дачи, отдѣланныя съ баснословнымъ великолѣпіемъ. Все это возникло вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Роскошь Пукина (такъ звали откупщика) давно проникла черезъ молву до уѣзднаго города, куда прибылъ онъ наканунѣ. Многіе изъ обывателей уѣзда были у Пукина въ Москвѣ и Петербургѣ; возвращаясь во-свояси, они по цѣлымъ недѣлямъ ни о чемъ больше не говорили, какъ объ убранствѣ комнатъ Пукина, о его обѣдахъ, лошадяхъ, цѣльныхъ зеркальныхъ окнахъ, рѣзныхъ потолкахъ и о томъ невѣроятномъ богатствѣ, которое позволяло ему бросать деньги, какъ песокъ. Ясно, что пріѣздъ такого человѣка долженъ былъ всегда производить впечатлѣніе въ уѣздномъ городѣ. Въ промежутокъ трехъ-четырехъ дней пребыванія Пукина, должностныя лица и многіе изъ частныхъ обывателей почти не выходили изъ дома откупщика: они пили у него чай, завтракали, обѣдали, играли въ карты и ужинали. Такъ было и теперь. Въ то время, какъ Савелій входилъ на дворъ конторы, у Пукина сидѣли гости.

Ранній часъ утра не позволялъ обществу быть многочисленнымъ; оно состояло пока изъ исправника и городничаго. Оба сидѣли съ хозяиномъ дома въ большой залѣ, смотрѣвшей окнами на дворъ. Тутъ находился также управляющій конторою и два повѣренныхъ; но послѣдніе не принадлежали обществу,—ихъ считать нечего; первый стоялъ поодаль въ какомъ-то подобострастномъ оцѣпенѣніи, два другіе торчали въ дверяхъ, сохраняя на лицахъ выраженіе благоговѣйнаго умиленія.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы обращеніе исправника и городничаго отличалось особенною фамильярностью; разница между первыми и вторыми состояла почти въ томъ, что первые стояли, тогда какъ вторые сидѣли. Иначе даже быть не могло. Начать съ того, что Пукинъ былъ благодѣтель городничаго: онъ выхлопоталъ ему мѣсто, размѣстилъ дѣтей его, помогъ выстроить домъ послѣ пожара, далъ разъ двѣ тысячи рублей, которыхъ не достало при какомъ-то казенномъ отчетѣ, и тѣмъ спасъ protégé

своего отъ позора и гибели. Городничій ясно понималъ, можетъ-статься, что благодѣтель дѣйствовалъ не спроста; понималъ онъ это, но, съ своей стороны, лѣзъ изъ кожи, желая доказать Пукину свою благодарность: позволялъ держать кабаки открытыми до часу ночи, и даже всю ночь, скрывалъ всѣ случаи, происходившіе въ этихъ пріютахъ и проч., и проч. При всемъ томъ, мѣра благодѣянія превышала все-таки выраженія благодарности, и городничій не могъ считать Пукина за обыкновеннаго человѣка. Что-жъ касается исправника, онъ стѣснялъ себя передъ откупщикомъ совершенно безкорыстно; онъ зналъ, что Пукинъ слишкомъ привыкъ къ лести и подобострастію, чтобы можно было подъѣхать къ нему такими путями. Исправникъ просто не могъ побѣдить въ себѣ чувства невольной робости и удивленія при видѣ человѣка, который изъ ничего сдѣлалъ себѣ милліоны и бросалъ деньгами, какъ пескомъ. Пукинъ возбуждалъ, впрочемъ, удивленіе и не такихъ добродушныхъ людей, какъ исправникъ. Одни удивлялись его генію, другихъ поражало безграничное его тупоуміе; замѣчательнѣе всего, что тѣ и другіе были совершенно правы.

Геній Пукина заключался въ слѣдующемъ: не далѣе четырнадцати лѣтъ назадъ онъ служилъ на побѣгушкахъ и, какъ говорили, исправлялъ даже самыя низкія должности у откупщика Сандараки, успѣвшаго также нажить милліоны и носящаго теперь фамилію Сандаракина. Пукинъ понравился, получилъ мѣсто повѣреннаго, потомъ дистанціоннаго, и, наконецъ, попалъ въ управляющіе конторой. Счастье ли тому способствовало, или такъ распоряжался ужъ Пукинъ, но въ два года уѣздъ, подъ его управленіемъ, далъ Сандараки вдвое больше прежняго. Изобрѣтательность Пукина была изумительна; она удивляла даже Сандараки, который самъ прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы и давно уже ничему не удивлялся. Извѣстность Пукина росла между откупщиками; начали его переманивать, но Пукинъ остался вѣренъ Сандараки. Послѣдній далъ ему небольшой пай въ какомъ-то большомъ предпріятіи и послалъ его уполномоченнымъ на свое мѣсто. Въ актѣ сказано было, что Сандараки даетъ мѣщанину Пукину два пая; но Пукинъ изъ двухъ ухитрился сдѣлать двадцать два, хватилъ неслыханный кушъ и учтиво тогда раскланялся съ Сандараки, который долженъ былъ поневолѣ молчать: предпріятіе было такого рода, что обя-

зывало не раскрывать тайны. Пукинъ вышелъ сухъ и бѣлъ, какъ лебедь изъ воды, расцвѣлъ, выросъ, представилъ залоги и самъ сѣлъ въ откупщики. Онъ, говорили, былъ уже тогда въ семистахъ тысячахъ. Дѣло его пошло отлично, счастіе ни разу не измѣнило. Откупщики только ахали; многіе, несмотря на молодость Пукина, стали обращаться къ нему за совѣтами. Вскорѣ Пукинъ нашелъ покровителей между людьми сильными. Онъ такъ пошелъ вдругъ въ ходъ, что всѣ объ немъ заговорили. Онъ бралъ теперь по десяти городовъ на откупъ, бралъ цѣлыя губерніи, — и ни разу не оборвался. Начали его бояться: стоило Пукину явиться на переторжку—ему давали огромныя отступныя суммы, чтобъ онъ только не набивалъ цѣнъ, и т. д. — словомъ, въ четырнадцать лѣтъ, изъ человѣка, исполнявшаго низкія должности у Сандараки, Пукинъ сдѣлался милліонеромъ. Въ этомъ, по мнѣнію многихъ, заключалась геніальность Пукина.

Тупоуміе откупщика основывалось вотъ на чемъ: какъ только явились у него милліоны (извѣстно, какъ легко они ему достались), онъ вообразилъ себя какимъ-то всеобъемлющимъ человѣкомъ; отправляясь съ этой точки зрѣнія на пути богатства, Пукинъ тотчасъ же заразился самымъ непомѣрнымъ тщеславіемъ. Пройдя отъ доски до доски всю школу надувательства, онъ позволялъ теперь надувать себя самымъ жалкимъ образомъ. Двумъ-тремъ негодяямъ, движимымъ очевиднымъ расчетомъ, ничего не стоило, напримѣръ, увѣрить его, что онъ, Пукинъ, ничему никогда не учившійся, едва знающій грамоту, — былъ все-таки умнѣе ихъ всѣхъ; они твердили ему съ утра до вечера, что онъ обладаетъ способностями министра, что на него устремлены взоры государства, что онъ, Пукинъ, человѣкъ популярный! Пукинъ, при всей своей плутоватости, чистосердечно всему повѣрилъ, — повѣрилъ какъ простофиля. Въ ослѣпленіи своемъ онъ толковалъ о Европѣ, разрѣшалъ вопросы высшей политики, высказывалъ сужденія о литературѣ, не понимая страшнаго комизма той роли, которую на себя принялъ. Ѳиміамъ, который воскуряли подленькіе сеиды и мюриды, составившіе дворъ его, рѣшительно вскружилъ Пукину голову. Онъ помѣшался на томъ, чтобъ быть популярнымъ и чтобъ объ немъ говорили. Съ этою цѣлью собственно сыпалъ онъ такія безумныя деньги. Стоило явиться какой-нибудь дорогой вещи, будь эта вещь: домъ, лошадь, кар-

тина, главное, чтобъ она была дорога и пришлась не по карману такому-то графу и князю, — Пукинъ тотчасъ же покупалъ ее.

Все для той же цѣли купилъ онъ домъ въ Москвѣ и отдѣлалъ его великолѣпно, купилъ домъ въ Петербургѣ и отдѣлалъ его еще великолѣпнѣе. Онъ покупалъ картины, бронзу, рѣдкости. Пукинъ находился въ полномъ убѣжденіи, что совершенно достаточно знать толкъ въ пивѣ и пѣнникѣ, чтобы умѣть цѣнить произведенія искусства; онъ сдѣлался меценатомъ, покровительствовалъ художникамъ; и тутъ, такъ же какъ и вездѣ, сыпалъ деньги самымъ безтолковымъ образомъ. Художникамъ было это, конечно, съ руки: они сбывали ему свой хламъ, получая за него больше, чѣмъ за лучшія свои картины. Но Пукину было все равно, онъ не гнался за достоинствомъ,— да и грѣхъ ему было! — ему нужно было только знаменитое имя на картинѣ, нужно было много картинъ, чтобъ говорили: „извѣстная галлерея Пукина!"—вотъ за чѣмъ онъ гнался.

Роскошная жизнь, великолѣпные обѣды, на которые не стыдились являться очень умные люди, чтобы поѣсть, попить и потомъ посмѣяться надъ Пукинымъ, — все это, весьма естественно, имѣло нѣкоторое вліяніе на мѣщанина, бывшаго на побѣгушкахъ у Сандараки. Изъ разбитнаго Степки, перетянутаго сначала полушубкомъ, потомъ чуйкой, потомъ уѣзднымъ сюртучкомъ съ высокой тальей, — образовался господинъ, съ величественной, комически-горделивой осанкой, покровительственно улыбающейся физіономіей, глубокомысленно раздувающій ноздри и съ достоинствомъ махающій руками. Онъ самодовольно судилъ и рядилъ теперь обо всемъ, не терпѣлъ возраженія и мрачно хмурилъ брови, когда что-нибудь не по немъ выходило. Такимъ являлся онъ дома, сидя въ бархатныхъ своихъ креслахъ, на улицѣ — въ своей бекешѣ или трехтысячной шубѣ. На самомъ же дѣлѣ, былъ онъ тотъ же Степка, тотъ же приказчикъ питейнаго дома, но только въ бобрахъ вмѣсто овчины и смотрѣвшій не изъ кабака теперь, но изъ кареты, или изъ окна роскошнаго дома, въ которомъ каждый кирпичъ представлялся воображенію ведромъ пѣнника, сильно разбавленнаго водою...

Но мы, кажется, довольно уже говорили о Пукинѣ, чтобъ стоило еще распространяться о его наружности.

Достаточно сказать, что Степанъ Петровичъ Пукинъ изволили откушать чай, одѣлись и вельможественно расхаживали по залѣ, возбуждая удивленіе городничаго и исправника и подобострастное благоговѣніе управителя конторы и двухъ повѣренныхъ. Онъ сдѣлалъ такимъ образомъ нѣсколько поворотовъ, когда въ дверяхъ залы показался становой Никифоръ Иванычъ.

— Честь имѣю явиться-съ, Степанъ Петровичъ! весело сказалъ Никифоръ Иванычъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ и протягивая руку хозяину дома.

Такая смѣлость, и еще въ становомъ, видимо не понравилась откупщику, онъ небрежно кивнулъ головою и подалъ палецъ, украшенный богатымъ перстнемъ.

— Здравствуйте, сухо сказалъ онъ. — У васъ тамъ въ стану опять что-то случилось, отрывисто прибавилъ откупщикъ,—первый разъ слышу, чтобъ въ одномъ и томъ же стану такъ часто случались у насъ непріятности...

— Что такое? спросилъ Никифоръ Иванычъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на городничаго и исправника, которые укорительно качали головою.

— До меня то и дѣло доходятъ слухи, продолжалъ Пукинъ,—что въ вашемъ стану народъ поминутно попадается съ кондрабанднымъ виномъ.

— Невозможно справиться, Степанъ Петровичъ, возразилъ сконфуженный становой, — мой станъ пограничный, входитъ угломъ въ сосѣднюю губернію; наконецъ что-жъ мнѣ дѣлать? я радъ былъ бы, чтобъ этого не случалось... но это совершенно не въ моей власти.

— Я вамъ говорилъ, Никифоръ Иванычъ! произнесъ значительно исправникъ.

— Ваше дѣло ихъ преслѣдовать, Никифоръ Иванычъ,— преслѣдовать и преслѣдовать! съ жаромъ сказалъ городничій, выпуская клубъ дыма.

Городничій курилъ сигару, предложенную ему Пукинымъ; куря ее, городничій раздувалъ ноздри, щурилъ глаза, сладко вдыхалъ дымъ,—словомъ, всячески старался показать хозяину дома, что испытываетъ неописанное наслажденіе и блаженство.

— Садитесь! сухо сказалъ Пукинъ, обращаясь къ становому и принимаясь снова расхаживать.

Услышавъ шумъ на дворѣ, онъ повернулъ туда голову и подошелъ къ окну. Кучеръ Пукина гналъ въ шею какого-то сѣденькаго старичка, который хотѣлъ что-то

объяснить стоявшимъ тутъ же мужикамъ и порывался впередъ.

— Спросить, что тамъ такое? произнесъ откупщикъ, кивая головою двумъ повѣреннымъ.

Тѣ полетѣли стрѣлою; черезъ минуту возвратились они и, перебивая другъ друга, сообщили, что какой-то мужикъ хочетъ непремѣнно видѣть Степана Петровича.

— Спросить, что ему надо... или нѣтъ, привести его сюда! сказалъ Пукинъ.

На этотъ разъ, за повѣренными кинулся самъ управляющій конторой. Они ввели Савелія.

— Что тебѣ надо? спросилъ Пукинъ, снисходя къ такой роли, по какому-то странному капризу, свойственному богатымъ, избалованнымъ людямъ.

— Это тотъ самый мужикъ, который... началъ-было становой.

— Что такое? нетерпѣливо перебилъ его Пукинъ.

— Который, подхватилъ Никифоръ Иванычъ, — въ послѣдній разъ съ виномъ попался.

— Точно такъ... ваша милость... заикаясь сказалъ Савелій, — по нечаянности, простите, сударь... вамъ Господь вдвое воздастъ... Сказываютъ... теперича съ меня двѣнадцать цѣлковыхъ потребуютъ... простите сударь!.. вамъ Господь втрое воздастъ!..

Добродушіе старика, который, не шутя, казалось, думалъ, что Пукинъ гонится за двѣнадцатью цѣлковыми, вырвало у послѣдняго невольный смѣхъ; съ этимъ смѣхомъ обратился онъ къ исправнику и городничему; тѣ также засмѣялись и пожали плечами.

— Простите... сударь... Помилуйте!.. повторилъ Савелій упавшимъ какимъ-то голосомъ.

Онъ чувствовалъ себя здѣсь еще болѣе отчужденнымъ, чѣмъ даже въ судѣ, передъ лицами съ свѣтлыми пуговицами. Такъ ли ужъ настроили старика впечатлѣнія нынѣшняго дня, или напуганъ онъ былъ повѣренными,—но внутренній голосъ шепталъ ему, что передъ нимъ теперь сила и воля страшная, — сила и воля, которыя все ломили, передъ которыми все должно было уступать и склоняться. Робость подступала къ его сердцу и путала его мысли; онъ казался такимъ жалкимъ, маленькимъ, раздавленнымъ, уничтоженнымъ; комкая свою шапчонку, не смѣлъ онъ поднять глазъ и слышалъ только, какъ звенѣло въ ушахъ его и какъ стучало сердце.

А между тѣмъ, другой какой-то голосъ, извнѣ какъ словно вторгавшійся въ залу откупщика, — голосъ, сначала тихій, потомъ постепенно укрѣпляющійся, начиналъ ходить внутри и вокругъ всей конторы... Голосъ съ каждой секундой разрастался и пріобрѣталъ больше и больше силы... Буря, опустошающая села, ломающая столѣтніе дубы, подымающая къ небесамъ волны морскія, уносящая кровли и хижины какъ щепки, — не такъ, казалось, реветъ и грохочетъ, какъ ревѣлъ теперь этотъ голосъ, потрясавшій до основанія, до послѣднихъ сводовъ каменное зданіе конторы... Звукъ откупщицкаго баса терялся и пропадалъ какъ едва примѣтная пискотня едва примѣтной мухи... Все заглушалось голосомъ, который, постепенно возвышаясь, вырастая сильнѣе и яростнѣе, покрывалъ шумъ города и все дальше и дальше распространялся, какъ громовые раскаты... И ясно, казалось, ясно для всякаго слуха говорилъ голосъ: — „Не бойся, дядя Савелій! не робѣй! смотри прямо,—смѣло и прямо смотри въ глаза откупщику Пукину! Не пугайся его, дядя Савелій, не кажись такимъ маленькимъ и подавленнымъ! Смѣлѣй, дядюшка Савелій, смѣлѣй! Выпрями спину, подыми сѣдую голову, взгляни ему гордо въ глаза! Не ты передъ нимъ маленькій, — онъ передъ тобой прахъ и крошка! Ты вѣдь также капиталистъ, дядя Савелій.— У тебя сорокъ цѣлковыхъ,—и каждый грошъ твоего капитала выбитъ честнымъ трудомъ и покрытъ пòтомъ;— каждый грошъ его милліоновъ заклейменъ плутней! кто же изъ васъ двухъ богаче? Кто?.. Не робѣй же, дядя Савелій,—не робѣй! Ободрись и прямо смотри на откупщика Пукина, онъ прахъ передъ тобою,—честный ты труженикъ, честная, простая душа! Прахъ передъ тобою—частицей той могучей, прочной силы, передъ которой откупщикъ Пукинъ съ его милліонами ничтоженъ, какъ самая ничтожная пылинка, сорванная вѣтромъ съ кучи негоднаго сора!..“

Но слова таинственнаго голоса, — слова внятныя и ясныя для всѣхъ, — проходили неслышными мимо ушей Савелія. Вмѣсто того, чтобы ободриться, продолжалъ онъ комкать свою шапчонку, продолжалъ обливаться пòтомъ, не находя даже смѣлости повторить свое оправданіе. „Простите... батюшка!.. Помилуйте!“—вотъ все, что могъ сказать онъ, когда Пукинъ снова къ нему обратился.

— Который случай?—спросилъ Пукинъ, поворачиваясь къ управляющему.

— Двадцать-седьмой-съ! — живо возразилъ тотъ, тараща глаза и страстно какъ-то впиваясь въ лицо начальника.

Пукинъ значительно приподнялъ брови.

— Нельзя простить, сказалъ онъ, взглянувъ на Савелія, который завертѣлъ опять шапкой,—вы этакъ всѣ, пожалуй, станете ѣздить въ сосѣднюю губернію; васъ поучить надо хорошенько, поучить — непремѣнно!.. Андрей Андреичъ, добавилъ онъ, подзывая исправника, который шарахнулся къ нему со всѣхъ ногъ, — пожалуйста, подхватилъ Пукинъ, отводя исправника нѣсколько въ сторону, — подержите у себя этого старика; онъ заплатитъ установленный штрафъ, — это само собою; но вы, сверхъ того, подержите его еще у себя на домашнемъ арестѣ; они больше даже этого боятся, чѣмъ штрафа; нужно, чтобъ знали въ народѣ, что такія продѣлки даромъ не обходятся...

Во все это время, исправникъ моргалъ глазами, внимательно слушалъ и одобрительно кивалъ головою; какъ только Пукинъ кончилъ, исправникъ обратился къ Савелію, велѣлъ ему итти къ себѣ на квартиру и дожидаться тамъ его возвращенія.

— Нельзя, господа, никакъ намъ нельзя пропускать такіе случаи безнаказанно! заговорилъ Пукинъ, входя въ роль оратора, которая всегда ему очень нравилась.— Какое-нибудь ведро вина, сто, тысячу ведеръ, для насъ ничего не составляютъ! вы понимаете, тутъ дѣло не въ ведрѣ вина, а въ искорененіи злоупотребленія, въ нарушеніи порядка, нарушеніи нашихъ постановленій! Сказано народу: не ходи въ чужую губернію; онъ долженъ повиноваться! Не повинуется — заставь повиноваться!.. И наконецъ, имѣемъ мы, кажется, полное право требовать повиновенія въ отношеніи къ нашимъ постановленіямъ! Платимъ мы милліоны за такую-то губернію, такой-то городъ; я заплатилъ, далъ деньги, купилъ право—народъ долженъ пить у меня, а не у другого!.. Что жъ бы это такое было? Хорошо бы шли откупа̀! Да они плевка бы тогда не стоили! не стоило бы рукъ марать!.. продолжалъ Пукинъ, самодовольно поглядывая на присутствующихъ, которые сохраняли, за исключеніемъ, можетъ-быть, одного станового, сохраняли такой видъ, какъ будто прислушивались къ сладчайшей музыкѣ.

Они даже били тактъ головою... Савелій сидѣлъ между

тѣмъ на дворѣ исправника и ждалъ, когда тотъ явится, чтобы рѣшить его участь. Онъ ждалъ долго. По прошествіи трехъ часовъ, разнесся слухъ, что исправникъ рано дома не будетъ: онъ остается обѣдать у откупщика и проведетъ тамъ остатокъ вечера. Извѣстіе это принесъ старый инвалидъ, занимавшій должность разсыльнаго въ канцеляріи исправника.

— Гдѣ тутъ мужикъ, который къ откупщику ходилъ... ты что ли? спросилъ неожиданно разсыльный, взглянувъ на Савелія.

— Я, касатикъ...

— Тебя велѣно не пускать отсюда; задержать велѣно.

— Какъ же такъ, батюшка... Что же это?.. проговорилъ Савелій, озираясь кругомъ, какъ потерянный.

— Такъ приказано! возразилъ разсыльный, не давая другого отвѣта.

Домашнему аресту въ квартирѣ исправника подвергаются только тѣ крестьяне, которые по незначительности вины не могутъ быть посажены въ острогъ; такое право предоставлено исправнику; но онъ можетъ приводить его въ исполненіе и не приводить—по своему произволу; нѣтъ ему никакой охоты держать у себя на дворѣ посторонняго человѣка; правда, можетъ онъ заставить арестанта возить воду, колоть дрова, топить печи и проч.; но игра свѣчъ не стоитъ. Сажая подъ арестъ, исправникъ, по большей части, дѣлаетъ дружеское одолженіе помѣщику, который проситъ его объ этомъ, не зная какъ справиться съ крестьяниномъ, требующимъ нѣкоторой острастки. Домашній арестъ входитъ, слѣдовательно, въ составъ частныхъ, домашнихъ мѣръ. Для негодяя арестанта мѣра эта недѣйствительна, если она не соединяется съ розгами; ничего не стоитъ ему убѣжать — никто за нимъ не присматриваетъ: ему скажутъ только, чтобы не смѣлъ онъ никуда выходить,—и только.

Савелій покорился судьбѣ своей и рѣшился терпѣливо дожидаться исправника. Его безпокоила мысль о домашнихъ: что-то скажутъ они, какъ увидятъ, что онъ не возвращается; пройдетъ эта ночь — и будетъ уже двое сутокъ, какъ онъ выѣхалъ изъ дому. Не мало также сокрушала его лошадь, оставленная на постояломъ дворѣ; кто объ ней позаботится? Кто дастъ корму? Вотъ ужъ часовъ шесть будетъ, какъ она, сердечная, ничего не ѣла. Старикъ сообщилъ свои безпокойства другому инвалиду, нѣ-

сколько помоложе перваго и, какъ казалось, болѣе снисходительному. Инвалидъ не обманулъ его ожиданій: — точно оказался добрякомъ. Онъ согласился вывести старика, какъ только смеркнется, и сходить съ нимъ на постоялый дворъ; за все это просилъ онъ только гривенникъ; онъ требовалъ, однакожъ, чтобы арестантъ не дѣлалъ сопротивленій, когда придетъ время назадъ возвращаться. Савелію доставленъ былъ такимъ образомъ случай переговорить съ хозяиномъ постоялаго двора; тотъ согласился оставить у себя лошадь и кормить ее.

Савелій тѣмъ охотнѣе началъ сокрушаться о семействѣ, что ничто уже его не развлекало. Исправникъ явился домой ночью; на другое утро всталъ онъ поздно, велѣлъ сказать просителямъ, чтобъ приходили завтра, и снова на весь день отправился къ откупщику. Тоска еще неотвязчивѣе, чѣмъ накапунѣ, приступила къ Савелію.

„За что же здѣсь держатъ? Хоть бы сказали, по крайней мѣрѣ, чего хотятъ? Коли штрафъ заплатить требуется, онъ готовъ это сдѣлать; но что же значитъ, что не выпускаютъ его отсюда?.. У него свои дѣла есть: у всякаго есть дѣла свои!.. Теперь самое время помола; одному Петру не управиться. Кромѣ того, живучи въ городѣ, приходится кормить лошадь ни за что, ни про что... вездѣ убытки, изъянъ!..“

Онъ не переставалъ ходить по двору и безпокойно потряхивать сѣдою головою: тоска подмывала его и не сидѣлось ему на мѣстѣ; посидитъ минуты двѣ, ударитъ себя ладонями по поламъ полушубка, — и снова пошелъ кружить по двору исправника. Въ такомъ положеніи находился Савелій, когда неожиданно попался ему благодѣтель. Благодѣтель былъ не кто другой, какъ писарь, или письмоводитель исправника,—человѣкъ съ косымъ лѣвымъ глазомъ и флюсомъ на правой щекѣ, туго перетянутой косынкой. Савелій замѣтилъ, что писарь утромъ и въ обѣдъ прошелъ мимо него два раза и кашлянулъ; но старикъ сначала не обратилъ на это вниманія и ограничивался тѣмъ, что вставалъ и кланялся. Вечеромъ, на второй день, письмоводитель снова явился, прошелся по двору и кашлянулъ; на этотъ разъ, однакожъ, онъ остановился, подозвалъ старика и сказалъ:

— Ну что, старче, скучаешь, а?..

— Вся душа изныла, батюшка. Хлѣба даже лишился... отвѣчалъ Савелій,—хоть бы узнать только, когда конецъ-

то этому будетъ... Кажись все бы отдалъ, чтобы только выпустили!.. Похлопочи, батюшка!.. вѣкъ буду за тебя молить Бога!..

— Что жъ, это можно... сказалъ письмоводиль, моргая косымъ глазомъ,—похлопотать можно... только безъ денегъ нельзя...

— Мы, отецъ, не постоимъ въ этомъ; сколько надо, готовъ отдать... Только ослобони Христа ради!.. Ослобони, батюшка!

— Тридцать цѣлковыхъ, ласково сказалъ письмоводитель.

Савелія при этомъ встряхнуло, словно кто-нибудь далъ ему тумака въ спину.

— Тридцать цѣлковыхъ, продолжалъ письмоводитель, поправляя платокъ, перевязывавшій щеку,—менѣе нельзя; изъ нихъ, штрафныхъ за вино отдать надо двѣнадцать цѣлковыхъ; потомъ придется еще кой-кому дать... безъ того не выпустятъ! Не скупись, старикъ, ой, не скупись! тебя же жалѣючи говорю; вѣдь хуже будетъ: продержатъ здѣсь недѣль шесть пожалуй; тамъ пожалуй въ острогъ еще посадятъ... Ну что тебѣ: разъ отдалъ—и дѣло кончилъ; убытковъ меньше будетъ; а ужъ я похлопочу, дѣло сдѣлаю; одно говорю: выпустимъ.

— Батюшка! воскликнулъ Савелій,—у меня и денегъ-то такихъ нѣтъ... Гдѣ жъ ихъ взять-то? Гдѣ?

— Найди какъ-нибудь, твое дѣло! У тебя лошадь здѣсь есть,—продай! Говорю: дашь эти деньги—дѣло рѣшеное, поконченное; это все въ нашихъ рукахъ! Ни за какія деньги не захочу я въ подлецахъ остаться; сказалъ: сдѣлаю, стало можно, потому и говорю; у насъ случаи такіе бывали; не впервой; свертимъ, говорю: дай только деньги!..

Надо было на что-нибудь рѣшиться: или сидѣть здѣсь въ мучительной неизвѣстности, подвергая себя изъяну, или отдать деньги. Савелій думалъ, и какъ ни тяжело было—рѣшился на послѣднее. Затрудненіе состояло въ томъ теперь, какъ дать слухъ домой и вытребовать сына, потому что лошадь свою Савелій ни за что не хотѣлъ продавать. Продать ее можно было одному хозяину постоялаго двора; но тотъ, зная положеніе продавца, конечно, дастъ за нее втрое меньше противъ цѣны настоящей. Съ такими мыслями сидѣлъ онъ на третьи сутки, когда услышалъ за собою шаги; поднявъ голову, увидѣлъ

онъ младшаго инвалида, который шелъ къ нему торопливо.

— Старикъ, тебя спрашиваютъ, сказалъ инвалидъ, указывая на калитку, — никакъ сынъ пришелъ провѣдать...

Савелій опрометью бросился къ калиткѣ; увидѣвъ Петра, онъ въ радостяхъ трижды поцѣловался.

— Къ тебѣ, батюшка, сказалъ Петръ, оглядывая отца безпокойными глазами (онъ едва переводилъ духъ, и, казалось, столько же происходило это отъ внутренняго волненія, сколько и отъ усталости), — добре ужъ очень объ тебѣ соскучились... Сутки нейдешь, вторыя нѣтъ тебя,— пошелъ я на становую квартиру; оттуда сюда... Началъ по постоялымъ дворамъ спрашивать, — никто не знаетъ! Тутъ напалъ на нашу лошадь... мнѣ все сказали...

— Да, перебилъ Савелій, прищуривая глаза и съ горечью потряхивая сѣдинами,—жилъ вѣкъ, ничего со мною такого не было... привелось подъ старость!.. Дорого обошлось намъ это ведро вина!.. пуще того сумлѣнья одного сколько!.. какъ быть... за грѣхи, видно, Господь наказываетъ!..

Старикъ провелъ ладонью по глазамъ и задумался.

— У насъ, батюшка, тоже есть дома не ладно, сказалъ Петръ,—мальчикъ мой добре разнемогся...

Старикъ перекрестился, не подымая головы.

— Не знаю, что такое сдѣлалось, продолжалъ Петръ,— кричитъ день-деньской и ночь всю... весь даже извелся; однѣ косточки остались!.. Палагея сказывала: у жены молоко вишь какъ-то попортилось... очень ужъ въ ту пору она испугалась, какъ Гришку схватили... сама опосля сказывала; да это не отъ того припало къ мальчику: онъ и рожка не беретъ... чѣмъ живъ,—Богъ вѣдаетъ!..

— Видно, произнесъ старикъ, покашливая, — видно, горе-то не въ одиночку ходитъ... не въ одиночку!.. Прогнѣвили, знать, Господа!..

Старикъ отвелъ сына нѣсколько въ сторону и передалъ ему отъ слова до слова разговоръ съ письмоводителемъ; требованіе тридцати цѣлковыхъ озадачило Петра ничуть не менѣе, чѣмъ отца; но это потому такъ было, что Петръ не подозрѣвалъ даже, чтобы такая сумма могла у нихъ находиться. Узнавъ объ этомъ, Петръ началъ упрашивать старика отдать деньги. Онъ говорилъ, что денегъ этихъ пока имъ не надобно; что живутъ они и безъ нихъ по милости Создателя; что работы вволю теперь и

коли Богъ благословитъ—наживутъ они опять столько же. Старикъ долго крѣпился, молчалъ, пожималъ губами; наконецъ, разсказалъ сыну, гдѣ лежали деньги, и велѣлъ ѣхать домой какъ можно поспѣшнѣе.

Отсутствіе Петра продолжалось почти цѣлыя сутки; отъ города до мельницы, если даже ѣхать на-перекоски, считалось верстъ сорокъ. Лошадь плохо была кормлена; пришлось ѣхать медленно; пришлось даже лишній разъ остановиться на перепутьи и дать вздохнуть бѣдному животному. Наконецъ Петръ явился.

Старикъ переговорилъ еще разъ съ письмоводителемъ и отдалъ ему требуемыя деньги. Письмоводитель дѣйствительно не показалъ себя подлецомъ; онъ сдержалъ слово. Остается совершенно неизвѣстнымъ, какъ устроилъ онъ дѣло (надо думать, исправникъ отчасти участвовалъ въ заговорѣ); Савелій въ тотъ же вечеръ получилъ свободу и могъ отправиться на всѣ четыре стороны. Онъ расплатился съ хозяиномъ постоялаго двора, далъ лошади перехватить корму и, несмотря, что на дворѣ была уже ночь (старика сильно тревожила мысль о внучкѣ, которому было хуже), сѣлъ съ сыномъ въ телѣжку и покатилъ изъ города.

VII.

Возвращеніе на мельницу.

Савелій и Петръ подвигались медленно. Въ ночь выпалъ снѣгъ; необыкновенная мягкость воздуха дѣлала его рыхлымъ и мягкимъ; онъ ворохами навивался на колеса и такъ отягощалъ телѣжку, что лошадь съ трудомъ ее тащила. Тучи заслоняли небо; но снѣжная бѣлизна окрестности распространяла ясность, и ночь была не такъ черна, какъ ожидали путешественники. Тѣмъ не менѣе, лошадь часто сбивалась съ колеи; мѣстами дорога вовсе пропадала; Петру и Савелію приходилось пробивать первый зимній путь. Совсѣмъ уже разсвѣло, когда прибыли они въ Ягодню. Они завернули къ куму Дрону, взяли у него сани, перепрягли лошадь и, не теряя секунды, опять отправились. Минуты двѣ какія-нибудь потребовалось, чтобы спуститься по луговому скату; санишки летѣли сами собою, раскатываясь то вправо, то влѣво, и каждый разъ загребая глыбы снѣга. Лошадь, почуявъ стойло, пустилась вскачь. Миновали ручей.

Весело подъѣзжать къ дому. Весело глядѣть, какъ постепенно показывается и выростаетъ вдалекѣ родимая кровля. По лицамъ Савелія и Петра нельзя было сказать, чтобъ они были веселы; смущеніе и безпокойство обозначались въ чертахъ отца; тяжелое предчувствіе сильнѣе вторгалось въ его душу, по мѣрѣ приближенія къ мельницѣ. Онъ слова не говорилъ съ сыномъ. Петръ также молчалъ. Молча вылѣзли они изъ саней и отворили ворота.

При появленіи ихъ на дворъ, Гришутка выглянулъ изъ-за угла амбара; онъ скрылся въ ту же секунду, и потомъ видно было сквозь щели плетня, какъ проскочилъ зайцемъ и пропалъ за клѣтушкой. Не знаю, обратилъ ли на это вниманіе Петръ; но старикъ ничего не замѣтилъ. Оба поспѣшили къ крыльцу. Вопль, неожиданно раздавшійся въ избѣ, рванулъ ихъ за сердце; они переглянулись. Въ эту минуту на крылечкѣ показалась Палагея. Нечего уже было разспрашивать: лицо Палагеи и, еще болѣе, вопль, свободно вылетавшій теперь въ полурастворенную дверь избы, ясно сказали, что все кончено...

— Очень ужъ больно убивается... проговорила Палагея,—подите къ ней... Нонче померъ, Христосъ съ нимъ, на самой на зарѣ...

Отецъ и сынъ вошли въ избу. Младенецъ, покрытый бѣлымъ платкомъ, лежалъ подъ образами, тускло отражавшими крошечное пламя желтой восковой свѣчки. Марья сидѣла подлѣ; обхвативъ руками тѣло младенца, спрятавъ лицо въ ногахъ его, она неутѣшно плакала. Потеря ребенка, котораго она ждала шесть лѣтъ, котораго девять мѣсяцевъ потомъ такъ радостно носила подъ сердцемъ, тяжко отзывалась въ душѣ ея; но къ этому примѣшивалось еще другое чувство: младенецъ тѣснѣе какъ-то привязывалъ къ ней мужа, очевидно располагалъ къ ней тестя. Душа ея, горько настроенная потерею ребенка, создавала новыя, преувеличенныя опасенія: она теряла увѣренность въ любовь мужа и расположеніе тестя.

Савелій, въ глазахъ котораго крошечное пламя свѣчки принимало видъ большого мутнаго круга, тутъ же увидѣлъ, что ему еще приходится утѣшать сноху и сына. Сдѣлавъ три земные поклона, онъ велѣлъ Петру остаться съ женою, а самъ спустился на дворъ и началъ распрягать лошадь. Поставивъ ее на мѣсто, онъ снялъ съ перекладины навѣса двѣ новенькія тесенки и медленно по-

влекъ ихъ къ обрубку, гдѣ дней пять назадъ сколачивалъ люльку. Съ люлькой больше было хлопотъ, чѣмъ въ теперешней работѣ. Когда Петръ вышелъ къ отцу, гробикъ совсѣмъ почти былъ оконченъ.

— Петръ, сказалъ старикъ, — тебѣ со мною итти не зачѣмъ, посиди пока съ женою; я одинъ схожу; тягость въ немъ небольшая!.. Самъ снесу его, самъ схороню... Ты здѣсь побудь... Да гдѣ же Григорій? Что я его не вижу... Гдѣ онъ?

Петръ словно по чутью какому-то пошелъ прямо къ клѣти. Минуту спустя, онъ вывелъ оттуда Гришку; мальчикъ не смѣлъ поднять головы и вообще выказывалъ знаки сильнаго испуга.

— Поди сюда, Григорій! произнесъ старикъ кроткимъ голосомъ. — Куда ты все прячешься... зачѣмъ?.. Это не хорошо... Побудь здѣсь... Вотъ я его возьму съ собою, промолвилъ Савелій, обратившись къ сыну, — онъ подсобитъ; къ попу сходитъ и лопату снесетъ... Ты поди пока, посиди съ ними...

Ласковое обращеніе старика произвело, повидимому, на Гришку совсѣмъ другое дѣйствіе, чѣмъ слѣдовало ожидать; вмѣсто того, чтобы ободриться, онъ кисло какъ-то пожималъ губами и плаксиво моргалъ глазами; онъ не трогался съ мѣста, не смѣлъ поднять головы, такъ что къ верху выглядывали только два вихра на его затылкѣ и уши, которыя были такъ же красны, какъ лицо его. Но старикъ, принявшійся за крышку гробика, снова забылъ какъ будто о существованіи мальчика. Вскорѣ, однакожъ, былъ онъ развлеченъ стукомъ лошадиныхъ копытъ и голосомъ помольца, который въѣзжалъ на дворъ мельницы. Помолецъ поздоровался, спросилъ, есть ли свободная снасть и можно ли засыпать.

— Засыпай, добрый человѣкъ, засыпай... промолвилъ Савелій тѣмъ же кроткимъ, разслабленнымъ голосомъ, съ какимъ обращался къ Гришкѣ, — которая снасть понравится, въ ту и засыпай...

— Что же это... Никакъ у васъ покойникъ? спросилъ помолецъ.

— Внучекъ... тихо сказалъ Савелій, подбирая какъ-то вовнутрь губы свои, которыя начали вдругъ морщиться, — внучекъ... Вотъ былъ онъ... а теперь... теперь и нѣту...

Полчаса спустя на дворѣ мельницы опять раздались вопли и крики; теперь были они только сильнѣе; Марья

стояла на крылечкѣ; съ одной стороны держала ее Палагея, съ другой Петръ. Она рвалась къ Савелію, который выходилъ изъ воротъ, придерживая гробикъ, перевязанный кушакомъ, переходившимъ черезъ плечо старика; Гришка, также безъ шапки, слѣдовалъ за нимъ съ лопатой и скребкомъ на плечѣ. Во всю дорогу Савелій не обернулся къ своему спутнику, слова съ нимъ не промолвилъ: Гришка нарочно, казалось, ступалъ осторожнѣе и старался не шумѣть скребкомъ и лопатой, чтобы не обращать на себя вниманія. Время отъ времени, онъ заходилъ въ сторону и сбоку поглядывалъ на лицо дяди Савелія; но въ этихъ взглядахъ далеко уже не было того лукавства, той быстроты, какими отличались они нѣсколько дней назадъ, когда мальчикъ выступалъ по той же дорогѣ съ боченкомъ за спиною. Самыя мысли его были теперь какъ словно другія. Онъ не думалъ спихивать камней въ ручей, не думалъ подкрадываться къ воронамъ, садившимся иногда въ десяти шагахъ отъ дороги. Самые воробьи не занимали его, хотя, надо сказать, они такъ же шумливо, какъ и тогда, егозили въ ветлахъ, прыгали по плетнямъ и били крылышками, купаясь въ рыхломъ снѣгу.

Поднявшись въ Ягодню, старикъ зашелъ прежде всѣхъ къ куму Дрону, потомъ къ свату Стегнѣю, и попросилъ ихъ подсобить ему выкопать могилку. Тѣ сначала поохали, потомъ начали вспоминать о томъ, давно ли было, какъ пировали они на крестинахъ; но видя, что Савелію было не въ охоту плакать, взяли скребки и отправились. Пока рыли могилу, Савелій послалъ Гришку за попомъ. Обрядъ похоронъ совершился очень скоро. Немного погодя, на томъ мѣстѣ, гдѣ была яма, поднялся небольшой холмикъ. Снѣгъ валилъ густыми хлопьями, и прежде, чѣмъ Савелій успѣлъ уровнять землю, снѣгъ обсыпалъ ее точно пухомъ.

— Ну, проговорилъ Савелій, вздохнувъ какъ то въ два пріема,—ну, внучекъ, прости!.. Думалъ, поживешь съ нами... въ утѣху будешь... Прости, внучекъ!..

— Полно, кумъ, сказалъ Дронъ,—есть о чемъ сокрушаться! Добро бы ужъ ходилъ внучекъ-то, либо лепетать началъ, а то всего только пять дней было ему...

— Богъ дастъ, другого наживешь внучка-то! проговорилъ, въ свою очередь, сватъ Стегнѣй,—сноха не старая, сынъ парень также молодякъ; какіе года ему!..

Въ отвѣтъ на такія утѣшенія, Савелій махнулъ только

рукою и отвернулся. Кумъ Дронъ и сватъ Стегнѣй переглянулись, какъ-будто сказать хотѣлъ другъ другу: „Оставить надо; не до того теперь!“ простились и пошли по домамъ.

Савелій, сопровождаемый Гришкой, который, попрежнему, шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, ступалъ бережно и старался не обращать на себя вниманія, покинулъ кладбище. Неподалеку отъ церкви встрѣтились они съ Андреемъ. Савелій находился въ родствѣ съ Дрономъ и Стегнѣемъ: первый доводился ему кумомъ, второй сватомъ; Андрей былъ ему чужой, а между тѣмъ, Савелій обошелся съ нимъ гораздо ласковѣе, чѣмъ съ двумя первыми. Онъ приподнялъ шапку въ отвѣтъ на поклонъ Андрея и даже замедлилъ шагъ.

— Савелій Родіонычъ, сказалъ Андрей своимъ груднымъ тихимъ голосомъ;—послушай: у меня трое было... трое ужъ взрослыхъ! Дѣвочкѣ моей пошелъ двѣнадцатый годъ; Егорушкѣ семь лѣтъ было... И тѣхъ схоронилъ, Савелій Родіонычъ!.. Какъ тутъ быть-то! Знать, такъ ужъ намъ Господь посылаетъ; Онъ даетъ дѣтей, Онъ и отнимаетъ... Говорю тебѣ: у меня трое было,—всѣхъ схоронилъ!

— Братецъ ты мой, промолвилъ Савелій, въ первый разъ въ этотъ день возвышая голосъ,—возьми въ толкъ: вѣдь шесть лѣтъ ждалъ внучка-то! Шесть лѣтъ просилъ о немъ Господа! Ужъ, кажется, я ли ему не радовался! Какъ радовался-то!.. А тутъ еще одно къ одному, другой случай вышелъ... Совсѣмъ сокрушился!..

— Слышалъ я, слышалъ... Сказывали! подхватилъ Андрей,—пожалѣлъ я тебя, Савелій Родіонычъ... Ну и въ этомъ также, Савелій Родіонычъ... въ этомъ также... разсуди: у тебя достатокъ: деньги были... Случились такой грѣхъ съ другимъ, съ бѣднымъ, тутъ что дѣлать? Какъ тутъ быть? Вѣстимо жаль... Ну, да Богъ съ ними! по крайности хоть ослобонился...

—Братецъ мой, послѣднее вѣдь отдалъ! Всего только и было! сказалъ Савелій, покачивая головою съ боку на бокъ,—только всего добра и было! Десять лѣтъ трудился, десять лѣтъ спины не разгибалъ и пòтомъ обливался!.. Развѣ онѣ даромъ мнѣ достались, эти деньги-то? Подумай тоже и ты: развѣ я нашелъ ихъ, сидючи на печкѣ, да руки скламши? Десять годовъ работалъ, берегъ — и все пошло прахомъ! Въ одинъ день—все ушло... и куда ушло, подумаешь!

— Полно, Савелій Родіонычъ, полно! Господь наказываетъ, Господь и милуетъ! Кабы не Господь, на кого бы еще надѣяться! Моя жизнь тошнѣе твоей, и-и! куда! а вѣдь живу же, живу!.. Живутъ люди и не въ такой горести, Савелій Родіонычъ, право такъ! Право!

Бесѣдуя такимъ образомъ, они незамѣтно спустились къ ручью, который просачивался теперь въ снѣжныхъ сугробахъ холодною темно-синею лентою. Тутъ Андрей и Савелій разстались; одинъ пошелъ въ Ягодню, другой направился къ мельницѣ.

Снѣгъ продолжалъ валить хлопьями. Церковь на возвышеніи и даже ближняя часть лугового ската исчезали совершенно, какъ бы задернутыя бѣлымъ, медленно колеблющимся пологомъ. Въ двадцати шагахъ нельзя было различать предметовъ на днѣ долины. Мало-по-малу, однакожъ, въ воздухѣ стало проясниваться: снѣжная, движущаяся сѣтка замѣтно рѣдѣла. Мѣстами открывались клочки сѣраго неба, которое постепенно синѣло и сгущалось, приближаясь къ дальнему горизонту. Немного погодя, снѣгъ пересталъ падать; изрѣдка только то тутъ, то тамъ, мимо синяго горизонта, медленно пролетали, кружась и тихо опускаясь, одинокіе снѣжные хлопья.

Но перемѣна погоды встрѣчала глубокое равнодушіе со стороны Савелія; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ впрочемъ случаяхъ, представлялъ онъ рѣзкую противоположность съ Гришуткой. Послѣдній, надо думать, обладалъ большою твердостью духа и способенъ былъ переносить съ болѣе философскимъ спокойствіемъ удары рока. Онъ повидимому замѣтно ободрялся; казалось даже, успѣлъ овладѣть всегдашнимъ своимъ расположеніемъ, или старался, по крайней мѣрѣ, развлечь себя и разсѣять. Онъ внимательно слѣдилъ за одиноко-кружившимися въ воздухѣ снѣговыми хлопьями, выводилъ носкомъ лаптя вычурные фестоны по снѣгу, не пропускалъ случая выставить изнанку ладони навстрѣчу спускавшимся снѣжинкамъ; часто даже улучалъ минуту и, закинувъ назадъ голову, ловилъ ихъ на языкъ. Правда, стоило Савелію кашлянуть или сдѣлать движеніе рукою, Гришутка выпрямлялся, выравнивалъ на плечѣ своемъ скребокъ и лопатку и вообще принималъ озабоченный, суетливо-дѣловой видъ; но это продолжалось минуту, много двѣ, послѣ чего онъ снова овладѣлъ собою и снова старался себя разсѣять.

Такъ вышли они на лугъ, который, подъ снѣжнымъ

покровомъ своимъ, убѣгалъ какъ будто еще дальше къ блѣдно-лиловымъ рощамъ и темно-синему небосклону. Тишина была мертвая; все пропало, казалось, подъ снѣгомъ и погрузилось въ глубокій сонъ. Кровля маленькой мельницы и осѣнявшія ее старыя ветлы одиноко бѣлѣли, возвышаясь подъ сизымъ, отдаленнымъ горизонтомъ. Тамъ было такъ же тихо, какъ и во всей окрестности. Не слышно было ни шума воды, ни того глухого, ровно-вздрагивающаго гула, который показываетъ, что жернова на всемъ ходу и колеса дружно повертываются. Помолецъ окончилъ, видно, свою работу и уѣхалъ; — оно и лучше было. Такъ думалъ Савелій. На дворѣ и въ домѣ засталъ онъ ту же тишину; тишина снизошла даже какъ-будто въ самую душу обывателей маленькой мельницы. Петръ смотрѣлъ теперь не такъ печально; Марья замѣтно успокоилась. При видѣ тестя, возвращающагося съ пустыми руками, она снова заплакала; но слезы ея не сопровождались криками и воплями отчаянія; слезы ея пріостановились даже, когда Савелій подошелъ къ ней и ласково началъ утѣшать ее, ссылаясь на Промыслъ, на волю Божію.

— Знаю, батюшка, Божью волю не намъ судить, ее не переспоришь, — а все горько! сказала Марья голосомъ, надорваннымъ печалью.—Не забыть мнѣ, долго не забыть моего дитятку... Такъ я къ нему привыкла, такъ привязалась!.. Кажись, батюшка, вѣкъ буду я имъ беременна! вѣкъ буду носить его!.. вѣкъ его не забуду!

Но въ горестныя минуты человѣку всегда свойственно терять надежду въ будущее, всегда свойственно преувеличивать свои страданія! Не прошло года, и уже между жителями маленькой мельницы помину не было о минувшихъ несчастіяхъ. Мирная, безмятежная радость изображалась на всѣхъ лицахъ, особенно на старческомъ лицѣ дѣдушки Савелія, которому снова пришлось сидѣть на обрубкѣ подъ навѣсомъ, снова пришлось хлопотать надъ люлькой.

Пришлось также опять за виномъ посылать; но поѣхалъ уже Петръ, а не Гришка, хотя, надо сказать, послѣдній ни за что бы теперь не попался; Гришутка замѣтно меньше зѣвалъ на стороны и вообще выказывалъ меньше разсѣянности. Крестины прошли на этотъ разъ несравненно веселѣе, чѣмъ въ былое время. Сватъ Стегнѣй, кумъ Дронъ и Палагея пѣли пѣсни; Савелій радостно потряхивалъ сѣдинами, отпускалъ ласковыя шуточки снохѣ

и поминутно трепалъ по плечу Андрея, который часто заглядывалъ теперь на маленькую мельницу. Самая мельница словно раздѣляла радость своихъ хозяевъ. Въ день крестинъ, возы съ рожью не только наполняли дворъ, но даже стояли за воротами, жернова порхали, какъ бы порываясь пуститься въ плясъ; колесо вертѣлось безъ отдыха, обдавая пѣной нижнюю часть амбара, тогда какъ кровля, тихо вздрагивая, посылала въ воздухъ легкія облака мучной пыли.

Микулинскій мельникъ и сыновья его продолжаютъ коситься на маленькую мельницу. Но Савелій не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Мельница его годъ отъ году процвѣтаетъ, годъ отъ году появляется на ней больше помольцевъ, такъ что снова приходится жернова мѣнять, совсѣмъ почти износились; впрочемъ, есть теперь на что купить, слава Богу! Но это съ одной только стороны старика радуетъ; съ другой стороны, другая радость: у него внучекъ, крѣпенькій, здоровый мальчуганъ, котораго, можно сказать безъ преувеличенія, самъ дѣдушка почти вынянчилъ.

Часто, въ ясные солнечные дни, можно видѣть, какъ внучекъ ступаетъ по двору и, переваливаясь съ ноги на ногу, наподобіе утки, спѣшитъ убѣжать отъ дѣда, который выбивается изъ силъ, повидимому, чтобы поймать ребенка, хлопаетъ въ ладоши, и во все время преслѣдованія не перестаетъ ухмыляться въ сѣдую свою бороду. Но веселые крики ребенка, хлопанье въ ладоши дѣда, голосъ Петра, пѣсня Марьи постепенно умолкаютъ, по мѣрѣ того, какъ вечерняя заря угасаетъ на небѣ. Ночь спускается на землю... Все утихаетъ, кромѣ маленькой мельницы, которая, ровно вздрагивая, одна шумитъ посреди заснувшей окрестности, напоминая какъ будто о старомъ своемъ хозяинѣ. Онъ также не зналъ никогда отдыха и вѣкъ свой трудился, даже въ то время, какъ спали другіе.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ.

(повѣсть).

Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.
Русская пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пахатникъ.

I.

Такого продолжительнаго, нестерпимо-жаркаго лѣта не могли запомнить даже самые старые люди. Съ половины іюня до конца іюля ни разу не освѣжило дождемъ воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась въ камень или пыль, которая лежала тяжелымъ рыжеватымъ пластомъ на дорогахъ. Каждое утро солнце восходило багровымъ шаромъ и, подымаясь выше въ сверкающемъ, безоблачномъ небѣ, совершало свой кругъ, никому не давая отдохнуть отъ зноя. Все живущее словно умаялось и повѣсило голову. Цвѣты, не защищенные лѣсомъ или тѣнью рощи, пересохли; горохъ пожелтѣлъ преждевременно; проходя полемъ, слышно было, какъ лопались его стручья, разсыпая словно дробь свои зёрна. Трава, скошенная утромъ, начинала къ полудню пучиться, подымалась ворохомъ и звонко хрустѣла, когда брали ее въ руки. Стада упорно жались къ ручьямъ и рѣчкамъ; во всякое время дня, коровы и лошади по цѣлымъ часамъ недвижно стояли по брюхо въ водѣ; можно было бы принять ихъ за окаменѣлыхъ, если бъ не двигали онѣ хво-

стами, стараясь отогнать мухъ и оводовъ, которые роями носились и жужжали въ воздухѣ.

Во всей природѣ, которая какъ будто изнемогала и тяжело переводила дыханіе, одни насѣкомыя бодрствовали; чѣмъ горячѣе жарило солнце, тѣмъ больше ихъ появлялось и тѣмъ громче раздавались жужжанье и шорохъ. Тамъ, гдѣ полуизсохшіе ручьи впадали въ рѣчки, роями стояли коромысла, блистая на солнцѣ своими кисейными глянцовитыми крылышками и зелеными, словно стеклянными головками; запыленные шмели и безчисленные милліоны всякихъ мухъ и мошекъ облипали каждаго, кто только останавливался.

Въ поляхъ весь этотъ шелестъ заглушался трескотнею кузнечиковъ; изъ-подъ каждой травки, изъ-подъ каждаго стебелька немолчно дребезжалъ тотъ жесткій, металлическій звукъ, который всегда какъ бы дополняетъ впечатлѣніе страшной засухи; въ сырое время кузнечикъ поетъ не такъ звонко. Въ поляхъ, часамъ къ двумъ-тремъ пополудни, зной особенно былъ чувствителенъ. Солнечные лучи, насквозь пронизывая рожь до корня, нагрѣли, казалось, самые стебли; даже тамъ, въ глубинѣ колосьевъ, бросало въ испарину; чувствовалось, что пышетъ отъ почвы, какъ отъ жерла раскаленной печки. Васильковъ совсѣмъ не было; они давно пересохли, оставивъ тощіе зеленоватые стебли; одна павилика, туго оплетая подошву колосьевъ, разливала въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ и пестрила своими бѣлорозовыми колокольчиками жаркое, лучезарное сіянье, наполнявшее глубину поля.

II.

Несмотря, однакожъ, на удушливый зной, отъ котораго сохло въ горлѣ и потомъ обливало тѣло, все пространство поля покрыто было народомъ; куда ни обращались глаза, отягченные солнечнымъ сверканьемъ, всюду надъ моремъ колосьевъ мелькали, то опускаясь, то подымаясь, бѣлыя рубашки бабъ; перегнувъ въ три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, онѣ вязали снопы; мужья ихъ, отцы и братья выступали между тѣмъ одинъ за другимъ, звонко размахивая косами.

Работа кипѣла; время было такое, что нельзя было ни на одинъ часъ отложить покоса; благодаря жаркому іюлю, едва успѣли откоситься и убрать сѣно, какъ рожь

поспѣла; тамъ совсѣмъ уже налился и дозрѣвалъ овесъ,— того и смотри, сыпаться станетъ. Изрѣдка останавливался тотъ или другой работникъ, отиралъ рукавомъ загорѣлый лобъ и принимался точить косу, издававшую при этомъ сухой, острый звукъ, вторившій какъ нельзя лучше дребезжанью кузнечиковъ. Изрѣдка, та или другая баба разгибала спину, оглядывалась и торопливо направлялась выпить кваску изъ сѣраго кувшинчика, спрятаннаго въ укромномъ мѣстѣ, или шла къ люлькѣ, скрывавшей ребенка. Но едва мать успѣвала раскрыть холстяной пологъ люльки, едва припадала грудью къ губамъ младенца, голосъ старосты снова призывалъ ее къ работѣ.

— Эй, бабы, бабы! покрикивалъ онъ, являясь то тутъ, то тамъ;—что-то ужъ больно часто бѣгаете! Покормили разъ-другой—и шабашъ! Главная причина, не надо бы вовсе таскать съ собою ребятишекъ,—вотъ-что! Оставляли бы дома лучше старухамъ да бабкамъ!..

— Хорошо, Гаврило Леонычъ, коли есть такія, возразила молоденькая живая бабенка,—коли не на кого оставить, поневолѣ тащишь...

— Все же такъ часто бѣгать не приходится, возразилъ староста.—Говорю: покорми разъ-другой—и шабашъ!.. Ну ступай, ступай, полно разговаривать!.. довершилъ Гаврило Леонычъ, направляясь въ другую сторону.

Немного погодя, посреди звяканья косъ и шума падающей рядами ржи, голосъ его раздавался на дальнемъ концѣ поля.

III.

Въ голосѣ этомъ не было впрочемъ ничего повелительнаго или грознаго; съ появленіемъ старосты никто не бросалъ въ его сторону боязливыхъ взглядовъ. Косы, правда, начинали скорѣе двигаться и бабы усерднѣе принимались вязать снопы, но это очевидно происходило не столько отъ страха, сколько отъ жалкой привычки русскаго простолюдина жить и дѣйствовать не иначе, какъ съ помощью понуканья. Гаврилу слушали точно такъ же, какъ стали бы слушать любого мужика, поставленнаго въ старосты главнымъ управляющимъ.

Гаврило ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ мужиковъ своей деревни; онъ только зналъ счеты и разбиралъ грамоту; основываясь на этомъ, его выбрали въ начальники и выдавали ему ежегодно пятнадцать рублей жа-

лованья изъ главной конторы, которая находилась верстахъ въ семидесяти, въ сосѣднемъ уѣздѣ. Гаврило сильно даже скучалъ своею должностью; пуще всего сокрушало старосту, что, будучи самъ человѣкомъ домовитымъ и хозяиномъ, онъ принужденъ былъ поминутно отрываться отъ дѣла и ѣздить въ контору изъ-за каждой бездѣлицы, иногда даже такъ, безо всякой надобности. Случалось, самое нужное дѣло на рукахъ,—нѣтъ, бросай все и отправляйся! Кромѣ того, всякій разъ надо было неизбѣжно стоять съ-глазу-на-глазъ передъ управляющимъ, который внушалъ Гаврилѣ, точно такъ же, какъ и всѣмъ, находившимся въ зависимости отъ конторы, страхъ непобѣдимый. Короче сказать, староста готовъ былъ ежегодно приплачивать еще своихъ денегъ, лишь бы освободили его отъ должности; то же самое готовъ былъ сдѣлать каждый крестьянинъ, принадлежавшій деревнѣ Антоновкѣ.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и по наружности, Гаврило во всемъ былъ сходенъ съ мужиками, работавшими въ полѣ. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на лицѣ его, покрытомъ мелкими морщинками, явно проглядывалъ нравъ мягкій, сговорчивый и веселый. Онъ носилъ на головѣ шапку на манеръ гречишника, изъ-подъ которой, съ той или другой стороны, всегда выглядывалъ кончикъ клѣтчатаго платка; платокъ служилъ скорѣе для того, чтобы утирать лицо, чѣмъ для настоящаго употребленія. Выходя въ поле, Гаврило постоянно вертѣлъ въ рукахъ палочку, служившую ему биркой; на ней-то надрѣзывалъ онъ ножомъ число копенъ, скирдъ, сноповъ и проч. Какъ потомъ могъ онъ добраться толку и распутать на своей биркѣ всѣ эти насѣчки, зарубки и крестики,—это останется вѣчной неразгаданной тайной.

IV.

— Ну, братцы, подкашивай, подкашивай! понукалъ Гаврило, переходя отъ одного ряда косарей къ другому, — по-настоящему, къ вечеру рѣшить бы надо!.. Вотъ развѣ бабы не успѣютъ снопы довязать...

— Нѣтъ, сватъ Гаврило, нонче не управимся, замѣтилъ коротенкій кудрявый мужичокъ, останавливаясь, чтобы снять шапку и отереть лицо, — добре ужъ очень паритъ; раза три махнешь косой, такъ инда всего тебя размочалитъ. Невмоготу даже...

— Не одному тебѣ, всѣмъ жарко!.. Ну-ка, сватъ, полно, бери косу-то, бери! подхватывалъ Гаврило, — оттого, что жарко, оттого и откоситься скорѣй надобно; погоди-ка денька три, въ колосѣ совсѣмъ ничего не останется... Эку сухмень сотворилъ Господь!.. эку сухмень!..

— Вездѣ сухо, вездѣ зерно сыплется, промолвилъ высокій рыжій мужикъ съ коротенькой, крутой, кудрявой бородкой.—Вотъ уже третій день никто въ свое поле не заглядывалъ! присовокупилъ онъ, не оборачиваясь къ старостѣ и продолжая косить, — значитъ, здѣсь справляйся, а со своимъ добромъ какъ знаешь, — пропадать должно!..

— Это точно, проговорилъ старый мужичокъ, усыпанный веснушками,—хошь бы на одинъ день ослобонили!.. Здѣсь хлѣбъ уберегай, а со своимъ управляйся какъ Богъ велитъ.

— Толкуютъ, точно первинку разсказываютъ, точно про то никто не знаетъ! перебилъ Гаврило, встряхивая шапкой,—опять-таки, я что ли тому причиной?.. Такъ велѣно; кто велѣлъ,—сами знаете; поди-тка сладь съ нимъ! „Чтобы все поле, говоритъ, на мірской магазинъ которое отрѣзано, убрать, говоритъ, къ воскресенью; уберутъ, говоритъ, — тогда за свое пускай принимаются!“ Самъ обѣщался навѣдаться; самъ до всего доходитъ. А мнѣ что? Мое дѣло сторона; какъ велятъ, такъ и дѣлаю...

— Надо, значитъ, самимъ итти просить въ контору, сказалъ рыжій мужикъ.

— Поди-ка сунься,—много возьмешь! замѣтилъ Гаврило.

— Значитъ, продолжалъ опять рыжій мужикъ, размахивая такъ сильно косою, что звонъ ея сдѣлался вдругъ слышнѣе другихъ косъ,—значитъ, оброкъ только для виду для одного; слава только: вотъ дескать на оброкъ отпущены! Поглядѣть,—выходитъ хуже барщины! Барщинные по крайности оброка не знаютъ; у насъ деньги оброчныя отдай само собою, а тамъ еще плетни плети вокругъ садовъ, луга коси господскіе, дороги починяй; пришла пора рабочая, хоть бы вотъ теперича,—итти бы убирать свой хлѣбъ,—нѣтъ, сюда ступай... Дни вишь такіе выговорили!.. Сосчитай-ка эти выговоренные дни, — много ли время на свое дѣло останется?.. Право, барщина сходнѣе...

— Знамо такъ; Филиппъ правду сказываетъ... Это точно какъ есть!.. отозвались ближайшіе мужики.

— Поди-ка столкуй съ управителемъ, поговори ему,

что̀ онъ тебѣ скажетъ, произнесъ Гаврило съ сердцемъ,— ужъ было такое дѣло, изъ другихъ вотчинъ пріѣзжали, говорили ему, —съ тѣмъ и уѣхали! Ты свое, —онъ свое: „знать, говоритъ, ничего не хочу; мое дѣло, говоритъ, было бы прежде всего исправно!..“ А что насчетъ работы, какую теперь справляемъ, продолжалъ разсудительно Гаврило, — надо правду сказать, —браниться да жаловаться не за что: поле не господское, „мірское“ *) — стало, все единственно, для себя трудимся!

— Главная причина, дядя Гаврило, заговорилъ опять мужичокъ съ веснушками: не ко времени работа, — вотъ что! Этимъ пуще всего народъ обижается; у самихъ хлѣбъ сыплется, а ты здѣсь валандайся; оно хоть и мірское дѣло,—а свое все жалчѣе упустить.

— Потому и говоришь вамъ: братцы, велѣно! какъ ни бейся, сдѣлать надо; работай дружнѣе, не тормози рукъ; здѣсь скоро отдѣлаемся, за свое скорѣй примемся... Ну, дружнѣй, ребята, подкашивай, подкашивай, — къ вечеру чтобы совсѣмъ убраться!.. подхватилъ Гаврило, возвышая голосъ и принимаясь снова ходить по полю.—Эй вы, бабы, — полно вамъ безперечь къ люлькамъ бѣгать!.. Охъ, эти бабы пуще всего!.. Авдотья, ты никакъ съ самаго обѣда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда въ нихъ нѣтъ, ни совѣсти!..

V.

Во время этихъ разговоровъ, съ той стороны, гдѣ деревня заслонялась пологими холмами, показался мужикъ. Съ перваго взгляда легко было замѣтить, что онъ не принадлежалъ къ числу обывателей Антоновки, или если принадлежалъ, то по какимъ-нибудь обстоятельствамъ освобожденъ былъ отъ работы.

Длинныя ноги его, обутыя въ довольно плохенькіе сапоги, передвигались безо всякой поспѣшности; онъ разсѣянно посматривалъ направо и налѣво, время отъ времени посвистывалъ, и вообще имѣлъ видъ человѣка, ко-

*) Мірскимъ полемъ называется часть земли, которая отрѣзывается крестьянамъ для посѣва хлѣба, поступающаго потомъ въ такъ называемые магазины. Такой запасъ ржи и овса дѣлается на случай неурожая, недостатка зеренъ для посѣва. Въ деревняхъ, гдѣ существуетъ порядокъ, строго наблюдаютъ, чтобы въ магазинѣ всегда находился запасъ зеренъ, который обезпечивалъ бы въ случаѣ несчастія все населеніе деревни.

торый лишенъ всякихъ заботъ и вышелъ въ поле единственно затѣмъ только, чтобы прогуляться. Ему было лѣтъ подъ сорокъ; рубашка его начала просвѣчиваться на локтяхъ и швы во многихъ мѣстахъ пообсѣклись; но зато подпоясанъ онъ былъ новымъ гаруснымъ шнуркомъ и на головѣ его, покрытой рѣденькими черными завитками, красовался совершенно новый картузъ съ козырькомъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ подгородные мѣщане и фабричные. Самъ онъ скорѣе похожъ былъ на мѣщанина, чѣмъ на обыкновеннаго поселянина; несмотря на знойное лѣто, загаръ едва коснулся его лица и шеи; на лицѣ его, довольно еще красивомъ, не было слѣда тѣхъ морщинъ, той загрубѣлости, которыя преждевременно накладываетъ тяжелое, трудовое житье. Взглядъ его, обращавшійся какъ-то сверху внизъ, — точно онъ считалъ себя значительнѣе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался,—не былъ лишенъ живости, точно такъ же какъ и остальныя черты лица; въ движеніяхъ замѣтно однакожъ проглядывали лѣнь, вялость, сонливость.

Человѣкъ этотъ не былъ совершенно чужимъ и незнакомымъ лицомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; едва поровнялся онъ съ первыми косарями, многіе его окликнули:

— Ѳедотъ, здорово! Откуда?

— Съ люблинской мельницы...

— Дѣло, что ли, есть?

— Да, лаконически отвѣчалъ Ѳедотъ, слегка приподымая картузъ и продолжая идти далѣе.

Замѣчательно, что въ голосѣ каждаго, кто обращался къ Ѳедоту, звучала веселость; каждый почти, заговаривая съ нимъ, прищуривалъ глаза и осклаблялъ зубы. Случалось, что иной мужичокъ,—особенно изъ молодыхъ и которые были попроще,—видя, какъ осклаблялись другіе,—схватывался попросту за бока и громко начиналъ смѣяться. Въ такихъ случаяхъ Ѳедотъ выше только подымалъ голову, весь какъ словно отъ макушки до пятокъ преисполнялся чувствомъ собственнаго достоинства и шелъ мимо, сохраняя такой видъ, какъ будто на пути попался муравей, не стоящій никакого вниманія.

Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность и куда сошелся почти весь народъ, Ѳедотъ спросилъ, какъ бы найти ему дядю Карпа? Карпъ, оказалось, косилъ въ числѣ передовыхъ косарей и находился на дальнемъ концѣ поля. Ѳедотъ медленно, какъ бы же-

лая похвастать своей неторопливостью, направился въ указанную сторону. Проходя мимо подводъ, которыя прiѣхали за снопами, мимо бабъ, вязавшихъ снопы, и мужиковъ, шумѣвшихъ косами, — Ѳедотъ снова освѣдомился, гдѣ отыскать дѣдушку Карпа.

Признавъ наконецъ того, кого отыскивалъ, Ѳедотъ встрепенулся и ускорилъ шагъ; онъ словно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то; лицо его выразило озабоченность, суетливость; онъ пошелъ такъ скоро, и началъ такъ размахивать руками, что потъ выступилъ на лицѣ и даже шеѣ; подойдя къ Карпу, который продолжалъ усердно косить, не замѣчая приближающагося,—Ѳедотъ, и безъ того запыхавшiйся, старался еще показать видъ, что едва переводитъ духъ отъ усталости.

VI.

— Дядя Карпъ, здорово! Къ тебѣ... озабоченнымъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ, снимая картузъ и отирая плоскiй бѣлый лобъ съ прилипнувшими къ нему жиденькими кудрями.

— А, Ѳедотъ! воскликнулъ сѣдой, какъ лунь, старичокъ, быстро поворачивая къ Ѳедоту сухощавое лицо, изрытое глубокими морщинами,—какъ ты здѣсь?..

— Къ тебѣ, дядя Карпъ... Ухъ, умаялся!—дай духъ переведу, сказалъ Ѳедотъ, стараясь показать вдвое больше усталости, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.—Примѣрно, такое дѣло... переговорить надо...

Тутъ Ѳедотъ нахмурилъ брови, покосился на стороны и, замѣтивъ, что ближайшiе мужики остановились и посматривали въ его сторону, началъ мигать Карпу на сосѣднюю ниву, гдѣ не было еще ни одного косаря.

— Говори здѣсь,—все одно, сказалъ старикъ.

— Нельзя, суетливо перебилъ Ѳедотъ,—никакимъ то-есть манеромъ... дѣло такое... Отойдемъ, говорю...

Онъ дернулъ старика за рукавъ рубахи и силою почти отвелъ его шаговъ за десять.

— Аксенъ Андреевъ прислалъ, произнесъ онъ, быстро оглядываясь и какъ бы желая убѣдиться, что никто не слушаетъ.

— Это зачѣмъ?

— Насчетъ избы; ты избу приторговалъ... Прислалъ: „скажи, говоритъ, Карпу,—онъ тебѣ родственникъ, часто видаетесь,—скажи: задатку надо прибавить!..“

— Вѣдь я далъ ему задатокъ, и дѣло совсѣмъ порѣшили; чего-же еще? произнесъ старикъ нетерпѣливо.

— Говоритъ, много на избу охотниковъ...

— Ну...

— Много очень народу избу торгуютъ и деньги сейчасъ отдаютъ... „Коли, говоритъ, Карпъ прибавитъ задатку, я обожду, пожалуй, а то, говоритъ, несходно!“ Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; ты, дядя, нонче же безпремѣнно сходи къ Аксену. Онъ такъ и наказывалъ: сегодня переговори съ нимъ; дѣло примѣрно такое, никакимъ манеромъ нельзя оставить! примолвилъ разсудительнымъ тономъ Ѳедотъ и даже зажмурилъ глаза.—Избу я видѣлъ: изба знатная; и цѣна не большая... упустить никакъ невозможно!..

Старикъ не слушалъ послѣднихъ словъ Ѳедота; съ досадливымъ, безпокойнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ въ землю.

— Когда видалъ ты Аксена? спросилъ онъ.

— Нынче утромъ, въ самый обѣдъ. Какъ сказалъ онъ объ этомъ, — „дѣло такое, думаю себѣ, упустить нельзя; Карпъ Иванычъ сродственникъ, оставить не годится“,— прямо къ тебѣ бросился...

— Какъ же попалъ ты туда къ Аксену? спросилъ Карпъ, медленно направляясь къ прежнему своему мѣсту.

— Встрѣтились, по сосѣдству... Я теперь на люблинской мельницѣ... вотъ уже съ недѣлю живу въ работникахъ...

— Какъ! ты, стало, ужъ не на фабрикѣ у Василья Иванова?

— Нѣтъ, разсчитался!.. Хозяева добрѐ оченно ужъ зазнались... Мнѣ здѣсь сходнѣе: хозяева—лучше быть нельзя, обходительные такіе, и жалованья больше... въ недѣлю три цѣлковыхъ получаю...

Карпъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Ей-Богу, три цѣлковыхъ! съ живостью подхватилъ Ѳедотъ.

— Ты никакъ на мельницахъ-то прежде не живалъ... промолвилъ Карпъ разсѣянно.

— Какъ не живалъ? возразилъ Ѳедотъ съ увѣренностью;—вотъ-те разъ! Передъ тѣмъ какъ на фабрику поступилъ, только и работалъ что на однѣхъ мельницахъ!.. дѣло привычное... всѣ статьи примѣрно знаю; другой мельникъ того не сдѣлаетъ.

Хотя старикъ вполовину слушалъ Ѳедота, но снова покачалъ головою.

Прійдя на свое мѣсто, онъ далеко не былъ такъ бодръ и веселъ, какъ когда подошелъ къ нему Ѳедотъ; сѣдыя брови старика не оставляли нахмуреннаго положенья; несмотря на нѣсколько минутъ отдыха, онъ дышалъ тяжелѣе, чѣмъ когда безъ устали размахивалъ косою.

— Подсоби, Ѳедотъ, сказалъ онъ,—подсоби маленько, чтобъ упущенія не было; я тѣмъ временемъ дойду до снохи кваску выпью...

— Давай, давай!.. Намъ не впервые! бойко и съ величайшей готовностью проговорилъ Ѳедотъ.—Ступай, дядя, справимся!..

Ѳедотъ выпрямился, молодецки поправилъ картузъ, поплевалъ въ ладони и взялъ косу.

VII.

— Никакъ подсобить хочешь?.. произнесъ сосѣдній мужикъ.

— Намъ это дѣло въ привычку! хвастливо возразилъ Ѳедотъ,—въ нашихъ мѣстахъ,—мы на Окѣ живемъ,—луга такіе: конца краю не видно, глазомъ не обведешь! Мѣсяцъ цѣлый косимъ: весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста... такъ и оставляемъ... скотъ травитъ.

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова поплевалъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; но луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ-рядъ, а раскидались на стороны. Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужъ коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ,—диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется... Какъ есть, ничего не беретъ! Дай-ка, братецъ ты мой, точило... Эхъ, была у меня коса, — вотъ такъ ужъ точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить брускомъ по лезвію,—и теперь еще двѣ такія же дома остались,—вотъ такъ косы! Случается найдешь на такое мѣсто—конятникомъ заросло,—такія мѣста есть,—махнешь косою—словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ все такія-то косы; по два рубля пла-

тимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу...

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ,— ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ... этакъ совсѣмъ косу затупишь.

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу: но дѣло попрежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось,—выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ! отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ... Онъ отошелъ кваску испить; подсобить попросилъ...

— Да что ты, братъ, косы, что ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило.—Смотри-ка, что натворилъ!..

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь поневолѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ сердцемъ косу въ землю,—вишь, у васъ косы-то какія... мнѣ не въ привычку...

— А какъ же Карпъ-то коситъ? вѣдь ладно же выходитъ, не по-твоему!..

— Не такую мы косьбу видали! сказалъ Ѳедотъ тономъ надменнаго пренебреженія, скрывавшимъ обиженное чувство.—Въ степи жить приходилось, рожь-то вдвое повыше вашей,—косили не хуже другихъ!.. По два цѣлковыхъ въ день получалъ... стало, не даромъ; дѣло свое знаемъ...

Онъ замолкъ, увидѣвъ приближающагося Карпа.

Гаврило и сосѣдніе ребята начали было трунить надъ Ѳедотомъ, указывая Карпу на работу его родственника; но ни Карпъ, ни Ѳедотъ ничего не отвѣчали. Первый молча взялъ свою косу и продолжалъ работу, которая пошла какъ по маслу; второй, поправивъ картузъ, обратился къ старику и громко вымолвилъ:

— Приходи же, смотри, какъ я сказывалъ...

— Ладно, приду, отвѣчалъ Карпъ, не поворачиваясь.

Такая невнимательная выходка со стороны старика,— и еще при людяхъ,—въ конецъ, повидимому, разобидѣла Ѳедота; куда ни обращались глаза, онъ всюду встрѣчалъ

ухмыляющіяся лица. Помявшись съ минуту на мѣстѣ, какъ человѣкъ, который ищетъ угла, чтобы спрятаться, Ѳедотъ вдругъ повернулся спиною и никому не поклонившись, никому не сказавъ слова, пустился мелкимъ, пристыженнымъ шажкомъ въ обратный путь.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ удалялся онъ отъ мѣста, гдѣ претерпѣлъ столько неудачъ, станъ его замѣтно выпрямлялся и глаза снова начали посматривать сверху внизъ; проходя мимо подводъ и бабъ, онъ выступалъ уже величественнымъ, сдержаннымъ шагомъ; дальше, онъ началъ насвистывать; еще дальше—вся фигура его приняла беззаботный видъ человѣка, который вышелъ прогуляться для собственнаго удовольствія; наконецъ Ѳедотъ окончательно пропалъ изъ виду.

VIII.

Извѣстіе, сообщенное Ѳедотомъ, сильно, казалось, встревожило стараго Карпа. До того времени болтливый и разговорчивый, онъ впалъ вдругъ въ крайнюю несообщительность; на разспросы сосѣдей, желавшихъ узнать, зачѣмъ былъ Ѳедотъ, старикъ отдѣлывался, говоря, что родственникъ приходилъ безо всякой цѣли, а чаще всего отмалчивался. Онъ точно такъ же усердно продолжалъ косить, хотя уже видно было, что работа шла теперь машинально и косою водило не столько сознаніе, сколько привычка такого занятія. Потъ лилъ съ него ручьями; онъ оставался однакожъ къ этому менѣе прежняго чувствительнымъ; онъ рѣже даже останавливался, чтобы дать себѣ отдыхъ, остыть и порасправить спину.

Несмотря на то, что солнце совсѣмъ уже скатилось къ горизонту, въ полѣ было почти такъ же душно, какъ въ полдень. Воздухъ, напитанный испареніями, былъ неподвиженъ; самые тонкіе стебельки, приходившіе въ колебаніе безъ всякой видимой причины, стояли теперь какъ околдованные; облако пыли, поднятое стадомъ, которое полчаса назадъ прогнали въ деревню по отдаленному холму, стояло такъ же высоко и только постепенно мѣняло свой цвѣтъ, превращаясь изъ золотистаго въ багровое, по мѣрѣ того, какъ ниже опускалось солнце.

Наконецъ, солнце скрылось.

— Дядя Карпъ, народъ по домамъ пошелъ! сказалъ сосѣдній мужичокъ.

— Шабашъ! послышалось въ отдаленіи.—Шабашъ, домой! подхватили ближайшіе косари.

Карпъ молча подбросилъ косу на плечо и поднялъ голову.

Въ разныхъ концахъ поля народъ направлялся къ деревнѣ; то тутъ, то тамъ раздавался скрипъ навьюченныхъ снопами телѣгъ, которыя тяжело покачивались, пробираясь по пашнѣ.

Карпъ направился ускореннымъ шагомъ, въ надеждѣ догнать сноху свою; но ея нигдѣ не было; она не кормила ребенка, и какъ всѣ бабы, избавленныя отъ такой заботы, успѣла, вѣроятно, отойти очень далеко. Попадались только тѣ бабы, которыя поневолѣ должны были отставать, потому что еле-еле передвигали ногами, неся на спинѣ люльку, а въ рукахъ серпъ и кувшинчикъ.

При поворотѣ съ поля на дорогу, Карпъ встрѣтился съ Гаврилой.

— Ну, братъ, Карпъ Иванычъ, разобидѣли мы твоего Ѳедота, смѣясь, заговорилъ староста,—пошелъ отъ насъ— никому даже слова не промолвилъ; что за человѣкъ такой уродился! Сказываютъ, опять перемѣнилъ мѣсто; на люблинской мельницѣ нанялся теперь... Зачѣмъ это приходилъ онъ? Тебя, что ли, провѣдать?

— Эхъ! произнесъ старикъ, махнувъ рукою.

— Развѣ что неладно?

— Такое дѣло, совсѣмъ даже въ сумлѣнье приводитъ; зарѣцкій Аксенъ, что̀ лѣсомъ торгуетъ, прислалъ его ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Сказывалъ я тебѣ, приторговалъ я у него избу, началъ Карпъ такимъ голосомъ, какъ будто у него накипѣло въ сердцѣ и онъ радъ былъ, наконецъ, высказаться,—задатку взялъ онъ съ меня семьдесятъ рублевъ; дѣло совсѣмъ сладили; теперь прислалъ Ѳедота, говоритъ: „прибавить надо къ прежнему задатку“; очень, вишь, много народу на ту избу охотятся и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ; „не сходно, говоритъ, ждать до осени!“ Самъ суди, Гаврило Леонычъ, откуда взять теперь денегъ? Хлѣбъ не убранъ, и хошь бы и убранъ былъ,—все одно не время его продавать; только въ убытокъ продашь... Вотъ дѣло какое,—шутъ его возьми! Я третій годъ за избой гоняюсь; такъ было обрадовался; моя совсѣмъ плоха; насилу прозимовали... Коли Аксенъ заартачится, не знаю, право, гдѣ ужъ искать избу; въ своей зиму никакъ не проживешь; вся кругомъ какъ есть промерзаетъ... Эхъ,

шутъ его возьми! скрутилъ онъ меня этимъ по рукамъ и ногамъ...

— Почемъ за избу-то проситъ?

— Уговоръ былъ двѣсти - тридцать рублевъ, совсѣмъ ужъ было поладили...

— Сходно; по теперешнимъ цѣнамъ начто сходнѣе.

— Объ томъ и сокрушаешься; сходнѣе не найти; потому больше и жаль, Гаврило Леонычъ... вымолвилъ старикъ, насупивъ брови.

Немного погодя, сквозь сѣрѣющія сумерки открылась деревня; войдя въ околицу, Карпъ и Гаврило разстались.

IX.

Антоновка выстроена была подъ самымъ скатомъ, на плоской луговинѣ, которую огибала небольшая рѣчка; во всякое время на улицѣ стояла топь непроходимая; только теперешнее лѣто могло вполнѣ просушить ее и превратить грязь въ слой пыли. Избы шли въ два порядка, со множествомъ узенькихъ проулковъ; въ глубинѣ деревни, тамъ, гдѣ рѣчка дѣлала поворотъ и пропадала, высоко подымалось нѣсколько старинныхъ ветелъ; дальше, за ветлами, снова шли пологіе холмы, исполосованные оврагами и темными клиньями сосновыхъ перелѣсковъ.

Изба Карпа выходила угломъ въ проулокъ и на улицу; она, дѣйствительно, никуда больше не годилась, какъ въ ломъ; бокъ ея, смотрѣвшій на улицу, круто выпучивался и, безъ сомнѣнія, давно бы повалился, если бъ хозяинъ не позаботился подпереть его двумя осиновыми плахами; всѣ пазы были вымазаны глиной, которая истрескалась отъ жары и во многихъ мѣстахъ отвалилась. Изба была одною изъ самыхъ старыхъ въ деревнѣ; Карпъ, доживавшій уже седьмой десятокъ, не помнилъ, когда ее ставили. Ветхость избы еще замѣтнѣе бросалась въ глаза отъ сосѣдства съ плетнями, которые отличались плотностью, стояли прямо на толстыхъ высокихъ кольяхъ. Карпъ не осиливалъ только съ избою; все остальное, что зависѣло отъ его рукъ и средствъ, смотрѣло какъ нельзя пригляднѣе и обличало домовитаго, дѣятельнаго хозяина.

Войдя на дворъ, Карпъ встрѣченъ былъ блеяніемъ овецъ, фырканьемъ трехъ лошадей и глухимъ чмоканьемъ коровы, которая въ сумеркахъ принимала видъ огромнаго бѣлаго камня, брошеннаго посреди двора. Старикъ повѣсилъ подъ навѣсъ косу, вступилъ въ темныя сѣни, но наткнулся на кого-то и поспѣшно отступилъ на шагъ.

— Ай, дѣдушка, чуть Ваську не уронилъ! раздался тоненькій голосокъ.

При этомъ на крыльцо выступила дѣвочка лѣтъ семи, державшая на рукахъ толстаго, какъ пузырь, ребенка, который кряхтѣлъ и отдувался, какъ словно не его тащила дѣвочка, а онъ несъ ее на рукахъ своихъ.

— А сама что подъ ноги лѣзешь! проговорилъ ворчливо дѣдушка, входя въ избу.

Въ избѣ царствовала уже тьма кромѣшная; отъ жары едва можно было переводить духъ; мухи, бившіяся на потолкѣ и въ окнахъ, наполняли ее глухимъ журчаньемъ. Заслышавъ шумъ у печки, Карпъ обратился въ ту сторону.

— Старуха, ужинать собирай; я чаялъ, все ужъ у васъ готово...

— Сейчасъ, батюшка; сейчасъ сноха вынесетъ столъ на крылечко; здѣсь пуще жарко... Нонче печь топили; новые хлѣбы, изъ новой муки пекла; мука бѣлая, хорошая, на скусъ хлѣбы прошлогодняго лучше...

Но и это обстоятельство, всегда почти тѣшащее душу простолюдина, столь бѣднаго на прихоти и радости всякаго рода, не произвело никакого дѣйствія на Карпа.

Онъ повѣсилъ голову, вышелъ изъ избы и снова въ сѣняхъ чуть было не сшибъ съ ногъ дѣвочку, которая, вся изогнувшись на одинъ бокъ, тащила толстаго Ваську.

— Охъ! крикнула дѣвочка, съ трудомъ пятясь назадъ,— охъ, дѣдушка,—Васька! Ваську чуть не уронилъ!..

— А ты опять подъ ноги лѣзешь!

— Что ты его взаправду все таскаешь,—сядь поди съ нимъ, Дуня! Сядь, проговорила сноха, явившаяся на крылечко собирать ужинъ.

— Здорово, батюшка! раздался голосъ изъ-подъ навѣса, и на дворѣ показался рослый мужикъ, лицо котораго невозможно было разсмотрѣть за темнотою.

Это былъ сынъ Карпа и мужъ молодой женщины, хлопотавшей съ ужиномъ. Карпъ лѣтъ уже семь освобожденъ былъ, за старостью, отъ всякой работы; онъ постоянно, однакожъ, ходилъ въ поле и исполнялъ всѣ мірскія и господскія повинности; старикъ находилъ расчетъ работать за сына, который въ это время управлялся въ собственномъ полѣ или занимался дома; расчетъ былъ вѣренъ: Петръ (такъ звали сына) былъ однимъ изъ лучшихъ работниковъ Антоновки.

Выйдя изъ-подъ навѣса, Петръ махнулъ рукою и погналъ лошадей къ воротамъ.

— Погоди, Петруха, сказалъ старикъ прежде еще, чѣмъ сынъ коснулся воротъ,—кто нынче у насъ въ ночномъ? Чей чередъ?

— Андрей Воробей съ ребятами поѣдетъ.

— Смотри, молодого сѣраго меренка не спутывай; онъ не сильно боекъ, не уйдетъ отъ табуна; боюсь, какъ спутаешь, зашибутъ его копытами... У Гаврилы кобыла бойкая такая, сколькихъ ужъ зашибла!

— Ладно, батюшка!

Сѣрый этотъ меренокъ дороже былъ Карпу всей остальной скотины; въ продолженіе десяти лѣтъ, старику, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось вывести ни одной лошаденки своего завода; всѣ или дохли, или оказывались слабыми; этотъ конекъ вознаградилъ его, наконецъ, за всѣ неудачи: сѣрый меренокъ, которому пошелъ уже четвертый годъ, удался во всѣхъ статьяхъ; старикъ не могъ на него нарадоваться и берегъ его пуще глазу.

Петръ отворилъ ворота и вышелъ съ лошадьми на улицу. Немного погодя, онъ вернулся, поднялся на крыльцо и сѣлъ подлѣ отца на лавку, которую поставила жена.

X.

— Что, какъ нонче день? спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка, ладно; рожь совсѣмъ рѣшилъ, завтра возить стану.

— Сыплется, чай?

— Сыплется, только не много; въ пору захватили; умолотъ будетъ знатный!..

Въ эту минуту старуха поставила на столъ чашку съ тертымъ горохомъ, приправленнымъ масломъ.

— Ты, касатикъ, хлѣбца-то новенькаго отвѣдай, сказала она, подавая мужу полновѣсный ломоть и крѣпко нажимая его пальцами, какъ бы желая доказать этимъ мягкость и доброкачественность хлѣба,—отвѣдай, батюшка: съ прошлаго года новенькаго хлѣбца не ѣли...

— Ой! бабушка, пропусти! ой, не пролѣзу; охъ!.. отчаянно прокричала вдругъ Дуня, стараясь пролѣзть между столомъ и лавкой и всѣми силами упирая животъ Васьки въ край лавки, а собственный затылокъ въ столъ. — Ой, не пролѣзу! бабушка, пропусти! повторила она, но уже со слезами въ голосѣ.

— Ступай, родная; ступай, Христосъ съ тобою... промолвила бабушка, торопливо отодвигая лавку.

— Ой, тятька, пропусти... ой, уроню Ваську! снова закричала Дуня, увязая на этотъ разъ между столомъ и колѣнями отца.

Петръ привсталъ и подсобилъ дочкѣ усѣсться съ Васькой между собой и дѣдомъ.

Во время этихъ переходовъ и неудачъ, повторявшихся сто разъ въ день, на долю Васьки выпадало всегда большее число испытаній, даромъ что сидѣлъ онъ постоянно на рукахъ сестры и казался вдвое ея сильнѣе. Часто тоненькія руки Дуни туго обхватывали Ваську поперекъ живота; часто, заигравшись на улицѣ съ подругами и поспѣшая на зовъ матери или бабушки, она второпяхъ брала Ваську такимъ образомъ, что онъ совсѣмъ перевѣшивался на бокъ, цѣпляясь ручонками за ея рубашку; случалось даже Васькѣ висѣть головою внизъ и болтать въ воздухѣ ногами; но все это было ему рѣшительно нипочемъ; въ какое бы трудное положеніе ни приводила его Дуня, онъ казался совершенно довольнымъ и никогда не пищалъ; но зато стоило сестрѣ попробовать посадить его на лавку или на траву,—Васька мгновенно багровѣлъ, начиналъ трясти руками, наливался весь кровью, такъ что даже кожа его лоснилась,—и разражался вдругъ пронзительнымъ воемъ, который сію же минуту привлекалъ и мать, и бабушку.

Усѣвшись со своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ, который открылъ ротъ, какъ только услышалъ запахъ ѣды,—Дуня придвинулась къ чашкѣ; ложка дѣвочки ни разу не коснулась ея губъ безъ того, чтобы сначала не попасть въ ротъ брата; она пичкала его съ такимъ усердіемъ, Васька такъ уписывалъ, что отецъ и мать только посмѣивались. Одна бабушка не раздѣляла ихъ веселости.

— Ѣшь, батюшка; кушай на здоровье, касатикъ, Христосъ съ тобою! повторяла старушка озабоченнымъ голосомъ.

Послѣ ужина Карпъ обратился къ востоку, перекрестился и потребовалъ шапку.

— Куда ты? Никакъ итти собрался? спросила старуха.

— Да; дѣло такое вышло... Шапку давай! повторилъ Карпъ, усаживаясь на ступени крыльца, чтобы снять лапти.

— Куда ты, батюшка? Никакъ взаправду итти хочешь? спросилъ въ свою очередь Петръ.

— Да, на рѣку надо сходить...

— Ты бы завтра; не то мнѣ вели,—я сбѣгаю.

— Нѣтъ, дѣло такое, надо самому итти, — приду, отдохну потомъ.

Карпъ взялъ шапку и вышелъ за ворота,плотно заперевъ ихъ за собою.

XI.

Темная звѣздная ночь давнымъ-давно обняла небо.

Выйдя за околицу, Карпъ нѣсколько разъ шмыгнулъ босою ногою по травѣ; нога его осталась почти сухою; воздухъ, не освѣженный росою, былъ тяжелъ, душенъ, точно передъ грозою; нигдѣ, однакожъ, не видно было признака тучи: только зарницы, вспыхивая поминутно, обливали окрестность красноватымъ свѣтомъ.

Дорога на Оку шла все время по берегу маленькой рѣчки; сдѣлавъ крутой поворотъ за Антоновкой, рѣчка протекала дномъ плоской долины и версты три далѣе впадала въ Оку. Мѣстами бока долины суживались, мѣстами расходились, образуя по обѣимъ сторонамъ рѣчки болѣе или менѣе пространныя луговины.

Приближаясь къ первому изъ этихъ луговъ, Карпъ услышалъ лошадиное фырканье, сопровождаемое визгомъ и глухими ударами копытъ. При блескѣ зарницъ различилъ онъ табунъ, который только что выгнали въ „ночное“. Старикъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ лошадямъ. Почти въ ту же минуту его окликнули:

— Кто идетъ?..

— Я, отозвался Карпъ, направляясь прямо къ длинному человѣку, который такъ же скоро шелъ къ нему навстрѣчу.

— Ты, Карпъ Иванычъ? заговорилъ длинный человѣкъ тоненькой, надорванной фистулой, которая заслужила ему еще съ дѣтства прозвище Воробья,—я вечоръ еще собирался поговорить съ тобою...

— Объ чемъ это?

— Сродственникъ твой Ѳедотъ, что женатъ на твоей племянницѣ, нанялся теперь на люблинской мельницѣ...

— Знаю: ну такъ что жъ?

— Скажи ему, произнесъ Воробей, неожиданно оживляясь, при чемъ голосъ его сдѣлался еще пронзительнѣе,— скажи ему, коли станетъ онъ шляться у моей риги, или застану его опять у себя въ огородѣ,—ему такъ не сойдетъ; тамъ что ни выйдетъ, на себя пусть пеняетъ!..

— Что ты, Андрей; въ другомъ чемъ не постою за него, а насчетъ то-есть баловства такого, чтобы на чужое добро польстился,—этого за нимъ никогда не водилось; никогда объ этомъ слуху даже не было...

— Я не насчетъ того говорю, подхватилъ Воробей тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ, — я знаю, чего ему надо; онъ, собака, къ сестрѣ моей подлащивается, вотъ что! Она хошь и солдатка, человѣкъ вольный, а пока съ нами живетъ, не хочу я этого сраму брать... Не хочу, чтобы ходилъ онъ къ намъ! Ей Богу, провалиться на мѣстѣ,—коли еще разъ застану въ ригѣ или увижу въ огородѣ, — ей Богу, мы съ братомъ намнемъ ему бока, такъ что не встанетъ!.. Такъ и скажи, коли увидишь; такъ и скажи! Ей Богу, исколотимъ всего въ одинъ синякъ! Такъ и скажи!

Въ отвѣтъ на это Карпъ только тряхнулъ шапкой и досадливо кряхнулъ. Разсудивъ, что при теперешнемъ настроеніи Воробья нечего думать поручать ему присмотрѣть за меренομъ, старикъ простился съ Андреемъ и, обѣщавъ поговорить Ѳедоту, поплелся далѣе.

Вскорѣ шумъ табуна началъ удаляться и наконецъ совсѣмъ пропалъ.

Мертвая тишина стояла надъ рѣкою и склонами долины, которые то озарялись зарницами, то погружались въ темноту непроницаемую.

Карпъ услышалъ шумъ небольшой мельницы, которую также содержалъ богатый люблинскій мельникъ. Люблинская мельница находилась уже при самомъ впаденіи рѣчки въ Оку. Миновавъ плотину и пройдя вдоль забора, ограждавшаго мельничный дворъ, за которымъ раздался сиплый лай цѣпной собаки, Карпъ продолжалъ путь другимъ берегомъ рѣки.

Съ этой стороны бокъ долины неожиданно измѣнялся; склонъ ея подымался круче, и весь, сверху до низу, покрытъ былъ густымъ орѣшникомъ; мѣстами, какъ основы великановъ, возвышались надъ чащей сухіе столѣтніе дубы, простиравшіе къ небу черныя, причудливо изогнутыя вѣтви. Немного далѣе, лѣсъ, какъ словно насильственно раздвинутый, оставлялъ съ вершины холма донизу совершенно голую почву, покрытую рядами ямъ и бугровъ, которые, каждый разъ какъ вздрагивала зарница, придавали перелѣску особенно мрачный, пустынный характеръ.

XII.

Мѣсто это считалось вообще „недобрымъ“ въ околоткѣ. Тутъ, сказывали, находилась когда-то деревня, которая до послѣдней щепочки выгорѣла отъ громоваго огня. Носились также слухи, будто въ давнія времена Ока, при весеннемъ разлитіи, принесла сюда росшиву, нагруженную татарскимъ золотомъ; барка застряла именно въ этомъ мѣстѣ, послѣ чего ее до верху занесло иломъ. Лѣтъ тридцать назадъ, нашелся одинокій старый мужичокъ (Карпъ помнилъ его очень хорошо), который не шутя прельстился сокровищами, скрывавшимися будто бы въ этомъ мѣстѣ. Онъ сталъ ходить сюда чаще и чаще; сначала ходилъ онъ такъ ради любопытства; осмотрѣться, что ли, ему прежде хотѣлось,—неизвѣстно; потомъ началъ брать съ собою скребокъ и уже каждый день, съ утра до вечера, съ зари до зари, проводилъ время, взрывая и ворочая землю. Такъ провелъ онъ цѣлое лѣто. Онъ съ каждымъ днемъ замѣтно болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье; мало-по-малу пересталъ онъ съ людьми разговаривать, началъ дичиться и бѣгать отъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ,—это было уже осенью, — батраки люблинской мельницы, проходя мимо этого мѣста холодною морозною зарею, нашли старика распростертаго навзничь, съ лопатою въ рукахъ: стали его окликать, подошли ближе,—онъ былъ мертвъ.

Множество бабъ и даже нѣкоторые, повидимому, степенные люди положительно утверждали, что самимъ имъ случалось, проходя мимо Глинища (такъ звали мѣсто), слышать подземный жалобный стонъ, отъ котораго сами собою начинали шевелиться уши и холодъ пробѣгалъ по спинѣ и волосамъ. Короче сказать, мѣсто считалось „проклятымъ“ и рѣдкій человѣкъ, даже средь бѣлаго дня, не проходилъ мимо, не ускоряя шага.

Но Карпъ, надо полагать, не вѣрилъ такимъ слухамъ; быть-можетъ также, чувство страха ослаблялось въ немъ привычкой; болѣе шестидесяти лѣтъ ходилъ онъ мимо Глинища и во все это время ни разу съ нимъ ничего не случилось. Мудренаго нѣтъ тоже, мысли Карпа слишкомъ сильно заняты были предстоящей бесѣдой съ Аксеномъ, чтобы могъ онъ обратить на что-нибудь вниманіе.

По мѣрѣ приближенія къ Окѣ, лѣсъ рѣдѣлъ и щеки долины расходились, оставляя мѣсто просторнымъ лугамъ. Въ непроницаемо-темной глубинѣ сверкнула наконецъ

Ока; по мѣрѣ того какъ рѣка открывалась, удушливый воздухъ замѣтно освѣжался. Слѣва, надъ берегомъ, возносились черными неправильными углами строенія большой люблинской мельницы. Дорога дѣлала неожиданно поворотъ и прямо вела къ парому. Въ то время, когда Карпъ проходилъ мимо пристани, парома не было; недвижною темною точкой стоялъ онъ, казалось, на гладкой поверхности рѣки, отражавшей миріады мигающихъ звѣздъ. Далѣе, шагахъ во ста отъ пристани, громоздилась куча бревенъ; тутъ же насупротивъ возвышалось нѣсколько новыхъ, не покрытыхъ срубовъ.

Проходя мимо одного изъ нихъ, Карпъ невольно пріостановился и оглядѣлъ его сверху до низу; это была та самая изба, которую онъ приторговалъ у Аксена.

Карпъ прямо пошелъ къ маленькой крытой избушкѣ, въ которой, лѣтнею порою, помѣщался обыкновенно Аксенъ.

У входа, на травѣ, раскинувшись на войлокѣ и прикрывшись полушубкомъ, лежалъ человѣкъ, который храпѣлъ „во всю ивановскую“.

XIII.

— Аксенъ! сказалъ Карпъ, нагибаясь къ спавшему и слегка подталкивая его.—Аксенъ Андреевъ!..

— А? проговорилъ Аксенъ, высовывая изъ-подъ овчины голову и прерывая свой сонъ безо всякаго затрудненія, съ легкостью, свойственною вообще тѣмъ дѣятельнымъ простолюдинамъ, для которыхъ первый жизненный вопросъ—дѣло, барышъ, и которые отдаются отдыху не въ условный часъ, не когда захочется, а когда свободно и гдѣ придется.

— Къ тебѣ, Аксенъ Андреичъ! вымолвилъ старикъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ,—въ другое время недосугъ ходить; ты присылалъ ко мнѣ нонче Ѳедота.

— Посылать—не посылалъ, только велѣлъ сказать при случаѣ: ты бы ко мнѣ какъ-нибудь понавѣдался.

— Сказалъ онъ... Я все въ толкъ не возьму, Аксенъ, право, въ толкъ не возьму; вѣдь я тебѣ семьдесятъ рублей задатку отдалъ...

— Отдалъ.

— Тогда уговоръ у насъ былъ: семьдесятъ рублей задатку, а въ осень, послѣ уборки, остальныя деньги... Совсѣмъ было того — поладили; теперь что жъ это будетъ такое? Вѣдь этакъ, Аксенъ, не годится, право не годится...

— Экой ты, братецъ мой, чудно̀й какой!—право, чудной! Я отъ задатка твоего развѣ отказываюсь? Говорю только: надо какъ-нибудь сладить, потому выходитъ дѣло совсѣмъ не сходное. Всякъ свой барышъ наблюдаетъ; ты норовишь себѣ потрафить,—я себѣ... Вотъ теперича человѣкъ двадцать напрашиваются на избу-то! — и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ, какъ есть до копейки. На прошлой недѣлѣ выселковскій мужичокъ приходилъ ко мнѣ; такъ тотъ тридцать рублей лишку давалъ, въ упросъ просилъ, отдай только! Разсуди самъ таперича: люди деньги выкладываютъ, барыши даютъ; за тобой надо ждать еще два мѣсяца, пожалуй что и тогда не раздѣлаешься съ хлѣбомъ,—не соберешься съ деньгами... Суди, сходно ли? А насчетъ задатка говорить нечего, возьми его хоть завтра...

— Что-жъ ты прежде мнѣ объ этомъ не сказывалъ? произнесъ старикъ досадливымъ голосомъ; — вишь время какое, — самая уборка! Самъ знаешь: гдѣ нашему брату достать денегъ?.. Гдѣ ихъ взять!

— Денегъ у тебя не спрашиваю; можетъ, та̀къ какъ-нибудь безъ денегъ сойдемся.

Карпъ ясно понялъ, что Аксенъ не спроста отказывался отъ денегъ, что вѣрно держалъ на умѣ какое-нибудь намѣреніе. Старикъ не показалъ, однакожъ, виду своего недоумѣнья; онъ сдѣлался только внимательнѣе прежняго.

— Вотъ къ осени коровъ стану бить на мясо, проговорилъ Аксенъ, — не найдется ли у тебя лишней скотины?...

— Всего одна корова.

— Ну, въ другомъ чемъ сойдемся... У тебя меренокъ сѣрый трехгодовалый... его отдай; цѣну, какую положишь, та и пойдетъ въ счетъ избы...

Предложеніе Аксена поразило Карпа самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что Аксенъ не тотъ человѣкъ, чтобы сталъ говорить зря и наобумъ касательно пріобрѣтенія лошади, что вѣрно онъ имѣлъ свои виды, что все это давно было у него обдумано.

Несмотря на свою наружную простоту и сговорчивость, Аксенъ принадлежалъ къ числу самыхъ тонкихъ, самыхъ пронырливыхъ и хитрыхъ мужиковъ уѣзда. Способность его пронюхивать барышъ тамъ, гдѣ другіе барыша не подозрѣвали, могла только равняться съ его оборотли-

востью и неутомимою дѣятельностью. Аксена видѣли всюду, на всѣхъ ярмаркахъ, базарахъ, по пристанямъ въ торговые дни; онъ велъ торговлю сплавнымъ лѣсомъ, досками, солилъ солонину, торговалъ говядиной, жегъ кирпичи и известку, скупалъ рощи, сымалъ сады у помѣщиковъ. Нельзя сказать, чтобы товаръ его былъ хорошъ и отличался доброкачественностью; все дѣлалось спѣшно, зря, на живую руку: говядина была тощая, яблоки снимались незрѣлыми, срубленный лѣсъ продавался всегда сырымъ, кирпичи были не допечены.—„Ничего, сойдетъ!“ говорилъ всегда Аксенъ. И точно, крестьяне и помѣщики уѣзда поневолѣ должны были обращаться къ Аксену, который силою денегъ и дѣятельности завладѣлъ мелкою торговлею уѣзда.

Карпъ зналъ также, — и это всего болѣе приводило старика въ разстройство, — что, при простотѣ своей и сговорчивости, Аксенъ—человѣкъ крѣпкій, какъ кремень: если ужъ что заберетъ въ голову, ни за что не отступится. Нечего, значитъ, было и разговаривать; надо было тутъ же рѣшиться или уступить сѣраго меренка, или взять назадъ задатокъ и отказаться отъ избы. Тѣмъ не менѣе Карпу обидно какъ-то показалось уступить сразу, съ перваго слова.

— Разсуди теперь и ты, Аксенъ Андреичъ, произнесъ онъ внушительно, — у меня двѣ лошади: хорошо, отдамъ я тебѣ меренка, какъ же я при одной останусь?..

— Скоро осень, а тамъ и зима привалитъ; больше одной лошади держать тогда не зачѣмъ; у васъ же всѣ на оброкѣ, обозовъ не справляютъ, зачѣмъ двѣ лошади? Куда ихъ? только кормъ травить понапрасну... Пожалуй, я и на то согласенъ: до того времени, какъ въ полѣ работа не кончится, оставь у себя мерена, я за этимъ не погонюсь.

— Кто-жъ тебѣ объ немъ сказывалъ? спросилъ Карпъ, у котораго при этомъ словно подступило къ сердцу.

— Мало ли сюда ходитъ всякаго народу... изъ вашей деревни, изъ другихъ также;—пуще, признаться, хвасталъ сродственникъ твой Ѳедотъ...

— Онъ-то, собака, изъ чего? промолвилъ старикъ, быстро сжимая кулаки и такъ же скоро разжимая ихъ, чтобы не замѣтилъ этого собесѣдникъ.

— Ужъ этого я не знаю; только каждый день придетъ и давай хвалить... Заѣзжай, говоритъ, погляди да по-

гляди! Было мнѣ къ вамъ по дорогѣ, я и подъѣхалъ къ вашему табуну... Ѳедотъ со мной ввязался; онъ и лошадь указалъ... Точно, лошаденка складная; шестьдесятъ рублевъ можно дать.

Подвернись въ эту минуту Ѳедотъ, старикъ разругалъ бы его на всѣ бока; мало того, вцѣпился бы, кажется, въ жиденькую бородку родственника и трясъ бы ее до тѣхъ поръ, пока волоска не осталось.

Тутъ между Карпомъ и Аксеномъ завязался сильный торгъ, который кончился тѣмъ, что Аксенъ прибавилъ за мерена еще четыре съ полтиной; на томъ дѣло и остановилось. Эти шестьдесятъ четыре съ полтиной, приложенные къ прежнимъ семидесяти рублямъ, составляли сумму, которая, въ качествѣ задатка, совершенно удовлетворяла Аксена; съ Карпа оставалось получить около ста рублей; Аксенъ соглашался ждать эти деньги до осени, какъ прежде было условлено.

— Когда же за меренамъ-то прислать? спросилъ Аксенъ.

— Хошь завтра, хошь послѣзавтра, — когда хочешь! проговорилъ Карпъ отрывисто.

Онъ поправилъ шапку, которая во время этихъ разговоровъ совсѣмъ скосилась на сторону и, простившись съ Аксеномъ, повернулъ на дорогу.

— Эй, слышь, Карпъ! крикнулъ Аксенъ, дѣлая шагъ впередъ; — слышь, — Ѳедотъ ко мнѣ просился; взять его, что ли?

— Провались онъ совсѣмъ! нетерпѣливо возразилъ Карпъ.

— Не брать, стало, что ли?

— Вѣдь онъ, собака его ѣшь, двѣ недѣли всего нанялся на люблинской мельницѣ,—чего ему еще? спросилъ Карпъ, останавливаясь.—Три цѣлковыхъ въ недѣлю жалованья одного получаетъ, чего-жъ еще—собакѣ!

— Онъ, что ли, тебѣ сказывалъ? смѣясь, вымолвилъ Аксенъ,—ну, здоровъ значитъ врать-то! Всего за четыре рубли въ мѣсяцъ живетъ: за ту же цѣну и ко мнѣ просится; такъ какъ же, по-твоему, взять его, что ли?

— А песъ его возьми совсѣмъ! съ сердцемъ сказалъ Карпъ, удаляясь.

XIV.

Когда Карпъ подошелъ въ окраинѣ той части берега, гдѣ находилась пристань, паромъ стоялъ уже на причалѣ.

Фигуры двухъ перевозчиковъ смутно обозначались на пескѣ берега; сколько можно судить по голосамъ, тутъ кромѣ перевозчиковъ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ они сидѣли у самой воды и громко разговаривали. Проходя мимо, Карпъ явственно услышалъ голосъ Өедота.

Первымъ движеніемъ старика было сойти по скату берега, и тутъ же, при людяхъ, осрамить Өедота и разругать его на чемъ свѣтъ стоитъ; но онъ удержался, разсудивъ тотчасъ же, что этимъ дѣла не поправишь. Къ тому же, степенный нравъ старика противился всякому шуму и брани,—особенно на міру, при чужихъ людяхъ.

„Ну его, поганца! подвернется гдѣ-нибудь въ одиночку, — я ему тогда все припомню!“ подумалъ старикъ, отводя глаза отъ парòма.

Голосъ Өедота громко раздавался; замѣтно было, онъ говорилъ съ жаромъ и увлеченьемъ.

Карпъ невольно замедлилъ шагъ; минуту спустя, онъ остановился и насторожилъ слухъ; любопытно стало ему послушать, о чемъ это такъ горячо тараторилъ его родственникъ.

— Эка невидаль пять пудовъ поднять! какъ жилъ я на крупчатой мельницѣ подъ Коломной, такіе у насъ батраки были, мѣшка по четыре пшеницы въ третій верхъ таскали! Значитъ, пудовъ по десяти! Самому бывало не однова случалось... Извѣстно, былъ я въ ту пору помоложе!.. Да это что, братцы, — вотъ дѣдъ былъ у меня, такъ точно была силища! Супротивъ него такихъ теперь и людей нѣтъ! Пойдемъ, бывало, на пристань въ базарный день, распоясается: — „выходи!“ кричитъ; перваго, кто покуражился, хлобызнетъ, бывало, подъ сусолы, либо подъ микитки, — тутъ тому и конецъ... Бывало, часа по три безъ отдыха бьется, весь даже синій сдѣлается, словно чугунный котелъ; а все, кто не подвернется,—такъ и кладетъ лоскомъ. „Нѣтъ еще, говоритъ, человѣка такого, кто бы побѣдилъ меня! Былъ бы только, говоритъ, крестъ на человѣкѣ, со всякимъ буду драться, никого не боюсь!..“ Такая была крѣпкая скотина!.. А насчетъ того, о чемъ прежде спрашивали, братцы,—это мнѣ наплевать! я былъ и самъ у Герасима (такъ звали люблинскаго мельника),— ни за что не остался! Нанялся я у него потому больше, что надо какъ-нибудь время проволочить недѣльки еще

на четыре! съ увѣренностью продолжалъ Ѳедотъ,—такой уговоръ былъ у меня съ купцомъ Бахрушинымъ... Прокофій Андреевичъ — звать... Вы, чай, объ немъ слыхали? первѣйшій купецъ въ Коломнѣ, мильонщикъ, торгуетъ на первый сортъ, и въ Москвѣ также лавку свою содержитъ... Такой уговоръ былъ у насъ:—„какъ подѣлюсь, говоритъ, съ братомъ, ты, Ѳедотъ Васильичъ, ко мнѣ поступай, и жалованье, примѣрно, и все такое, говоритъ, будетъ тебѣ по самому настоящему положенью"... Онъ сродни мнѣ доводится... по женѣ... Потому жена моя купеческаго званья... Жду, значитъ, теперича этого раздѣла промежъ братьевъ; по той самой причинѣ и поступилъ сюда... Главная причина, мы къ этой мельницкой должности не пріучены; жили все по торговой части, этимъ больше сызмалѣтства занимались, и родители мои также... Упокойный родитель трактиръ содержалъ; также лавку съ краснымъ товаромъ.

— Вы, значитъ, въ городѣ жили? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ, дома; только у насъ село больше другого города; церквей однѣхъ семь и всѣ каменныя; дома также всѣ каменные; фабрикъ однѣхъ никакъ пять или шесть... Все богачи содержатъ, купцы московскіе и серпуховскіе... Мы къ торговлѣ съ малыхъ лѣтъ пріобучены... Во всемъ, значитъ, привычка требуется... Посади теперь любого изъ васъ, братцы, въ лавку либо въ трактиръ, какъ есть ни одинъ не управится,—въ лѣсу все единственно!..

— Гдѣ! куда тебѣ! Ужъ это какъ есть! отозвалось нѣсколько слушателей.

— Главная причина, Прокофій Андреичъ потому и звалъ меня; знаетъ, я ихнее дѣло наскрозь произошелъ... Хозяйка моя тѣмъ временемъ своимъ домомъ станетъ управляться... У нея двѣ батрачки... да еще дѣвочку нанимаетъ для подмоги.

— Что жъ много? спросилъ кто-то.

— А ты думаешь, какъ? еще словоохотливѣе заговорилъ Ѳедотъ,—у меня домъ-то немалое количество: въ три сруба выстроенъ!.. Въ нашихъ мѣстахъ всѣ такъ строятъ; нѣтъ этихъ здѣшнихъ избъ... Внизу стряпаютъ; работницы и батраки живутъ...

— Ты развѣ и батраковъ держишь?

— А то какъ же? Двухъ нанимаю... Кто жъ бы землю-то сталъ пахать?.. У насъ земли и луговъ не то, что

здѣсь... Ну, внизу батраки, вверху горница, — мы съ женою занимаемъ... Вотъ, братцы, коли кто изъ васъ въ Москву пойдетъ, заходите дорогой... Меня не будетъ—все единственно, къ хозяйкѣ моей зайдите; скажите: „Ѳедотъ, молъ, прислалъ“; сами посмотрите наше житье... Прошлаго года домъ мой подъ трактиръ нанимали, только не отдалъ; несходно... И хозяйка такъ говоритъ: „не отдавай, говоритъ, Ѳедотъ Васильичъ; самимъ потомъ нанимать надо, одно на одно выйдетъ...“ Заходите же, братцы; посмотрите на мое житье, сами скажете: изъ какого, молъ, дьявола таскаться такъ-то Ѳедоту по мельницамъ!..

— То-то и я такъ думаю... проговорилъ тономъ недовѣрія и насмѣшки одинъ изъ слушателей,—хошь бы теперича набиваешься ты къ Аксену въ работники... Изъ какой такой неволи?..

— Эхъ, братецъ ты мой! произнесъ Ѳедотъ съ такимъ выраженіемъ, что можно было думать, онъ обращался къ пустому и вздорному малому, который совался въ разговоръ затѣмъ только, чтобы противорѣчить.—Говорю вамъ, братцы, пуще всего надо проволочить время. Пока Прокофій Андреичъ съ братомъ не подѣлятся,—все же одно, дѣлать нечего, деньги свои понапрасну проживать, что ли?

— Денежки-то, стало, водятся?

— Да, проговорилъ Ѳедотъ съ какою-то густотою въ голосѣ, — послѣ упокойнаго родителя тысчонки двѣ можетъ осталось... и теперича есть...

— Врешь! отозвались почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Приходите, покажу... И больше было, только домъ дорого сталъ, на стройку много пошло...

— Гдѣ-жъ у тебя эти деньги? спросилъ кто-то.

— Извѣстно, въ сундукѣ спрятаны; гдѣ жъ имъ больше быть?..

— Ужъ подлинно: охота пуще неволи! снова замѣтилъ собесѣдникъ, обращавшійся съ недовѣрчивостью.—Будь у меня такія деньги, сталъ бы я, какъ же, по чужимъ людямъ шляться...

— Говоришь такъ, братецъ ты мой, потому,—денегъ у тебя нѣтъ своихъ,—вотъ что! было бы, сталъ бы беречь ихъ, все единственно... Коли сила есть въ тебѣ, почему жъ и не поработать? разсудительно продолжалъ Ѳедотъ,—бережешь пуще къ старости, было бы тогда чѣмъ прожить, вотъ что! Хоронишь также деньги изъ осторожности: люди

бы не зарились, взаймы не просили: покажи только; тотъ: „Ѳедотъ Васильичъ, ссуди“; другой: „Ѳедотъ Васильичъ, ссуди“... Дашь, — поди ищи потомъ, не то и вовсе пропали... Ужъ вѣдь бывали статьи такія! У меня сродство большое... Есть богатые, есть и бѣдные... всякіе есть!.. Вотъ бы хошь теперь въ Антоновкѣ, можетъ знаете, старикъ живетъ, Карпомъ звать?.. сродни приводится... Также не мало ему отъ меня денегъ-то перепало... почитай, я его и поправилъ... Теперь избу новую торгуетъ... Покажи только деньги, вынь ихъ, сейчасъ пристанетъ: „дай, да дай!..“ Потому больше ихъ и хоронишь!..

XV.

Карпъ слушалъ-слушалъ, и только качалъ головою, пожималъ губами и время отъ времени ударялъ ладонями по колѣнямъ. При послѣднихъ словахъ Ѳедота онъ только плюнулъ.

— Ахъ ты, провалъ тебя возьми! собака ты этакая, непутная!.. проговорилъ онъ, выходя на дорогу и ускоряя шагъ.

Перебирая все, что привелось теперь слышать, старикъ невольно забылъ на минуту свое горе; онъ началъ даже усмѣхаться.

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ потѣшиться. Во всемъ, что говорилъ Ѳедотъ, не было правды на маковую росинку. Жилъ онъ въ маленькой разоренной деревушкѣ, гдѣ не было даже часовни; домъ его состоялъ изъ полуобвалившейся дымной лачужки, имѣвшей видъ заплаты даже въ сосѣдствѣ невзрачныхъ избенокъ; не было у него ни сохи, ни лошади, ни коровы; землю свою отдавалъ онъ за девять рублей въ годъ одному изъ сосѣдей. Жена Ѳедота доводилась, какъ извѣстно, Карпу племянницей; она была круглая сирота и самъ же Карпъ снарядилъ ей, по силѣ своей, кой-какое приданое. Она существовала тѣмъ, что ходила работать то къ одной сосѣдкѣ, то къ другой, и жила въ страшной бѣдности. Ѳедотъ не заглядывалъ домой по цѣлымъ полугодамъ. Къ какому бы мѣсту онъ ни прилаживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два-три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ—не имѣли границъ; онъ разомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его;

не только прикладывалъ онъ стараніе къ той части, для которой собственно его наняли, но радѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали; онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскій самоваръ, приколачивалъ жерди или доски тамъ, гдѣ онѣ доставляли удобство; и вдругъ, на третій или четвертый день, все это радѣніе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупливался, переставалъ говорить, словно его чѣмъ обидѣли, и наконецъ вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ день-деньской сидя у воротъ или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашелъ онъ поводъ быть чѣмъ-нибудь недовольнымъ; такой ужъ видно капризъ напалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ ему должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ, при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого не случалось, никогда даже не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно-гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ.

Разсказы Ѳедота не долго, впрочемъ, занимали Карпа; пославъ его мысленно къ нечистому, старикъ снова обратился къ настоящимъ своимъ дѣламъ и снова отдался прежнимъ тревожнымъ думамъ; къ нимъ присоединялась теперь мысль объ утратѣ сѣренькаго меренка, котораго онъ такъ долго ждалъ, берегъ и холилъ съ такою заботливостью.

Такимъ образомъ Карпъ незамѣтно почти возвратился въ Антоновку; онъ не пошелъ къ околицѣ, но повернулъ задами деревни, прошелъ къ себѣ въ ригу, помолился и растянулся на соломѣ, прикрывъ лицо шапкой.

XVI.

Въ сельской трудовой жизни, особенно съ апрѣля до октября, время пролетаетъ съ неимовѣрной быстротою; не успѣваешь кончить съ одной работой, смотришь, уже другая наготовѣ; въ иную пору скопляется вдругъ столько занятій, что длинный лѣтній день кажется короткимъ. Не-

смотря, что дѣло, повидимому, очень немногосложно: все ограничивается овсомъ, рожью и сѣномъ, —руки неутомимо работаютъ и потъ льется ручьями въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Самыя эти занятія такъ разнообразны и несхожи одно съ другимъ, что каждое изъ нихъ не только вноситъ новыя условія въ жизнь простолюдина, но совершенно даже даетъ новую физіономію деревнѣ и окрестности. Всего какихъ-нибудь четыре недѣли назадъ, деревни и села были пусты и оживлялись только по праздникамъ или къ вечеру, послѣ солнечнаго заката. Жизнь сосредоточивалась въ полѣ; тамъ кипѣла полная дѣятельность; тамъ отъ зари до зари неумолкаемо звенѣли косы, скрипѣли воза и раздавался говоръ. Теперь все перемѣнилось; теперь, въ свою очередь, опустѣло поле; самыя стрекозы и мухи неизвѣстно куда вдругъ дѣлись; изрѣдка слышится протяжное посвистываніе пастуха, который лѣниво подгоняетъ тощее крестьянское стадо.

Время и дожди не мало также содѣйствовали къ тому, чтобы дать окрестности другой характеръ; жара миновала и вмѣстѣ съ тѣмъ поблѣднѣло лучезарное небо, на которое нельзя было взглянуть не прищурясь. Рощи смотрятъ теперь бодро, хотя по опушкамъ начинаетъ кое-гдѣ показываться желтый листъ; луга сбросили болѣзненный видъ и снова стелются яркимъ зеленымъ бархатомъ; темныя увлаженныя десятины, только что засѣянныя подъ озимь, рѣзко отдѣляясь отъ блѣдно-желтаго жнивья, придаютъ картинность мѣстности, которая прежде затушевывалась скучнымъ, однообразнымъ сѣрымъ тономъ. Съ рѣчкой также произошла перемѣна; она стала полнѣе, такъ что сѣдые листья лопуха, которыми покрыты были песчаные откосы береговъ, кажутся теперь плавающими надъ водою. Ручьи, едва замѣтно пробиравшіеся между каменьями, звонко гремятъ теперь, унося съ быстротою обломки древесной коры и сухіе листья; но уже въ укромныхъ мѣстахъ, густо обросшихъ зарею и травами, тамъ, гдѣ ручьи впадаютъ въ рѣку, — не роятся коромысла со своими стеклянными головками и кисейными крыльями.

Но что особенно бросалось въ глаза, такъ это перемѣна въ Антоповкѣ. Она словно обновилась. Всѣ почти избы покрыты новой соломой; на задахъ деревни неуклюжія риги заслонены скирдами, которыя, привлекательно круглясь въ сжатомъ пространствѣ гуменъ, гордо возно-

сятъ свои остроконечныя макушки. Со всѣхъ сторонъ раздаются учащенные удары цѣповъ или слышится шумъ подбрасываемаго на воздухъ зерна, которое звонко падаетъ на гладко-убитый токъ.

Въ этой дѣятельности, сосредоточенной въ деревнѣ, всегда какъ-то меньше суетливости, чѣмъ въ полѣ, даромъ что тамъ она сжата, здѣсь разсѣяна на большомъ пространствѣ. Въ полѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то спѣшнаго, судорожно-хлопотливаго,—словно весь работающій людъ находится подъ вліяніемъ тревожнаго какого-то ожиданія; въ деревнѣ совсѣмъ не то; прислушайтесь осенью, въ будничный день, къ деревенскимъ звукамъ—въ нихъ нѣтъ ничего безпокойнаго. Со всѣхъ сторонъ бьютъ цѣпы, шумитъ рожь, а между тѣмъ нѣтъ тревоги, нѣтъ суетливости; отовсюду вѣетъ миромъ и кротостью,—чѣмъ-то такимъ, что сообщаетъ душѣ спокойное, удовлетворенное чувство.

Тайна этого не заключается ли въ тѣхъ высокихъ скирдахъ ржи и овса, которые заслоняютъ гумно каждаго почти крестьянина?..

XVII.

Хотя ворота карповой риги,—тѣ ворота, которыя отворялись на токъ,—были настежь раскрыты, нечего было думать приступать съ этой стороны. Изъ воротъ вылетало, клубясь и подымаясь кверху, цѣлое облако пыли; передъ входомъ громоздился ворохъ куколи, мякины и всякаго сору; кромѣ того, легкая летѣвшая пыль ослѣпила бы глаза. Надо было обогнуть строеніе и войти въ другія ворота, также настежь отворенныя, но обращенныя къ полямъ, откуда тянулъ легкій вѣтерокъ.

При входѣ въ ригу, сначала рѣшительно ничего нельзя было разсмотрѣть отъ рѣзкаго перехода изъ свѣта подъ темную крышу, но это проходило скоро. Прежде всего выставлялись горы взбитой соломы и между ними, сквозь облако пыли, виднѣлись Карпъ, его сынъ и сноха, которые, стоя другъ противъ друга, неистово махали цѣпами, стараясь повидимому истребить другъ друга; потомъ, при взглядѣ на верхъ, постепенно выяснялись кривыя стропила и пучки соломы, изъ которыхъ поминутно вылетали ласточки, стремительно пропадавшія въ свѣтломъ пятнѣ воротъ. Подъ конецъ, глазъ совершенно привыкалъ, начиналъ даже любоваться коричневымъ полусвѣтомъ, ко-

торый наполнялъ ригу и постепенно темнѣлъ, приближаясь къ воротамъ, какъ бы для того, чтобы еще рѣзче выставить всю миловидность свѣтлаго пейзажа съ клочкомъ голубого неба, зеленымъ лужкомъ и сверкающимъ бѣлымъ облакомъ, отражавшимся въ поворотѣ рѣчки.

Судя по солнцу, время приближалось къ полудню, когда за плетнемъ неожиданно раздались чьи-то охи; вслѣдъ затѣмъ въ свѣтломъ пространствѣ воротъ показалась Дуня.

Пройдя отъ дому до риги, она совсѣмъ уже запыхалась и черезъ силу поддерживала Ваську; выпучивъ глаза и засунувъ въ ротъ указательный палецъ, Васька такъ же мало повидимому заботился о рукахъ сестры, какъ паша какой-нибудь о диванѣ, на которомъ покоится.

— Ухъ! вымолвила Дуня, переваливая Ваську на другое плечо. — Дѣдушка, староста зоветъ! подхватила она торопливо, — стучитъ подъ окнами, народъ собираетъ... Подъ ветлой на улицѣ народъ собирается!..

— Чего имъ тамъ надо!.. произнесъ Карпъ, опуская цѣпъ.

— Не знаю, дѣдушка! отозвалась внучка, думавшая, что вопросъ къ ней относился.

— Гаврило никакъ въ контору не ѣздилъ... замѣтилъ Петръ.

— Оттуда, можетъ, приказъ прислали, сказалъ Карпъ, надѣвая шапку и утирая рукавомъ лицо, совсѣмъ почернѣвшее отъ пыли.—Скоро время обѣдать, вымолвилъ онъ, останавливаясь въ воротахъ, — вы, какъ копну домолотите, домой ступайте, я скоро приду.

— Ладно, батюшка! отозвался сынъ, принимаясь снова за цѣпъ.

XVIII.

Народъ дѣйствительно собирался къ ветлѣ, бросавшей тѣнь на тесовую крышу мірского магазина. Еще издали Карпъ услышалъ шумный говоръ. Судя по тому, съ какою поспѣшностью крестьяне шли къ сборному мѣсту, надо было думать, причина сбора была немаловажная и слухъ о ней успѣлъ уже обѣжать деревню.

Карпъ ускорилъ шагъ.

— Карпъ, слышалъ? обратился къ нему старый мужичокъ, толкавшійся вмѣстѣ съ другими.

— Ничего не знаю...

— Оброкъ требуютъ!

— Какъ такъ?

— Теперь, говорятъ, требуютъ...

— Срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну; всегда такъ отдавали... Еще семь недѣль до срока остается...

— Теперь, говорю, требуютъ! Изъ конторы писарь съ бумагой пріѣхалъ; сказываютъ, наказъ такой изъ Питера баринъ прислалъ...

— Кто сказывалъ-то?

— Гаврило; онъ и бумагу читалъ...

Карпъ, приведенный въ смущенье такимъ извѣстіемъ, началъ протискиваться въ кружокъ, чтобы узнать что-нибудь повѣрнѣе; но толку нельзя было добиться никакого; всѣ говорили въ одно и то же время, и всѣ говорили разное, перетолковывая каждый по-своему. Теперь, какъ и всегда впрочемъ въ случаяхъ мірской сходки, первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся рыжій Филиппъ, тотъ самый, который смѣлѣе другихъ выражалъ когда-то въ полѣ свое мнѣнье.

Голосъ его на этотъ разъ не покрывалъ остальныхъ голосовъ; тѣмъ не менѣе, плечистая фигура его, цѣлою головою почти превышавшая толпу, появлялась то въ одномъ концѣ сборища, то въ другомъ; шапка его то и дѣло пригибалась къ уху товарищей, съ которыми не переставалъ онъ втихомолку, но съ одушевленіемъ разговаривать.

— Гдѣ жъ староста? Куда его носитъ! всѣ никакъ собрались... Кого еще надо?.. громко наконецъ произнесъ Филиппъ, выпрямляя голову.—Эй, Гаврило! крикнулъ онъ еще громче, поглядывая на улицу и обращаясь къ старостѣ, который обходилъ послѣднія избы, постукивая въ окна.—Эй, староста! ступай! Всѣ ужъ здѣсь!..

— Иду! отозвался Гаврило, торопливо направляясь къ магазину.

Толпа разступилась и замкнула въ свой кругъ старосту. Человѣкъ десять, изъ которыхъ одинъ только разбиралъ печать, но не могъ читать писаннаго, легли Гаврилѣ почти на спину.

— Что вы, братцы! сказалъ староста, ворочаясь на мѣстѣ, — думаете, что я отъ васъ утаить хочу, что̀ въ грамотѣ писано... Бери, читай самъ, кто хочетъ...

— Ну, читай, читай! нетерпѣливо вымолвилъ Филиппъ, становясь къ старостѣ ближе всѣхъ. — Помолчи только, братцы, ничего какъ есть не слышно.

Вмигъ все замолкло.

Гаврило вынулъ изъ-за пазухи письмо и прочелъ довольно внятно и толково слѣдующее:

„Гаврило Андреевъ, съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ собрать мірскую сходку и объявить о немедленномъ сборѣ оброка; въ случаѣ если выйдутъ какія замедленія, приказываю тебѣ не медля явиться въ контору и донести мнѣ объ этомъ.

Старшій управляющій конторой Поповъ".

Громкій ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ; все заколыхалось и пришло въ движеніе.

XIX.

— Что жъ намъ, братцы, дѣлать теперича? спросилъ Гаврило съ недоумѣвающимъ видомъ.

— А то дѣлать — не отдавать оброка, — вотъ и все! сказалъ Филиппъ, оглядываясь вокругъ и стараясь увѣриться, не торчитъ ли гдѣ-нибудь писарь, присланный изъ конторы. — Сказано: срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну, — тому, стало, и быть! прибавилъ онъ рѣшительно.

— Писарь сказывалъ мнѣ, началъ Гаврило, — изъ Питера въ контору такой приказъ пришелъ; самъ баринъ велѣлъ оброкъ представить...

— Господа нашего положенія не вѣдаютъ; это все вертятъ эти мошенники управители! заговорилъ опять Филиппъ.—Православные! воскликнулъ онъ, неожиданно обращаясь къ толпѣ, при чемъ лицо его сдѣлалось вдругъ такимъ же краснымъ, какъ волосы и коротенькая курчавая бородка, — православные! что жъ вы стоите, молчите? Надо всѣмъ отвѣтъ держать!.. Что жъ это такое! одно, выходитъ, разоренье! До оброка цѣлыхъ семь недѣль сроку остается... Откуда теперь взять его? У многихъ хлѣбъ еще въ полѣ; а хошь и обмолотились, куда его продашь? Цѣны нѣтъ никакой теперь. Даромъ, что ли, отдавать?

Въ толпѣ опять разомъ все заговорило, такъ что въ первую минуту невозможно было разобрать слова.

— Погодите маленько, братцы, дайте слово сказать! крикнулъ Гаврило.

Снова наступило молчаніе.

— Обо всемъ этомъ, что ты говоришь, Филиппъ, сами мы знаемъ, началъ Гаврило,—надо, примѣрно, не объ этомъ... Настоящимъ дѣломъ разсудить надо... Оброка, говоришь,

не платить... Велятъ—такъ заплатишь... Надо настоящее говорить... потому словесами одними ничего не сдѣлаешь...

— Изволь, я и настоящее скажу... Давно бы сказалъ... ты же перебиваешь! Настоящее то, что въ контору надо ѣхать къ управителю! возразилъ Филиппъ.—Велѣли міру собраться — и собрался; міромъ и положили: время такое,—нѣтъ силы возможности отдавать оброка; къ Кузьмѣ-Демьяну отдадимъ, какъ слѣдуетъ по положенью... Теперь нѣтъ цѣны на хлѣбъ... Продать теперь — значитъ разоренье одно... такъ и сказать надо!..

Всѣ въ одинъ голосъ подхватили мысль Филиппа. Напрасно Гаврило убѣждалъ въ безполезности поѣздки къ управителю съ такимъ порученьемъ, напрасно приводилъ изъ опыта разные примѣры, — міръ поставилъ на томъ, чтобы Гаврило ѣхалъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, толпа стала расходиться, собираясь на улицѣ маленькими кучками, въ которыхъ громко говорили.

Карпъ вернулся домой чуть ли не изъ послѣднихъ.

Войдя на дворъ, онъ засталъ жену и сноху подъ навѣсомъ, гдѣ стояли лошади; обѣ женщины, припавъ къ плетню лицомъ, жадно къ чему-то прислушивались. До слуха старика долетѣли въ то же время крики, раздававшіеся у сосѣда.

Скрипъ воротъ заставилъ бабъ обернуться; обѣ побѣжали къ Карпу.

— Батюшка, касатикъ, заговорила старуха, — сейчасъ Воробей съ братомъ сестру свою, солдатку, били... Такъ били, — у насъ даже слышно было... Пришли они какъ народъ сталъ расходиться—и давай колотить... Слышимъ, кричатъ... Что такое, думаемъ?.. Подошли послушать: ужъ такъ-то кричитъ—и-и-и!..

Карпъ сейчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло; но онъ былъ слишкомъ не въ духѣ, чтобы вступить въ разговоръ и дать женѣ и снохѣ объясненіе того, что происходило у сосѣда. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не обратилъ никакого вниманія на слова жены.

Поднявшись на крыльцо, онъ сказалъ только бабамъ, чтобы скорѣе собирали обѣдать.

XX.

Несмотря на то, что зори по утрамъ начинали быть довольно холодны, Карпъ все еще продолжалъ спать въ

ригѣ. Въ ночь, которая слѣдовала послѣ сборища у магазина, Карпъ, начинавшій уже засыпать, внезапно пробудился и сталъ прислушиваться. Слухъ его явственно различилъ шорохъ; но гдѣ онъ раздавался, внутри или снаружи риги, — этого въ первую минуту не могъ разобрать старикъ... Наконецъ, слышно стало, что кто-то царапался вдоль плетня и перебиралъ ногами въ высокой крапивѣ, окружавшей ригу. Немного погодя, чьи-то руки ощупали деревянный засовъ и бережно начали отворять ворота.

— Кто тутъ? крикнулъ Карпъ, торопливо приподымаясь съ соломы.

— Я... дядюшка Карпъ... проговорилъ кто-то, шмыгнувъ въ ригу.

— Кто ты? еще громче крикнулъ Карпъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Не призналъ, что ли?.. Я, я, — Ѳедотъ! произнесъ голосъ, явно старавшійся принять характеръ примирительный, заискивающій.

— Такъ это ты! могъ только выговорить старикъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Было мнѣ по дорогѣ, думалъ отдохнуть у тебя, подхватилъ Ѳедотъ скороговоркою и какъ бы стараясь замять рѣчь старика.—Аксенъ просилъ сходить въ Андреевское... насчетъ, то-есть—корова тамъ у барыни продается... такъ посмотрѣть просилъ... Я у него живу теперича... Ну, запоздалъ маленько... Дѣло не спѣшное, думаю; дай зайду къ дядѣ Карпу, отдохну до зари...

— Врешь, врешь! безстыжіе твои глаза! заговорилъ сквозь зубы и какъ бы съ озлобленіемъ старикъ.—Врешь! знаю я, зачѣмъ ты сюда шляешься! Знаю, съ какими коровами ходишь... Собака ты этакая!..

— За что жъ ты ругаешься...

— Ахъ, ты, непутный ты этакой! продолжалъ Карпъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь.—Будь я помоложе, — я бы въ тебѣ мѣста цѣлаго не оставилъ!..

— Не тотъ я человѣкъ, чтобы меня трогать! обиженнымъ тономъ возразилъ Ѳедотъ, — никто еще меня не трогалъ... Это ужъ я вижу: значитъ, тебѣ на меня наговорили...

— Нѣтъ, не наговорили!.. Кто разболталъ Аксену про мерина, а? — кто?.. Говори, черезъ кого, коли не черезъ тебя, лошадь отошла отъ двора моего?..

— Слушай, Карпъ Иванычъ, снова скороговоркою началъ Өедотъ,—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, отсохни мои руки, лопни мои глаза...

— Молчи, безстыжій! Не божись лучше, не грѣши... Самъ я про все знаю.—Стой, погоди! воскликнулъ Карпъ, думая, что Өедотъ хочетъ улизнуть, тогда какъ Өедотъ отступалъ только въ сторону, боясь, чтобы Карпъ его не ударилъ. — Сказывай, благо пришло къ случаю: какія и когда давалъ ты мнѣ деньги? а? Говори, когда я бралъ у тебя? Зачѣмъ же ты разсказываешь, что ссужалъ меня деньгами, и теперь хоронишь, которыя остались,—боишься, не сталъ бы я просить на избу...

— Отсохни мои руки, лопни мои глаза... началъ было Өедотъ, но Карпъ не далъ ему договорить.

— Молчи, окаянный, не божись, самъ слышалъ!

— Ничего я этого не говорилъ.

— Врешь! Какъ шелъ я намедни ночью отъ Аксена, самъ слышалъ, какъ ты на паромѣ...

— Что ты? перебилъ Өедотъ, — ноги моей никогда на паромѣ не было! Все это, Карпъ Иванычъ, одни сплетки про меня пущаютъ, подхватилъ онъ невиннымъ голосомъ.—И охота только слушать тебѣ... Меня всѣ знаютъ!.. Не тотъ я человѣкъ совсѣмъ.

— Ну теперь, продолжалъ Карпъ, не обращая внимамія на оправданіе своего родственника, — сказывай, зачѣмъ пришелъ? Чего надо?.. Сестра Воробья, солдатка, приманила!.. На себя бы ты поглядѣлъ!.. Тебѣ ли, лысому чорту, такими дѣлами заниматься?.. Хоть бы людей-то постыдился, коли въ тебѣ ни стыда нѣтъ, ни совѣсти! Вѣдь черезъ тебя ссоры только въ семьѣ да брань: и то сегодня, черезъ тебя, братья ее таскали... Да и тебѣ такъ не сойдетъ... Воробей съ братомъ сами мнѣ сказывали; попадись только имъ, — тутъ тебѣ и голову положить! Они и день и ночь на сторожбѣ, какъ бы только поймать тебя; можетъ, и теперь ужъ укараулили...

— Все это сплетки одни; какъ предъ Богомъ, сплетки... неувѣренно и даже плаксиво проговорилъ Өедотъ.

— Ладно, сплетки!.. А пока ступай отъ меня! проваливай! чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

— Дядя Карпъ, пусти переночевать,—сдѣлай милость... Что жъ я, чужой тебѣ, что ли? робко промолвилъ Өедотъ.

— Вонъ ступай, безстыжіе твои глаза! Вонъ!

— Дядя Карпъ, сдѣлай милость...

— Не пущу! заключилъ Карпъ, выталкивая Ѳедота, который пятился назадъ.—Вонъ ступай, говорю; вонъ,— и на глаза мнѣ не показывайся!..

Карпъ заперъ ворота и возвратился на солому. Шуму никакого не было теперь слышно за плетнями; изрѣдка,— и то едва примѣтно,—раздавался трескъ сухихъ стеблей, ломавшихся подъ ногами, которыми очевидно переступали съ большою осторожностью. Наконецъ все замолкло, кромѣ пѣтуховъ, которые начали вдругъ драть горло, почуявъ полночь.

XXI.

Но не успѣлъ Карпъ заснуть, шумъ въ воротахъ снова привлекъ его вниманіе; на этотъ разъ кто-то смѣло стучался.

— Кто тутъ? съ досадою крикнулъ старикъ.

— Я, дядя Карпъ! отозвался голосъ Филиппа.

Карпъ поднялся на ноги и отворилъ ригу.

— Я затѣмъ къ тебѣ въ такую пору, — не видать теперича... Не станутъ, значитъ, болтать... сказалъ Филиппъ.—Слышь, дядюшка, вотъ дѣло какое: я, почитай, ужъ со всѣми перемолвилъ, всѣ въ одномъ утвердились: до Кузьмы-Демьяна не отдавать оброка! Тутъ толковать нечего; знамо, не барину нужно; господа люди понятные; одна тутъ управительская воля. „Какъ, молъ, хочу, такъ и верчу!“ вотъ что! Управитель у насъ новый; возьметъ такую привычку, — житья намъ не будетъ... Мы вотъ на чемъ положили: извѣстно, одинъ человѣкъ упрется, ничего не сдѣлаетъ,—въ рогъ согнутъ! А какъ міромъ что̀ скажутъ, коли весь міръ въ согласіи,—тутъ хошь-не-хошь, ничего не возьмешь; съ цѣлой деревней ничего нельзя сдѣлать; всѣхъ къ становому не отправишь.

— Такъ-то такъ, Филиппъ, отозвался старикъ,—не вышло бы только худо изъ этого...

— Эхъ! братецъ ты мой, говорю тебѣ, — весь міръ въ согласіи; главная причина, крѣпко только надо другъ за дружку держаться! Мы чего добиваемся? Хотимъ держаться до поры возможности, чтобы время протянуть до срока; установится на хлѣбъ цѣна настоящая, хлѣбъ продадимъ тогда и оброкъ бери... Такъ, что ли?

— Хорошо, какъ бы такъ-то...

— Главная причина, подхватилъ Филиппъ съ воодушевленіемъ, — не выдавать другъ друга! Примѣрно, хоть

тебя спросятъ:—„Зачѣмъ не продаешь хлѣбъ?“—„Я, говори, ничего... міръ не велитъ; всѣмъ міромъ такъ положили ждать до осени!..“ Такъ всѣ уговорились, я со всѣми перетолковалъ; всѣ на одномъ стоятъ: не продавать хлѣба до Кузьмы-Демьяна, пока цѣна не уставится... Смотри, Карпъ, не выдавай; говори заодно со всѣми...

— Кому убытки, — мнѣ разоренье, сказалъ Карпъ, — коли мнѣ продать хлѣбъ теперь, безъ цѣны,—да изъ тѣхъ денегъ оброкъ отдать, ничего на избу не останется... Надо также и на зиму малость денегъ оставить...

— То-то же и есть!.. У тебя изба, у другого свои дѣла; у всякаго такъ-то!.. Такъ слышь: какъ другіе, такъ и ты дѣлай; такой ужъ уговоръ; я затѣмъ и зашелъ къ тебѣ, чтобы какъ, то-есть, повѣрнѣе... Ну, прощай, время итти... заключилъ Филиппъ, суетливо выходя изъ риги.

Карпъ снова отправился на солому; но сколько ни ворочался онъ съ боку на бокъ, на этотъ разъ долго не могъ заснуть; сонъ сморилъ его тогда только, какъ пропѣли вторые пѣтухи.

XXII.

На другой день, вечеромъ, Карпъ, осмотрѣвъ свое озимое поле и оставшись очень доволенъ всходами, возвращался въ Антоновку, когда, не далеко отъ поворота въ околицу, услышалъ за собою трескотню телѣжки. Онъ оглянулся; узнавъ по гнѣдой вислоухой лошади владѣльца телѣги, Карпъ остановился; лицо его замѣтно оживилось любопытствомъ. Немного погодя, телѣга съ сидѣвшимъ въ ней старостой Гаврилой поровнялась съ Карпомъ.

Уже одна наружность Гаврилы свидѣтельствовала, что поѣздка его была крайне неуспѣшна; онъ сидѣлъ нахохлившись, какъ воробей послѣ дождя; глаза его противъ обыкновенія мрачно, недоброжелательно какъ-то поглядывали изъ-подъ шапки, пропускавшей большой клинъ клѣтчатаго платка, котораго онъ не думалъ поправлять.

— Что, какъ? спросилъ Карпъ, слѣдуя рядомъ съ телѣгой, которая продолжала приближаться къ околицѣ.

— Эхъ! былъ только отвѣтъ старосты.

— Худо, стало-быть?

Гаврило тряхнулъ только шапкой.

— Напрасно, значитъ, съѣздилъ?

— Говорилъ тогда,— нѣтъ, не вѣрили! вымолвилъ наконецъ староста.—Вышло все по-моему, какъ я говорилъ: ничего этого, о чемъ мы толковали, не беретъ въ разсужденье!.. Только ругается... Грозитъ еще станового прислать...

Карпъ зачмокалъ губами, отнялъ руку отъ перекладины телѣги и также нахохлился.

Такимъ образомъ вступили они въ околицу.

Появленіе Гаврилы на улицѣ произвело ожидаемое дѣйствіе; многіе увидѣли старосту — и слухъ о его возвращеніи мигомъ распространился по деревнѣ. Едва подъѣхалъ онъ къ избѣ своей и вылѣзъ изъ телѣги, его окружила толпа еще многочисленнѣе той, которая стояла у магазина.

Все, что было взрослаго въ Антоновкѣ, знало болѣе или менѣе причину отъѣзда старосты, и всѣ любопытствовали узнать, какой будетъ отвѣтъ изъ конторы.

Въ первыя двѣ - три минуты Гаврило не могъ выговорить слова, — его рѣшительно затормошили; наконецъ, когда старые люди подали голосъ, призывая всѣхъ къ молчанію,—Гаврило передалъ міру почти то же, что сообщилъ Карпу.

— Писарь, который вечоръ пріѣзжалъ сюда, — не совралъ намъ, продолжалъ Гаврило,—точно, грамота такая пришла изъ Питера! Мнѣ земскій сказывалъ; онъ и письмо барина видѣлъ...

— Да ты сказалъ ли управителю, о чемъ міръ проситъ? неожиданно вмѣшался Филиппъ, просовываясь впередъ.

До той минуты онъ молча стоялъ въ толпѣ и только прислушивался.

— Ругается, кричитъ,—вотъ-те и все тутъ! ничего не сдѣлаешь! отвѣтилъ Гаврило, разводя руками, — знай, только кричитъ: „станового пришлю!..“

— Эка невидаль! перебилъ Филиппъ, — присылай, пожалуй! Мы становому то же скажемъ...

— Какъ же, станетъ онъ слушать! Онъ, знамо, управительскую руку держитъ, вымолвилъ Гаврило, — что̀ скажетъ ему управитель,—тому и быть...

— Это какъ есть!.. Что онъ скажетъ, — тому и быть!.. Эхъ-ма... послышалось отовсюду на разные тоны.

— Православные! заговорилъ опять Филиппъ, съ живостью обращаясь къ толпѣ, — неужто взаправду разоряться? По-моему вотъ что̀ дѣлать: самимъ къ управи-

телю ѣхать; выбрать изъ міра человѣкъ пятокъ и ѣхать... А коли не поможетъ, напишемъ тогда письмо къ барину; изъ Коломны, по почтѣ, чрезъ пять дней въ Питеръ доставятъ... Это всего вѣрнѣе... Помереть мнѣ, коли все это дѣло не отъ управителя; помереть,—коли баринъ объ этомъ вѣдаетъ...

Одобрительный говоръ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Православные! крикнулъ ободренный Филиппъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь, — выходи, братцы, кто къ управителю поѣдетъ! Савелій, ступай сюда въ кругъ, обратился онъ къ рослому, смуглому мужику, стоявшему ближе другихъ.

— Охотниковъ безъ меня много... проговорилъ Савелій, запинаясь и пятясь назадъ.

— Стегнѣй, выходи! крикнулъ Филиппъ другому мужику съ оживленнымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица.

Живое и рѣшительное лицо быстро скрылось въ толпѣ.

— Кумъ Демьянъ, поѣдемъ! опаски никакой нѣтъ; удастся—ладно, не удастся—письмо написать можно; поѣдемъ! выходи, становись въ кругъ!..

Но кумъ Демьянъ, шумѣвшій до сихъ поръ столько же, сколько самъ Филиппъ,—былъ, повидимому, другого мнѣнія. Онъ глухо пробормоталъ что-то, и съ этой минуты никто уже не слыхалъ его голоса.

Филиппъ, у котораго побѣлѣли губы, обратился еще къ тремъ-четыремъ человѣкамъ, но такъ же безуспѣшно.

Толпою, гдѣ плечо одного чувствовало плечо другого, всѣ надсаживали горло, выказывали смѣлость, рѣшимость— и, казалось, готовы были города брать; но, странное дѣло, какъ только дѣло касалось каждой личности порознь,— едва требовалось провѣрить силу убѣжденій цѣлаго общества по силѣ убѣжденія каждаго лица отдѣльно,—каждый, къ кому ни обращались, напрямикъ отказывался дѣйствовать и даже назадъ пятился.

— Полно, Филиппъ! ничего изъ того не будетъ, проговорилъ Гаврило, поглядывая на Филиппа, который, казалось, съ трудомъ удерживалъ кипѣвшее въ немъ негодованіе.

— Извѣстно, ничего не будетъ, когда сначала всѣ заодно, а какъ пришло къ дѣлу, — всѣ врозь, сказалъ Филиппъ. — Испугались, что ли?.. примолвилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Что ты храбришься-то! ѣхалъ бы самъ, коль охота есть! иронически замѣтилъ Гаврило.

Въ толпѣ многіе засмѣялись.

Это окончательно взорвало Филиппа.

— Что жъ, и поѣду, сказалъ онъ, обмѣривая глазами Гаврилу, — ты, можетъ, ничего этого не сказалъ, какъ надобно, управителю... добре ужъ оченно страхъ взялъ!.. Потомъ пріѣхалъ, разсказываешь! такое-то молъ рѣшеніе,— а тутъ тебѣ и повѣрили...

— Повѣрили! повѣрили! перебилъ староста, передразнивая Филиппа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ предосторожности отодвигаясь назадъ.—Поѣзжай самъ, говорю,—авось сладишь...

Вмѣсто отвѣта, Филиппъ снова обратился къ толпѣ:

— Что жъ, православные, никто, стало, не ѣдетъ?.. всѣ отъ слова отступились!..

Каждый разъ, какъ взглядъ его куда-нибудь устремлялся, тамъ тотчасъ же воцарялось молчаніе и въ толпѣ замѣтно рѣдѣло.

Филиппъ плюнулъ на-земь, рванулся впередъ и быстрыми шагами пошелъ къ своему дому.

— Экой горячій! Бѣдовый!.. Рыжіе и всѣ такіе-то!.. Куды бравый какой!.. раздалось въ толпѣ.

Общее мнѣніе было таково, что Филиппъ нахвасталъ,— хотя до сихъ поръ никто еще не могъ привести случая, когда бы Филиппъ поступилъ такимъ образомъ. Вскорѣ объ немъ совсѣмъ забыли. Вездѣ, во всѣхъ отдѣльныхъ кружкахъ только и толку было, что объ извѣстіи, привезенномъ Гаврилой, — о томъ, что такая ужъ, знать, напасть пришла, — и дѣлать нечего: наступили, знать, времена такія тяжкія!

XXIII.

Между тѣмъ, братъ Филиппа и другіе члены его семейства, которое было очень многочисленно, спѣшили возвратиться домой.

Увидя, что Филиппъ не шутя приготовляется въ путь, всѣ приступили къ нему, убѣждая его не ѣхать. Но Филиппъ ничего не хотѣлъ слушать; онъ велѣлъ бабамъ итти въ избу и оставилъ при себѣ только брата, съ которымъ жилъ всегда очень дружно; они до сихъ поръ ни разу даже не поссорились.

Братъ началъ въ свою очередь убѣждать Филиппа оставить свое намѣреніе.

— Вотъ вздоръ какой! Чего ты опасаешься? возразилъ Филиппъ голосомъ, который показывалъ, что сердце его еще не улеглось и кипѣло остаткомъ негодованія.

— Боюсь, братъ, не вышло бы худа изъ этого...

— Это насчетъ меня, думаешь? Ничего не будетъ! Каковъ ни есть управитель, онъ все же свой разсудокъ имѣетъ; увидитъ — не пьяница я, не бунтовщикъ какой; пріѣхалъ просить объ настоящемъ дѣлѣ.

— Хорошо, какъ послушаетъ; сказываютъ, не такой человѣкъ...

— Вретъ Гаврило! нетерпѣливо перебилъ Филиппъ. — Отсохни правая моя рука, коли не вретъ! Самъ разсуди: статочное ли дѣло, чтобы человѣкъ, какой онъ ни есть, слушать не сталъ, коли толкомъ, настоящее говорятъ? Побожиться радъ,—Гаврило ничего этого, что надо было, не сказалъ управителю; такая ужъ душа соломенная! Не токмо передъ управителемъ, другой разъ и передъ своимъ-то братомъ,—кто побойчѣе,—и то молчитъ... Ты ничего этого не опасайся. Пріѣду, скажу: такъ и такъ, повременить только просимъ до срока,—какъ по положенью... цѣна уставится,—къ Кузьмѣ-Демьяну все какъ есть представимъ...

— Дѣлай, какъ знаешь; я бы не поѣхалъ, сказалъ братъ.

— Это почему?

— Потому, если и ладно сойдетъ, послушаетъ тебя управитель,—не стоятъ они того, чтобы хлопотать...

— Думаешь, за міръ просить ѣду?.. съ живостью произнесъ Филиппъ. — Нѣтъ, подождутъ теперича! Пускай опять Гаврилу посылаютъ,—чортъ съ ними! Какъ знаютъ, такъ пускай сами раздѣлываются... Какъ только къ дѣлу пришло, всѣ одинъ за однимъ отступились... Ѣду за себя просить, — за семью свою. Намъ всего накладнѣе приходится; хлѣба продашь вдвое, — деньги выручишь тѣ же: по семейству по нашему, давай Богъ, чтобъ, при настоящей-то цѣнѣ, на зиму хлѣба достало, покупать не пришлось; потому больше и ѣду. Нѣтъ, раздѣлывайся они какъ сами вѣдаютъ!.. Я теперь, что хошь мнѣ давай, — пальца не согну для міра,—шабашъ!..

Братъ, побѣжденный отчасти такими доводами, не старался болѣе удерживать Филиппа и помогъ ему даже запрячь лошадь.

XXIV.

Какъ только узнали въ деревнѣ объ отъѣздѣ Филиппа, мнѣніе объ немъ тотчасъ же перемѣнилось. Даже тѣ, которые на сходкѣ подтрунивали надъ нимъ заодно съ Гаврилой и говорили, что Филиппъ только храбрится и хвастаетъ, не переставали теперь выхвалять его, величали его самымъ толковымъ, дѣловымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ смѣлымъ мужикомъ деревни. Всѣ домохозяева, повѣсившіе-было голову, снова исполнились надеждой и воспрянули духомъ, — точно такъ же, какъ въ то время, когда ждали возвращенія Гаврилы. Деревня снова громко заговорила.

Гаврило, переходя изъ избы въ другую, напрасно убѣждалъ всѣхъ, что поѣздка Филиппа не принесетъ никакой пользы, кромѣ той развѣ, что его самого хорошенько проучатъ и сдѣлаютъ посмирнѣе,—что управитель,—если бъ даже не понуждало его къ тому письмо барина,—совсѣмъ не таковскій человѣкъ, чтобы сталъ кого-нибудь слушать; напрасно убѣждалъ онъ покориться и приступить къ сбору оброка,—никто не трогался съ мѣста; отовсюду встрѣчалъ онъ одинъ отвѣтъ: „торопиться некуда; время терпитъ; дай Филиппу пріѣхать,—что Филиппъ скажетъ!“...

На другой день вечеромъ напрасно однакожъ прождали Филиппа; онъ не возвращался.

— „Что жъ бы это значило?..“ спрашивали другъ друга сосѣди.

Въ домѣ самого Филиппа началась между тѣмъ тревога: мать, жена и сестры его, одна за другой, выбѣгали на дорогу за околицу; часто та или другая выжидали его тамъ по цѣлому часу. Безпокойство замѣтно также начало овладѣвать братомъ. На слѣдующій день, въ домѣ Филиппа раздались всхлипыванья.

Прошелъ и этотъ день. Филиппъ все-таки не возвращался. Всхлипыванья въ его домѣ превратились въ громкій вопль. Братъ началъ-было уговаривать мать и сестеръ, стараясь всячески ихъ обнадежить,—ничего не помогало; къ женѣ брата онъ уже не приступался; она лежала ничкомъ на дворѣ и голосила словно по покойникѣ.

Наконецъ, на четвертый только день, поздно вечеромъ, распространился слухъ, что Филиппъ пріѣхалъ. Немного погодя, стали разглашать по деревнѣ странныя вѣсти: говорили, будто Филиппъ какъ только вышелъ изъ телѣжки,

прямо отправился къ себѣ въ ригу; ни съ кѣмъ изъ домашнихъ онъ не поздоровался, никому даже слова не промолвилъ. Обрадованная жена, съ которой жилъ онъ всегда ладно, бросилась-было къ нему съ воплемъ, — онъ грубо отвелъ ее руками и сказалъ только: — „что тебѣ... давно, что ли, не видала?..“ Послѣ того пошелъ онъ въ ригу. Жена, мать и сестры послѣдовали за нимъ, желая добиться какого-нибудь толку,—онъ всѣхъ разогналъ, всѣмъ велѣлъ идти домой и допустилъ къ себѣ одного брата. Войдя въ ригу, Филиппъ съ сердцемъ бросилъ на-земь полушубокъ, бросилъ шапку и ничкомъ повалился на солому. Два-три человѣка, которымъ потомъ удалось говорить съ братомъ, спѣшили сообщить, что Филиппъ велѣлъ брату везти хлѣбъ и продать его за первую цѣну, какую дадутъ.

— „Стало, и намъ то же дѣлать!“ былъ общій отзывъ.

Слухъ обо всемъ этомъ не замедлилъ, конечно, достигнуть ушей Карпа.

— Оброкъ не пуще великъ, а много придется теперь за него хлѣба отдать! задумчиво промолвилъ старикъ, обратившись къ сыну, который передалъ ему общую вѣсть.— Хлѣба, который останется — только на зиму хватитъ для семейства... Сколько ни считалъ я всѣ эти дни, не выручишь денегъ тѣхъ, что за избу отдать надобно... Такъ, стало, тому и быть! довершилъ онъ угрюмо.

Карпъ, точно такъ же какъ и остальные обыватели Антоновки, лишившись всякой надежды на благопріятный поворотъ дѣла, упалъ вдругъ духомъ и толковалъ теперь о томъ только, чтобы насыпать возы и везти хлѣбъ на продажу.

Такъ какъ пятнадцать рублей, получаемые Гаврилой въ видѣ жалованья, засчитывались ему ежегодно въ оброкъ,—староста на свой счетъ не очень сокрушался. Онъ тревожился тѣмъ только, что управитель, того и смотри, пришлетъ за нимъ и потребуетъ отчетъ за медленный сборъ мірского оброка. Движимый такою мыслью, онъ еще неусыпнѣе началъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что если ужъ вышло такое невзгодье — откладывать нечего; чѣмъ скорѣе отдашь деньги, тѣмъ скорѣе отвяжешься отъ управительскаго надзора и непріятностей, которыя грозятъ міру въ случаѣ промедленія.

— Главная причина, въ спокойствіи тогда оставятъ, вотъ что! повторялъ староста; — станемъ оттягивать, — осерчаетъ, ужъ это навѣрное такъ; пожалуй, еще стано-

вого пришлетъ... расправа начнется... что жъ хорошаго??..

На этотъ разъ никто не возражалъ ему; вмѣсто смѣлыхъ, бойкихъ отвѣтовъ, онъ встрѣчалъ одну молчаливую покорность.

Рѣшено было всѣмъ міромъ понавѣдаться завтра же утромъ къ Дроздо̀ву и условиться съ нимъ насчетъ цѣнъ. Впрочемъ, это были одни только пустые разговоры; никто не сомнѣвался, что все равно надо будетъ отдать хлѣбъ за ту цѣну, которую назначитъ Дроздо̀въ.

XXV.

То же самое ожидало крестьянъ, если бъ они повезли теперь хлѣбъ въ ближайшіе уѣздные города. Купцы очень хорошо знаютъ, что если мужикъ въ такую пору пріѣхалъ съ хлѣбомъ,—видимое дѣло, его прижали, ему до зарѣзу надобны деньги; они спѣшатъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и въ свою очередь его прижимаютъ. Городскіе кулаки еще плутоватѣе, еще неумолимѣе деревенскихъ. Уже одно то, что крестьянинъ насыпаетъ дома рожь настоящей мѣрой, а купецъ принимаетъ ее по своей мѣрѣ, несравненно бо̀льшаго объема, — заставляетъ всегда перваго избѣгать продажи въ городѣ.

На этомъ основаніи антоновцы рѣшились прибѣгнуть къ Дроздо̀ву; къ тому же онъ проживалъ отъ деревни верстахъ въ пяти всего-на-все.

Дроздо̀въ или, лучше, Никаноръ, потому что такъ обыкновенно называлъ его народъ, — былъ простой откупившійся на волю мужикъ, содержавшій большую миткалевую фабраку.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней Россіи такихъ фабрикъ развелось, — особенно въ послѣдніе годы, — такое множество, что нѣтъ почти деревни, гдѣ бы не возвышалось неуклюжаго бревенчатаго строенія, изъ котораго съ утра и до вечера слышится шумъ разматываемой бумаги и щелкотня ткацкихъ становъ. Надъ этими фабриками не существуетъ ни присмотра, ни контроля; хозяева, обезпечивая себя ежегодно домашними расчетами съ мелкими мѣстными властями,—пріобрѣтаютъ положеніе, которое ничѣмъ почти не отличается отъ положенія начальниковъ дикихъ племенъ на самыхъ отдаленныхъ архипелагахъ Тихаго океана. Самоуправство является здѣсь въ полномъ своемъ безобразіи. Хозяева по произ-

волу измѣняютъ заработную плату; назначается такая-то цѣна за основу; основа готова,—хозяинъ перемѣнилъ цѣну, и работникъ получаетъ меньше того, на что разсчитывалъ. Бѣдные крестьяне сосѣднихъ деревень посылаютъ на фабрику своихъ дѣвочекъ и мальчиковъ для размотки бумаги; нѣтъ возможности приходить всякій день за нѣсколько верстъ и уходить вечеромъ; дѣти ночуютъ на фабрикахъ; все это спитъ гдѣ ни попало и въ повалку; можете судить о томъ, что̀ здѣсь происходитъ и какъ, по мѣрѣ процвѣтанія фабрикъ, должна процвѣтать нравственность. Мало того, хозяева рѣдко или, вѣрнѣе, никогда не разсчитываются съ народомъ на чистыя деньги. Они покупаютъ въ городахъ залежалыя партіи сапоговъ, оптомъ скупаютъ шапки, подмоченную соль, годовалую муку, перепрѣвшую крупу и т. д. и разсчитываются такимъ матеріаломъ, ставя за него всегда втридорога противъ того, что̀ стоитъ онъ имъ самимъ. Народъ, слѣдовательно, обутъ и одѣтъ скверно, ѣстъ худую пищу и постоянно безъ гроша денегъ.

Многіе изъ этихъ хозяевъ владѣютъ большими капиталами. Никаноръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Впрочемъ, онъ продолжалъ только дѣло, начатое еще покойнымъ его родителемъ.

XXVI.

Взглянувъ на лицо фабриканта, нельзя было повѣрить, чтобы могъ онъ такъ успѣшно вести дѣла свои. Наружность Никанора ставила втупикъ, — такъ рѣзко противорѣчила она его дѣйствіямъ. На всемъ свѣтѣ не было, казалось, тупоумнѣе человѣка. Безцвѣтные на выкатѣ глаза, какъ у разварной рыбы, смотрѣли мутно, какъ будто угасла въ нихъ способность осмысливать предметы; плоскіе какъ щепки, волосы мертвенно висѣли по обѣимъ сторонамъ пухлаго, но крайне-болѣзненнаго лица, окруженнаго рѣдкими бакенами и такою же чахлой, жидкой бородкой; всѣ черты выражали одну сонливость, вялость, неспособность. Все въ немъ было одно къ одному; говорилъ онъ вяло, словно клещами хомутъ натягивалъ; ногами своими, обутыми въ башмаки, передвигалъ медленно, словно противъ воли. Ходилъ онъ всегда запахиваясь въ длинный бумажный набивной халатъ такого же почти грязновато-больного цвѣта, какъ и лицо его. Словомъ, не было возможности повѣрить, чтобы такой человѣкъ

былъ на что-нибудь годенъ. Дѣла его между тѣмъ шли блистательно; онъ ворочалъ такими деньгами, что ничего не значило ему усадить въ своемъ приходѣ пятьдесятъ тысячъ на постройку огромной кирпичной церкви съ круглымъ зеленымъ куполомъ.

Это не мѣшало однакожъ самому Никанору жить, какъ говорится, свинья-свиньей. Домъ его, очень помѣстительный, съ нижнимъ этажемъ кирпичнымъ, а верхомъ деревяннымъ, былъ крытъ желѣзомъ и выкрашенъ зеленой краской, оставшейся отъ церковнаго купола. Внизу помѣщались подвалы для склада товара и контора. Верхній этажъ изъ шести-семи комнатъ занималъ Никаноръ съ своимъ семействомъ.

Жилъ онъ собственно въ одной только изъ этихъ комнатъ; остальныя стояли пустыми; кое-гдѣ развѣ попадалась скамья или стояла кадушка съ квашеной капустой, прижатой кирпичомъ. Въ комнатѣ Никанора рамы не выставлялись со времени постройки дома; тамъ съ трудомъ можно было переводить дыханіе; все смотрѣло до невѣроятности грязно,—начиная съ самой хозяйки и ея засусленныхъ, золотушныхъ дѣтей и кончая зеленымъ, какъ словно прокислымъ самоваромъ и стеклами оконъ, почти до темноты засиженными мухами.

У дверей, въ высокомъ буромъ футлярѣ, доходившемъ до потолка, чикали часы съ циферблатомъ, размалеванными цвѣтами; въ углу стоялъ неприслоненный къ стѣнѣ диванъ, покрытый ободранной кожей: но Боже-было-упаси сѣсть на него; особенною опастностью угрожали гвоздики и тесемка, обшивавшая кое-гдѣ кожу; подъ каждымъ гвоздемъ и складкой сидѣло, мирно пріютясь, цѣлое гнѣздо клоповъ. Все это, кромѣ, впрочемъ, дивана, который постоянно, годы цѣлые, оставался на своемъ мѣстѣ,—чистилось и переставлялось разъ въ годъ,—именно на Страстной недѣлѣ передъ свѣтлымъ праздникомъ; тогда цѣлые ушаты воды разомъ проливались въ этомъ второмъ этажѣ; хляскъ воды раздавался повсюду; вода, не находя себѣ выхода, скорѣе всего утекала въ широкія щели кой-какъ сколоченнаго пола, удобряла земляную настилку, и этимъ способомъ разводила миріады блохъ, которыя несмѣтными легіонами появлялись уже къ Святой.

Но Никаноръ и его семейство такъ сжились со всѣмъ этимъ, что всякое другое мѣсто показалось бы имъ крайне неудобнымъ. Незачѣмъ было, слѣдовательно, измѣнять по-

рядка, начатаго, блаженной памяти, упокойнымъ родителямъ,—порядка, которымъ удовлетворялся сынъ и вѣрно будетъ удовлетворяться золотушное потомство.

XXVII.

Карпъ былъ одинъ изъ первыхъ, который явился къ Никанору. Войдя въ контору, старикъ засталъ тамъ хозяина. Въ конторѣ никого почти не было; стояли только двѣ бабы и оборванная дѣвочка, пришедшія за бумагой для размотки.

Тѣмъ не менѣе Никаноръ сдѣлалъ видъ, какъ будто не замѣтилъ вошедшаго. Онъ никогда не кланялся первымъ простому мужику. Никаноръ прежде былъ проще; гордость напала на него съ той самой поры, какъ воздвигъ онъ церковь и къ концу каждой обѣдни поминали его, какъ строителя храма, и подносили ему просвиру.

Карпъ подошелъ къ прилавку, раздѣлявшему контору на двѣ половины, и поклонился.

— Чего надо? спросилъ Никаноръ, едва поворачиваясь.

— Хлѣбца привезъ, Никаноръ Иванычъ... десять четвертей: не возьмешь ли?.. задобривающимъ голосомъ сказалъ Карпъ.

— Не надыть! возразилъ фабрикантъ какъ бы сквозь сонъ.

— Что жъ такъ?.. Возьми, сдѣлай милость!..

— Столько хлѣба навезли,—дѣвать некуда.

— Всего вѣдь десять четвертей!

— Къ тому же денегъ теперь нѣту... началъ было Никаноръ, но Карпъ перебилъ его:

— У тебя?.. У кого жъ и быть деньгамъ-то!.. Возьми, пожалуйста!

— Пять съ полтиной, коротко и сухо проговорилъ наконецъ Никаноръ.

— Какъ, за четверть? воскликнулъ Карпъ, между тѣмъ какъ фабрикантъ повернулся къ нему бокомъ и, казалось, пересталъ даже его слушать.—Побойся Бога! къ Кузьмѣ-Демьяну четверть-то девять рублей стоитъ; три рубля съ полтиной на четверть хочешь нажить... Бога ты побойся!

На мутномъ лицѣ Никанора промелькнула тѣнь пренебреженья.

— Чего ты присталъ ко мнѣ, произнесъ онъ, не возвышая однакожъ голоса, — говорю не надо: вези куда знаешь... гдѣ сходнѣе...

Въ эту минуту батрачка позвала хозяина наверхъ; почти въ то же время въ контору вошелъ еще мужичокъ изъ Антоновки.

Карпъ передалъ ему свой разговоръ съ фабрикантомъ.

— Дѣлать, знать, нечего, Карпъ Иванычъ; отдать надо, отвѣчалъ тотъ, — больше не дастъ; вечоръ ужъ трое изъ нашихъ къ нему пріѣзжали; за ту же цѣну отдали.

— Знаю, сказывали мнѣ, вымолвилъ старикъ. — Я думалъ, посовѣстится, не надбавитъ ли какимъ случаемъ; потому и разговоръ такой повелъ съ нимъ.

— Какъ же, жди отъ него совѣсти, экъ захотѣлъ!.. И я свои два воза за тѣ же деньги ссыпалъ, дѣлать-то нечего!..

Съ возвращеніемъ Никанора дѣло Карпа было кончено. Фабрикантъ, поручая приказчику сходить и смѣрять привезенную рожь, говорилъ такъ же сонливо, вяло и неохотно; казалось, онъ не подозрѣвалъ даже, какой огромный оборотъ дѣлалъ, скупая въ настоящее время хлѣбъ изъ Антоновки.

Получивъ деньги, Карпъ сѣлъ въ пустую телѣжку и вмѣстѣ съ сыномъ, помѣстившимся на другой подводѣ, отправился домой.

Путемъ-дорогой старикъ принялся въ сотый разъ сводить свои счеты; онъ какъ будто все еще не довѣрялъ прежнимъ своимъ соображеніемъ и думалъ — авось-либо выйдетъ какъ-нибудь по другому.

Нѣтъ, по другому не выходило! Прежніе расчеты были совершенно вѣрны. Отдавъ пятьдесятъ-два съ полтиной оброку, отложивъ десять четвертей на зиму для семейства, Карпъ могъ продать всего-на-все шесть четвертей ржи и четыре четверти овса. Какъ умомъ ни раскидывай, не было возможности, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, выручить изъ этого столько денегъ, чтобы добавить Аксену за срубъ, отдать плотникамъ за постановку избы, печнику за печь — и мало ли еще сколько денегъ требуется при сооруженіи новаго дома!

Касательно перваго задатка, отданнаго Аксену, Карпъ не безпокоился; Аксенъ былъ извѣстенъ своею честностью; старикъ ни на минуту не сомнѣвался, что получитъ свои деньги. Но вотъ что неотступно его тревожило, — тревожила мысль о второмъ задаткѣ, о сѣромъ меренкѣ, который, какъ на зло, приглянулся Аксену такъ, что послѣдній имъ не нахваливался. Тутъ какъ быть? Какъ тутъ раз-

считываться? Вѣрнѣе всего, Аксенъ оставитъ его за собою; вѣдь ему надо получить вознагражденіе за убытки; на избу много было охотниковъ; не случись Карпа, Аксенъ давно бы продалъ ее съ барышами.

Карпъ такъ углубился въ свои соображенія, что поднялъ голову тогда только, какъ лошадь остановилась передъ его воротами.

Послѣ дождя, лившаго всю ночь и все утро, избенка какъ нарочно представлялась такой кислой, такъ грустно поглядывала на улицу своими крошечными окнами, полусгнившими углами и выдавшейся мокрой стѣною, что вчужѣ забирала жалость.

Понятно, такой видъ не могъ порадовать и развлечь ея владѣльца.

XXVIII.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ, свершая въ природѣ обычные, неумолимо-неизмѣнные перевороты. Давно ли, кажется, поля, луга и рощи дышали такимъ оживленьемъ? Все это миновало! Первыми возвѣстниками наступающихъ холодовъ были, по обыкновенію, ласточки; онѣ отлетѣли съ первыми морозными утренниками. За ними, въ похолодѣвшемъ воздухѣ, пронеслись длинныя бѣлыя нити тенетника; потомъ, въ свѣтломъ, хотя уже блѣдно-зеленоватомъ небѣ, пролетѣли журавли, возбуждая отдаленнымъ крикомъ своимъ громкіе возгласы деревенскихъ мальчишекъ.

Давно ли, наконецъ, антоновская роща, одѣтая съ макушки до корня зеленью клена, березы, орѣшника и разнаго рода кустарниковъ, наполнялась веселымъ трескомъ, свистомъ и пѣніемъ каждый разъ, какъ проникалъ въ нее первый солнечный лучъ? Давно ли, кажется, было все это!.. Теперь, отъ маковки до корня, стоитъ она обнаженная, и хотя бы три раза въ сутки начинался день, не пошлетъ уже ему навстрѣчу веселыхъ, привѣтливыхъ звуковъ. Въ сѣрой, сквозящей глубинѣ рощи мелькаютъ одни голые стволы и перекрещиваются во всѣ стороны почернѣвшія обнаженныя вѣтви. Вмѣсто прохлады отовсюду несетъ сыростью и крѣпкимъ запахомъ опавшихъ листьевъ, которые наполняютъ глубину кустарниковъ и густо устилаютъ дорогу. Изрѣдка, кое-гдѣ, тоскливо въ разладъ, чиликнетъ краснобрюхій снѣгирь или вдругъ въ сторонѣ зашуршукаютъ листья и черезъ дорогу пугливо пробѣжитъ заяцъ.

Все остальное, куда ни обращаются глаза, носитъ ту же печать опустѣнія. Окрестность словно состарѣлась; колеи, которыми изрыты дороги, кажутся глубокими морщинами; рѣчка, такъ долго отражавшая въ послѣднее время свинцовыя, сѣрыя тучи, усвоила навсегда какъ будто цвѣтъ ихъ, отвѣчающій, впрочемъ, общему тону печали, которымъ окутались не только окрестность, но и самое небо.

Куда дѣвался также веселый видъ деревни, когда, бывало, при заходящемъ солнцѣ, ослѣпительно сверкаютъ соломенныя крыши избушекъ; когда старыя ветлы, бросая черезъ рѣку на лугъ длинныя густыя тѣни, постепенно зарумяниваются, покрываясь багрянцемъ заката; когда весь деревенскій людъ, высыпая въ эту пору на улицу и—то уходя въ сизую тѣнь, бросаемую избушками, то выступая на свѣтъ—начинаетъ пѣть пѣсни и водить хороводы, играя на солнцѣ ярко-алыми и синими платками и рубашками... Куда все это дѣлось! Антоновки узнать невозможно. Она также отжила, какъ будто вдругъ состарѣлась. Стѣны избушекъ, вымоченныя безпрерывными дождями, такъ же почти черны, какъ улица, которая превратилась въ грязь, замѣсилась и стала непроходимою; старыя ветлы обнажили свои головастые пни, и вѣтви на нихъ торчатъ кверху, какъ волосы на головѣ взъерошеннаго человѣка. Солома на крышахъ сдѣлалась совсѣмъ сѣрою и едва-едва отдѣляется теперь на сѣромъ небѣ.

Небо пока не шлетъ еще дождя, но въ отдаленіи начинаютъ уже клубиться тяжелыя, мрачно-сизыя тучи.

XXIX.

Дядя Карпъ, котораго ненастье отрывало поминутно отъ начатой работы, спѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ. Обрадованный, чтоересталъ наконецъ дождикъ, онъ, съ помощью сына, съ утра еще выкатилъ двѣ пустыя кадки; онѣ служили старику козлами для подмостокъ; приставленныя къ наружной стѣнѣ избы и устланныя досками, кадки давали Карпу возможность достать рукою почти до крыши.

Взгромоздившись на подмостки, Карпъ старательно набивалъ глину въ пазы и трещины избенки; онъ то-и-дѣло обращался къ снохѣ, которая тутъ же въ сторонѣ мѣшала лопатою сырую глину. Бѣдная бабенка едва успѣ-

вала управиться; съ одной стороны кричалъ свекоръ, съ другой поминутно высовывалась изъ окна свекровь съ хозяйственными разспросами, съ третьей—приводилось гнать Дуню, которая, несмотря на холодъ, никакъ не хотѣла итти въ избу. По всей вѣроятности, Дуня согрѣвалась Васькой; крѣпко перехвативъ брата поперекъ живота, она переносила его съ одного плеча на другое; но какъ терпѣлъ Васька, — это дѣлалось рѣшительно непонятнымъ! Мальчикъ перешелъ уже отъ багроваго цвѣта въ синій; но ничего однакожъ; Васька не плакалъ; онъ только кряхтѣлъ и пыжился, и то, повидимому, не столько отъ стужи, сколько отъ того, что вздрагивавшая сестра слишкомъ ужъ сильно нажимала ему животъ.

Подлѣ другой стѣны, со стороны улицы, происходила также работа; Петръ приваливалъ къ стѣнѣ солому, укрѣпляя ее жердями.

По мѣрѣ того, какъ съ той и съ другой стороны подвигалась работа, избушка принимала видъ больной, хилой старушенки, которую обкладываютъ пластырями и кругомъ обвязываютъ и кутаютъ.

На улицѣ никого почти не было, кромѣ семейства Карпа. Изрѣдка проходилъ кто-нибудь. Такъ прошла баба съ ворохомъ неразмотанной бумаги на спинѣ. Поровнявшись съ избою Карпа, она остановилась, поздоровалась со старикомъ и его снохою.

— Карпъ Иванычъ, сказала она,—тебѣ сродственникъ твой Ѳедотъ велѣлъ кланяться!

— Ну его совсѣмъ! ворчливо проговорилъ старикъ, продолжая шлепать глиной.

— Ты, Дарья, откуда? спросила сноха,—я думала, ты отъ Никанора.

— И то, оттуда; вишь, взяла ребятамъ разматывать! возразила Дарья, встряхивая бумагой.

— Гдѣ-жъ ты Ѳедота видѣла? Онъ вѣдь у Аксена живетъ; развѣ такъ повстрѣчались?

— Нѣтъ, касатка, нанялся онъ теперь къ Никанору; у Никанора живетъ въ работникахъ.

При этомъ Карпъ сердитѣе только шлепнулъ глиной.

Немного спустя послѣ ухода Дарьи, мѣсто ея заступилъ маленькій живой мужичокъ съ веснушками, который во время уборки ржи бесѣдовалъ съ Гаврилой.

Поглядѣвъ съ минуту молча на работу Карпа, онъ наконецъ придвинулся.

— Ничего отъ этого, сватъ, теплѣе не будетъ, сказалъ онъ,—я, какъ не было у меня новой избы, свою старую тоже глиной обмазалъ,—продуваетъ; такъ-то продуваетъ,—хуже быть нельзя.

— Коли хорошо, крѣпко смазать, — не продуетъ! отозвался Карпъ неохотно.

— Хуже, сватъ, право, хуже; тогда снутри прѣть начнетъ; у меня то же было; пойдутъ морозы, — въ окнахъ, повѣришь ли, вотъ какія сосульки намерзнутъ! добавилъ мужичокъ, показывая отъ плеча до ладони.

Карпъ ничего не отвѣтилъ.

— Сейчасъ, сватъ, къ Филиппу заходилъ, продолжалъ словоохотливый мужичокъ, — дома нѣту, уѣхалъ; сказываютъ,—опять запилъ; года три за нимъ этого не было: зарокъ, сказываютъ, на себя наложилъ, чтобъ не пить... Теперь опять, сказываютъ, зашибается... Э! да никакъ дождикъ?.. промолвилъ онъ, подымая голову.

Карпъ, сноха и Петръ, слышавшіе весь этотъ разговоръ, сдѣлали то же самое.

Сѣрыя тучи, которыя бѣжали, казалось, надъ самою крышею, дѣйствительно начинали отдѣлять дождевыя капли; въ то же время вѣтеръ сильнѣе зашевелилъ соломой.

— Прощай, сватъ! надо скорѣй до дождя укрыться!.. сказалъ мужичокъ, направляясь къ избѣ, которая стояла на самомъ краю деревни.

Пока онъ приближался къ дому, тучи, давно уже потоплявшія своею тѣнью окрестность, быстро надвигались на Антоновку. Съ каждой минутой, мѣстность, лежавшая за старыми ветлами, заслонялась и пропадала; вотъ и ветлы начали показываться какъ бы сквозь сѣрую дымку и вскорѣ пропали; дождикъ замѣтно дѣлался чаще и усиливался. Въ дальнемъ концѣ деревни, кто-то закутанный съ головою, баба ли, мужикъ ли, разобрать было невозможно,—промелькнулъ черезъ улицу.

На минуту можно еще было различать, какъ Карпъ, его сынъ и сноха бѣгали и суетились, убирая свои кадки; но и они не замедлили исчезнуть за частою сѣтью дождя, который, крутясь и двигаясь по волѣ вѣтра, ударилъ косымъ ливнемъ и заслонилъ наконецъ самую Антоновку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бархатникъ.

XXX.

Позвольте теперь перенести васъ изъ унылой деревушки, утопающей въ грязи и облитой дождемъ, прямо въ центръ Петербурга. Переходъ, конечно, очень рѣзокъ; но тѣмъ лучше, мнѣ кажется. Безъ контрастовъ и неожиданныхъ переходовъ отъ худого къ хорошему, отъ мрачнаго къ веселому и обратно, не только романы и повѣсти, но и самая жизнь была бы однообразна и слѣдовательно невыносимо скучна.

Итакъ, поспѣшимъ войти черезъ парадную дверь въ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ Малой Морской. Признакомъ, что домъ, при основаніи своемъ, исключительно предназначался для помѣщенія жильцовъ богатыхъ или такихъ, которые во что бы ни стало хотѣли прослыть за богатыхъ,—служила широкая, устланная ковромъ лѣстница, украшенная каминами и швейцаромъ.

Намъ незачѣмъ подыматься слишкомъ высоко; достаточно остановиться во второмъ этажѣ противъ двери съ мѣдной дощечкой, на которой награвировано: „Аркадій Андреевичъ Слободской“.

Аркадій Андреевичъ, вмѣстѣ съ домашней его обстановкой,—начиная съ круга знакомыхъ и кончая мебелью его обширной квартиры,—составляютъ главный предметъ настоящаго повѣствованія. Мебель, особенно гостиной и кабинета, такъ великолѣпна, что, я увѣренъ, если бъ любое кресло перенести вдругъ въ Антоновку и поставить посреди улицы, ни одинъ изъ тамошнихъ обывателей ни за что не опредѣлилъ бы, что̀ это за штука такая; самъ приходскій священникъ сильно бы затруднился дать ему вдругъ, сразу, настоящее имя, и только развѣ послѣ нѣкотораго размышленія могъ бы рѣшить, что издѣлію сему всего болѣе подобаетъ находиться въ храмѣ для замѣщенія стариннаго сѣдалища въ алтарѣ.

Аркадій Андреевичъ былъ холостъ, любилъ роскошь и рѣшительно не видѣлъ надобности себѣ въ ней отказывать; у него было около семи тысячъ душъ, въ числѣ которыхъ, если не ошибаюсь, состояли также знакомыя антоновскія души.

Часовъ въ двѣнадцать утра, въ богато-убранномъ ка-

бинетѣ Слободского находилось уже нѣсколько посѣтителей. По мѣрѣ того, какъ приближался день, посѣтители умножались; многіе являлись, впрочемъ, минутъ только на пять; спѣшно выкуривъ папироску, повертѣвшись передъ каминомъ, они такъ же скоро исчезали. Всѣ входили совершенно безцеремонно; брали со стола сигары и папиросы и во всемъ поступали какъ у себя дома. Кто усаживался, укладывая удобно ноги на сосѣднее кресло, кто попросту разваливался на кушеткѣ противъ пылающаго камина, кто расхаживалъ взадъ и впередъ, пуская кверху дымъ, который расходился мутными, сѣрыми клубами, потому что самое утро было мутно, сѣро и ненастно. Всѣ они по большей части были товарищами Слободского по службѣ; нѣкоторые, подобно ему, вышли въ отставку; другіе ходили въ мундирахъ. Хозяинъ дома, заслонивъ себя отъ каминнаго жара стеклянными ширмами, располагался въ вольтеровскихъ креслахъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, съ чертами лица чрезвычайно правильными и красивыми, но уже замѣтно начинающими отцвѣтать. Военная служба не оставила на немъ ни малѣйшаго отпечатка; онъ такъ же изящно одѣвался и такъ же свободно двигался въ сѣрыхъ панталонахъ, сѣромъ жилетѣ и сѣрой жакетѣ англійскаго покроя, какъ будто вѣкъ не носилъ другого платья; въ пріемахъ его не было ничего жесткаго, натянутаго; во всей фигурѣ его, начиная съ маленькихъ, красивыхъ ушей и кончая бѣлой, нѣжной кистью руки, было что-то женственное, изнѣженное. Онъ казался усталымъ, хотя всего часъ назадъ вышелъ изъ постели. Слободской не переставалъ говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ; въ голосѣ его и во взглядахъ проглядывало однакожъ полнѣйшее равнодушіе, если не всегда къ предмету бесѣды, то всегда почти къ собесѣднику.

Слободской далеко не былъ мизантропомъ; равнодушіе его проистекало частію изъ жизненнаго опыта, частію изъ того также, что онъ никого не любилъ искренно изъ тѣхъ, съ кѣмъ постоянно жилъ и въ кругу которыхъ ежедневно вращался. Выраженіе: „mon ami, — il n'y a pas d'amis!“ изобрѣтеніемъ котораго былъ онъ очень доволенъ, повторялось имъ каждый разъ, какъ только слышалъ онъ слово—„другъ“. Слободской, тратившій большія деньги на обѣды, гдѣ за каждаго пріятеля приходилось иногда платить рублей тридцать и сорокъ, пожалѣлъ бы между тѣмъ

десять цѣлковыхъ, чтобы спасти пріятеля, которому случилось бы обкушаться на его обѣдѣ.

Онъ раздѣлялъ своихъ знакомыхъ и пріятелей на три разряда. Къ первому принадлежали лица, которыя въ самомъ дѣлѣ были къ нему привязаны и любили его; до сихъ поръ онъ встрѣтилъ одного только такого; но и того убили на Кавказѣ. Ко второму разряду причислялись тѣ, которые ѣздили къ нему ради удобствъ, хорошихъ сигаръ, надежды выгодно промѣнять лошадь, занять денегъ или ради того также, что надо же дѣться куда-нибудь и вертѣть языкомъ,—благо онъ существуетъ; третій родъ пріятелей состоялъ изъ лицъ, которыя положительно его ненавидѣли, но видѣлись съ нимъ, частью чтобы скрыть настоящія свои чувства, частью потому, что пошло, глупо расходиться съ человѣкомъ, не имѣя, кромѣ затаенной ненависти, другой, болѣе основательной причины.

Изъ числа послѣднихъ не было къ счастію ни одного между посѣтителями настоящаго утра: всѣ они по большей части принадлежали ко второй категоріи. Несмотря на положительную глупость многихъ изъ нихъ, каждый, повидимому, въ отношеніяхъ своихъ къ Слободскому стоялъ на настоящей точкѣ зрѣнія; никто не обманывался въ его чувствахъ; но никому, казалось, не было дѣла до этого, никто объ этомъ не заботился; каждый думалъ о себѣ самомъ, о своемъ удобствѣ, о хорошей сигарѣ; — и точно такъ же чувствовалъ къ хозяину самое полное равнодушіе.

Все это нисколько не мѣшало вести самую короткую, дружескую бесѣду.

XXXI.

— По-моему, одно изъ самыхъ главныхъ, самыхъ натуральныхъ чувствъ человѣка, — это чувство благодарности! говорилъ Слободской, продолжая начатый разговоръ и преимущественно обращаясь къ смуглому господину среднихъ лѣтъ, лежавшему на кушеткѣ съ сигарою въ зубахъ.—Человѣкъ, не имѣющій такого чувства, на мои глаза, существо недоконченное, что-то въ родѣ получеловѣка!... И вотъ именно этого-то чувства, — не весело въ этомъ сознаться, но надо говорить правду, — именно этого-то чувства не вижу я въ нашемъ простомъ народѣ...

Господинъ, лежавшій на кушеткѣ, выразительно усмѣхнулся.

— Я говорю такъ рѣшительно потому, что основываю

свои сужденія на собственномъ опытѣ, продолжалъ Слободской.—При покойномъ отцѣ, крестьянамъ моимъ было такъ плохо, какъ хуже быть не можетъ: отецъ почти безвыѣздно жилъ въ Парижѣ; въ имѣньяхъ распоряжались управляющіе, — грабили, разумѣется, и разоряли крестьянъ до невозможности; когда я вступилъ во владѣніе имѣньями, первымъ дѣломъ моимъ было искоренить весь старый порядокъ и злоупотребленія; я смѣнилъ управляющихъ, уничтожилъ барщину и посадилъ мужиковъ на оброкъ, зная, что такое положеніе для нихъ несравненно легче барщины. Сотни, тысячи помѣщиковъ берутъ двадцать, двадцать пять рублей и болѣе оброку; я назначилъ всего пятнадцать съ семейства, — съ тягла, какъ тамъ называютъ... Кажется, сдѣлано было все, что только можно сдѣлать! Какой же вышелъ результатъ? Крестьяне сдѣлались только неисправнѣе; съ перваго же года до настоящей минуты, я только и слышу, что о недоимкахъ и недочетахъ, чего прежде, при отцѣ, никогда не бывало!.. Далеко итти не зачѣмъ; я теперь болѣе мѣсяца безъ денегъ... Пишу, пишу,—недѣли проходятъ, прежде чѣмъ пришлютъ изъ той или другой конторы какихъ-нибудь четыре-пять тысячъ! Послѣ всего этого, поневолѣ прійдешь къ убѣжденію, что при снисходительномъ, гуманномъ, какъ говорятъ теперь, управленіи, народъ дѣлается только неисправнѣе и балуется; управлять имъ, какъ видно, можетъ только страхъ; горько сознаться,— но это такъ!..

— Что жъ вы хотите, Слободской, чтобъ я сказалъ вамъ на это?.. произнесъ небрежнымъ тономъ и по-французски господинъ, лежавшій на кушеткѣ, — мнѣ отвѣчать нечего; вы, по этому предмету, давно знаете мои убѣжденія!..

XXXII.

Убѣжденія этого господина заключались въ томъ, что онъ называлъ Россію непроходимою тундрой и отвергалъ въ русскомъ народѣ, котораго величалъ тунгусомъ, всякую способность къ развитію. Происходя изъ чисто-русской фамиліи Ипатовыхъ (невозможно, кажется, подозрѣвать примѣсь чего-нибудь иноземнаго), онъ ненавидѣлъ все русское, и нельзя было лучше польстить ему, какъ сказавъ, что онъ, по выговору, привычкамъ своимъ и наружности, представляетъ совершеннѣйшій типъ фран-

цуза или англичанина. Не имѣя понятія о самыхъ главныхъ основныхъ фактахъ отечественной исторіи, — фактахъ, извѣстныхъ почти каждому школьнику, не прочитавъ во всю жизнь ни одной русской книги, потому что, какъ самъ онъ говорилъ, вся русская литература не стоила маленькой комедіи Октава Фелье или пословицы Мюссе, оставаясь такъ же равнодушенъ, какъ какой-нибудь японецъ, къ самымъ живымъ событіямъ, совершающимся въ отечествѣ,—онъ въ то же время съ неимовѣрною жадностію поглощалъ иностранныя газеты, revue и брошюры.

Трудно найти человѣка, который былъ бы сильнѣе Ипатова, когда рѣчь заходила объ административномъ, политическомъ или финансовомъ вопросѣ Европы. Онъ зналъ имена всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей континента и Британіи и могъ сообщать мельчайшія подробности изъ ихъ біографіи. Пренія верхней и нижней палаты, виды англійской политики, подробности касательно борьбы виговъ и тори, направленіе наполеоновской политики, отношеніе французскаго государства къ восточному и итальянскому вопросу, политическое состояніе Австріи и Германіи,—все это занимало Ипатова и дѣйствительно знакомо было ему въ той самой степени, какъ мало знакома была Россія и вообще все отечественное.

Всего замѣчательнѣе, что Ипатовъ никогда не бывалъ за границей; всю свою жизнь провелъ онъ въ Петербургѣ, изрѣдка посѣщая Москву, чтобы повидаться съ теткой, надъ которой громко всегда смѣялся, называя ее княгиней Халдиной.

Онъ проводилъ время, читая или рыская по гостинымъ, гдѣ, на изящнѣйшемъ французскомъ нарѣчіи, разсказывалъ о ходѣ современныхъ европейскихъ дѣлъ, и каждый разъ, какъ представлялся случай, проливалъ потоки жёлчи, костя на чемъ свѣтъ стоитъ Россію.

Предположеніе, будто основаніемъ жёлчи служило оскорбленное самолюбіе, совершенно несправедливо; съ самой юности до настоящаго времени, не произошло съ Ипатовымъ рѣшительно ничего такого, что, хотя бы кончикомъ волоска, могло задѣть его самолюбіе. Другіе слагали причину его жёлчи и раздражительности на бѣдность, которую скрывалъ Ипатовъ тщательнѣе своихъ пороковъ, но и это не основательно; Россія виновата была въ этомъ, конечно, никакъ не болѣе Англіи, Франціи, Германіи, и т. д.

Въ послѣднее время Ипатовъ сдѣлался еще замѣтно терпимѣе; прежде онъ былъ рѣшительно невыносимъ. Манія его къ чужеземному доходила до того, что онъ никогда ни съ кѣмъ не хотѣлъ слова сказать по-русски; такъ, напримѣръ, во время обѣда, желая выпить стаканъ воды, онъ обращался всегда къ сосѣду и говорилъ по-французски: „Сдѣлайте милость, скажите лакею, чтобы налилъ мнѣ воды!“

Я самъ лично былъ свидѣтелемъ такого факта; хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ!

XXXIII.

— Я давно слышалъ, продолжалъ Слободской, закуривая новую сигару и опрокидываясь на спинку креселъ,— будто вся эта дикость, недобросовѣстность,—словомъ, весь этотъ нравственный упадокъ народа происходитъ отъ крѣпостного состоянія; я не защищаю его,—нѣтъ; но все-таки желательно бы знать, подхватилъ онъ, пуская струю дыма,—почему, несмотря на крѣпостное состояніе, которое началось не на прошлой недѣлѣ, въ прежнее время шло какъ-то исправнѣе; самый народъ былъ лучше и нравственнѣе?..

— Полно, пожалуйста, Слободской! съ жаромъ заговорилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, до сихъ поръ ходившій молча по кабинету.—Удивляюсь только, какъ можешь ты это говорить! Что теперь худо,—никто въ этомъ не сомнѣвается; но что прежде было хуже,—это такъ же вѣрно, какъ то, что ты теперь въ Малой Морской; дѣло въ томъ, что прежде жили мы въ невѣдѣніи счастливомъ, какъ говорится,—о Россіи понятія не имѣли; все было отъ насъ шито да крыто: теперь начинаемъ мы мало-помалу съ ней знакомиться...

Ипатовъ прислушивался къ рѣчи молодого человѣка, какъ къ чему-то очень забавному и вмѣстѣ съ тѣмъ достойному сожалѣнія; онъ считалъ всегда, что знакомство съ Россіей достигнуто въ совершенствѣ, когда произнесешь слово—„тундра“; по его мнѣнію, это легче было, чѣмъ выкурить папироску.

— Да, я утверждаю, подхватилъ тотъ же молодой человѣкъ съ прежнимъ оживленіемъ,—всему виновато крѣпостное состояніе; только оно одно могло постепенно привести въ такой упадокъ нравственность крестьянина...

— Эхъ, досадно, право, слушать, сказалъ, нетерпѣливо

вставая, плотный кавалерійскій ротмистръ съ рыжими бакенами, расходившимися вѣеромъ, — у меня даже кровь въ голову бросается, когда онъ начинаетъ проповѣдывать! Знаете ли вы, Лиговской, что русскій мужикъ во сто кратъ счастливѣе меня съ вами,—да-съ!..

— Вотъ это прекрасно...

— Да, счастливѣе, подхватилъ ротмистръ, багровѣя.— Что ему дѣлается! Хлебаетъ себѣ щи, пичкаетъ съ утра до вечера пироги и сметану, да на печкѣ валяется... А тутъ, подлѣ, жена... какая-нибудь толстая, бѣлая, румяная баба...

Всѣ засмѣялись, кромѣ Лиговского.

— Превосходно знаете вы, стало-быть, положеніе нашего простолюдина, произнесъ онъ, — не только не ѣстъ онъ пироговъ, но часто нечѣмъ печь истопить,—ту печь, на которой, по словамъ вашимъ, онъ весь день валяется!.. Слава Богу, мы начинаемъ теперь иначе смотрѣть на вещи; я думаю, нѣтъ теперь человѣка, который не ждалъ бы ото всей души скораго уничтоженія крѣпостного права; я увѣренъ, что какъ только...

— Лиговской! Лиговской!.. смѣясь, закричалъ хозяинъ дома, указывая на верхній косякъ двери.—Лиговской, посмотри... Ты, кажется, знаешь правило!..

Къ верхнему косяку пришпиленъ былъ булавкой кусокъ бумаги съ крупною надписью: „Здѣсь не говорятъ объ эманципаціи!"

— Скажи-ка лучше, подхватилъ Слободской,—ты, который часто видишься съ Берестовымъ, — разыгралъ ли онъ свою комедію, разошелся ли, наконецъ, со своей танцоркой?

— Нѣтъ, каждый день ссорятся, расходятся, потомъ мирятся и снова сходятся,—совершенно какъ старый Исаакіевскій мостъ, отвѣчалъ разсѣянно Лиговской,—мнѣ кажется, они вѣкъ проживутъ такимъ образомъ.

— Съ этими барынями всегда легче сойтись, чѣмъ разойтись... сказалъ Слободской. — Сначала онѣ ни за что какъ будто не хотятъ начинать; потомъ, какъ начнутъ, ни за что не хотятъ кончить! Это всегдашняя исторія... Скажи, пожалуйста, ну а графъ Пирхъ все еще влюбленъ?

— Развѣ онъ у тебя не бываетъ?

— Бываетъ, но только давно что-то блистаетъ своимъ отсутствіемъ.

— Влюбленъ попрежнему! Утромъ проѣзжаетъ своихъ лошадей мимо ея оконъ; въ шесть часовъ вечера провожаетъ ея карету до театра; послѣ театра торчитъ на театральномъ подъѣздѣ...

— Но какъ дѣло его? идетъ успѣшно?

— Кажется; не знаю только, чѣмъ кончится.

— Ничѣмъ не кончится! замѣтилъ ротмистръ.—Пирхъ въ конецъ промотался, — даромъ что нѣмецъ; говорятъ, онъ даже долговъ не платитъ...

— Ну, это еще не доказательство? Долги платятъ теперь одни только наслѣдники... и то въ первое время своего богатства... Увидите, господа, Пирхъ достигнетъ своей цѣли; тамъ, гдѣ другой беретъ браслетами, Пирхъ возьметъ терпѣніемъ... И наконецъ, что жъ мудренаго: оба они могутъ быть влюблены другъ въ друга...

— Какая тутъ любовь! перебилъ Лиговской съ тѣмъ же самымъ жаромъ, какъ говорилъ объ эманципаціи и состояніи народа,—какая любовь! — если есть что-нибудь у нихъ,—такъ просто обмѣнъ двухъ капризовъ.

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Ипатовъ, приподымаясь съ кушетки.—Какъ скоро рѣчь зашла о балетѣ и театрѣ, вы, по обыкновенію, никогда не кончаете,—прощайте, Слободской!..

— Прощайте! я тоже ухожу, вымолвилъ ротмистръ, пристегивая палашъ. — Ты не забылъ, Слободской, что обѣщалъ сегодня Острейху пріѣхать посмотрѣть его лошадей?

— Нѣтъ; но стòитъ ли? Хороши ли лошади?

— Знатные есть кони! Я купилъ у него верховую.

— Доволенъ?

— Не совсѣмъ... Лошадь во всѣхъ статьяхъ красива, проговорилъ ротмистръ, насупливая брови,—но я погорячился; нахожу въ ней сухость какую-то въ аллюрѣ; своего, природнаго въ ней мало... Понимаешь, братецъ, — нѣтъ подъ сѣдломъ фантазіи; фантазіи нѣтъ! Такъ ты пріѣдешь?

— Да, въ три часа, какъ обѣщалъ, отвѣчалъ Слободской, поглядывая на булевскіе часы, украшавшіе каминъ.

XXXIV.

Выходя изъ кабинета, Ипатовъ и ротмистръ встрѣтили въ дверяхъ камердинера, который несъ на подносѣ нѣсколько конвертовъ, запечатанныхъ казенною печатью.

— Сейчасъ съ почты принесли, проговорилъ камердинеръ, подавая ихъ барину.

Слободской распечаталъ одну повѣстку за другою, бѣгло взглянулъ на цифру, потомъ придвинулся къ столу, черкнулъ на обратной сторонѣ довѣренность на имя камердинера и велѣлъ ему, не медля ни минуты, съѣздить сначала въ полицію для удостовѣренія подписи, потомъ въ почтамтъ для полученія денегъ.

Камердинеръ вышелъ.

Въ общей сложности, повѣстки объявляли о полученіи изъ разныхъ губерній суммы въ пять тысячъ. Слободской ждалъ гораздо больше: въ другое время онъ жестоко бы разсердился и тотчасъ же написалъ бы громовое письмо въ главную свою контору. Но нынѣшнее утро застало его въ хорошемъ расположеніи духа. Это обстоятельство спасло главную контору, а слѣдовательно и все, что находилось въ ея зависимости, отъ передрягъ, суеты, безпокойствъ и даже притѣсненій всякаго рода.

Слезно прибѣгаемъ къ Провидѣнію, моля Его продлить хорошее расположеніе духа Аркадія Андреевича Слободского.

— Слушай, Лиговской, сказалъ Слободской, поворачивая кресла къ молодому человѣку, который стоялъ спиною къ камину, расправивъ въ обѣ стороны фалды сюртука,— я ждалъ ухода Ипатова и милѣйшаго изъ ротмистровъ, чтобы пригласить тебя сегодня въ ложу.

— Спасибо; все та же ложа — литера Ц съ лѣвой стороны?

— Да. Такъ ты пріѣдешь?

— Непремѣнно; но скажи, пожалуйста, весело подхватилъ Лиговской, — какъ идутъ твои собственныя дѣла съ маленькой Никошиной?.. О другихъ ты разспрашиваешь, о себѣ никогда ничего не скажешь...

— Мои дѣла, смѣясь, возразилъ Слободской,—мои дѣла пока еще въ будущемъ! Они ограничиваются, утромъ — прогулкою по Театральной улицѣ...

— Говорятъ — улица любви! съ комическимъ укоромъ подсказалъ Лиговской. — Вступивъ въ кругъ театраловъ, ты долженъ говорить ихъ языкомъ и называть вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Вечеромъ, когда балетъ, продолжалъ Слободской,— сижу въ ложѣ, гдѣ у насъ происходитъ стрѣльба...

— Которая, прибавь, идетъ очень удовлетворительно;

въ прошлый вторникъ, я сидѣлъ въ креслахъ; едва вошелъ ты въ ложу,—она не спускала съ тебя глазъ; стоя за кулисами, она также исправно на тебя пострѣливала... Прелесть, какая миленькая дѣвочка! Но я не объ этомъ... Мнѣ хотѣлось узнать, не приступишь ли ты къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ?

— Нѣтъ еще; до сихъ поръ не могъ даже хорошенько узнать, есть ли у нея какая-нибудь родственная обстановка...

— Да, это статья не послѣдняя!

— Еще бы!

— Надо бы попросить барыню Берестова разузнать объ этомъ... Но, впрочемъ, вотъ и Димъ! спроси у него. Здравствуй, Димъ!..

XXXV.

Восклицаніе это относилось къ молодому человѣку лѣтъ двадцати-трехъ, худенькому, тщедушному, но съ пріятнымъ лицомъ, исполненнымъ огня и одушевленія, не совсѣмъ обыкновенныхъ. Въ юношѣ этомъ было что-то особенное, — какая-то внутренняя притягательная сила, которая невольно влекла къ нему и располагала въ его пользу.

Онъ дѣйствительно любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его, — начиная съ лицъ высшаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, и кончая скромными кружками бѣдныхъ студентовъ и художниковъ. Лучшимъ доказательствомъ хорошей природы его служило то, что всеобщее баловство и своего рода популярность не имѣли на него никакого дѣйствія; онъ былъ скромнѣе, проще и добродушнѣе многихъ, никому невѣдомыхъ юношей, съ которыми водилъ дружбу и которая, скажемъ мимоходомъ, сильно не нравилась его отцу, матери и другимъ родственникамъ.

Предразсудки и обстоятельства его окружавшіе служили съ раннихъ лѣтъ преградою всѣмъ его стремленіямъ, не дали развиться ни одному изъ его талантовъ, лишили его всякаго направленія; онъ ни на чемъ не остановился. А между тѣмъ, уже по одному тому, за что брался онъ иногда,—видно было, что̀ могло бы выйти изъ него при другихъ условіяхъ. Никогда не учась рисовать, онъ набрасывалъ эскизы и композиціи, которые обличали богатоодаренное воображеніе и сильное артистическое чутье; не

учась никогда музыкѣ, онъ бѣгло разыгрывалъ à livre ouvert какіе угодно пассажи, игралъ на память цѣлыя оперы: врожденное музыкальное дарованіе высказывалось въ его вкусѣ, въ способности быстро понимать и сильно чувствовать истинно хорошее,—даже въ манерѣ пѣть романсы, которые передавалъ онъ часто лучше многихъ извѣстныхъ артистовъ. Артистическая природа еще сильнѣе выказывалась въ его разговорѣ, отличавшемся живописностью и пластикой; двумя-тремя мѣткими выраженіями умѣлъ онъ обрисовать живую фигуру или перенести слушателя въ тотъ кругъ, который хотѣлъ изобразить. Принимаясь за книгу случайно, урывками, онъ прочелъ очень много: и здѣсь точно такъ же выборъ его—показывалъ вкусъ и вѣрное чутье. Словомъ, если бъ раздѣлить дарованія этого юноши между пятью французами и пятью англичанами,—вышло бы навѣрное десять замѣчательныхъ людей. Изъ Дима ничего не вышло; вышелъ только милый, умный, занимательный малый, который съ шестнадцати лѣтъ рисовалъ карикатуры въ альбомы барынь высшаго круга, пѣлъ романсы и цыганскія пѣсни въ обществѣ камелій, былъ необходимымъ членомъ всѣхъ холостыхъ обѣдовъ и попоекъ, являлся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, скачкахъ и празднествахъ, на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ съ актрисами, лоретками и цыганками,— гдѣ снова пѣлъ романсы, танцовалъ, произносилъ комическіе спичи и пилъ наравнѣ съ самыми застарѣлыми питуками веселыхъ сборищъ.

Папенька его, въ это время, неизбѣжно сидѣлъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ провелъ болѣе двадцати лѣтъ своего существованія; маменька, которой давно минуло за сорокъ, сидѣла въ театрѣ, или разряженная въ пухъ и прахъ, въ manches courtes и décolletée, вертѣлась на какомъ-нибудь балѣ, окруженная роемъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ одинъ особенно отличался всегда своимъ постоянствомъ.

Димъ, настоящее имя котораго было Дмитрій, а фамилія графъ Волынскій,—вошелъ не одинъ къ Слободскому. Его сопровождалъ тоже молодой человѣкъ, но только плотный, коренастый, съ крутыми огромными икрами, выпяченной грудью, коротенькой шеей и шарообразною головою, обстриженной подъ гребенку. Господинъ этотъ, по фамиліи Свинцовъ, былъ фанатическимъ поклонникомъ Волынскаго; онъ точно влюбленъ былъ въ него до идіот-

ства; онъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, стремительно летѣлъ туда, гдѣ могъ быть Волынской,—словомъ, не могъ безъ него обходиться; каждое слово Волынскаго, каждая его выходка, каждая плохая острота имѣли свойство приводить Свинцова въ восторгъ и восхищенье неописанные.

— Здравствуй, Димъ! ты какъ нельзя кстати, сказалъ Слободской, здороваясь съ Волынскимъ и пожимая руку Свинцову, котораго называлъ всегда субъектомъ, вполнѣ достойнымъ своей фамиліи, — мы говорили здѣсь съ Лиговскимъ о Фанни Никошиной...

— За которой онъ звѣрски ухаживаетъ, хотя и скрываетъ это! подсказалъ Лиговской.

— Положимъ!.. перебилъ Слободской.—Я до сихъ поръ не знаю, есть ли у ней родня какая-нибудь, папенька, маменька, бабушки, тетушки и т. д., проговорилъ онъ съ комической интонаціей.

— Если ты точно влюбленъ—не испытывай, пожалуйста, моей деликатности, сказалъ Димъ, улыбаясь,—спроси лучше, хорошенькія ли у ней ножки; мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ тебѣ отвѣтить...

— О ея ножкахъ я и безъ тебя знаю!.. Изъ того, что ты говоришь, я долженъ слѣдовательно заключить, что Фанни обременена многочисленнымъ и, вдобавокъ, что всего прискорбнѣе, добродѣтельнымъ семействомъ...

Вмѣсто отвѣта, Волынскій подошелъ къ роялю, сѣлъ на табуретъ и взялъ нѣсколько аккордовъ.

Свинцовъ засуетился, поспѣшно поставилъ каску и подошелъ къ роялю.

— Я лучше спою вамъ вещь, которую оба вы, и ты, и Лиговской, вѣрно не слыхали...

— О, это превосходно!.. Восхитительно!.. Какъ онъ поетъ это, господа!.. Послушайте, это просто—просто восхитительно! произнесъ Свинцовъ, сіяя весь съ головы до ногъ безсмысленнымъ восторгомъ.

— Свинцовъ, я уже сказалъ тебѣ разъ навсегда, — меньше восторга и больше скромности въ отношеніи ко мнѣ, сказалъ Волынскій, откашливаясь.

— Что это такое? спросили Лиговской и хозяинъ дома.

— „La chanson du pain“ Пьера Дюпона:

„Quand dans l'air et sur la rivière
De moulins se tait le tic-tac —“

— Слушайте!

Но не успѣлъ онъ спѣть первой фразы, какъ въ кабинетѣ неожиданно явилось новое лицо.

XXXVI.

На этотъ разъ предсталъ господинъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, высокій, плотный, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, по-военному. Лицо его, брюзглое и морщинистое, какъ печеное яблоко, украшалось сверху коротко обстриженными волосами, посрединѣ круто завинченными усами; и то, и другое было такъ дурно выкрашено черною краской, что всюду просвѣчивала сѣдина и рыжеватый корень; золотые очки и коричневыя перчатки, которыя такъ были широки, что сами собою сползали съ пальцевъ, дополняли его наружный видъ.

— А, князь! закричали присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Bonjour! отвѣчалъ съ какимъ-то недовольнымъ, нахмуреннымъ выраженіемъ князь, поочередно пожимая всѣмъ руки.

— Что съ вами? Вы сегодня, кажется, не въ духѣ, спросилъ Слободской.

— Нѣтъ... ничего... возразилъ князь, насупливая брови.

— Полно врать, пожалуйста! крикнулъ Волынскій, который со всѣми рѣшительно, даже съ дряхлыми стариками, былъ на ты,—всѣ знаютъ, что такое!..

— Если знаете, стало-быть, спрашивать нечего! сухо возразилъ князь, принимаясь ходить изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Самъ разсуди, братецъ, началъ Волынскій, умышленно-серьезнымъ тономъ, — какъ же ты хочешь, чтобы Фисочка Вишнякова, которой, скажемъ мимоходомъ, протежируешь ты чортъ знаетъ изъ чего, нашла себѣ обожателя? Не самъ ли ты увѣрилъ ее, что у нея есть талантъ, бѣгалъ къ театральному начальству и хлопоталъ, чтобы перевели ее изъ балета въ Александринскій театръ; кто ее тамъ увидитъ? Останься она въ балетѣ — другое дѣло!.. И, наконецъ, талантъ ея совсѣмъ не изъ тѣхъ, который можетъ обратить на нее вниманіе...

— Совсѣмъ не о талантѣ рѣчь! съ жаромъ заговорилъ князь,—я говорю только,—вотъ дѣвушка съ самыми блистательными условіями, молоденькая, хорошенькая, ангельски-кроткаго характера, не имѣющая никакого родства, кромѣ старой бабушки, которая безвыѣздно живетъ

въ Кронштадтѣ, и при всемъ томъ, дѣвушка эта никого не находитъ, кто бы обратилъ на нее вниманіе! Да знаете ли вы: elle n'a pas de chemises! понижая голосъ и съ сильнымъ драматическимъ оттѣнкомъ, добавилъ князь, не замѣчавшій, что присутствующіе переглядывались и посмѣивались.

— Ну, такъ купи ей дюжину рубашекъ — и дѣлу конецъ! сказалъ Волынскій.

— Не могу же я одѣвать всю дирекцію! возразилъ князь патетически, — да, господа, это просто срамъ! подхватилъ онъ съ возраставшимъ негодованіемъ.—Въ прежнее время этого бы не случилось! Нынѣшняя молодежь— просто дрянь!.. Да!.. Это какія-то вялыя сосульки, и больше ничего! Я не могу говорить... объ этомъ равнодушно... Это... просто чортъ знаетъ что такое!

Всего замѣчательнѣе было то, что князь въ негодованіи своемъ былъ какъ нельзя болѣе искрененъ. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ театральномъ обществѣ, въ пользу котораго отказался отъ своего собственнаго, онъ такъ съ нимъ сблизился и сроднился, такъ усвоилъ себѣ закулисную точку зрѣнія, что не шутя принималъ къ сердцу судьбу каждой неустроенной молоденькой танцовщицы или актрисы; онъ бился и хлопоталъ изо всей мочи, чтобы какъ-нибудь уладить дѣло. Для этого онъ давалъ у себя обѣды, устраивалъ танцовальные вечера, куда приглашалась молодежь и театральныя дамы, сочинялъ пикники, составлялъ въ лѣтнее время разныя увеселительныя прогулки, катанья въ лодкахъ, и проч., и проч. Князь крестилъ почти во всѣхъ устроенныхъ имъ семействахъ. Когда, съ его точки зрѣнія,—которая, какъ мы уже сказали, была закулисная точка зрѣнія,—удавалось ему устроить судьбу какой-нибудь Ашеньки, Пашеньки или Глашеньки, онъ на нѣсколько дней совершенно перерождался, расправлялъ брови, не переставалъ мурлыкать подъ носъ какія-то пѣсенки и крѣпко потиралъ ладонями отъ восхищенья; весело постукивая тростью по плитамъ невскаго тротуара, князь подходилъ тогда къ каждому знакомому и, радостно потирая руками, произносилъ:

— L'affaire est arrangée! Nous avons baclé l'affaire!

XXXVII.

— Знаешь, князь, сказалъ Волынскій, перебирая клавиши,—не шутя тебѣ совѣтую,—напусти-ка ты стараго Галича на свою protegée...

— Ну его, стараго шута!

— Представьте, господа, этотъ старикашка, Галичъ, не шутя, кажется, рехнулся! сказалъ Волынскій.—Вчера сидѣлъ я съ нимъ въ ложѣ князя; на сцену выходитъ Цвѣткова; клянусь вамъ, она ни разу на насъ не взглянула; напротивъ, умышленно даже отворачивалась; князь, который на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за Галича, потому что первый втравилъ его въ театръ и волокитство,—князь говоритъ ему:—„ты ничего не замѣчаешь, она съ тебя глазъ не сводитъ!“ Смотрю, Галичъ закрылъ вдругъ глаза, припалъ головою къ перегородкѣ ложи и, пожимая намъ нѣжно руки, проговорилъ глухимъ, потухающимъ голосомъ:—„merci, merci!..“

Всѣ засмѣялись. Самъ князь улыбнулся, и съ той минуты словно повеселѣлъ.

— Но лучше всего, это исторія съ поэмой...

— Какой поэмой? спросилъ Лиговской.

— Какъ! развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Галичъ, котораго опять-таки подбилъ князь,—сунулся на подъѣздъ актеровъ послѣ спектакля и сказалъ Цвѣтковой какой-то комплиментъ... Та что-то ему отвѣтила, надо думать пріятное, потому что Галичъ въ тотъ же вечеръ полетѣлъ къ старухѣ, сестрѣ своей, и наотрѣзъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи жениться на Цвѣтковой! Бѣдная старуха, говорятъ, покатилась на диванъ, и часа два не могли привести ее въ чувство... Дня четыре назадъ, сидимъ мы послѣ обѣда у князя,—является Галичъ. Въ жизни не видалъ я болѣе уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкой фигуры...

Волынскій подогнулъ колѣни, повѣсилъ голову на-бокъ и такъ поразительно живо представилъ Галича,—что всѣ снова разразились смѣхомъ.

— Князь, которому Галичъ сообщилъ уже свою поэму въ честь Цвѣтковой, началъ его упрашивать прочесть намъ ее; я думалъ, старикъ начнетъ ломаться,—ничуть не бывало! Онъ беретъ восторженную, самодовольную позу и начинаетъ декламировать... Больше всего, промолвилъ, смѣясь, Волынскій,—больше всего понравились мнѣ слѣдующіе стихи:

„Я на Араратъ ее поставлю,
И весь міръ думать заставлю:
— Вотъ та, которую я люблю!!“

— Не правда ли, это прелесть! я тотчасъ же и музыку сочинилъ... Что-то торжественное, во вкусѣ марша Черномора изъ „Руслана и Людмилы“... заключилъ Волынскій, подходя къ роялю въ сопровожденіи Свинцова.

— Пой, я пока одѣнусь: меня ждутъ въ три часа, сказалъ Слободской, направляясь къ уборной.

Онъ возвратился, однакожъ, увидѣвъ камердинера, входившаго съ толстыми пакетами, запечатанными пятью печатями.

Слободской сорвалъ обертки, положилъ деньги въ столъ и, заперевъ его ключикомъ, который носилъ всегда въ карманѣ,—ушелъ въ уборную.

Въ продолженіе четверти часа долетали до его слуха звуки фортепіано и пѣніе, прерываемое время отъ времени криками—„браво“ и громкимъ хлопаньемъ.

— Господа, произнесъ Слободской, выходя въ кабинетъ совсѣмъ уже одѣтый, — я предлагаю вамъ сдѣлать мнѣ сегодня маленькое удовольствіе... Сегодня, какъ вамъ извѣстно,—балетъ; пріѣзжайте всѣ ко мнѣ въ ложу; ложа обыкновенная—литера Ц съ лѣвой стороны.

— Господа, вмѣшался Лиговской, — отказать ему нѣтъ возможности! Знаете сами, какой день сегодня; сегодня Фанни Никошина,—нечего объяснять вамъ, какое значеніе имѣетъ она для хозяина дома сего,—Фанни танцуетъ сегодня свое первое па... Это нѣкоторымъ образомъ ея дебютъ!

— Еще бы! непремѣнно! Просить нечего! заговорили присутствующіе, съ участіемъ окружая Слободского, который смѣялся, какъ человѣкъ, которому ничего больше не оставалось дѣлать.

— Господа, да будетъ вамъ извѣстно, сказалъ окончательно развеселившійся князь, — я пріѣду въ ложу первымъ; безъ букета никто не впускается; „c'est de rigueur!“

— Спасибо, князь! вымолвилъ Слободской, — я прошу васъ объ этомъ, господа, не столько для своихъ цѣлей, сколько, не шутя, для того, что надо же поощрить молоденькій, начинающій талантъ.

— Знаемъ! знаемъ! замѣтилъ Волынскій.

Всѣ снова засмѣялись.

Слободской позвонилъ, открылъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько ассигнацій.

— Сходи сію же минуту къ Казанскому собору въ цвѣточную лавку, сказалъ онъ, подавая деньги вошед-

шему камердинеру,—спроси два лучшихъ букета изъ бѣлыхъ камелій,—не забудь: бѣлыхъ камелій! Скажи только хозяину: для господина Слободского,—онъ знаетъ! А что, коляска готова?

— Готова.

— Ну, господа, извините; надо ѣхать; далъ слово, заключилъ онъ, поглядывая на часы.

Всѣ взялись за шляпы и вышли изъ кабинета вмѣстѣ съ хозяиномъ дома.

XXXVIII.

Острейхъ жилъ въ Сергіевской. Слободской проскакалъ слѣдовательно по всему Невскому и Литейной въ тотъ часъ именно, когда на первой изъ этихъ улицъ, даже въ дурную погоду, бываетъ особенно людно. Коляска произвела свой всегдашній эффектъ.

Онъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на страшной парѣ вороныхъ, которыхъ охотники называли „чертями и дьяволами", а остальные смертные — „лошадьми непозволительнаго свойства", — и при этомъ всегда бранили полицію, позволяющую скакать по городу во всѣ лопатки. Такія жалобы не совсѣмъ были справедливы; полиція нисколько не была виновата, что коляска Слободского опрокидывала извозчичьи дрожки, разъ задѣла четырехъ подмастерьевъ со шкапомъ на головѣ, а разъ совсѣмъ сбила съ ногъ и чуть не задавила какую-то старушку, проходившую черезъ улицу. Полиція неоднократно отбирала лошадей у Слободского. Слободской ограничивался тѣмъ, что смѣнялъ кучера, покупалъ новую отличную пару, промѣнивалъ ее на свою прежнюю, и снова „черти и дьяволы" появлялись на Невскомъ.

Слободской вовсе не думалъ встрѣтить у Острейха многочисленную компанію. Когда онъ пріѣхалъ, общество находилось въ конюшнѣ: тамъ началась уже выводка и продажа.

На свою долю Слободской купилъ маленькаго англійскаго пони; онъ вовсе не былъ ему нуженъ, но такъ ужъ пришлось,—съ языка сорвалось, какъ говорится. Пріобрѣтеніе пони внушило Слободскому мысль заказать легонькій кабріолетъ, въ которомъ, не обременяя маленькаго коня и сидя только съ грумомъ, можно было бы ѣздить въ лѣтнее время на острова и посѣщать мысъ Елагина острова. Съ такою мыслью, Слободской, привыкшій испол-

нять свои прихоти и фантазіи тотчасъ же, не откладывая минуты, отправился къ своему каретнику.

Оттуда проѣхалъ онъ въ Большую Милліонную къ сестрѣ, съ которой не видался болѣе восьми дней.

Сестра его была женою великолѣпнаго, блистательнаго господина, который задавалъ каждую зиму роскошные балы и праздники, куда съѣзжался весь городъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ постоянно безъ гроша денегъ, такъ что въ послѣдніе два года, несмотря на строжайшія предписанія докторовъ, не находилъ никакой возможности отправить жену и дѣтей въ Гапсаль для излѣченія здоровья.

Отъ сестры Слободской проѣхалъ къ одной свѣтской дамѣ, которой говорилъ „вы“ при мужѣ и „ты“, когда супругъ находился въ отсутствіи. Онъ ѣхалъ къ ней единственно съ тою цѣлью, чтобы только показаться на глаза и этимъ способомъ избавить себя, хоть на время, отъ преслѣдованій и длинныхъ писемъ, исполненныхъ опасеній, упрековъ, и часто, — что было всего невыносимѣе, — писемъ закапанныхъ слезами. Связь эта, продолжавшаяся всего десять мѣсяцевъ, но стоившая ему три года постоянныхъ и почти безнадежныхъ ухаживаній, — страхъ теперь ему прискучила и была въ тягость. Онъ бросился въ театральство и распускалъ слухъ о волокитствѣ за маленькой Фанни, въ той надеждѣ, что это, по всей вѣроятности, дойдетъ до дамы его сердца и ускоритъ между ними разрывъ.

Узнавъ отъ швейцара, что барина нѣтъ дома, но барыня принимаетъ, Слободской, который прежде послѣ такого извѣстія радостно взбѣгалъ по лѣстницѣ,—страшно теперь надулся. Онъ надулся еще болѣе, заставъ барыню совершенно одну.—„Хоть бы лакей какой-нибудь торчалъ въ дверяхъ!..“ досадливо подумалъ онъ, ожидая начала докучливыхъ объясненій. Онъ не ошибся: дѣйствительно, началась одна изъ тѣхъ сценъ, когда женщина, чувствуя себя оскорбленною, но столько еще любящая, что мысль о разлукѣ тяжелѣй всего переносится, забываетъ вдругъ всю мелочь самолюбія и явно, не скрываясь, отдается своему горю. Но странно, чѣмъ справедливѣе были ея упреки, чѣмъ обильнѣй лились слезы, тѣмъ болѣе и болѣе ожесточалось сердце Слободского, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ его груди чувство досады и даже злобы. Наконецъ онъ всталъ, произнесъ мелодраматическимъ тономъ: —

„Encore des larmes, madame! Encore des reproches! C'est horrible vraiment!...“—и торопливо вышелъ.

Онъ заѣхалъ еще въ два дома, чтобы оставить карточку, и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе въ Малую Морскую. Ему оставалось ровно столько времени, чтобы успѣть переодѣться. Онъ ѣхалъ на полу-офиціальный именинный обѣдъ, который можно было бы назвать обѣдомъ проклятій, потому что тотъ, кто давалъ обѣдъ, проклиналъ его еще за три дня,—и тѣ, которыхъ звали, также проклинали его въ свою очередь.

Тѣмъ не менѣе обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше, хозяинъ и хозяйка дома были очаровательно любезны; гости также, и всѣ весело встали изъ-за стола, помышляя объ одномъ только: какъ бы поскорѣе удрать, не обижая хозяина, который съ своей стороны думалъ: какъ бы только поскорѣе освободиться!

Слободской ускользнулъ первымъ. Онъ заѣхалъ опять домой и снова переодѣлся.

— Въ Большой театръ! закричалъ онъ, влѣзая въ карету, которая стремглавъ понеслась, едва захлопнулись дверцы.

XXXIX.

Туманъ, который опустился на Петербургъ часамъ къ семи, былъ такъ густъ, что карета нѣсколько разъ должна была останавливаться, — частью, чтобы не налетѣть на другіе экипажи, катившіе по тому же направленію, — частью потому также, что лошади скользили и спотыкались на торцѣ, увлаженномъ сыростью. На театральной площади было еще хуже. Сотни экипажей стремительно неслись на площадь и храбро врѣзывались въ туманную мглу, которая ходила волнами и постепенно сгущалась; ничего нельзя было различить. Слышались только со всѣхъ сторонъ крики, неистовый грохотъ колесъ и быстрый лошадиный топотъ.

Бо̀льшей возни и суматохи не могло быть, кажется, на днѣ Краснаго моря, когда волны его, разступившись стѣною, вдругъ сомкнулись и закрыли фараоново войско.

Все это выпутывалось какимъ-то чудомъ и подкатывало къ ярко-освѣщеннымъ подъѣздамъ. Изъ экипажей поминутно выходили воздушныя, какъ сильфиды, дамы, которыя быстро исчезали въ дверяхъ, распространяя въ воздухѣ тонкій, благоухающій запахъ фіалки, ess-bouquet и

геліотропа. Въ коридорахъ было почти такъ же жарко, какъ было сыро и холодно на улицѣ. Тамъ уже съ трудомъ можно было двигаться. Львы и денди всѣхъ возможныхъ возрастовъ и слоевъ общества, офицеры всѣхъ возможныхъ полковъ, дамы, молоденькія и старыя, въ бальныхъ нарядахъ, ливрейные лакеи и капельдинеры,— все это двигалось взадъ и впередъ, взбиралось по лѣстницамъ и хлопало дверьми ложъ и партера.

Въ залѣ, наводненной свѣтомъ, было еще шумливѣе. Поминутно, то тутъ, то тамъ, ряды ложъ унизывались хорошенькими женщинами, блиставшими своими нарядами, плечами и драгоцѣнными каменьями. Хорошо было, что съ перваго взгляда доставлялась возможность вѣрно судить о томъ, чѣмъ именно слѣдовало любоваться; выставлялось только то, что дѣйствительно заслуживало вниманія; здѣсь, при всемъ желаніи усмотрѣть что-нибудь другое, — можно было видѣть одну только профиль; тутъ показывалась на всеобщее удивленье часть спины, отъ которой рябило въ глазахъ и сладко вздрагивало сердце; тамъ поражала чудная бѣлизна руки съ обнаженнымъ локтемъ, который привлекательно лоснился на красномъ бархатѣ перилъ. Иногда въ той или другой ложѣ усаживалась въ кресло ветхая фигура, представлявшая одну груду драгоцѣнныхъ камней, которые блескомъ своимъ привлекали на минуту всеобщее вниманіе.

Въ глубинѣ ложъ, не считая постоянныхъ лицъ, общество то-и-дѣло смѣнялось; множество мужчинъ, старыхъ и молодыхъ, со звѣздами и безъ звѣздъ, статскихъ и военныхъ, желая до начала представленія воспользоваться свободнымъ временемъ, спѣшили отдать свои визиты и пробирались изъ яруса въ ярусъ. Въ качествѣ гостей, въ ложи являлись иногда мужья; повертѣвшись съ минуту, они спѣшили исчезнуть, чтобы скорѣе занять свое мѣсто въ креслахъ—и оставляли за спиною женъ изящнѣйшихъ молодыхъ людей, которымъ жены давали держать букетъ, бинокль, бросая на нихъ украдкою нѣжные, выразительные взгляды.

Въ половинѣ осьмого, зала театра окончательно наполнилась; въ партерѣ не было уже свободнаго мѣста. Начинали чувствоваться жаръ и духота; въ разныхъ концахъ раздавалось хлопанье и шумѣли ногами, требуя, чтобы скорѣе подняли занавѣсъ. Звуки инструментовъ, которые настраивали въ оркестрѣ, говоръ въ ложахъ и

креслахъ, шумъ шаговъ, хлопанье,—все это замѣтно угомонилось, какъ только въ оркестрѣ появился капельмейстеръ.

Въ то же время, въ литерной ложѣ налѣво—выставились впередъ Слободской, князь Лиговской и Волынскій, за спиною котораго показалось сіяющее безсмысленной веселостью лицо Свинцова.

Наконецъ, грянулъ оркестръ, проиграли увертюру, и при внезапно-воцарившемся молчаніи подняли занавѣсъ. Въ залѣ сдѣлалось свѣжѣе, точно пахнуло свѣжестью изъ роскошнаго тропическаго лѣса, изображеннаго на декораціи.

Несмотря на величавыя тѣлодвиженія индійскаго набоба, котораго невольники принесли въ паланкинѣ, несмотря на изумительные прыжки вновь ангажированнаго бордоскаго танцора, — тишина въ залѣ не прерывалась до той минуты, пока изъ-за кулисы не выбѣжала маленькая Фанни. Сигналъ аплодисментамъ, поданный изъ литерной ложи налѣво, былъ тотчасъ же подхваченъ въ креслахъ и другихъ частяхъ залы, гдѣ разсажены были агенты Слободского. Каждое движеніе Фанни сопровождалось криками „браво“ и хлопаньемъ; наконецъ, когда послѣ не совсѣмъ удавшагося пируэта остановилась она и поклонилась публикѣ,—къ ногамъ ея упала цѣлая дюжина букетовъ, брошенныхъ изъ знакомой литерной ложи; въ числѣ букетовъ особенно бросались въ глаза два изъ бѣлыхъ камелій, стоившіе пятьдесятъ рублей,—кто знаетъ, можетъ-быть тѣ самые пятьдесятъ рублей, добытіе которыхъ произвело (если помнитъ читатель) — цѣлую драму въ семействѣ стараго Карпа, изъ Антоновки...

Но не время ли намъ остановиться, и здѣсь — именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ—окончить нашу повѣсть?

Намъ, конечно, ничего бы не стоило описать, какъ Слободской и его общество отправились послѣ спектакля на театральный подъѣздъ, какъ веселились они на вечерѣ у m-lle Emilie, какъ потомъ отправились всѣ вмѣстѣ ужинать къ Борелю и какъ наконецъ, часу уже въ третьемъ ночи, поѣхали всей гурьбой къ цыганамъ; — но веселое расположеніе автора вдругъ измѣнило ему; онъ извиняется передъ читателями, которые останутся недовольны такимъ рѣзкимъ окончаніемъ, и скорѣе ставитъ точку.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Оглавленіе VIII тома.

стр.

Скучные люди. Физіологическій очеркъ. 5

Очерки современныхъ нравовъ. Юмористическія замѣтки. . 39

Въ ожиданіи парома. Разсказъ. 84

Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. 123

Кошка и мышка. Повѣсть. 159

Пахатникъ и бархатникъ. Повѣсть 230

12.12.26

7

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Grigorovič, Dmitrij Vasil'evič,

Polnoe sobranie sočinenij

Bd.: 8

1896

P.o.russ. 21 e-8
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819656-0